

ОРДЕНА ЗНАК ПОЧЕТА ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ УФИЦ РАН (Уфа)
ФГБОУ ВО "БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ"
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН (С-Петербург)
РОССИЙСКИЙ ГОС. ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (Москва)
ФГБОУ ВО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (Челябинск)

«Мужской и женский мир в отражении археологии»
Материалы Всероссийской с международным участием конференции
г. Уфа, 19-21 ноября 2018 г.

Уфа - 2018

УДК 902/904

Утверждено к печати Ученым советом ИИЯЛ УНЦ РАН 8 ноября 2018 г.

Редакционная коллегия: Я.В. Рафикова (отв.ред.), М.Е. Килуновская, Е.В. Куприянова, С.А. Яценко

Рецензенты: кандидат исторических наук В.А. Алекшин, кандидат исторических наук В.В. Овсянников

КАМЕННЫЙ ВЕК

ПОГРЕБЕНИЯ В ЗАБРОШЕННЫХ ЖИЛИЩАХ: СПЕЦИФИКА РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В ПЕРИОД СРЕДНЕГО ДЗЁ:МОНА, ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЯПОНИЯ

© 2018. *Иванова Дарья Александровна (Nightliro@bk.ru)*
© 2018. *Табарев Андрей Владимирович (olmec@yandex.ru)*
ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск, Россия

Аннотация: Работа посвящена исследованию уникального культурного феномена – практики захоронения внутри жилищных котлованов (или «хайокубо»), которая получила распространение во второй половине среднего – первой половине позднего дзё:мона (4 500 – 4 200 л.н.)¹ на территории центральной части о. Хонсю. Авторы проводят детальный анализ особенностей данного варианта погребений, которые известны по материалам комплексов с раковинными кучами региона Канто. В качестве основной идеи авторы рассматривают связь между «жилым» и «нежилым» пространством в контексте погребального комплекса. В свою очередь, практика «хайокубо» может быть интерпретирована как погребение умерших в пределах жилищ, в которых они проживали ранее.

Ключевые слова: Японский архипелаг, средний дзё:мон; ритуальная практика, захоронения в жилищах

В погребальной традиции среднего дзё:мона (5 300 – 4 400 л.н.) можно выделить как практику первичных захоронений, так и практику вторичного погребения, которая появляется во второй половине – конце среднего дзё:мона. Второй вид ритуальной практики активно развивается в последующие периоды – поздний и финальный дзё:мон (4 400 – 2 300 л.н.) [Matsumoto et al., 2017. P. 438].

Погребальная традиция среднего дзё:мона весьма разнообразна, начиная с общих для эпохи дзё:мон вариантов погребения – практики захоронения умерших в грунтовых могилах и глиняных сосудах, и заканчивая появившимися исключительно в этот период типами погребений: захоронения в заброшенном жилище; погребения, сопровождаемые конструкциями из камня (насыпи и выкладки); погребения в каменном ящике; вторичные захоронения в погребальных урнах; захоронения по обряду кремации и погребения в хозяйственных ямах.

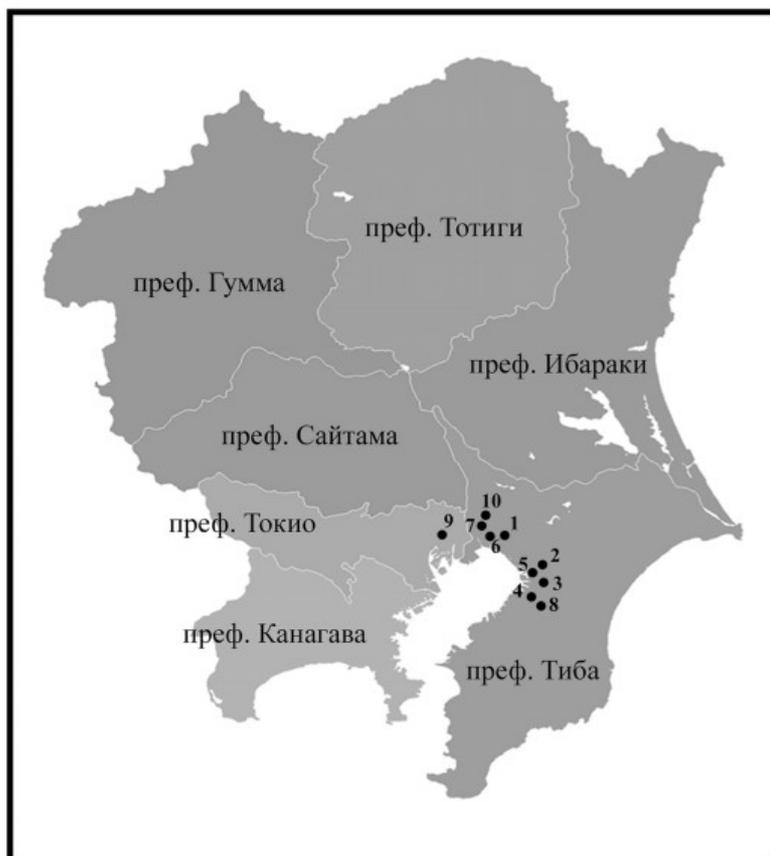
Как отдельный вид ритуальной практики, японские исследователи выделяют практику захоронения в заброшенных жилищах, или «хайокубо», которая появляется во второй половине среднего – первой половине позднего дзё:мона, на территории региона Канто (Токийский залив). Данный вариант представляет собой размещение человеческих останков на поверхности пола жилищного котлована, и традиционно фиксируется внутри комплексов с раковинными кучами. В одних случаях, тела укладывались непосредственно на пол

¹ Здесь и далее по тексту используются калиброванные даты

полуземлянки, а после засыпались слоем раковин. В других случаях, могилы выкапывались внутри раковинных куч, которые формировались на месте старых жилищных котлованов [Набу, 2004. Р. 166].

1

2

Рис. 1. 1 – Карта Японского архипелага;

2 – Карта региона Канто, с указанием раковинных куч, представленных в работе:

1 – Убаяма; 2 – Касори Кита; 3 – Ариёси Минами; 4 – Кусакари; 5 – Муко:дай; 6 – Нэго:; 7 – Накабё:; 8 – Ямакура; 9 – Сэндаги; 10 – Ковасимидзу.

Случаи фиксации костных останков внутри жилищных котлованов известны по материалам раковинных куч региона Канто: Убаяма (жилище № 1, преф. Тиба); Касори Кита (жилище № 29, преф. Тиба), Ариёси Минами (жилище № 354, преф. Тиба), Кусакари (жилища №№ 202, 228, 516, преф. Тиба), Муко:дай (жилище № 22, преф. Тиба), Нэго: (жилище № J-5, преф. Тиба), Накабё: (жилища № 1 и № 2, преф. Тиба), Ямакура (жилище № 3, преф. Тиба), Сэндаги (жилище № 3, преф. Токио) [Такахаси, 2007. С. 45-57. Рис. 1].

Первые свидетельства фиксации данного вида ритуальной практики относятся к 1926 г., и выделены археологом Миясака Ко:дзи по материалам раковинной кучи Убаяма. Во время разбора жилищного котлована № 1, на поверхности пола, вдоль юго-западной стены,

были обнаружены костные останки пяти умерших, засыпанные слоем раковин [Там же, с. 46. Рис. 2, а].

Внутри погребальной практики захоронения в заброшенных жилищах можно выделить два подвида: коллективные погребения и одиночные захоронения. В обоих случаях встречаются как первичные захоронения, так и практика вторичных манипуляций с телом умершего. Зачастую оба варианта используются внутри одного захоронения, как в случае с памятником Кусакари.

Коллективные захоронения, или дословно с японского языка «захоронения с множеством останков», имеют свою специфику. При первичном захоронении, встречаются варианты, когда тело покойного уложено на спину, с согнутыми в коленях ногами (раковинные кучи Убаяма и Нэго:) (Рис. 2, а, в). В других случаях, покойного клали на спину, с вытянутыми ногами (раковинная куча Накабё:) (Рис. 2, г). Вариантов труположения при вторичном захоронении множество, от отдельных костей (раковинная куча Убаяма), до практически полного костяка, уложенного на бок. На некоторых памятниках зафиксировано особое размещение покойных внутри жилища. Так, например, на памятнике Кусакари, в жилище № 516 кости были расположены по сторонам света. В жилище № 22 раковинной кучи Муко:дай останки шести тел были уложены в согнутом положении, вдоль стен котлована. Кости седьмого (плечевая кость, часть позвоночника, тазовая кость, бедренная кость и малая берцовая кость) были обнаружены в центре жилища [Сугая, 2007. С. 116-117].

Среди коллективных погребений встречаются случаи, когда кости посыпались пеплом. Так, согласно отчетам, на раковинной куче Касори Кита внутри жилища № 29 обнаружено погребение, состоящее из костных останков четырех человек (№№ 6-9) (Рис. 2, б). Жилище № 29 представлено небольшим котлованом овальной формы, глубиной 0,65 м, с размерами 3,6 × 3,2 м. В центре зафиксирован очаг из вкопанного сосуда и четыре столбовые ямки расположенные вокруг очага. У южной и восточной стороны, от очага, располагалось по два костяка. Костяки №№ 6 и 7 были покрыты слоем пепла и прокаленной землей [Касори Кита кайдзука, 1977. С. 206-208].

На территории поселенческого комплекса с раковинной кучей Кусакари зафиксировано 41 захоронение, в том числе: четыре костяка обнаружены в грунтовых могилах, 37 костяков внутри 21 заброшенного жилища (в 18 случаях – одиночных захоронения). К коллективным погребениям относятся захоронения в жилищах №№ 202, 228 и 516. В первых двух случаях раскопано по шесть погребенных, а в последнем жилище находились костные останки семи умерших. Кроме того встречаются как первичные захоронения, так и вторичные, в том числе, внутри одного заброшенного жилища [Такахаси, 2007. С. 50-52].

Среди большого количества погребений в заброшенных жилищах, обнаруженных в регионе Канто, наибольшее распространение получили одиночные захоронения, или дословно с японского языка, «захоронения с небольшим числом останков». Специфика данных захоронений особенно ярко проявляется на рубеже среднего и позднего дзёмона, когда внутри жилищных котлованов клали преимущественно череп. Останки складывали у самой стены, реже – в центре заброшенного жилища, либо на поверхности пола, либо на

высоте 0,1 м от пола, на небольшом бугорке. Поверх черепа, дном вверх, ставился сосуд. Описанный вариант захоронения известен по материалам памятника Ямакура, район «В», жилище № 3, погребение № 7. Помимо черепа, рядом с сосудом было найдено несколько ребер, а на бугорке – кости верхних и нижних конечностей. Примеры, одиночных захоронений, также известны на раковинных кучах Ариёси Минами, Касори Кита и Ковасимидзу [Там же. С. 49-50].

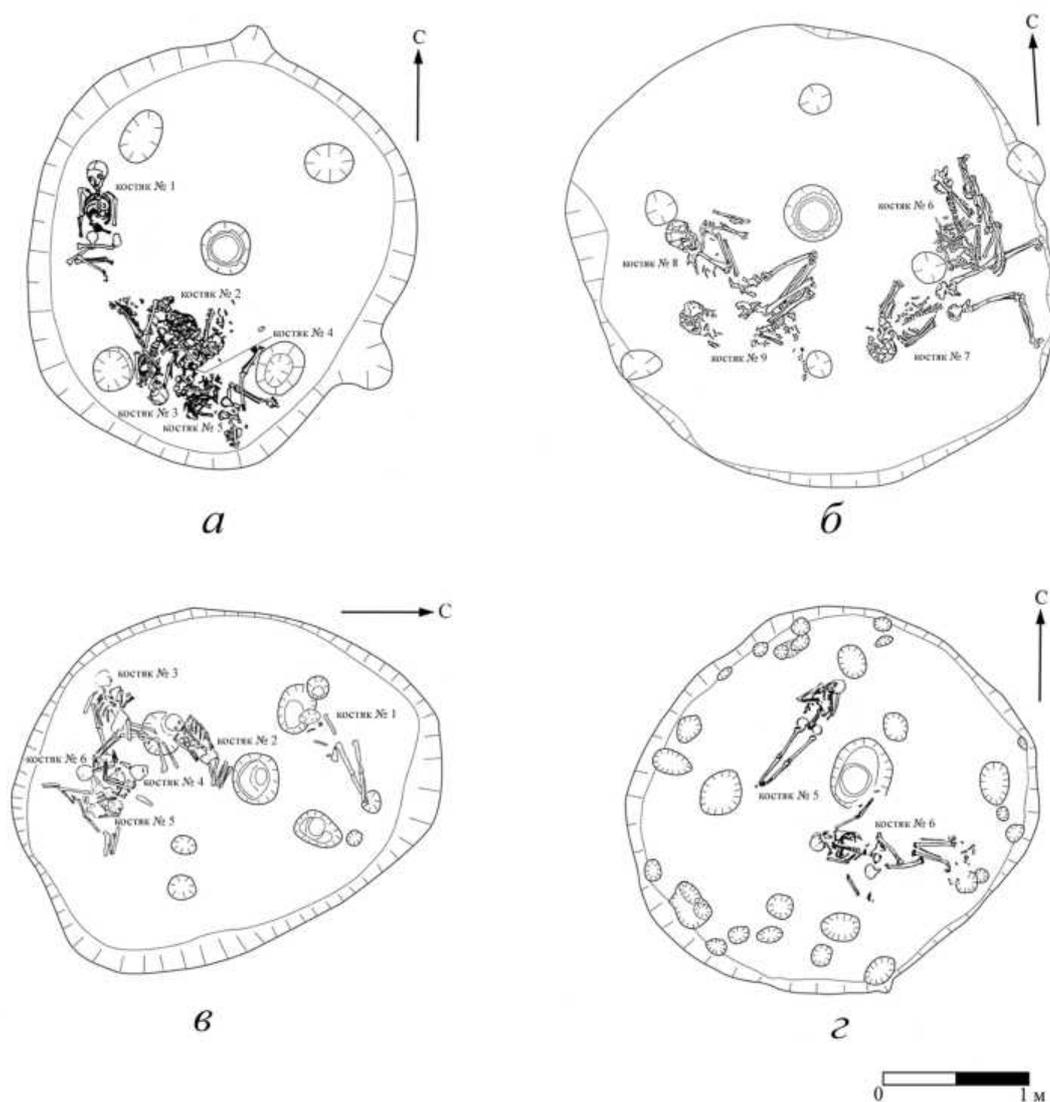

Рис. 2. Захоронения в заброшенных жилищах (по: [Такахаси, 2007]):

а – раковинная куча Убаяма, жилище № 1; *б* – раковинная куча Касори Кита; жилище № 29;
в – раковинная куча Нэго:, жилище № J-5; *г* – раковинная куча Накабё:, жилище № 2.

Захоронение в заброшенном жилище № 354, локализованное на раковинной куче Ариёси Минами, считается одной из уникальных находок данного времени. Костяк положен

на спину с согнутыми в коленях ногами. Погребальный инвентарь представлен сосудом, костяной подвеской и костяной накладкой. Сосуд был надет на череп погребенного, в районе бедра находилось украшение в виде костяной накладки, местоположение подвески не известно. Сосуд представлен глубоким горшком фукабати с отогнутой горловиной стиля Касори Е, высотой 39,5 см, с максимальным диаметром 31,8 см. Костяная накладка изготовлена из кости кита (челюстная кость), ромбовидной формы длиной 22,4 см и шириной 8,3 см. Накладка орнаментирована и имеет три отверстия по краям, вероятно для подвешивания. Костяная подвеска в форме кольца (диаметр 2,5 см). Поскольку подобных находок до этого не фиксировалось, данное захоронение принято относить к категории элитных погребений [Нисино, 2008. С. 30].

Особенности гендерного и возрастного состава погребенных внутри заброшенных жилищ, наиболее детально исследованы по материалам раковинной кучи Кусакари. По мнению исследователей, коллективные захоронения, локализованные в жилищных котлованах №№ 202, 228 и 516, представляют собой семейные могилы. Внутри жилищ №№ 202 и 516 преобладают останки мужского пола, в первом случае три мужских костяка, два женских и два неопределенного пола. В жилище № 516 обнаружено четыре костяка мужского пола, один – женского пола, и два костяка неопределенного пола. Гендерный состав коллективного захоронения в заброшенном жилище № 228 в трех случаях представлен костяками женского пола, в одном – мужского пола, и в двух случаях пол не определен. В целом, если говорить про соотношение мужских и женских погребений, локализованных на раковинной куче Кусакари, то из 41 захоронения 46,3 % представлено костяками мужского пола, 22 % – умерших женского пола и 31,7 % – неопределенного пола. Исходя из анализа истертости зубной эмали, возрастной состав умерших варьируется от эмбрионов и новорожденных детей, до умерших зрелого и пожилого возраста (ок. 60 лет) [Такахаси, 2007. С. 53-54].

Таким образом, в приведенных примерах просматриваются две тенденции: погребение умерших в пределах пространства (жилища), в котором они проживали ранее и, помещение умерших в заброшенное (нежилое) жилище. Иными словами – живые находятся в «живых» жилищах, а мертвые – в нежилом доме, «доме для мертвых».

Список литературы

Касори Кита кайдзука [Раковинная куча Касори Кита] / Ред. С. Сугихара. Токио: Тё:о:ко:рон, 1977. 270 с. (на яп. яз.).

Нисино М. Тю:ки-но кандзё: кайдзука то сю:раку [Поселения и кольцеобразные раковинные кучи среднего периода] // Кикан ко:когаку – Дзё:мон-но мурато кайдзука [Квартальная археология – Раковинные кучи и поселения дзё:мон]. 2008. Вып. 105. С. 29-33(на яп. яз.).

Сугая М. Та итай майсо: [Коллективные захоронения] // Си-то томурай – со:сэй [Смерть и похороны – погребальная практика] / Отв. ред. Я. Косуги, Я. Танигути, Я. Нисида, К. Мидзуноэ, К. Яно. Токио: До:сэйся, 2007. Вып. 9. С. 112-121 (на яп. яз.).

Такахаси Р. Канто тихо: тю:ки-но сайсо:бо [Захоронения в заброшенных жилищах среднего дзё:мона на территории района Канто] // Си то томурай – со:сэй [Смерть и похороны – погребальная практика] / Отв. ред. Я. Косуги, Я. Танигути, Я. Нисида, К. Мидзуноэ, К. Яно. Токио: До:сэйся, 2007. Вып. 9. С. 45-57 (на яп. яз.).

Habu J. Ancient Jomon of Japan / Ed. Rita P. Wright. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. 332 p.

Matsumoto N., Habu J., Matsui A. Subsistence, Sedentism, and Social Complexity among Jomon Hunter-Gatherers of the Japanese Archipelago // Handbook of East and Southeast Asian Archaeology / Eds. J. Habu, Peter V. Lape, John W. Olsen. New York: Springer, 2017. P. 437-450.

BURIAL INSIDE ABANDONED PIT-DWELLING:
CHARACTERISTICS OF THE MORTUARY PRACTICE IN THE MIDDLE JŌMON PERIOD,
CENTRAL JAPAN

Ivanova D.A.

Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography, Research Engineer.

Tabarev A.V.

Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography, Leading Scientific Fellow, PhD

Abstract: Article is devoted to research one of the unique cultural phenomenon – mortuary practice using abandoned pit-dwelling for burial (in Japanese it mean “haiokubo”). This practice was wide spread occurrence in the second half of the Middle Jōmon – first half of the Late Jōmon (cal. 4 500 – 4 200 B.P.), in the central part of Honshu Island. The authors carry out of the detailed analysis the features of this kind of burial practice, which are known from materials of the site with shellmound complex, located in the Kanto region. On the one hand, the main idea of this article is connection between “residential space” and “non-residential space” in context of mortuary practice. On the other hand, the “haiokubo” can be interpreted as burial of the dead people inside the dwellings, in which they previously lived.

Keywords: Japanese Archipelago, Middle Jōmon Period, mortuary practice, burial inside abandoned pit-dwelling.

МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ СИМВОЛЫ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЕВРАЗИИ

© 2018 г. *Вл.А.Семенов* (ranbov@yandex.ru)

АУП, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия

Аннотация: *В символике изобразительной культуры древних социумов существовали определенные знаки-индексы для демонстрации женских и мужских образов, появившихся приблизительно с наступлением верхнего палеолита. В неолите они стали менее абстрагированы, но более мифологизированными, что было связано, вероятно, с идеологией раннеземледельческой культуры производящего хозяйства. В земледельческих социумах произошло слияние этих символов, что привело к появлению образа андрогина.*

Ключевые слова: *палеолит, неолит, мужские и женские символы, андрогин, мифология*

В первобытном искусстве начиная с эпохи палеолита широко распространены знаки индексы и знаки символы сопоставимые с мужским и женским началом. В противоположность мнению Герберта Кюна о том, что палеолитическое искусство было реалистическим, а в неолите оно стало знаковым, или по его терминологии «схематичным» [Kühn, 1966. P. 109-130], статистика свидетельствует об обратном. По современным данным в палеолите нефигуративных знаков в два или три раза больше, чем фигуративных. Например, на 1200 гравированных изделиях из кости и рога, происходящих из 26 мадленских памятников Кантабрии, только 70 были декорированы реалистическими изображениями животных. Все остальные мотивы являлись нефигуративными. В исследованиях Х.М. Барандиарана упоминается 920 памятников портативного искусства из Кантабрии, но только 90 имели идентифицируемые фигуры, на 50 есть и фигуры и знаки, остальные 780 изделий украшены исключительно знаками [Bahn, 1997. P. 166]. В.Н.Топоров анализируя эту ситуацию, делает заключение, что как в палеолите, так и в любую другую эпоху человек обладал способностью переводить окружающее в символы и строить из них параллельный вещному мир символов» [Топоров, 1972. С. 77-103]. Треугольные фигуры и чашечные камни встречаются в самых разных регионах Евразии. Эта древнейшая символика, по мнению М. Гимбутас, еще не была систематически изучена, хотя появилась уже в мустьерское время [Gimbutas, 1989. P. 61].

Широко известна обнаруженная в пещере Ла-Ферраси известняковая плита с чашечными углублениями. Трактовка конкретно этого памятника как и многих других весьма проблематична. Герберт Кюн полагал, что обычай выбивать такие чашечные углубления распространяется с традицией создания мегалитических монументов, и может быть эти углубления связаны с жертвоприношением для умерших [Kühn, 1966. P. 173-174]. По логике симпатической магии выбивание или высверливание на плоскости углублений связывалось с актом капуляции. Это объяснение также наводит на сравнение с индийскими ритуалами, согласно которым высверливание плоскости углубления находилось в связи между вращением огневой палочки (сверла – «ашвадха») и символическим оплодотворением

(«шеми» – нижней части прибора для добывания огня), в результате чего появляется огонь [Атхарваведа, 1976. С. 349 III-6]. Деревянные приборы для добывания огня изредка встречаются в скифских погребениях Тувы, в частности в могиле 6 кургана Аржан [Грязнов, 1980/ С. 21]. В данном случае утилитарный по своему назначению прибор приобретает символические смыслы, связанные с обрядами переходного цикла.

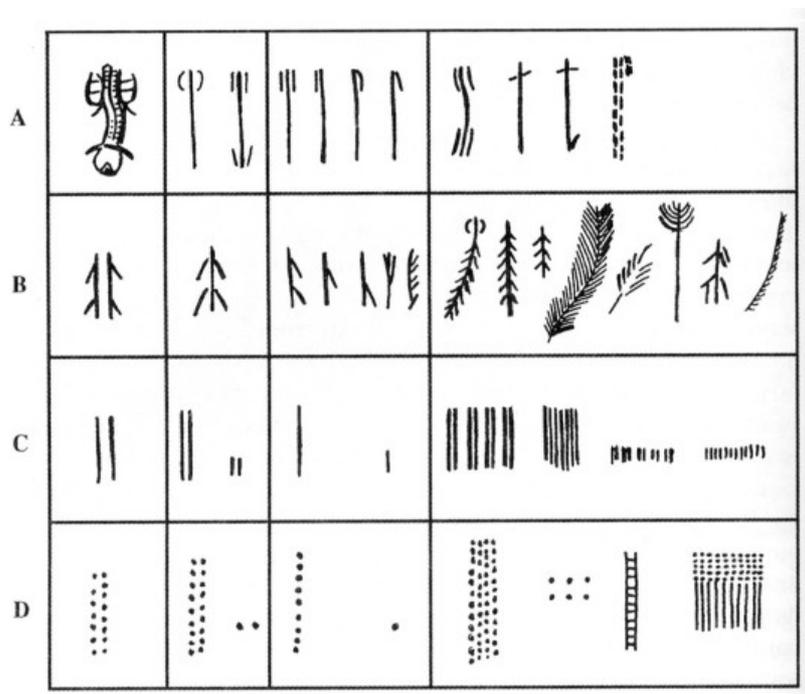

Рис. 1. Таблица знаков по Леруа-Гурану.

Стилизованные мужские сексуальные образы [Leroi-Gouran, 1972].

Дж. Кулес констатирует, что точное назначение чашевидных углублений не известно, но имеется не менее ста различных объяснений, например, что они воплощают звезды или созвездия, капли крови, чаши/вместилища для священной влаги, регистрация смерти или рождения, любовные победы, пути сообщений, лунарные или солярные знаки (календари), знаки женского пола и т.д. [Coles, 1990. P. 16]. Уже чашечные углубления на плите из Ла-Ферраси рассматривались как обозначение женского пола, древнейшего символа плодородия, но, по мнению А.Д. Столяра, в более выигрышном свете выглядит гипотеза «ран» [Столяр, 1985. С. 125-126]. В пещере Нио есть известное изображение бизона с чашевидными углублениями. А. Леруа-Гуран считал, что это изображение было создано здесь преднамеренно, поскольку выбитые пещерной каплей углубления могут ассоциироваться и с ранениями зверя, и с женскими символами, объединяемыми в один семантический ряд эпизодического кровотоечениями.

Изучив большое количество изображений, А. Леруа-Гуран разделил их на широкие и узкие знаки, а позднее выделил третью группу точки. «Широкие» знаки включали треугольники, прямоугольники, овалы, изображения в виде щита. Большинство из них, по

мнению исследователя, явно принадлежало к категории человеческих манифестаций. Они вполне реалистично передавали женские детородные органы. «Узкие» знаки включали в себя короткие черточки, ряды точек и ветвистые линии. Некоторые из них наводили на мысль о мужских сексуальных образах, хотя и были максимально стилизованы [Leroi-Gouran, 1972. P. 7-12] (рис.1).

Подавляющее число пещерных рисунков и гравировок – это изображение лошадей или бовидов причем почти всегда неопределенной половой принадлежности. Исключением является большой плафон Альтамыры, где у коров показано вымя. В таком случае сущность абстрактных знаков является ничем иным, как переведенным в символические формы изображениями животных и человеческих фигур. Механизм такого перевода продемонстрировал А.Д. Столяр, по мнению которого женский образ может быть сокращен до общего знаменателя, превращаясь в орнаментальную схему [Столяр, 1985. С. 101] (рис.2). Продвигаясь своим путем, М. Гимбутас находила знаки вульвы на гравированных гальках натуфийской культуры [Gimbutas, 1989. P. 163].

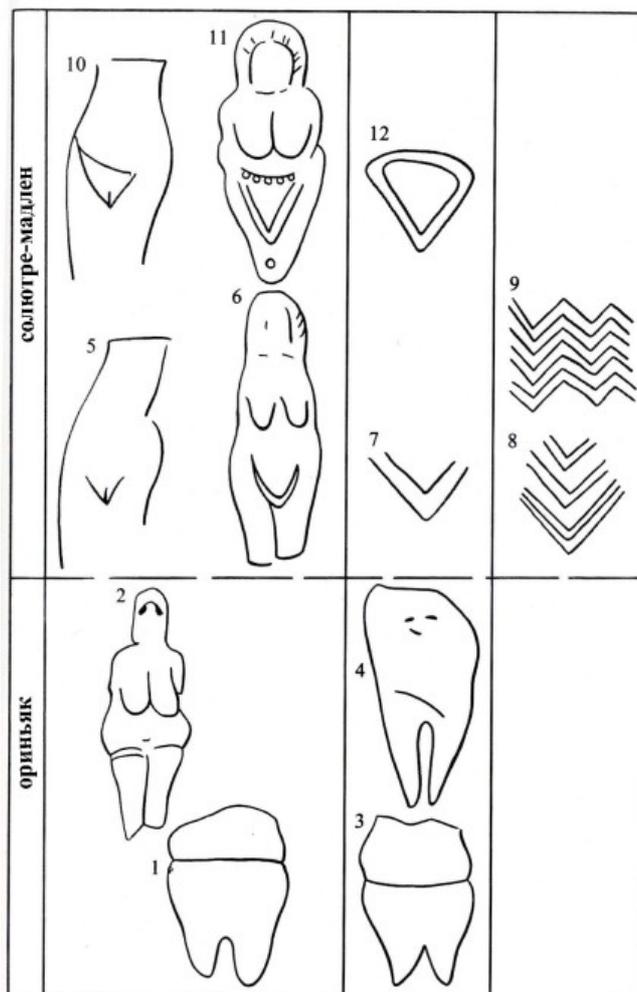

Рис.2. Женские образы и знаки по А.Д.Столяру [Столяр, 1985].

Метод Леруа-Гурана заключался не в переходе от общего к частному, а в сопоставлении реалистического образа с его символом или знаком. В метафизическом сознании палеолитического человека деление на мужское и женское было связано с мифологемой о происхождении человека, что и отсылает нас к пещерному анимализму. Мужские знаки по А. Леруа-Гурану сопоставимы с лошадьё и козлом, женские с коровой и быком. Это «Инь-янь» древнего человека и разгадка его происхождения. Бинарная оппозиция отражена в парах знаков и образов.

Непосредственно к нашей теме относится образ змеи, также отмеченный уже в палеолитическом искусстве. При раскопках стоянки Мальта в Иркутской области М.М. Герасимовым была обнаружена пластинка из кости мамонта, на одной стороне которой изображены три извивающиеся змеи, а на противоположной якобы лунно-солнечный календарь [Семенов, 2008. С. 64. Ил. 50]. Возраст находки 25 тысяч лет. Если бы этот лунно-солнечный календарь интерпретировала М. Гимбутас, она наверняка сказала бы, что это оже змеи, к чему мы вернемся ниже, а сначала позволим себе выдержку из «Сравнительного словаря мифологической символики в индоевропейских языках» М.М. Маковского: «Змея выступала с одной стороны как символ плодородия, как женское производящее начало, а с другой - как мужское оплодотворяющее начало (змея как соединение воды и огня). По древним поверьям, змея осуществляет разъединение неба и земли. Змея часто представлялась в виде радуги, она считалась хранительницей источников и водоемов, символом дождя... Змея нередко отождествлялась с тенью. Язычники верили, что тень змеи может оплодотворить женщину. Слова со значением змея могут иметь фаллическое значение» [Маковский, 1996. С. 175-179].

В другом своем произведении «Феномен Табу в традициях и в языке индоевропейцев» тот же автор пишет: «Понятие рыбы, как и змеи табуируется понятием шеста, палки (олицетворение фаллоса и божества)» [Маковский, 2000. С. 128].

Из Истории Геродота мы узнаем о змееной богине – прародительнице скифов, отцом которых по воле судьбы стал Геракл [Геродот, IV; 9]. Из Причерноморской Скифии происходит несколько изображений змееной богини, лучшее из которых было найдено в кургане Большая Цимбалка на Керченском полуострове. В свое время она использовалась как украшение конского налобника.

Образ богини-змеи возник в Средиземноморье еще в неолитическое время. Керамическая скульптура змееной богини была найдена в Като-Иерапетра на Крите. Она датируется 6000-5500 гг. до н.э. Богиня сидит в позе лотоса. У нее змееподобные ноги, но человеческое лицо, правда с треугольными глазами. Темно-серое туловище, ноги и руки инкрустированы белыми линиями [Gimbutas, 1989. P. 126. Fig. 201]. Высота скульптуры 14,2 см. Мария Гимбутас считает «арабески» в пещере Порто Бадиско в Италии изображениями змей. Порто Бадиско исследовал итальянский археолог Паоло Грациози. Он о и назвал эти криволинейные и непонятные образы «арабесками», но у Марии Гимбутас своя точка зрения на этот счет. К змеиным символам она относит все спиралевидные, криволинейные, а иногда и непонятные образы, например гравировку из пещеры Монте Бего высотой 10,5 см. Из прямоугольной решетчатой фигуры «вырастает» стержень с круглым шаровидным

навершием, заключенным в нимб, от которого вниз спускаются две ломаные линии, наподобие рук [Gimbutas, 1989. P. 127. Fig. 204]. Распознать этот образ как змеиный можно только исходя из приведенной выше цитаты М.М.Маковского, что понятие рыбы, как и змеи табуируется понятием шеста и палки. В таком случае можно допустить, что на конце шеста изображена голова. Подобные змеи воспроизведены и на среднеминойской печати из Мохлоса (Крит), датируемой началом второго тысячелетия до н.э. Диаметр печати 3 см. На ней круглая голова змеи анфас. Точками показаны глаза и горизонтальной черточкой рот. На голове два рога, между которыми изображен фаллос. По абрису справа и слева от головы что-то наподобие рук или растений с тремя и четырьмя пальцами. Нижний край печати утрачен, поэтому композиция не полная [Gimbutas, 1989. P. 232. Fig. 360].

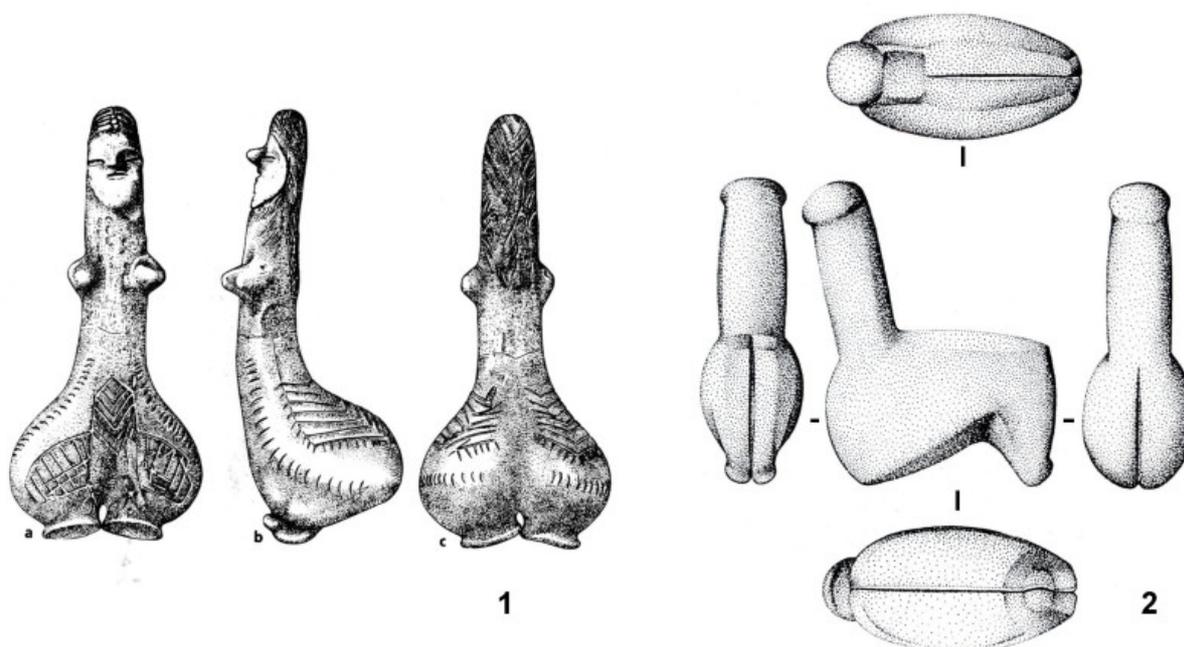

Рис.3. Образ андрогина в мелкой пластике:

1 — культура старчево (терракота); 2 — о.Кипр, Сотира, район Лимассола (белый известняк)
[Gimbutas, 1989]

Клубки змей М. Гимбутас видит и на камне, лежащем при входе в гробницу Нью-Грейндж. Их окружают ромбы и шевроны. Два небольших клубка образуют «глазковом мотив». Поразительно, на скалах горы Йиме в Туве выбита серия подобных изображений, и они тоже наводят на мысль о «глазковом мотиве». Подобные фигуры встречаются и на других памятниках, как Тувы, так и в Средней Европе, и именуются трикселями или триквестрами, что совершенно неверно. Глазковый мотив на керамике в Лос-Мильяресе совершенно иной, но, в сущности «клубки змей» и в Нью-Грейндже и в Йиме можно считать глазковым мотивом. Если это змеи, то вероятно в период спаривания, что соответствует вариативности змеиной мифологии.

В неолитическом искусстве на Балканах и в Средиземноморье представлены многочисленные объемные культовые изображения андрогиннов. Первый ученый, обративший внимание на это явление, фон Ромер считал идею андрогинна характерной для всех религиозно-мифологических систем мира [Элиаде, 1998. С. 123-195]. Это явление в науке получило название «субинцизия» – уподобление мужчины андрогину.

На черноморском побережье Румынии из захоронений культуры хаманджия на могильнике Черноваде происходит большая серия статуэток, передающих идею андрогинна. Могильник датируется началом пятого тысячелетия до н.э. Статуэтки довольно значительных размеров передают массивное женское тело, с длинной шеей без головы.

Более ярко выраженная андрогинность представлена на статуэтке культуры старчево (6 тысячелетие до н.э.). Это женская фигура высотой 19 см имеет фаллическую голову на которой в нижней части выполнена женская грудь, схожая в тоже время с текстикулами. Хотя мужской элемент был «прикреплен» к этой фигурке, все равно в ней сохраняется неизменный женский облик [Gimbutas, 1989. P. 231. Fig. 358]. Здесь не представлена бисексуальность, но вся энергия воплотилась в фаллической форме. Туловище богини является основанием, над которым возвышается космический «пилар», подобный сталагмиту, вырастающему из чрева пещеры, как пишет М. Гимбутас (рис.3: 1).

Апофеоз андрогинности представляет фигурка из белого известняка, объединяющая женские и маскулинные характеристики (рис.3: 2). Эта скульптура происходит с о.Кипр (Сотира, район Лимассола). Она датируется эпохой неолита II – 4500-3750 лет до н.э. Она выполнена в стиле многих других подобных фигур того же периода, но в отличии от них имела длинную цилиндрическую шею с грибовидной головкой, без каких либо деталей лица. При взгляде на этот предмет со спины возникает представление корректного изображения мужских гениталий с пенисом в состоянии эрекции и текстикулами, разделенными глубокой врезной линией (рис.3: 2, с). Когда смотришь сверху и снизу, то видны отчетливо женские гениталии (рис.3: 2, е). Киприотский скульптор того времени был вполне изобретательным мастером и не мог выполнить все детали этой скульптуры без предварительного расчета. Несомненно, перед нами андрогинное божество, соединяющее в себе как мужское, так и женское начало, своего рода космический образ первочеловека. Проникнуть во все тонкости неолитической религии не менее просто, как и в бесконечно удаленную от нас эпоху палеолита.

Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: №0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тысячелетие до н. э. – I тысячелетие до н. э.)»

Список литературы:

- Атхарваведа. Избранное. Перевод Т.Я.Елизаренковой. М.:Наука, 1976. 481 с.
Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.:Наука, 1980. 61 с.
Маковский М.М. Язык-миф-культура. Символы жизни и жизнь символов. М.: Русские словари, 1996. 329 с.

Маковский М.М. Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. М.: Азбуковник, 2000. 268 с.

Топоров В.Н. К происхождению некоторых поэтических символов. Палеолитическая эпоха // Ранние формы искусства. М.: «Искусство», 1972. С.77-103.

Семенов Вл.А. Первобытное искусство. Каменный век. Бронзовый век. СПб.: «Азбука-классика», 2008. 290 с.

Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М.: «Искусство», 1985. 298 с.

Элиаде М. Мефистофель и андрогин. СПб.: «Алетейя», 1998. 374 с.

Bahn P. Journey through the Ice age. London. University of California Press 1997. 240 p.

Coles J. Images of the past. Risbergs Toryckeri. Uddevalla. 1990.

Gimbutas M. The language of the Goddess. Unearthing the Hidden Symbols of Western Civilization. San Francisco: Harper and Row, 1989. 388 p.

Kühn H. The rock pictured of Europe. London. 1966.

Leroi-Gouran A. The evolution of Paleolithic art // Old World archeology. Foundations of Civilizations. San-Francisco, 1972. P. 7-72.

MALE AND FEMALE SYMBOLS IN THE EURASIA ART

Semyonov V.I.A.

**Institute for the History of Material Culture
of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, 191186, Russia**

Abstract: Specific sign-indexes for male and female images demonstration existed in the ancient society`s visual culture symbolism approximately since the beginning of the Upper Paleolithic era. During the Neolithic times they became less abstractive, but more mythologized, which seems to be connected with the ideology of the Early agricultural production culture. Integration of these symbols in the Agricultural societies led to the appearing of the androgyne image.

Keywords: Paleolithic, Neolithic, male and female symbols, androgyne, mythology

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

«ПРАВШИ» и «ЛЕВШИ» СРЕДИ МАСТЕРОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

© 2018 г. Алаева Ирина Павловна (alaeval@mail.ru)
ЮУрГГПУ, Челябинск, Россия

Аннотация: В работе предпринята попытка определения соотношения «правшей» и «левой» среди женщин и мужчин бронзового века. Источником послужили орудия труда и изделия из материалов поселений позднего бронзового века Южного Зауралья. Были выделены орудия труда с праворуким и леворуким захватом в мужских сферах производства (металлообработка, охота, военное дело) и в женских занятиях (керамическое производство). Несмотря на немногочисленность и спорность данных по этой теме, даже самые предварительные подсчеты свидетельствуют об уверенном доминировании среди мастеров и мастериц бронзового века людей с ведущей правой рукой. При этом практически все случаи «левой» оказываются связанными с мужскими занятиями.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, «правши», «левши», орудия труда, синташтинская культура, алакульская культура, Южное Зауралье.

Феномен межполушарной функциональной асимметрии головного мозга человека проявляется в т.н. «доминировании» левого полушария у современных людей и как следствие в преобладании праворуких среди них. Обращение исследователей к древним этапам человечества фиксирует определенные различия в этой сфере в сравнении с современностью. Динамика соотношения «левой» и «правшей» по данным изобразительного искусства демонстрирует постепенное увеличение «правшей» от палеолита к периоду бронзового века [Шер, 2006. С. 278; Иванов, 1976. С. 78]. Вместе с тем, такой аспект как соотношение «правшей» и «левой» среди женщин и мужчин на разных этапах исторического процесса практически не исследовался. В конце XX века была предложена теория асинхронной эволюции полов, объясняющая преобладание «левой» среди мужчин [Геодакян, 2003]. Согласно этой теории и в древних обществах количество «левой» среди мужчин будет существенно больше.

В отечественной и мировой археологии существуют очень немногочисленные примеры обращения к вопросам данной тематики, в основном связанных с анализом антропологии. Археологический источник реже выступает полигоном для подобного рода исследований. Есть примеры определения ведущей руки по материалам каменного века, по направлению следов работы на орудиях труда и сырье [Семенов, 1961. С. 17. Рис. 4, 5, 6], на основе анализа древней живописи в пещерах и на скалах [Шер, 2006. С. 278]. Между тем, примеры соотношения «правшей» и «левой» для бронзового века фактически отсутствуют.

Источником послужили материалы поселений позднего бронзового века Южного Зауралья алакульской, срубно-алакульской культуры (Табл. 1). В коллекциях поселений

были выделены орудия труда и изделия, с определяющимся захватом ведущей руки. Выборку составили каменные орудия (песты, рудотерки), металлические серпы, однолезвийные ножи, костяные тупики и коллекция керамических сосудов поселения Чебаркуль III.

Известная трудность возникла с разграничением орудий труда по женским и мужским занятиям. К мужской сфере были отнесены массовые орудия из камня. Вопросы исследования функционального назначения этой категории орудий имеет обширную историографию и многочисленные выводы о связи каменных орудий с горным делом и металлообработкой [Зданович, Коробкова, 1988; Кунгурова, 2013, С. 330]. В свою очередь на отнесение металлообработки к мужским занятиям указывают и данные погребального обряда, когда свидетельства занятия металлургией (шлаки, руды, литейные формы, песты) оказываются представленными в захоронениях мужчин. Помимо металлургии, к мужским занятиям, по-видимому, можно отнести и косторезное и отчасти кожевенное дело, на что указывают свидетельства специализации этого вида производства.

Производство керамики в бронзовом веке многие исследователи относят к женской сфере хозяйства [Кузьмина, 1994. С. 106]. Об этом свидетельствует тот факт, что в большинстве зафиксированных случаев отпечатки ногтей на сосудах оставлено женщинами [Куприянова, 2003. С. 67; Куприянова, 2008. С. 139]. Возможно, к женским занятиям в позднем бронзовом веке можно отнести и заготовку корма для домашних животных с использованием серпов.

Рис. 1 Каменные орудия бронзового века для захвата правой (1) и левой (2) рукой. Поселение Чебаркуль III.

Методика определения типа захвата для разных орудий заключалась в следующем:

- Ручные каменные орудия (песты, молотки). На пестах бронзового века специальными сколами оформлены позиции для пальцев и ладони мастера. В целях соотнесения сколов и позиций ведущей руки на модели песта, вылепленного из скульптурного пластилина, в ходе моделирования рабочего процесса определены точки нажатия пальцев и ладони. Всего выделены три эргономические позиции соприкосновения руки и орудия: первая позиция – скол под большой палец, для правой руки – ложе под палец поднимается справа налево (Рис.1, 1), для левой руки – ложе под палец имеет подъем слева направо (Рис. 1, 2); вторая позиция – скол под тенар (подушечка ладони) на боковой стороне орудия (Рис.1, 1); третья позиция – под пальцы на противоположной стороне. Несмотря на многочисленность каменных орудий в коллекции поселений пригодными для определения типа захвата оказались лишь 11 экземпляров. Как правило, ярче всего на орудиях была оформлена первая позиция, сколы под вторую и третью так тщательно не оформлялись.

- Тупики из челюстей животных (крупный рогатый скот, лошадь). Исследователи неоднократно отмечали преобладание в материалах поселений бронзового века тупиков, выполненных из левых половин нижних челюстей КРС [Усачук, 1994. С. 63]. Есть мнение, что «левыми» тупиками пользовалось праворукое большинство, представители которого, в случае необходимости, делали имитации из правых половин челюстей КРС, перелицовывая под себя [Панковський, 2012. С. 66]. В выборку вошли 13 орудий.

- Серпы, однолезвийные ножи. На этой категории орудий тип захвата определялся по расположению заточки с условием работы серпом движением «на себя». Определимую выборку составили 10 экземпляров.

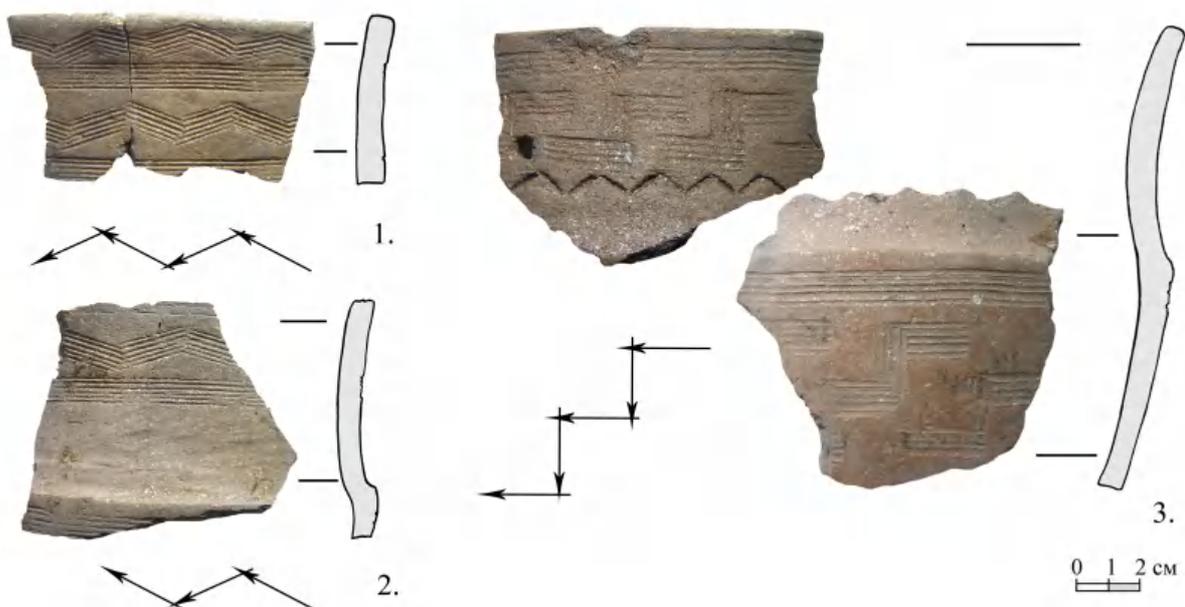

Рис. 2 Направление движения орнамента на сосудах алакульской культуры. Поселение Чебаркуль III (1- с. № 1503, 2- с. № 1507, 3- с. № 1565).

- Направление движения орнамента при декорировании керамических сосудов. Этнографические данные свидетельствуют о нанесении орнамента на сосуд правой рукой, левой – поддерживая и поворачивая сосуд движением «на себя», отчего направление нанесения орнамента правшами оказывается в порядке «справа налево» [Пещерева, 1959. С. 31. Рис. 6]. В выборку составила керамическая коллекция алакульской культуры поселения Чебаркуль III, состоящая из 50 фрагментов сосудов. При нанесении орнамента в технике «проташенная гребенка» в большинстве случаев был использован порядок «справа налево» (Рис. 2, 1-3), вероятно, характерный для правшей.

При подсчете соотношения орудий труда для работы правой и левой рукой в материалах поселений бронзового века Южного Зауралья оказалось, что из 36 орудий (пестов, тупиков, серпов) – на 33 фиксировался захват правой рукой и лишь на 3 (9% от общего количества орудий) был отмечен захват левой рукой (Таб. 1).

Таблица 1

Соотношение орудий труда для работы правой и левой рукой в материалах поселений позднего бронзового века Южного Зауралья.

№	Поселение	Категории предметов	Захват правой рукой	Захват левой рукой
1	Чебаркуль III	Каменные орудия	10	1
		Медные ножи (однолезвийные)	3	-
2	Большая Березовая-2	Медный серп	1	-
		Тупик	-	1
3	Малая Березовая-4	Тупик	9	-
4	Новониколаевка-1	Каменные орудия	1	1
		Тупик	3	-
5	Лебяжье VI	Серпы	3	-
6	Черняки III	Серп	1	-
7	Шибаетово 1	Серпы	2	-
Всего орудий труда:			33	3

Распределение орудий по мужской и женской сфере занятий демонстрирует преобладание «праворуких» среди «мужских» орудий, количество «левшей» при этом составляет 10%. Среди «женских» орудий и изделий (серпы, орнаментация керамики) – «левши» зафиксированы не были.

Наличие «левшей» среди мужчин подтверждают и материалы погребальных памятников в таких сферах как охота и военное дело. На луках из синташтинских памятников установлен факт разной сработанности крюков для петли тетивы. Навершие кибити лука для натягивания тетивы имеют «сработанность полости крюка для петли тетивы, навершие имеют четко выраженное направление: у первого (мог. Солнце II, к.11, я.1) – в правую сторону, у второго (мог. Степное, к.4, я.13) – в левую. Это, видимо,

свидетельствует о различных модификациях луков: для левши и правши» [Берсенеv, Епимахов, Зданович, 2010. С. 90].

В могильнике Бестамак (пог. 40) было обнаружено возможное захоронение кулачного бойца с многочисленными травмами. Повреждения были отмечены в основном на левой части туловища (ребра, сломанные зубы), что свидетельствует о том, что соперник был «правшой». Но, судя по характеру повреждений левой руки, у рассматриваемого мужчины именно она была бьющей и он, вероятно, являлся «левшой» [Семьян, 2013. С. 77].

Таким образом, в материалах поселений бронзового века было прослежено явное доминирование орудий труда для захвата правой рукой. Несмотря на сложность вычленения типа захвата на орудиях труда женской сферы, практически все случаи «левшества» были зафиксированы на орудиях мужского труда.

Список литературы

Берсенеv А.Г., Епимахов А.В., Зданович Д.Г. Синташтинский лук: археологические материалы и варианты реконструкции // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала : к 70-летию Г.Б. Здановича : сб. науч. тр.: в 2 ч./ отв. ред. Д.Г. Зданович; Челябин. гос. ун-т; Ист.-культур. заповедник обл. значения «Аркаим». Челябинск: Изд-во Челяб. Гос. ун-та, 2010. Ч.1. С. 82–95.

Геодакян В.А. Homo sapiens на пути к асимметризации (Теория асинхронной эволюции полушарий и цис-транс трактовка левшества). Антропология на пороге III Тысячелетия. Т. 1. Москва, 2003. С. 170-201.

Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по данным трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка II) // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Межвузовский сборник. Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та (подготовил Челябинский ун-т), 1988. С. 60-63.

Иванов Вяч.Вс. Чет и Нечет: Ассиметрия мозга и знаковых систем. М.: Изд-во Советское радио, 1978. 184 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М.: МП «Калина» ВИНТИ РАН, 1994. 464 с.

Кунгурова Н.Ю. Трасологическое изучение каменных предметов из раскопок укрепленного поселения Устье I / Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье: коллект. моногр. / Виноградов Н.Б. (отв. ред.); Епимахов А.В. (науч. ред). Челябинск: Абрис, 2013. 482 с.

Куприянова Е.В. Отпечатки ногтей на древней керамике как исторический источник // Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода. Ред. Д.Г. Зданович. Челябинск: Юж-Урал. Кн. изд-во, 2003. С. 62–70.

Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «Текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.

Панковський В.Б. Кістяна і рогова індустрія доби пізньої бронзи в Північному Причорномор'ї. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Київ, 2012. 596 с.

Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. Изд-во Академии Наук СССР. Москва-Ленинград, 1955. 396 с.

Семенов С.А. Следы работы на орудиях и доказательство работ неандертальцев правой рукой (По материалам со Сталинградской стоянки) // Краткие Сообщения Института Археологии. 1961. Вып. 84. С. 12–18.

Семьян И.А. Воины в культуре населения Южного Урала и Северного Казахстана эпохи бронзы. Погребение кулачного бойца в могильнике Бестамак // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр. / отв. ред.: А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 73–79.

Усачук А.Н. Костяные орудия кожевенного производства срубных поселений северо-восточного Приазовья // Срубная культурно-историческая область. Материалы III Рыковских чтений. Саратов, 1994. С. 63-69.

Шер Я.А. Первобытное искусство: Учеб. пособие. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. 278 с.

“RIGHT-HANDED” AND “LEFT-HANDED” AMONG THE MASTERS OF THE BRONZE AGE IN THE SOUTHERN TRANS-URALS

Alaeva I.P.

Head of the laboratory of archaeological research The Laboratory of archaeological research, South Ural State Humanitarian-Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

Abstract: The paper attempts to calculate the ratio of "right-handed" and "left-handed" among women and men of the Bronze Age. The source was labor tools and products made from materials from the settlements of the Late Bronze Age of the Southern Trans-Urals. Labor tools with right-handed and left-handed seizure in the male spheres of production (metalworking, hunting, military affairs) and in women's occupations (ceramic production) were distinguished. Despite the scarcity and controversy of the data on this topic, even the most preliminary calculations indicate a confident dominance among masters and masters of the Bronze Age of people with a leading right hand. In this case, almost all cases of "left-handers" are associated with male occupations.

Keywords: Late Bronze Age, "Right-handed", "left-handed", labor tools, Sintashta culture, Alakul culture, Southern Trans-Urals.

ОТРАЖЕНИЕ МУЖСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

© 2018 г. Берсенева Наталья Александровна (bersnatasha@mail.ru)

*Институт истории и археологии УрО РАН,
Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия*

Аннотация: *Статья обращается к проблеме постепенного исчезновения предмето-маркеров мужского пола из погребений эпохи бронзы Южного Урала (XXI – XV вв. до н.э.). Автор полагает, что изменения в идеологической сфере, связанные с принципами снабжения умершего сопроводительным инвентарем, были обусловлены изменениями в образе жизни населения, вероятно, в благоприятную сторону, что позволило сместить приоритеты с отражения мужского гендера на женский, с демонстрации военных умений и агрессии на демонстрацию семейных ценностей и фертильности.*

Ключевые слова: *Южное Зауралье, бронзовый век, мужские погребения, гендер, социальные роли*

В эпоху бронзы территорию степной части Южного Зауралья населяли представители различных культурных образований, происхождение и механизмы взаимодействия которых еще предстоит понять. В данном исследовании речь пойдет о хронологическом отрезке с XXI по XV вв. до н.э. в калиброванных датах, так как именно этот период представлен значительным количеством погребальных памятников, позволяющих судить о гендерной идентичности и социальных ролях захороненных в них людей. Таким образом, в анализе были задействованы материалы синташтинской, петровской и алакульской культур. Практически все исследователи так или иначе сходятся в том, что эти культуры представляли собой секвенцию родственных сообществ, сменивших друг друга на относительно небольшом по археологическим меркам отрезке времени [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014]. Такая ситуация позволяет рассмотреть трансформацию отражения гендерных ролей и стереотипов в погребальном обряде от синташтинского общества к алакульскому, и выявить наиболее общие закономерности.

Цель предлагаемого исследования – изучить контекст мужских погребений синташтинской, петровской и алакульской культур и определить возможные причины постепенного исчезновения гендерных маркеров из захоронений мужчин в течение позднего бронзового века.

Синташтинская культура. Выборка составила 56 индивидов. Анализ мужских погребений синташтинской культуры серьезно осложнен тем обстоятельством, что большинство антропологически определенных мужчин захоронено в крупных коллективных (или, как минимум, неиндивидуальных) могильных ямах (75%).

Потрясающая особенность этих ям обычно затрудняет соотнесение найденных предметов с конкретными скелетами. Предметы (или комплексы предметов) надежно зафиксированные *только* в мужских погребениях, представляют собой достаточно редкие категории инвентаря – составляющие колесничного комплекса, топоры, наконечники копий, булавы, а также

артефакты, связанные с металлообработкой. 37.5% мужчин сопровождали наконечники стрел. Из числа более распространенных вещей мужским гендерным маркером можно считать тесла. Обилие погребального инвентаря позволяет судить о социальных ролях мужчин в синташтинских обществах.

Первое, что нашло отчетливое отражение в погребениях – это роль воина. Непотревоженные индивидуальные мужские погребения с атрибутами колесничного комплекса являются хорошей иллюстрацией к тому, что в литературе называется «погребением воина-колесничего». Однако их не слишком много: яма 22 кургана 7 могильника Танаберген II; яма 1 кургана 9 могильника Кривое Озеро; яма 140 могильника Бестамак. Здесь были захоронены взрослые, если не сказать, пожилые мужчины (от 35–40 до 60 лет) в сопровождении остатков колесниц, лошадей и многочисленного инвентаря, включающего предметы вооружения (каменный и бронзовый топоры, бронзовый наконечник копья, наконечники стрел и псалии каменные наверхия булавы). К этой же группе можно добавить и не потревоженные погребения из Синташтинского большого грунтового могильника (ямы 12 и 30), которые хорошо вписываются сюда, но не имеют антропологических определений. Список может быть дополнен ямой 19 того же могильника, принимая во внимание жертвоприношение четырех лошадей и колесные ямки, однако из инвентаря умершего сопровождал лишь костяной диск.

Следует отметить, что достаточно редкие и бесспорно связанные с военной деятельностью категории инвентаря надежно зафиксированы *только* в мужских (и, по последним данным, детских) погребениях. Это топоры, наконечники копий и булавы.

Интересной особенностью мужских синташтинских погребений является абсолютная взаимовстречаемость в не потревоженных погребениях всех категорий инвентаря: предметов вооружения, орудий труда и предметов быта. Это говорит либо об отсутствии воинской специализации как таковой, либо об отсутствии строгих правил выбора сопроводительного инвентаря. Вероятно, количество мужчин, обучавшихся военному делу и колесничеству, было сравнительно невелико, и данная деятельность не являлась их основным занятием (см. подробнее: [Kurgianova et al., 2017]).

Вторая важнейшая социальная роль мужчин была, несомненно, связана с металлургическим процессом. Погребения «литейщиков» единичны, но предметы металлопроизводства все же лучше представлены в мужских погребениях. Вероятно, специалистов-металлургов было все же относительно немного, они не составляли отдельного социального слоя, и не были, что называется “full-timespecialists” – то есть, металлопроизводство не было их единственным занятием в течение всего года [Епимахов, Берсенева, 2016].

Орудия труда из мужских погребений отражают многие другие повседневные занятия – пастушество, рыболовство, охоту, работу с деревом, кожей, костью и т.д. В целом, можно констатировать, что погребальный инвентарь часто отражает сразу несколько социальных ролей мужчин (в отличие от женщин). Вероятно, занятия мужчин были более многообразны, что и проявилось в выборе погребального инвентаря.

Петровская культура. В петровских могильниках Южного Зауралья было обнаружено довольно мало взрослых захоронений. Мужских погребений,

идентифицированных антропологически, всего девять. В них были погребены индивиды различного возраста (от 18 до 50–55 лет). Во всех могильных ямах прекрасно представлен колесничный комплекс и предметы вооружения. В погребении из могильника Кривое Озеро (мужчина старшего возраста – 50–55 лет) найдены бронзовый наконечник копья и псалий. На дне ямы расчищены колесные ямки. В семи остальных обнаружены каменные наконечники стрел, в трех – псалии, и в одном – каменная булава (могильник Кулевчи VI).

Несмотря на малочисленность выборки, роль мужчины-воина/колесничего отражена в петровских захоронениях очень хорошо. Во всех идентифицированных случаях предметы колесничного комплекса и военного дела представлены в полном объеме.

В погребениях мужчин встречено несколько каменных орудий труда (абразив, каменные плитки, песты), бронзовый нож, бронзовое тесло, бронзовые шилья. Невозможно судить по ним о хозяйственных занятиях мужчин этого времени. Предметов, связанных с металлопроизводством, в петровских погребениях обнаружено не было, за исключением нескольких каменных артефактов, упомянутых выше.

Алакульская культура. Количество взрослых индивидов, идентифицированных как мужчины – всего 36 возрастом от 15 до 55 лет. Большая часть выборки приходится на северо-казахстанские могильники Лисаковский I и Тасты-Бутак 1.

Обилие погребального инвентаря не свойственно мужским алакульским захоронениям. Фактически, девять умерших из 36 (25.7%) не имели никакого сохранившегося инвентаря, кроме посуды. Из артефактов можно назвать: два бронзовых ножа, происходящих из могильников Лисаковский I и Кулевчи VI, несколько каменных наконечников стрел, два псалия из могильника Степное VII, бронзовое навершие булавы из Алакульского некрополя. Другие находки единичны – немногочисленные бронзовые бусины или обоймы, так называемые «пряжки», сделанные из раковин, скрепки. Эти вещи, за исключением скрепок, преимущественно относились к костюму, о котором, впрочем, тоже нельзя сказать ничего определенного.

Выявить вещевые гендерные маркеры для мужчин также не представляется возможным, при почти полном отсутствии орудий труда и оружия в погребениях². Соответственно, мы не можем сказать ничего определенного о социальных ролях или гендерной идентичности мужчин в алакульское время, основываясь лишь на данных погребальных памятников.

Таким образом, отражением мужской гендерной идентичности в погребениях претерпело значительные изменения от синташтинского периода к алакульскому. Синташтинские умершие сопровождалась большим количеством погребального инвентаря, включая предметы вооружения, колесничного комплекса, орудия труда, артефакты, связанные с металлопроизводством, а также впечатляющими жертвенными комплексами. В петровский период, количество категорий мужского сопроводительного инвентаря уменьшается, он в основном представлен предметами вооружения и колесничного комплекса.

² Тем не менее, конфликты с применением оружия имели место в алакульском мире, и эти конфликты бывали кровавыми и жестокими, о чем свидетельствуют материалы зауральских поселений Мирный IV и, особенно, Коркино I [Чемякин, 2015].

В отличие от синташтинского и петровского, в алакульское время мужской погребальный инвентарь сводится к единичным находкам предметов быта и вооружения. В этот период, в подавляющем большинстве случаев демонстрация гендерных стереотипов связана с женщинами различных возрастов, от младенческого до старческого. Мужской гендер в погребениях, за редкими исключениями, не отражен.

С чем связан такой сдвиг в идеологии, начавшийся в петровское время и достигший апогея в алакульское? Что стояло за этими изменениями? Были ли они обусловлены сменой гендерных стереотипов в живом обществе? Несмотря на то, что нам остро не хватает свидетельств о древних обществах и их социальных структурах, ряд предположений может быть сделан с некоторой степенью уверенности.

Представляется, что занятия, связанные со скотоводством должны были в целом остаться теми же – выпас и уход за животными, поскольку экономическая основа, судя по находкам на поселениях, не изменилась. Металлургия и военное дело продолжали существовать, чему достаточно подтверждений.

Все сказанное выше приводит нас к выводу, что гендерные стереотипы как нормы поведения мужчин и женщин в изучаемых обществах, не должны были серьезно измениться за это время, как и их базовые социальные роли. Отсутствие орудий труда и предметов вооружения в алакульских погребениях не может означать, что люди перестали работать или конфликтовать. Остается заключить, что сменились религиозные представления, связанные с отправкой умершего в мир иной, а с ними и принципы снабжения инвентарем. Постепенно почти обязательным стало маркирование женского гендера с помощью украшений. Мужская идентичность в погребальном обряде со временем оказалась скрытой, по крайней мере, она почти не манифестировалась не только с помощью артефактов, но и с помощью организации погребального пространства, создания впечатляющих жертвенных комплексов, установки колесниц.

Какие изменения в обществе могли привести к смене идеологии? Очевидно одно – в алакульское время население перестало вкладывать огромные ресурсы не только в создание погребальных комплексов и поддержание колесничной технологии, но и в сооружение фортифицированных поселений, и, по всей видимости, направило усилия в другое русло. Если исходить из генетической связи алакульских традиций с синташтинскими, можно предположить, что, если синташтинские коллективы не чувствовали себя в полной безопасности на новой для них территории, строили укрепления, демонстрировали свою воинственность и богатство скотом в погребальной сфере, то в алакульский период, ситуация оценивалась населением как относительно безопасная и благоприятная. Соответственно, необходимость инвестировать большие ресурсы в «невозвратные» с экономической точки зрения сферы жизни со временем стала казаться неоправданной. В таком случае, одна из мужских социальных ролей – «воина-колесничего» могла совсем исчезнуть в течение алакульского периода.

Однако, даже если эта теория верна, она все равно не объясняет, почему мужской гендер перестал маркироваться в погребениях, а женский, наоборот, стал еще более акцентированным и вышел на первый план. Очевидно, произошла переориентация на отражение семейных ценностей, связанных, в первую очередь, с женским началом.

Женщины и дети приобрели особую ценность в глазах сообщества. Причины этому, вероятно, следует искать в изменившихся в благоприятную сторону обстоятельствах жизни общества.

Список литературы

Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Металлопроизводство, погребальная обрядность и социальная идентичность (синташтинские древности Южного Урала) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 1 (44). С. 65–71.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.

Чемякин Ю.П. Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск: б/и, 2015. С. 169–176.

Kupriyanova E.V., Epimakhov A.V., Berseneva N.A., Bersenev A.G. Bronze Age Charioteers of the Eurasian Steppe: A Part-time Occupation for Select Men? // PraehistorischeZeitschrift. 2017. Vol. 92 (1). P. 40–65.

REFLECTION OF MALE IDENTITI IN THE BURIAL SITES DURING THE BRONZE AGE (SOUTH TRANS-URALS)

*Berseneva N.A.
Senior Research Fellow
Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, South-Ural State University, Chelyabinsk,
Russia*

Abstract: The article concerns the problem of gradual disappearance of male gender markers from the burials during the Bronze Age (21 – 15 cal BC). We can suppose that changes in the ideological sphere related to providing the dead with grave goods were determined the changes in the way of life of the population. It allowed to relocate the priorities from male gender to female gender, from the demonstration the war abilities and aggression to family values and fertility.

Key words: South Trans-Urals, Bronze Age, male burials, gender, social roles

«СОЛНЦЕЛИКИЕ» АНТРОПОМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ: МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ

© 2018 г. Кащей Олеся Анатольевна (shukinja@mail.ru)
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

Аннотация: Статья посвящена образам антропоморфных фигур с ореолом в виде точек, черточек-точек, линий вокруг головы, зафиксированных в наскальных галереях Саймалы-Таша, Тамгалы, Ешкиольмеса и Каркияся. Проведен образно-стилистический анализ «солнцеголовых» антропоморфных образов, найдены аналогии некоторым сюжетным композициям в шумеро-вавилонских мифологических текстах. Сделаны предварительные заключения о половой принадлежности рассмотренных образов, их датировке, особенностях изобразительных традиций и единых представлениях мировоззренческого характера.

Ключевые слова: Средняя Азия, эпоха бронзы, петроглифы, антропоморфные изображения, «солнцеликие».

Наскальное искусство – явление сложное, неоднозначное, высвечивающее определенные грани в мировоззрении древних коллективов и их глубокие связи с животным миром и природными явлениями.

На территории Средней Азии известно более 300 памятников с наскальными изображениями, преимущественно датированные эпохой бронзы. Наибольший интерес представляют так называемые «солнцеликие» («солнечноликие», «солнцеголовые») антропоморфные образы, представленные на таких каменных галереях с петроглифами, как Саймалы-Таш, Тамгалы, Ешкиольмес, Каракиясай и др. Помимо петроглифов Средней Азии, «солнцеголовые» зафиксированы на писаницах Саяно-Алтая, Среднего Енисея, а также известны и на каменных ящиках курганного могильника Каракола [Дэвлет и др., 2017. С. 39]. Свое название они получили в виду внешнего сходства очертаний голов-дисков антропоморфных фигур (с расходящимися по радиусу лучами или точками) и символических знаков солнечного светила.

Исследователи наскальных изображений Тамгалы относят «солнцеголовых» к одним из наиболее древних антропоморфных изображений бога и сопоставляют их с описаниями солнечных божеств Сурьи и Митры из священной книги «Ригведы» [Максимова и др., 1985. С.9]. Предостерегая от подобных сравнений, Я.А. Шер писал, что «солнечноликие» и «луноподобные» антропоморфные фигуры Саймалы-Таша напрашиваются на сопоставление с индоарийским пантеоном, но для уточнения хронологии это почти ничего не дает [Шер, 1980. С. 196].

Г.А. Помаскина исследуя петроглифы Саймалы-Таш, выделяет несколько стадий в развитии данного образа:

- первоначально с солнечным диском отождествлялся круг, контурный или сплошной, с точкой посередине или без нее;

- далее солнце отождествляется с колесом, в котором изображено сначала два, а затем любое количество лучей от четырех до восьми;

- у солнца появляются внешние лучи;
- появляются более сложные образы – солнце-животные (олень, козел, бык), солнце-человек и, наконец, солнечная колесница [Помаскина, 1976. С. 23-24].

Современная методика исследования наскальных изображений подразумевает междисциплинарный методологический синтез, отвечающий современным требованиям науки [Ковалева, 2011. С. 14]. В этой связи стал актуальным семиотический подход к наскальному искусству, при котором каждое изображение рассматривается как неделимое единство плана содержания и плана выражения изобразительного языка (того, что изображено и как изображено) [Шер, 1980. С. 41]. В рамках данной методики исследования наскальных изображений рассмотрим более детально «солнцеликие» антропоморфные образы Средней Азии, уделяя особое внимание стилистике изображенных в данных сюжетных композициях животных, если они присутствуют.

Образно-стилистический анализ наскальной галереи Каракияся свидетельствует о том, что антропоморфные «солнцеликие» образы с точками-черточками вокруг головы, изображенные рядом с животными в силуэтной традиции, представляют пласт наиболее архаичных сюжетных композиций на данном памятнике (рис. 1, 1).

Обращает на себя внимание и присутствие молодого бычка или коровы рядом с «солнцеголовыми» антропоморфными образами. Возможно, ближайший образ к фигуре животного мы можем идентифицировать как женский, ввиду округлости форм в районе груди. Сочетание мифологемы «женщина – бык» уходит в палеолитическую древность, что подтверждается археологическими исследованиями памятников палеолитической эпохи, где нередко обнаруживают сочетание женской статуэтки и костей быка [Дэвлет и др., 2005. С. 145-146]. Подобное сочетание образов встречается и на петроглифах Тамгалы, с явным указанием на принадлежность животного к мужскому полу (рис. 1, 2) и изображением «солнцеликого» существа без указания половой принадлежности. Стиль изображений силуэтный.

В Тамгалы также «солнцеликое» божество представлено в сюжетных композициях рядом с лошадей в (рис. 1, 3) и с горным козлом [Максимова и др., 1985. С. 30], а в Саймалы-Таше с лошадей и оленем (рис.1, 4). Стиль изображений также силуэтный. В подобных дуэтах исследователи петроглифов урочища Тамгалы видят связь божеств с животными, с их зооморфными перевоплощениями [Максимова и др., 1985. С. 9].

А.П. Окладников указывал на сложные астрально-космические представления народов Средней и Центральной Азии [Окладников и др., 1969. С. 146]. Как известно, наиболее древний пласт изображений отражает солнечные культы и астральную ориентацию мифологических представлений, поэтому мы предполагаем, что имели место быть соответствия между созвездиями и предметно-животным миром, что подтверждается и письменными источниками, например, в вавилонском тексте начала II тыс. до н. э. «Молитва к ночным богам» упоминаются такие созвездия, как «Лук и Ярмо, Крестовина, Дракон, Колесница, Коза, Овен и Змея» [Поэзия и проза Древнего Востока, 1973. С. 221].

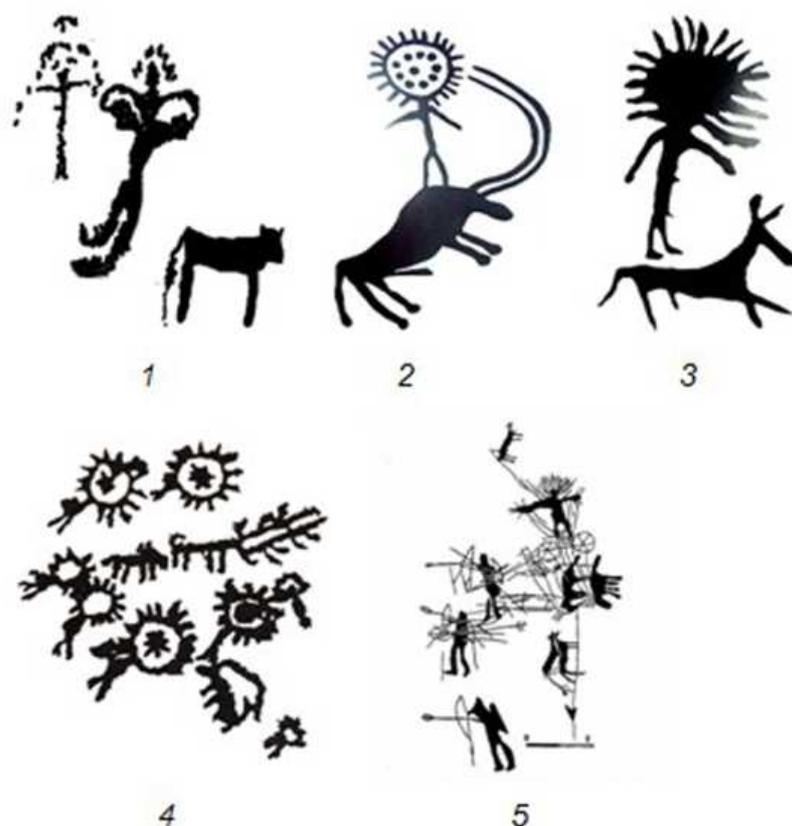

Рис.1. «Солнцеликие» антропоморфные фигуры в сценах с участием животных.
 1 – Каракиясай, 2, 3 – Тамгалы [Максимова и др., 1985. С. 37, С. 39], 4 – Саймалы-Таш [Помаскина, 1976. С. 24], 5 – Ешкиольмес [Байпаков и др., 2005. С. 118].

На петроглифах Ешкиольмеса «солнцеликое» существо управляет колесницей, в которую запряжены лошади. Стилистика животных также силуэтная. Авторы датируют подобные изображения началом II тыс. до н.э. – I тыс. до н.э. [Байпаков и др., 2005. С. 61-63]. Колесница в данном случае выступает как атрибут солнечного божества. На Каракиясае встречаются изображения животных как рядом с колесом, так и на колесе³, вероятно также относящихся к солярной символике и ее отражению на каменных памятниках.

«Солнцеликие» антропоморфные образы встречаются и в сюжетных композициях без участия представителей животного мира (рис. 2).

Здесь уже имеется проработка лица на фигуре из Саймалы-Таша (рис. 2, 1) и «маркеры», свидетельствующие о половой принадлежности у некоторых антропоморфных существ из Тамгалы (рис. 2, 3). На изображении существа из Ешкиольмеса представлена одежда и бычий хвост (рис. 2, 2). Стили изображений фигур контурные, некоторые с элементами линейного стиля.

³ Количество спиц колеса варьирует от четырех до пятнадцати.

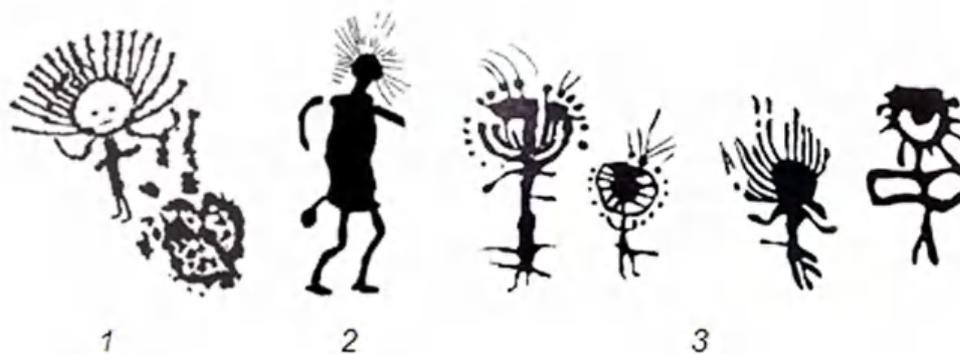

Рис. 2 «Солнцеликие» антропоморфные фигуры.

1 – Саймалы-Таш [Помаскина, 1976. С. 25], 2 – Ешкиольмес [Байпаков и др., 2005. С. 119],
3 – Тамгалы [Максимова, 1985. С. 9-10].

На памятнике Тамгалы имеется изображение двух «солнцеликих» гигантов в окружении животных и двенадцати динамично изображенных, так называемых «пляшущих человечков» (рис. 3, 1).

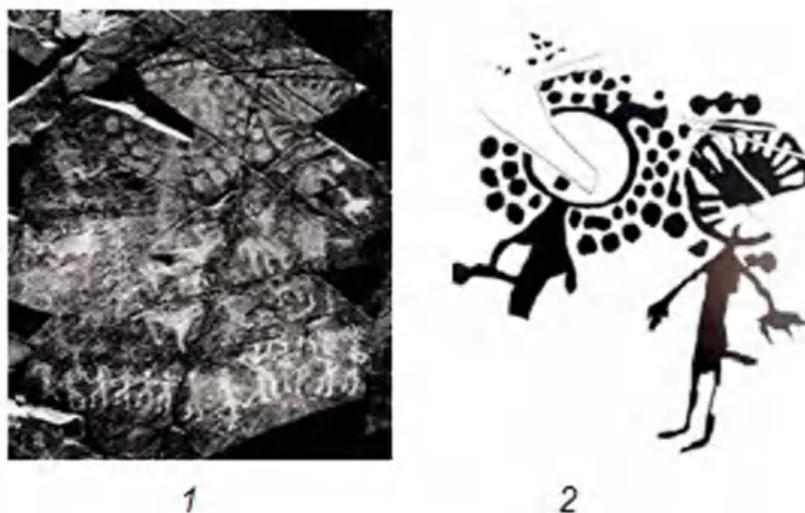

Рис. 3. Парные антропоморфные образы, урочище Тамгалы.

1 – фотография сюжетной композиции, 2 – прорисовка «солнцеголовых» фигур [Максимова и др., 1985. С. 28-29].

Рассмотрим более детально эти изображения. Все они выполнены в силуэтной стилистической традиции. Первое, что бросается в глаза – у фигур-гигантов изображены хвосты разных животных (рис.3, 2). Второе – оформление очертаний головы и ее ореола,

которые также различаются. В связи с этим, можно предположить, что здесь изображены два небесных светила: лунное божество с бычьим хвостом и с точками вокруг лика, и «солнцеликое» божество с лучами и хвостом более похожим на хвост горного козла. В шумеро-вавилонских гимнах-песнях, датируемых концом III - II тыс. до н. э., лунное божество Нанна (Зуэн, Син), предстает в образе могучего быка. В сюжетных композициях Тамгалы «солнцеликие» образы божеств половой характеристики не имеют, и их внешнее различие и идентичность обозначены в разнице ореола головы и хвоста. Относительно солнечного божества и конкретно данной сюжетной композиции (рис. 3, 1) можно привести фрагмент из гимна богу Шамашу вавилонского времени (II тыс. до н.э.):

Шамаш, когда ты восходишь над Великой Горой...

...Великие боги спешат услышать твой суд,

Ануннаки⁴ бегут услышать твои повеленья,

Люди, сколько их есть на земле, все тебя ожидают,

Всякий скот на земле с четырьмя ногами

Навстречу твоим лучам открывает глаза... [Поэзия и проза Древнего Востока, 1973. С. 222].

Сочетание элементов изображения «солнцеголового» из Ешкиольмеса (рис. 2, 2) хвост быка (элемент лунного божества) и лучи, подобные солнечным, возможно, являются необходимыми атрибутами в изображении человеческого образа (мужчины-шамана) в момент проведения обрядовой практики поклонения солнцу. Подобные изображения есть и в Саймалы-Таше [Помаскина, 1976. С. 31]. Здесь в верхней части композиции изображена антропоморфная фигура, которая держит в вытянутых вверх руках окружность, с расходящимися лучами, а ниже ее представлены человеческие фигуры с хвостами и вскинутыми вверх руками. В нижней части композиции, отчеркнутой линией, изображен также «солнечноликий» образ, вероятно, обозначенный, как божество подземного мира (ушедшего за горизонт светила или представителя подземного мира). Также обращает на себя внимание отсутствие половых признаков.

Таким образом, можно сделать следующий вывод – в период создания наскальных изображений на территории Южного Казахстана, Киргизии, Северо-Восточного Узбекистана «солнцеликие» божества выделения по половым признакам не имели, они мыслились по человеческому подобию, но с определенными особенностями (светоносным ликом вокруг головы и с хвостом). Подобные свидетельства мы находим и в изображениях обрядовых действий с участием человекоподобных существ, в которых сцены поклонения небесным светилам совершались, по всей вероятности, отдельно от культов плодородия. Изображения «солнцеголовых» персонажей с указанием на половую принадлежность, можно трактовать, как изображения прабогов, предков, шаманов.

Выявление схожих по внешнему признаку и изобразительной традиции наскальных изображений – свидетельство единых представлений мировоззренческого характера, с глубокой древности существовавших не только на территории Средней Азии, но и на Ближнем Востоке, что нашло отражение в шумерских гимнах, посвященных солнечному и

⁴ Ануннаки – 12 богов подземного мира. Обращает на себя внимание, что в данной сюжетной композиции 12 «пляшущих человечков» изображены в нижней части каменного полотна.

лунному божествам. В связи с этим, при исследовании семантики наскального искусства Средней Азии, необходимо уделять должное внимание не только этнографическим материалам, древнеиндийской и древнеиранской мифологии, но шумеро-вавилонским клинописным текстам, которые датируются эпохой III- I тыс. до н.э. Археологические находки эпохи бронзы вблизи памятников с петроглифами, как правило, не выявлены, имеются пещерные стоянки, относящиеся к финальной эпохе каменного века. Сегодня лишь каменные полотна с многочисленными фигурными композициями являются свидетельством присутствия в высокогорных районах Средней Азии человека бронзового века.

Список литературы

- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Потапов С.А. и др. Петроглифы в горах Ешкиольмес. Алматы: «OST-XXI», 2005. 226 с.
- Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М.: Алетей, 2005. 472 с.
- Дэвлет Е.Г., Пахунов А.С., Дэвлет М.А. Солнцеголовые персонажи Каракола // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 37-40.
- Ковалева О.В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. 160 с.
- Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: Өнер, 1985. 144 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Часть 2. Л.: Наука, 1970. 262 с.
- Помаскина Г.А. Когда боги были на земле... (Наскальная галерея Саймалы-Таша). Фрунзе: Издательство «Кыргызстан», 1976. 36 с.
- Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Издательство «Художественная литература», 1973. 735 с.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 325 с.

‘SUN-FACED’ ANTHROPOMORPHIC IMAGES IN ROCK ART OF CENTRAL ASIA: MALE AND FEMALE

Kashchey O.A.

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract: The article is devoted to images of anthropomorphic figures with a halo in the form of dots, dash-dots, lines around the head, recorded in the rock galleries Saimaly-Tash, Tamgaly, Eshkiolmes and Karakiyasay. A figurative and stylistic analysis of ‘sun-headed’ anthropomorphic images has been carried out, and analogies to some plot compositions in Sumerian-Babylonian mythological texts have been found. Preliminary conclusions about the gender of the examined images, their dating, features of pictorial traditions, and unified worldview views were made.

Key words: Central Asia, Bronze Age, petroglyphs, anthropomorphic images, ‘sun-faced’.

«МУЖСКАЯ» И «ЖЕНСКАЯ» МОДЕЛЬ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ БРОНЗОВОГО ВЕКА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

© 2018 г. Куприянова Елена Владиславовна (dzdan@mail.ru)
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»,
г. Челябинск, Россия

Аннотация: В основных культурных группах эпохи бронзы Южного Зауралья – синташтинской, петровской и алакульской - выявляются лишь две устойчивые модели обряда, отражающие мифологические представления – погребения в «позе объятия» и погребения с колесничной символикой или признаками колесничного комплекса. Данные модели отражают концепт «мужского» и «женского» начала в мифологии и ритуале бронзового века. Анализ изменений количества и характера «мужской» и «женской» моделей в погребальном обряде изученных культурных групп отражает постепенное снижение их мифо-ритуальной символики, а затем полное исчезновение либо использование для обозначения реального жизненного статуса индивидов.

Ключевые слова: бронзовый век, погребальный обряд, парные погребения, колесничная символика, гендер, ритуал

Принятый в археологии анализ погребального обряда путем подсчета количества погребений по различным отдельным параметрам (положение, ориентация, количество погребенных, количество инвентаря и пр.) позволяет получить соотношение этих отдельных характеристик в различных культурах, могильниках или для разных возрастных групп, создает усредненный образ обряда, но не дает представлений о его моделях и вариациях. Работа, направленная на получение комплексной характеристики погребального обряда в основных культурных группах эпохи бронзы Южного Зауралья (с привлечением материалов Предуралья и Казахстана) –синташтинской, петровской и алакульской культур, – позволила выявить лишь две устойчивые модели обряда, отражающие мифологические представления – погребения в «позе объятия» (рис. 1) и погребения с колесничной символикой или признаками колесничного комплекса (рис. 2), в которые включаются наличие одного или нескольких параметров (псалии, колесные ямки, жертвоприношения лошадей, оружие дистанционного боя) [Чечушков, 2013. С.8].

В работе были использованы материалы 47 могильников (356 курганов и грунтовые кладбища, в сумме включающие 1815 погребений и жертвенных комплексов), содержащих синташтинские, петровские, алакульские и смешанные материалы, которые для сравнения были разделены на группы по культурно-хронологическому принципу. При разделении на группы мы старались применять максимально гибкую методiku для получения как можно более адекватных статистических данных. Так, **синташтинскую группу** составляют более-менее монолитные комплексы, поскольку, за редким исключением, в пределах одного кургана содержатся лишь синташтинские погребения. В памятниках, содержащих и синташтинские, и петровские материалы, они четко разграничивались, не смешиваясь в пространстве одного кургана, поэтому синташтинские и петровские комплексы из одного некрополя были разделены и помещены в разные группы (в частности, в могильниках Кривое Озеро и Степное-1).

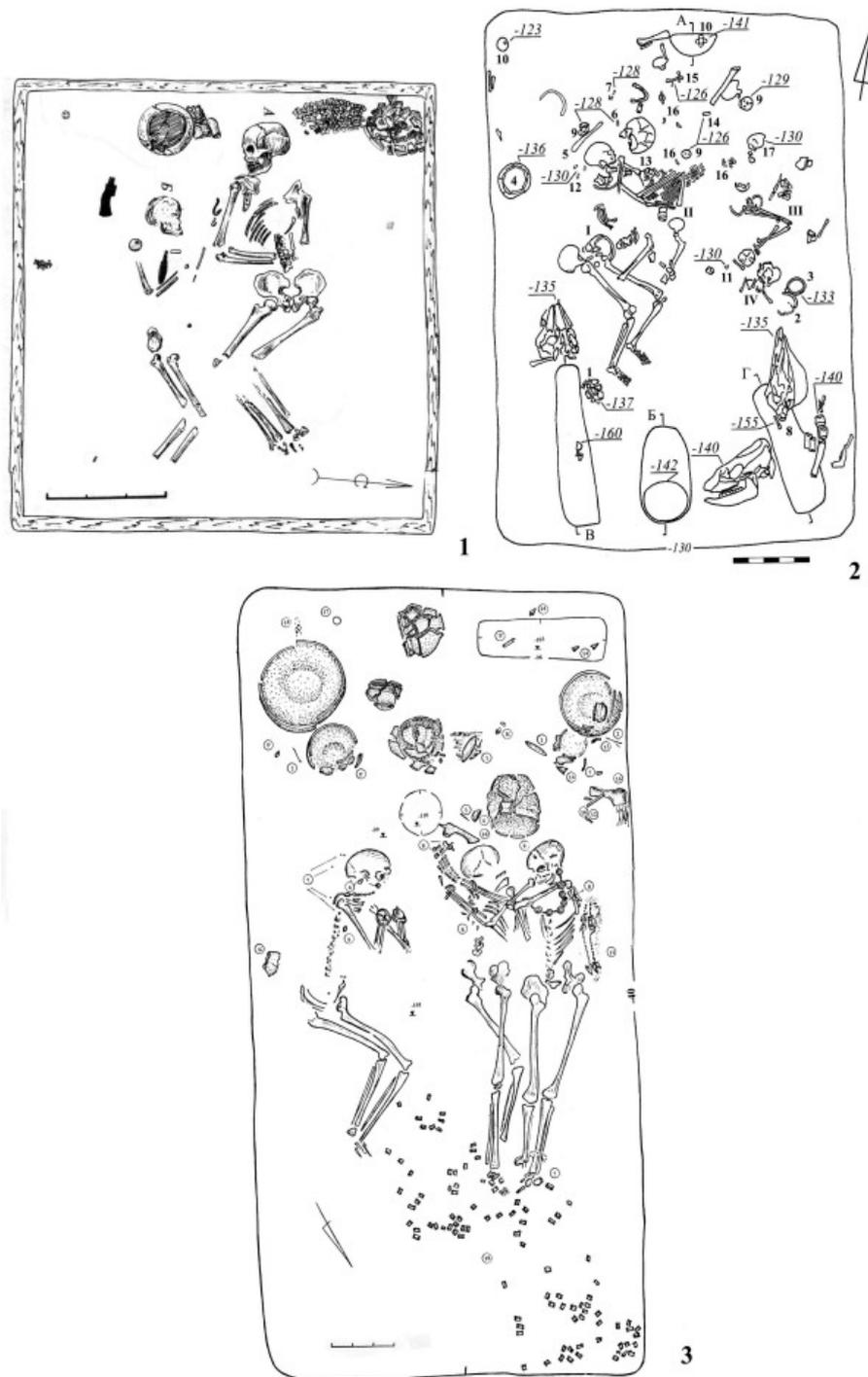

Рис. 1. Парные погребения в «позе объятия» синташтинской и петровской культур:
 1 – погр. 39, Синташтинский грунтовый могильник, по: [Генинг, Зданович., Генинг, 1992. Рис.65.2];
 2 – яма 8, к.2, мог. Каменный Амбар-5, по: [Епимахов, 2005, рис.29]; 3 – яма 17 мог. Степное VII

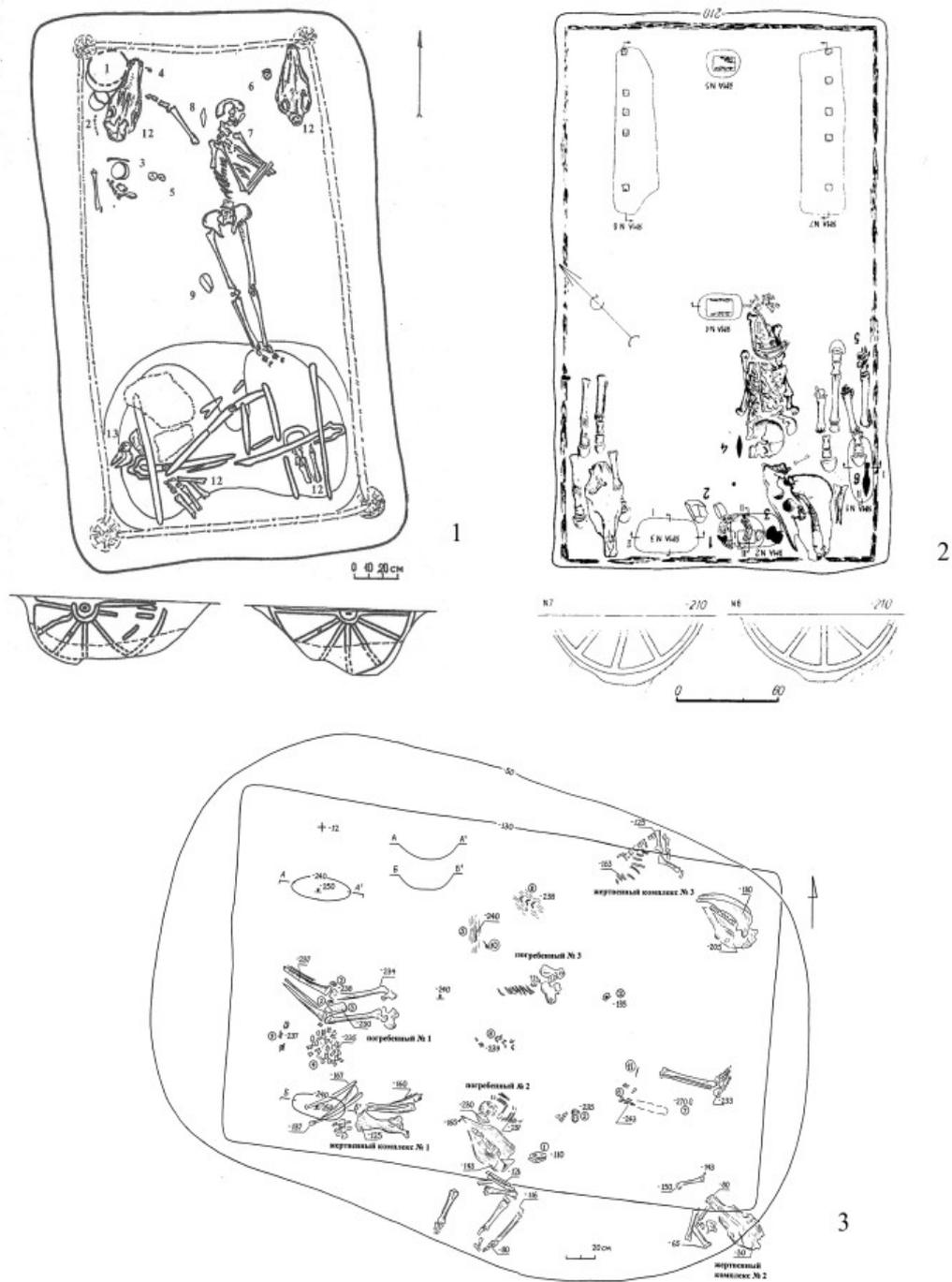

Рис. 2. Парные жертвоприношения лошадей в погребениях синташтинской культуры:
 1 – мог. Кривое Озеро, по: [Виноградов, 2003]; 2 – Синташтинский большой грунтовый могильник,
 по: [Генинг, Зданович, Генинг, 1992]; 3 – мог. Степное-1

При выделении петровской группы, напротив, в большом количестве петровских комплексов оказываются примешанными алакульские материалы (как отдельные погребения, так и погребения со смешанными петровско-алакульскими чертами обряда, керамикой), настолько органично вписывающиеся в контекст памятника, что разделить их практически невозможно. По этой причине было решено выделить *группу петровских и петровско-алакульских* комплексов, где доминирующую роль играют петровские материалы. Выделение группы алакульских комплексов также вызывает определенные затруднения, поскольку чисто алакульские материалы без инокультурных влияний в могильниках явление также достаточно редкое. В результате в *алакульскую группу* было выделено несколько могильников, где алакульские материалы в комплексах составляют основную базу. В отдельную группу были выделены *алакульско-федоровские* некрополи, поскольку в общих чертах обрядности они хоть и близки в целом алакульским, но усугубление некоторых черт и появление новых придает им определенное своеобразие.

Погребения в «позе объятия» в нашем исследовании, на основании эмпирического опыта и знакомства с материалом, разделялись по числу индивидов и количеству инвентаря. Выделялись парное погребение и «парное погребение + третий индивид». Были определены также *ординарное количество* инвентаря (где инвентарь индивида составляют 1-2 сосуда + возможно 1-2 мелких категории украшений (бусы, бляшки) без крупных комплектов украшений и/или 1-2 малозначимых категории иного инвентаря (астрагалы, каменные сколы и пр.) и *богатый инвентарь* (где количество инвентаря у одного индивида составляет более двух сосудов и более двух категорий иного инвентаря, в т.ч. крупные предметы и предметы престижа – сложные комплексы украшений, массивные вещи из металла и пр.). Исходя из этого, выделены модели:

- парное погребение в «позе объятия» с ординарным инвентарем;
- парное погребение в «позе объятия» с богатым инвентарем;
- погребение в «позе объятия» + третий индивид, с ординарным инвентарем;
- погребение в «позе объятия» + третий индивид, с богатым инвентарем.

Результаты подсчетов количества погребений в выделенных моделях относительно общего количества погребений представлены в таблице 1.

Проведенный анализ предоставляет ряд интересных выводов относительно межкультурных изменений в моделях погребального обряда. Два анализируемых сюжета (модели), ввиду своей необычной формы и устойчивых характеристик, явно воплощают некие мифологические представления, связанные, на наш взгляд, с «мужским» и «женским» концептом в религии племен бронзового века (возможно, мужским и женским персонажем). При этом колесничная тематика встречается в погребениях только с богатым инвентарем, в том числе и в могилах с погребениями в «позе объятия».

Табл. 1. Соотношение количества погребений по моделям/схемам погребального обряда

Могильник / культура		С призн. колесничного комплекса	Парные в позе объятия		Парные в позе объятия + третий индивид	
			С ординар. инвентарем	с богатым инвентарем	С ординар. инв-рем	с богатым инвентарем
Сингагинская культура	Танаберген	4	-	-	-	1
	Жаман-Каргала	-	-	-	-	-
	Солнце 2	5	-	-	-	-
	БК	4	-	-	-	-
	Кривое Озеро	2	-	-	-	1
	Каменный Амбар	9	1	1	-	1
	Степное 1	4	-	-	-	-
	СМ	18	-	1	-	1
	СІ	5	-	-	-	1
	СІІ	3	-	-	-	-
	СІІІ	1	-	-	-	-
	Бестамак	10	-	3	-	-
	ИТОГО:	61 (31,3%)	1 (0,5%)	5 (2,6%)	-	5(2,6%)
Петровские и петровско-алакульские комплексы	Жабай-Покровка	-	-	-	-	-
	Кенес	-	-	-	-	-
	Берсуат	-	-	-	-	-
	Берлик 2	3	-	-	-	-
	Аксайман	2	-	-	-	-
	Кривое Озеро	4	-	-	-	-
	Степное 1	3	-	-	-	-
	Чистолебяжье	-	-	-	-	-
	Хрипуновский	1	-	1	-	-
	Петровка	-	-	-	-	-
	Семипалатное	1	-	-	1	-
	Нуртай	1	-	-	-	1
	Бозенген	-	3	-	-	-
	Икпень	-	3	-	-	-
	Актобе 1	-	1	-	-	-
	Актобе 2	-	-	-	-	-
	Новоникольское	1	-	-	-	-
	Улубай	-	-	-	-	-
	Степное 7	4	-	1	-	3
ИТОГО:	20 (12,9%)	7(4,5%)	2(1,3%)	1 (0,6%)	4(2,6%)	

Алакульская культура	Джангильды	-	-	2	-	3
	Тасты-Бутак 1	-	11	-	-	-
	Кулевчи 6	-	-	-	-	-
	Ильяска	-	-	-	-	-
	Черняки	-	-	-	-	-
	Спасское	-	1	-	-	-
	ИТОГО:	-	12(9,2%)	2(1,6%)	-	-
Алакульско-федоровские комплексы	Алыпкаш	-	-	-	-	-
	Приплодный Лог	-	-	-	-	-
	Урефты	-	-	-	-	-
	Лисаковский	-	1	-	1	-
	Исиней	-	2	-	-	-
	Чекотай	-	-	-	-	-
	ИТОГО:	-	3(2,9%)	-	-	-

Распределение количества погребений, воплощающих эти две схемы, между культурными группами таково:

Табл. 2

Соотношение моделей погребений в «позе объятий» и погребений с колесничной символикой в различных культурных группах

Культурная группа	Погребения в «позе объятия» (%)	Погребения с колесничной символикой (%)
Синташтинская	5,7	31,3
Петровская и петровско-алакульская	9	12,9
Алакульская	10,8	-
Алакульско-федоровская	2,9	-

Из таблицы 2 очевидно, что отмечается уменьшение количества погребений с колесничной символикой и увеличение количества погребений в «позе объятия» от средней к поздней бронзе, исключая группу могильников с федоровским влиянием, где практически не встречается ни та, ни другая схема. Погребения с колесничной символикой отсутствуют и в алакульских памятниках, не имеющих петровского влияния.

Среди погребений в «позе объятия» в синташтинских и петровских памятниках доминируют погребения с богатым инвентарем, в алакульских – с ординарным. Выделенная нами схема «погребение в «позе объятия» + третий индивид» отмечена в синташтинских и

петровских памятниках и отсутствует в алакульских и алакульско-федоровских. В целом это говорит о том, что подобная модель погребений в синташтинской и петровской культурах воплощает ритуально-мифологическую схему, а в алакульских памятниках больше демонстрирует реальные семейно-брачные отношения.

Подтверждением наших выводов могут служить исследования парных погребений в «позе объятия» алакульской культуры Южного Урала, проводившиеся Я.В. Рафиковой преимущественно на памятниках Приуралья и Башкирии [Рафикова, 2008; 2009; 2014]. Как указывает автор, процент таких погребений на каждом памятнике вариативен – от 2 до 17,1%, хотя в другой работе приводятся данные могильника, где процент таких погребений около 27 [Рафикова, Савельев, 2015. С. 152]. Все представленные в работах погребения – парные, т.е. как и в нашей выборке отсутствует схема «2 + 1», выделенная для синташтинских и петровских комплексов. Все погребения не отличаются особыми наборами инвентаря, исключая тот факт, что погребенные на правом боку индивиды иногда сопровождаются украшениями. Остальной инвентарь (кроме керамики) крайне скуден. Из других характерных черт Я.В. Рафикова выделяет следующие. По возрастному критерию подавляющее большинство погребенных пар (85,76%) являются одновозрастными, из которых взрослые 47,2%, подростковые и детские – 27,8 и 25%. По расположению подавляющее большинство являются центральными ямами одномогильных курганов и совершены одновременно [Рафикова, 2014. С. 232-234]. Из перечисленных признаков и подробного анализа других черт этого вида погребений автор делает вывод, что погребенные являлись реальными супругами, а способ погребения отражает семейно-брачные отношения [Там же. С.242], с чем мы склонны согласиться, подразумевая изменение семантического статуса этого вида погребений в алакульской культуре.

Отдельному анализу были подвергнуты также погребения с признаками колесничного комплекса. Было рассмотрено 93 объекта из погребальных памятников, содержащие жертвоприношения лошадей (65 объектов с 11 памятников синташтинской культуры и 28 объектов с 13 памятников петровско-алакульского круга). Проведенные исследования погребений с колесничной символикой позволяют разделить их на несколько типов:

Tun A – жертвенники из голов и ног лошадей («частичное животное»):

A1. Пара жертвенных особей располагается на дне могилы;

A2. Жертвенники располагаются на перекрытии;

Tun B – жертвенники из целых туш лошадей:

B1 – костяки двух лошадей, расположенные на перекрытии погребальной камеры;

B2 – костяки двух лошадей, лежащие на краю ямы. Выделяется четыре подварианта обряда:

1. Костяки лошадей расположены вдоль длинных стен ямы на ее краях, ногами друг к другу;

2. Костяки лошадей расположены вдоль длинных стен ямы на ее краях, ногами в противоположные стороны;

3. Костяки лошадей расположены рядом, с одной стороны ямы, ногами друг к другу (ноги сплетены);

4. Костяки лошадей расположены рядом, с одной стороны ямы, ногами в противоположные стороны.

Жертвоприношения лошадей отмечены также в отдельных ямах, не связанных с погребениями (типы А3 – «частичное животное», и Б3 – целые костяки).

Исследование выявило четкую систему культурной принадлежности различных вариантов жертвенников. Как видно из таблицы 3, разные варианты практически не пересекаются в синташтинских и петровских комплексах:

Табл. 3

Распределение типов жертвенных комплексов с парными лошадьми в синташтинских и петровских некрополях

Синташтинская культура 65 объектов (100%) Из них неопределимых 9 (13,8%)						Петровская культура 28 объектов (100%) Из них неопределимых 7 (25%)					
Тип А			Тип Б			Тип А			Тип Б		
Подтип 1	Подтип 2	Подтип 3	Подтип 1	Подтип 2	Подтип 3	Подтип 1	Подтип 2	Подтип 3	Подтип 1	Подтип 2	Подтип 3
10 (15,4%)	21 (32,3%)	2 (3%)	20 (30,8%)	-	-	-	1 (3,6%)	1 (3,6%)	1 (3,6%)	15 (53,5%)	3 (10,7%)

Таким образом, характерными для синташтинской культуры типами являются А1, А2, Б1; для петровских памятников доминирует тип Б2. Здесь мы видим проявление четкой тенденции к индивидуализации колесничного комплекса в петровской культуре. Если в синташтинских могильниках большинство погребений с колесничной символикой являются коллективными и находятся в составе многомогильных курганов, то петровские погребения с признаками колесничного комплекса, как правило, единственные центральные погребения в кургане, как правило, взрослых мужчин.

Изучение соотношения колесничной символики и символики плодородия в погребениях представляет следующую картину:

Табл. 4. Типология парных захоронений лошадей и доминирующие темы ритуала

тип жертвенника	Синташтинская культура, признаки колесничного комплекса		Петровская культура, признаки колесничного комплекса		ритуальные темы
	есть	нет	есть	нет	
А1	7	4	-	-	колесничная, плодородия
А2	10	10	1	-	колесничная, плодородия
А3	-	2	-	1	плодородия
Б1	5	16	-	1	плодородия, колесничная
Б2	-	-	6	8	колесничная
Б3	-	-	-	3	плодородия

*Шрифтом выделены доминантные темы.

Все проведенные исследования ярко демонстрируют тенденции обособления двух моделей и проявления «мужского» и «женского» концепта в петровской культуре, в отличие от синташтинской.

Проведенные исследования позволяют представить и роль двух изученных моделей в погребальной обрядности исследуемых культур.

Синташтинская группа (рис. 3.1). Около 1/3 всех погребений содержат те или иные признаки колесничной символики – парные жертвоприношения лошадей, колесные ямки, псалии и др. Количество таких погребений в синташтинской культуре на порядок превышает их число во всех иных культурных образованиях эпохи бронзы, что делает колесничный комплекс устойчивой моделью погребального обряда. В отличие от петровской культуры, где более распространены индивидуальные погребальные комплексы с колесничной символикой, в синташтинских могильниках колесничная тема часто присутствует и в крупных коллективных комплексах, нередко в нескольких ямах, в том числе и коллективных, и в грунтовых могильниках. Можно однозначно утверждать, что если для петровских памятников колесничество – скорее культура индивидуумов, то для «синташты» – принадлежность некоего социального сословия.

Обратная тенденция наблюдается в другой яркой модели погребального обряда – парных погребениях в «позе объятия». По сравнению с другими культурными группами, количество таких погребений гораздо меньше, но выше их статусность. Практически каждое такое погребение выделяется богатством инвентаря, особым положением. Устойчиво фиксируется также схема «2+1», где парному погребению в «позе объятия» сопутствует третий «персонаж», также наделенный символической ролью. Все описанные черты указывают на то, что данная модель погребений является не обозначением реальных взаимоотношений погребенных, но ритуальной формой выражения определенных мифологических представлений.

Петровская и петровско-алакульская группа (рис. 3.2). Исследуемые модели подвергаются трансформации. Если в синташтинской культуре эти две схемы могли сочетаться в рамках одного погребения, то теперь они сепаратны и не пересекаются в одной могиле. Более того, процент погребений в «позе объятия» увеличивается по сравнению с «синташтой», а процент погребений с признаками колесничного комплекса значительно сокращается, в результате они встречаются в петровских некрополях примерно в равной степени и превращаются в две отдельные, не пересекающиеся схемы. В пример этому можно привести комплексы, где из двух центральных ям одна воплощала колесничную символику, вторая – погребения в «позе объятия».

Погребения с колесничной символикой меняют свой характер: в синташтинских комплексах могли отмечаться как одно, так и несколько коллективных или индивидуальных погребения, в петровских некрополях распространение приобретает иная схема – центральные погребения индивидуумов с выраженной мужской символикой в наборах инвентаря. Иными словами, колесничество как символ в погребальной обрядности синташтинской культуры является принадлежностью некоей культурной группы, в

петровской – приоритетом индивидуумов (подробнее тема колесничного комплекса разбирается ниже).

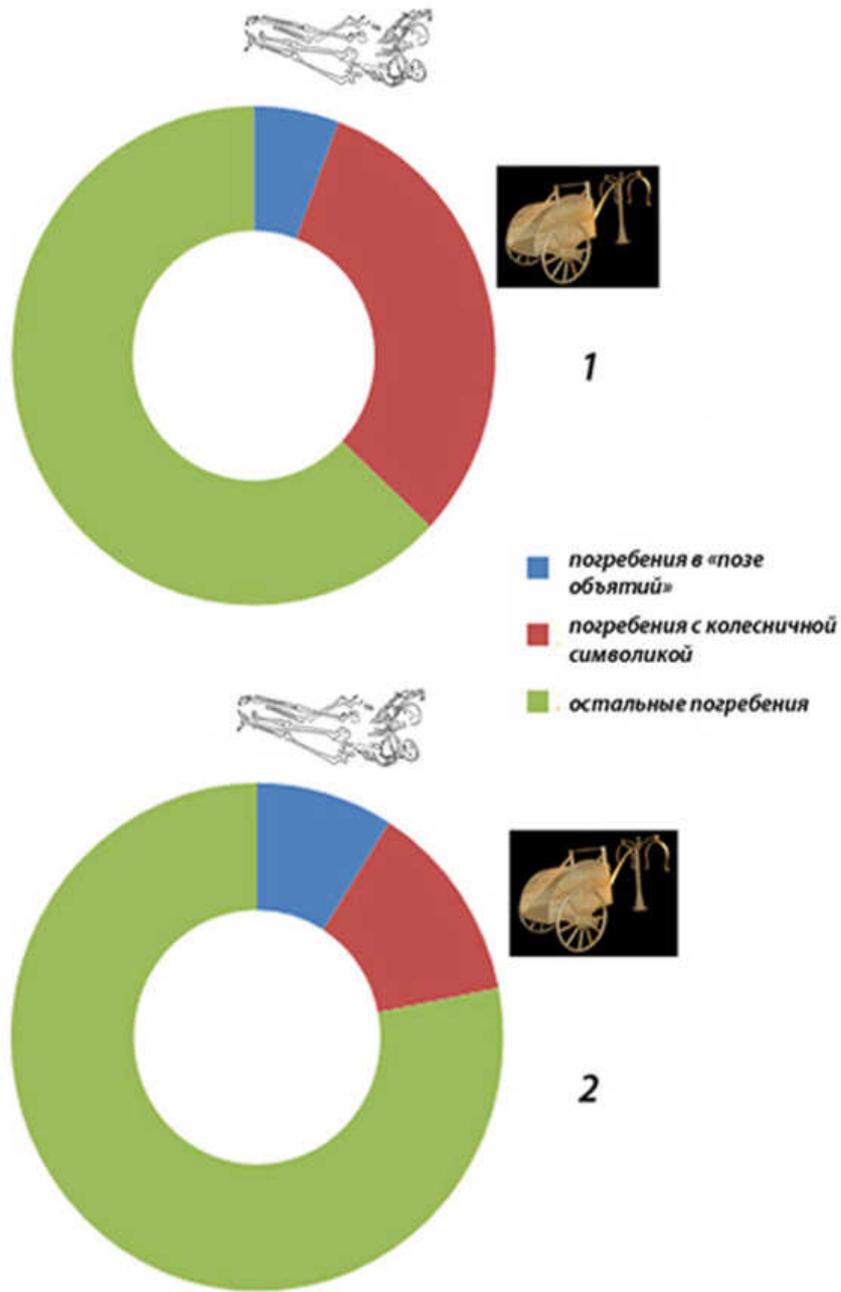

Рис. 3. Соотношение погребений с признаками колесничного комплекса и погребений в «позе объятия» в некрополях синташтинской (1) и петровско-алакульской (2) групп

Погребения в «позе объятия» в петровских погребениях сохраняют те же черты, что и в синташтинской культуре – элитарность и неординарность по богатству инвентаря, положению, существование схемы парного погребения с третьим индивидуумом («2+1»), так что их по-прежнему можно считать ритуализированным отражением мифологических представлений. Увеличение их количества можно связать с ростом популярности этого мифологического образа и изменениями в религиозной сфере.

Алакульская группа. Две яркие модели обряда, служащие своего рода «визитной карточкой» погребального ритуала синташтинской и петровской культур, – погребения с колесничным комплексом и в «позе объятия», претерпевают значительные изменения. Погребения с признаками колесничного комплекса отмечены в нескольких алакульских погребениях лишь в могильниках, где присутствует сильный петровский компонент, в качестве продолжающейся традиции (например, в могильнике Степное VII). В других алакульских могильниках эта традиция полностью отмирает. Парные погребения в «позе объятия», в отличие от петровских и синташтинских, приобретают ординарный характер, не отличаясь ни богатым инвентарем, ни особым положением. Исчезает также схема «2+1», парные погребения обычно являются центральными в курганах, где периферию составляют детские ямы. При общем увеличении количества парных погребений все это может служить признаками того, что из отражающей мифологические представления особой ритуальной схемы они превращаются в демонстрацию реальных семейно-брачных отношений.

Алакульско-федоровская группа. Погребений с признаками колесничного комплекса в этой группе не зафиксировано, очень мало и погребений в «позе объятия». Все неординарные виды погребений, характерные для других изученных культурных групп, замещены погребениями по обряду кремации, которые касаются почти 1/3 погребенных. Введение в погребальный обряд значительной доли трупосожжений, ставших здесь по сути одной из устойчивых моделей обряда, отражает явное инокультурное влияние [Алаева, 2005; 2015].

Таким образом, изменение количества и характера «мужской» и «женской» моделей в погребальном обряде культурных групп эпохи бронзы Южного Зауралья отражает постепенное снижение их мифо-ритуальной символики, а затем полное исчезновение либо использование для обозначения реального жизненного статуса индивидов. Данные изменения протекают в канве общей тенденции к стандартизации обрядности.

Список литературы

Алаева И.П. Обряд трупосожжения в погребальных памятниках срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 4. Уральск, 2005. С. 218-233

Алаева И.П. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья: диссертация... канд. ист. наук. М., 2015. 539 с.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье: Монография. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 2003. 362 с., ил.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. Ч. 1. 408 с.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: ОАО «Челябинский дом печати», 2005. 192 с., ил.

Рафикова Я.В. Парные погребения срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 18 (119). История. Вып. 25. С. 5–13;

Рафикова Я.В. Совместные погребения эпохи поздней бронзы на Южном Урале: Автореф. дис. канд. ист. наук. Ижевск, 2009. 23 с.

Рафикова Я.В. Парные погребения алакульской культуры на Южном Урале // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сборник памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2014. С. 228-243.

Рафикова Я.В., Савельев Н.С. Парные погребения могильника эпохи поздней бронзы Ташла-1 в Башкирском Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI всероссийской научной конференции. Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2015. С. 151-159

Чечушков И.В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2013. 26 с.

“MALE” AND “FEMALE” MODELS IN THE BURIAL RITE OF BRONZE AGE OF SOUTHERN TRANS-URALS

E.V. Kupriyanova

Chelyabinsk, Chelyabinsk state university

Director of Scientific and educational center of study of Nature and Man

Abstract: There are only two stable models of burial rite which reflect the mythological notions in the main archaeological cultures of Bronze Age of Southern Trans-Urals – Sintashta, Petrovka and Alacul'. It is burials in “hug pose” and burials with chariot symbolic. These models symbolize concepts of male and female sources in mythology and rites. The analyses of changes the numbers and style “male” and “female” models in those cultures reveal the gradual decline they ritual importance and then total disappearance.

Key words: Bronze Age, burial rite, double burials, chariot symbolic, gender, rite

КУЛЬТ ГОЛОВЫ КАК ГЕНДЕРНОЕ УСЛОВИЕ В ПОГРЕБАЛЬНОМ РИТУАЛЕ
(НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКА КАРА-ТУМСЫК, ПАВЛОДАРСКОЕ ПРИИРТЫШЬЕ)

© 2018 г. Мерц Виктор Карлович (v_merz@mail.ru)

*Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова
Павлодар, Республика Казахстан*

© 2018 г. Усманова Эмма Радиковна (emmaderovich2004@mail.ru)

*Сарыаркинский археологический институт,
Карагандинский государственный университет
им. академика Е. А. Букетова
Караганда, Республика Казахстан*

***Аннотация:** В статье предлагается интерпретация символики парного захоронения мужчины и женщины. При исполнении погребального ритуала голова погребенной женщины была отделена и уложена особым образом. Этот ритуальный мотив рассматривается как проявление культа головы/ черепа, свойственный традиционным архаическим обществам и как символическое представление социальной роли захороненного индивидуума данного сообщества.*

***Ключевые слова:** погребение-неформат, отделенная голова, культ черепа, гендер, социальная роль*

<...> Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенье.
Борис Пастернак. Зимняя ночь

В андроновской погребальной практике встречаются редкие погребения, интерпретация ритуального смысла которых становится понятным только после представления социально-гендерного условия их совершения. Как единичное явление такие погребения «ломают» стереотип установленного в сообществе обряда. При этом, демонстрируя принцип ритуального многообразия в погребальном обряде, они раскрывают символику танатологического оформления умершего.

Условно обозначим такое погребение как «погребение-неформат», наличие которого сдвигает на новую знаковую позицию парадигму уже известного, сложившегося ритуала на основе наших научных умозаключений. Изучение такого неформатного погребения требует обширного междисциплинарного анализа. И оно, погребение, будет ждать своего часа, когда смысл его будет раскрыт и его ритуальный текст будет расшифрован. Наша небольшая статья, это своего рода преддверие к такому виду исследования, обращенное к пониманию социальной роли захороненных индивидуумов.

«Погребение-неформат». Погребение из могильника Кара-Тумсык, могила 86 (левый берег р. Иртыш, в 5 км к югу от пос. Иртышск, Павлодарская обл., Республика Казахстан). Грунтовая могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами размерами 2,5 x 1,2 м, глубиной 0,45 м до заплечиков, ориентирована по линии СВВ–ЮЗЗ. Погребение было перекрыто деревянными плахами, опускавшимися в камеру до глубины 115 см от современной поверхности, что явно свидетельствует о его целостности. В могильной яме обнаружено парное погребение: скелеты мужчины и женщины зрелого возраста

(определение К.Н. Солодовникова, Барнаул; А.В. Колбиной, Костанай). Костяки погребенных лежали скорчено, обращенные передними частями туловищ друг к другу, и были ориентированы по линии З–В [Мерц, 2002. С. 20-21] (рис. 1, 1).

Скелет мужчины. Находился на левом боку, череп повернут лицевой частью вниз, кости ног согнуты в коленных суставах под острым углом, бедренные кости уложены вместе, берцовые – параллельно друг другу. Кости рук сложены вместе, согнуты в локтевых суставах под острым углом, чуть отодвинуты от грудной клетки, кости обеих кистей собраны вместе и находились под костями кистей женщины, вблизи ее черепа.

Скелет женщины. Находился на правом боку. Кости ног согнуты в коленных суставах под острым углом, бедренные и берцовые кости пересекались под острым углом. Коленные чашечки упирались в большую берцовую кость и кости ступни правой ноги мужского скелета. Кости рук согнуты в локтевых суставах под острым углом, отодвинуты от грудной клетки и покоились на костях рук мужского скелета. Особая позиция кистей рук концентрирует на себе внимание. Пальцы кистей рук соединены между собой, и вложены друг в друга, будто бы пальцы переплетены (рис. 1, 2). За шейными позвонками скелета женщины, сохранившимися *in situ*, находился ее череп в перевернутом виде. Он был установлен на теменную часть, затылочным отверстием вверх, и повернут лицевой частью к мужскому черепу.

Находки. Один керамический сосуд горшечной формы с плавной профилировкой федоровского типа, стоящий за черепом мужчины у юго-западной стенки могильной ямы. Сосуд относился к мужскому костяку. К женскому костяку: одна подвеска в полтора оборота, которая находилась в области правого слухового отверстия женского черепа; в области груди, плечевой и лопаточной кости правой руки были обнаружены скопления мелких бусинок из белого, сильно окисленного и рассыпающегося металла, который фиксировался чаще всего в виде светло-серого порошка.

На костях ног обоих погребенных и на тазовых костях женщины отмечены следы белого вещества неизвестного состава. На дне погребения отмечены следы органической подстилки в виде тонкого коричневого прослоя.

Н. В. По авторски хочется отметить, что за всю свою археологическую практику, мы встречаем такое погребение впервые. Его необычность определена оригинальным положением женского черепа.

Реконструкция последовательности совершения погребения. Первым в могилу был помещен мужчина. Туловище больше было развернуто на живот и спиной вверх. При этом ноги в коленных суставах были сильно согнуты под углом в 45 градусов. Женщина укладывалась после мужчины. Очевидно, что погребение обоих умерших совершалась одновременно. Ноги умершей женщины не перекрывали ног мужчины. Они уложены согласно позиции мужских ног: одно колено правой ноги упирается в голень правой ноги мужчины, левое колено – в ступню левой ноги мужчины. Отмечается соблюдения принцип сторон частей тела при укладке – левое к левому, правое к правому.

1

3

2

Рис. 1. Могильник Кара-Тумсык.

1 – общий вид погребения; 2 – позиция кистей рук у погребенной женщины;
3 – крышка от саркофага с изображением супружеской пары.
Этруски. 350–300 гг. до н. э.

Могильная яма была вырыта с учетом размера тел умерших, уложенных в нее в соответствии с размером погребального пространства. К сожалению, не представляется возможным определить в какой момент, и каким способом голова была отделена от тела женщины. Предварительно отмечено, что на поверхности шейных позвонков не было следов отсекания. Безусловно, можно только предполагать причины совершения такого ритуального (?) действия и объяснение его может быть достаточно широким: от жертвенного приношения до магического поклонения. И сама отделенная голова как явственный знак культа головы или черепа, связанный с культом плодородия [Усманова, 2003. С. 152-156].

Парное погребение мужчины и женщины, обращенных телами друг к другу, в позе объятия, естественно, приводит к интерпретации захороненных как супружеской пары или ее имитации. Умершая женщина лежала на левом боку. Левая сторона во многих архаических культурах соотносится «<...> с женщинами в различных ситуациях – от деталей любовного общения, при котором левый бок и левая рука женщины должны быть обращены к правому боку и правой руке мужчины, до ориентации захоронений, при которых женщину хоронят слева от мужчины» [Иванов, Топоров, 1974. С. 259].

Н. В. В качестве иллюстрации уместно продемонстрировать крышку от этрусского саркофага (350–300 гг. до н. э.), на котором в технике барельефа оформлено изображение супружеской пары в позе объятия [[https://www.pinterest.com/pin/364158319851334951/Consuelo Lozano Gutiérrez, «Etruria»](https://www.pinterest.com/pin/364158319851334951/Consuelo%20Lozano%20Gutiérrez,%20«Etruria»)] (рис. 1, 3). Итак, предположим, что данное андроновское погребение представляет супружескую пару.

Умершие супруги – муж и жена. Версия первая. Насильственная смерть женщины. У мужчины была прижизненная травма: правая височная кость черепа была проломлена, рана при жизни затянулась. Однако, по всей видимости, через некоторое время он умер. Истинную причину смерти установить, пока, не представляется возможным. Смерть женщины могла быть насильственной. Если это так, то по сути это андроновский ритуал аналог индуистского «*sati*» в соответствии с которым вдова подлежит сожжению вместе с её покойным супругом на специально сооружённом погребальном костре [[https://ru.wikipedia.org/wiki/Сати_\(ритуал\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Сати_(ритуал))]. С одной разницей, что *sati* – дело добровольное. Известны случаи, когда вдовы сами прыгали в костер. Объяснение социальной мотивации такого вида женского самопожертвования мы опустим из нашей статьи.

Таким образом, можно предположить, что данное погребение – это совместное погребение мужа и жены, которая была насильственно умерщвлена или она могла добровольно принять смерть (андоновское *sati*). Голова могла быть отделена непосредственно во время похорон или по прошествии некоторого времени, когда мягкие ткани разложились, и она была уложена подобающим образом. Только после этого могилу закрыли деревянным настилом. Проникновение в нее, по всей вероятности, было табуировано из-за особого отношения к погребенным индивидуумам.

Версия вторая. Отсутствие насильственной смерти женщины. Прекращение жизнедеятельности мужчины и женщины могло наступить в результате естественной и физиологической смерти. Но и в этом случае соблюдение ритуала оставалось в силе: голова была отделена.

Наше предположение о данном захоронении как погребении супружеской пары, носит немного характер априори. Однако, даже в случае отсутствия супружеской связи между умершим мужчиной и женщиной, захороненная женщина отличается, тем, что у нее отделена голова от туловища. При любом раскладе социальной связи между мужчиной и женщиной, погребальная ситуация обозначена действием в виде отделения головы от тела женщины.

Социальная роль женщины – ее гендер. Ключ к пониманию ритуального «текста» данного погребения «спрятан» в отделенной голове. Следует обратиться к такому явлению в традиционных культурах как *кефалотафия* – захоронение изолированных черепов (голов) и культу черепа (головы) [Смирнов, 1997. С. 176, 185]. Это особое отношение к черепу (голове) умершего человека определяется сакральным мотивом плодородия, земли и самого человека [Дмитриев, 1997. С. 215]. Исключительное положение головы в теле позволяет говорить об идеи плодородия как ведущей теме в поклонении черепу (голове). Возможно, что ритуальные манипуляции с головой/черепом (сохранение, захоронение, мумификация и т.д.) являются человеческим желанием сохранить образ умершего предка, который помогает живым [Пропп, 1986. С. 152]. Как тут не вспомнить «говорящую голову» в поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»?!

Возвращаясь к андроновскому погребению из могильника Кара-Тумсык, отметим, что оно значилось на частично исследованном погребальном поле в окружении детских погребений. И, по всей видимости, отделенная голова этой умершей женщины олицетворяла культовое отношение к голове как символу женского плодородия, ассоциированного с образом матери.

Не исключено, что при жизни эта женщина обладала определенным статусом, возможно, жреческим. И кем бы ей не приходился по жизни умерший мужчина, и каким образом бы не наступила ее смерть – особый ее статус символично был представлен ритуальным отделением головы. В этом контексте важны две детали из погребального «текста».

Перевернутая голова. В ходе исполнения ритуала, после своего отделения голова была уложена лицевой частью вниз: перевернуть голову, чтобы спрятать, «убрать» лицо. Момент перевертывания – это важный момент в шаманских обрядах, где мир духов в предметах предстает «наоборот», в отличии от нормального мира [Дашибалов, 1993. С. 11-12].

Сломанное украшение. Мужчина был похоронен без личного инвентаря. Женщина имела украшения: бусинный декор в грудной части сохранился плохо; у правого уха находилась подвеска в полтора оборота, которая оставалась в этом месте, после отделения головы. В андроновском ювелирном гарнитуре такая подвеска является элементом подвесного комплекта. В единственном количестве она, как правило, не встречается в погребениях, где женщина похоронена в костюме с ювелирным декором [Усманова, 2010. С. 52-55]. По всей видимости, в данном случае, цельное украшение было разорвано, и одна подвеска осталась на месте ношения как часть вместо целого – *pars pro toto*.

Скорее всего, эти особенности погребального ритуала и инвентаря указывают на некие жреческие функции погребенной женщины. Культовое значение ее головы имело магико-защитное значение для живущих членов сообщества как оберег матери и жрицы.

Социально-гендерные роли были утверждены посредством ритуала, во время исполнения которого было совершено культовое отделение головы.

P. S. Данная версия интерпретации андроновского погребения из могильника Кара-Тумсык может показаться излишне надуманной. Впрочем, это способ обратить внимание на такой тип неформатных погребений, ритуал которых поддерживает общественные ценности социальной группы и ее представителей, обозначая гендерный фактор захороненных индивидуумов.

Работа выполнена в рамках грантового проекта Министерства образования и науки Республики Казахстан AP05133498 «Ранний бронзовый век Верхнего Прииртышья»

Список литературы

Дашибалов Б.Б. Перевернутый сосуд — путь в «другой мир» // Жизнь. Смерть. Бессмертие: Материалы науч. конф. ГМИР, декабрь 1993, Санкт-Петербург. СПб., 1993. С.11-12.

Дмитриев С.В. Тема отрубленной головы и политическая культура народов Центральной Азии (общеазиатский контекст) // Стратум: структура и катастрофы. № 3. 1997. С. 212-219.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 341 с.

Мерц В.К. Отчет о работе археологической экспедиции Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова в 2001 году. Павлодар, 2002. 34 с.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 364 с.

Смирнов Ю.А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Восточная литература, 1997. 279 с.

Усманова Э.Р. «Андроновцы – охотники за черепами?» (об одной детали некрологического цикла могильника Лисаковска) // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана: изд-во «Күлтәгін», 2003. С. 152-156.

Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы. Опыт реконструкций. Лисаковск – Караганда, 2010. 176 с.

<https://www.pinterest.com/pin/364158319851334951/> Consuelo Lozano Gutiérrez, «Etruria». Дата обращения 03.05.2018 г.

[https://ru.wikipedia.org/wiki/Сати_\(ритуал\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Сати_(ритуал)). Дата обращения 03.05.2018 г.

HEAD CULT AS A GENDER CONDITION IN A FUNERAL RITUAL (BASED ON THE KARA-TUMYSK BURIAL SITE, PAVLODARSKY PIRITSHYE)

Merz V.K., Director of the Archaeological Research Center, Pavlodar State University named after S. Toraiygyrova, Lomov, 64, 140008 Pavlodar, Kazakhstan

Usmanova E.R. Senior Fellow, Saryarka Archaeological Institute. Buketov Karaganda State University. Universitetskya 28, Karaganda, 100028, Kazakhstan

Abstract: The article offers an interpretation of the symbolism of the twin burial of a man and a woman. During the performance of the funeral ritual, the head of the buried woman was separated and laid in a special way. This ritual motive is seen as a manifestation of the head / skull cult characteristic of traditional archaic societies and as a symbolic representation of the social role of the buried individual of this community.

Key-words: burial-unformat, separated head, cult of the skull, gender, social role

НЕОДНОВРЕМЕННЫЕ ПАРНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ
ИЗ АЛАКУЛЬСКИХ МОГИЛЬНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА И ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА
© 2018 г. Рафикова Янина Валерьевна (ziada@bk.ru)

ИИЯЛ УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия

***Аннотация:** В статье рассматриваются 10 алакульских неодновременных парных погребений. По состоянию останков ранее захороненного покойника выделяются 3 их варианта, являющиеся отражением разных временных промежутков между подхоронениями. Несмотря на индивидуальные особенности каждого погребения, определены их общие признаки: центральная локализация на погребальной площадке и соотношение возраста индивидов – мужчина всегда старше женщины. На основании факта подхоронения индивидов обоих полов и отсутствия корреляции между положением погребенных на том или ином боку и их половой принадлежностью, делается вывод о равном посмертном статусе мужчины и женщины. Наиболее убедительной является интерпретация неодновременных погребений как захоронений равноправных супругов, кончина которых разделена временем.*

***Ключевые слова:** алакульская культура, неодновременные парные погребения, семейно-брачные отношения*

Погребения мужчины и женщины в одной могиле, где один из покойников подхоранивался к другому через определенный промежуток времени, так называемые неодновременные (разновременные) парные захоронения составляют особую категорию среди парных погребений эпохи поздней бронзы Евразии. Представлены они в могильниках достаточно ограниченного круга культур Южного Урала, Казахстана, Средней Азии и северо-западного Индостана, в основном со скотоводческой основой экономики – алакульской, тазабагъябской, бешкентско-вахшской, а также культуры долины Сват.

В отличие от одновременных парных погребений, в интерпретации которых отечественными исследователями были предложены диаметрально противоположные трактовки, связанные, прежде всего, с их взглядами на положение женщины в обществах эпохи бронзы – от крайне зависимого до относительно свободного: умерщвление женщин (жен, наложниц, рабынь) при погребении мужчины и захоронения равноправных супругов, неодновременные парные погребения рассматривались почти исключительно как захоронения равноправных супругов и считались свидетельством укрепления парной, индивидуальной или нуклеарной семьи [Сорокин, 1962. С. 120; Кузьмина, 1964. С. 46; Мандельштам, 1968. С. 120; Итина, 1977. С. 225; Пьянкова, 1987. С. 55-56, 68].

Сегодня в фокусе внимания исследователей находятся, прежде всего, одновременные парные захоронения южно-уральской территории, которые практически не рассматриваются с точки зрения семейно-брачных отношений или отношений зависимости. Они зачастую трактуются как «символические», воплощающие идеи «священного брака», «божественных близнецов», «послания богам или потусторонним силам» [Куприянова, 2008. С. 144, 145, 148, 151; Сотникова, 2016. С. 142-146; Берсенева, 2017. С. 63]. Между тем, как нам представляется, и одновременные и неодновременные погребения отображают разные аспекты какого-то одного (общего) явления, и чтобы понять его необходимо не упускать из

вида оба типа захоронений, как это делали в своих работах исследователи прошлого. Недавно нами была предпринята попытка объяснения обоих видов парных погребений в алакульских могильниках обычаем парных жертвоприношений, подобном древнегреческим таргелиям. Эта гипотеза формально не противоречит внешним признакам одновременных парных погребений, но для объяснения ею неодновременных погребений, приходится прибегать к сложным допущениям [Рафикова, Федоров, 2017. С. 142]. Не обойтись без них и при попытках применить к неодновременным захоронениям перечисленные выше «символические» трактовки.

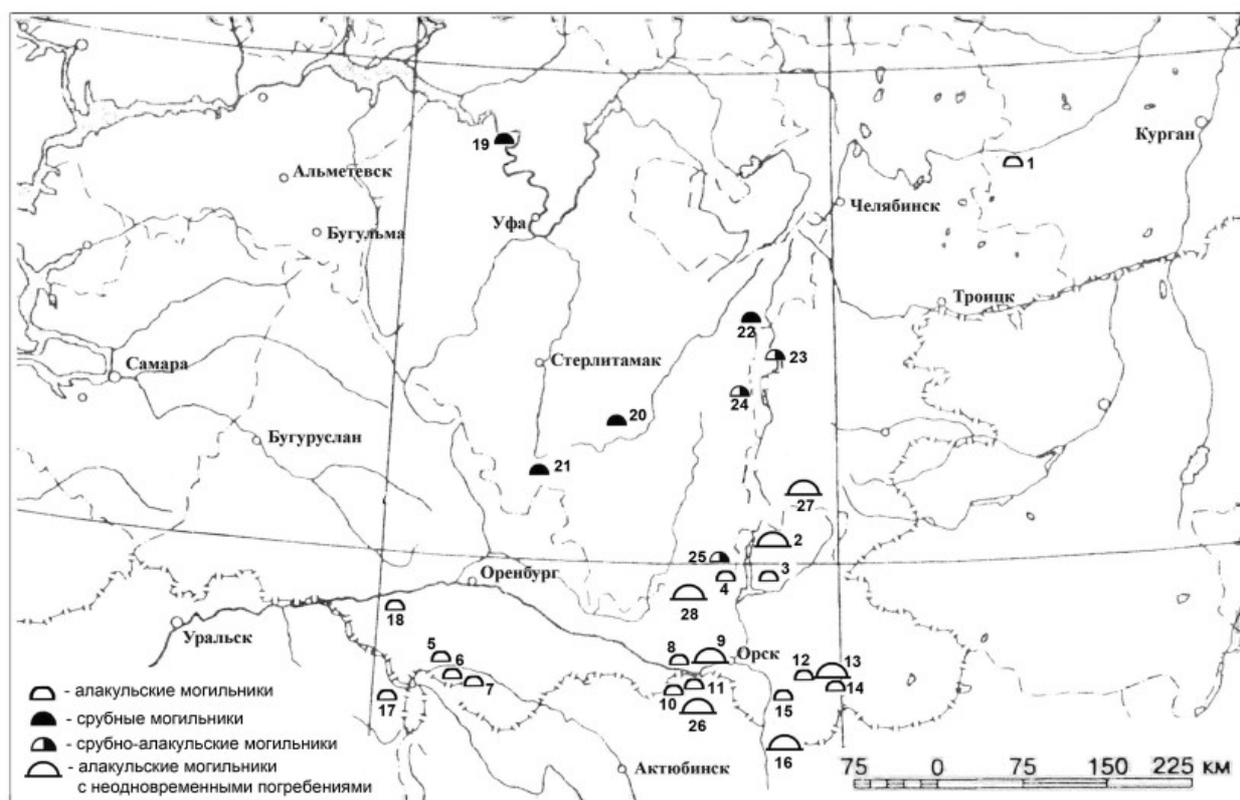

Рис. 1. Могильники эпохи поздней бронзы Южного Урала и Западного Казахстана с парными погребениями.

- 1 – Алакуль, 2 – **Березовский V**, 3 – Чапаевский, 4 – Валитовский I,
 5 – Ветлянка IV, 6 – Мечет-Сай, 7 – Увак, 8 – Хабарное I, 9 – **Ново-Аккермановка**; 10 – Кунакбай-Сай; 11 – Урал-Сай; 12 – Байту I; 13 – **Байту II**; 14 – Турсумбай II; 15 – Кожумберды;
 16 – **Тасты-Бутақ I**; 17 – Ульгули I;
 18 – Кардаиловский I, 19 – Именлекулевский, 20 – Иштугановский,
 21 – Санзяповский, 22 – Туишевский, 23 – Спасский I, 24 – Селивановский I,
 25 – Салимовский, 26 – **Гурюльдек**, 27 – **Каменный Дол I**, 28 – **Ташла-1**.

На данный момент нам известно 10⁵ алакульских неодновременных парных погребений, что составляет 1/7 часть от всех алакульских парных захоронений (70). Почти все они происходят из могильников кожумбердынской культурной группы, кроме срубно-алакульского погребения 1 кургана 2 Каменного Дола I⁶, находящегося несколько севернее остальных (рис.1). По нашему мнению рассматриваемые здесь неодновременные погребения из кожумбердынских могильников датируются серединой XVIII - XV вв. до н.э., то есть, относятся к ранней хронологической фазе этой культурной группы по В.В. Ткачеву [Ткачев, 2016]. Срубно-алакульское погребение из Каменного Дола I можно датировать в пределах XVIII – XVI вв до н.э. [Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005. С.100]. Надо сказать, что рассматриваемые в данной статье погребения являются наиболее ранними среди неодновременных захоронений эпохи бронзы Евразии.

Нормой является центральное расположение могил (8 из 10), периферийное размещение представлено единственным в группе детским захоронением 11 кургана 2 могильника Ташла-1⁷, и еще в одном случае локализация могилы на подкурганной площадке нам не известна – погребение 1 кургана 2 Каменного Дола I. Из 8 центральных могил единственными в кургане являлись 5, еще 2 центральные могилы сопровождало по одному периферийному погребению, и только одно погребение находилось в многомогильном комплексе, где периферийные захоронения размещались вокруг него кольцом – погребение 1 кургана 6 Березовского V.

подавляющее большинство погребений совершено в простых грунтовых ямах, в среднем длина могил взрослых варьирует от 1,5 до 2 м, а ширина от 0,6 до 1,15 м, размеры детского захоронения чуть меньше – 1,3 x 0,63-0,75 м. Внушительными размерами могил, а также наличием в них дополнительных конструкций выделяются погребения могильника Гурюльдек. Прежде всего, обращает на себя внимание размеры – могила из кургана 1 размером 4,5 x 3 м с остатками сруба на дне, а в кургане 2 могила размером 3,2 x 1,9 м была обложена по периметру дна камнями, являвшимися основой (опорой) для деревянной рамы [Бисембаев, Умрихин, 2011. С. 267, 269]. Гурюльдекские погребения происходят из самых крупных по размерам курганов могильника [Там же. С. 265, 267]. Несомненно, что отмеченные особенности могил подчеркивают социальную значимость захороненных в них лиц. Наличие остросереберных форм керамики в погребении кургана 2 [Там же. Рис. 2, 7, 9], позволяет считать гурюльдекские погребения чуть более ранними, чем остальные. Возможно, гурюльдекские захоронения показывают то, что неодновременность погребений изначально являлась социально престижной.

⁵ Ранее мы кратко охарактеризовали 7 алакульских неодновременных захоронений [Рафикова, 2014. С. 234-236]. На данный момент одно из них – погребение оградки 5 Тасты-Бутак 1 исключено нами из этой выборки. Мы относили это погребение к неодновременным на том основании, что таковым его предполагал автор раскопок [Сорокин, 1962. С. 12]. Однако, погребение столь сильно нарушено, что невозможно однозначно определить его одновременность или разновременность, ясно только, что оно было парное.

⁶ Автор благодарен И.Э. Любчанскому, разрешившему использовать в данной работе этот неопубликованный комплекс, а также А.А. Каздыму, Ф.Н. Петрову, Е.В. Куприяновой, Д.Г. Здановичу и И.В. Ульянову, способствовавшим поиску сведений об этом погребении. Краниологический материал из этого погребения рассмотрен Е.П. Китовым [Китов, 2008. С. 96, 97. Рис. 4].

⁷ Неодновременность его определена с некоторой оговоркой.

Состояние останков ранее похороненного индивида практически во всех погребениях различно. В зависимости от него погребения можно разделить на 3 варианта.

Вариант 1 представлен одним захоронением, где останки первоначально погребенного находились в сочлененном состоянии и полном порядке (рис. 2, 1).

Вариант 2 представлен тремя погребениями, где отдельные кости первоначально погребенного сдвинуты, либо частично отсутствуют, но сочлененность скелета в целом сохранена (рис. 2, 2-4).

Вариант 3 включает шесть погребений, в которых останки ранее захороненного находятся в виде груды костей (рис. 3).

Вероятно, данная вариативность обусловлена разным временным промежутком между захоронением 1-го и 2-го покойника.

Единственное погребение **варианта 1** исследовано в оградке 4 Ново-Аккермановки, где костяк женщины 25 лет находился по уровню выше костяка мужчины 35 лет и лежал на груди (ничком) с согнутыми вправо ногами и расположенными у лица руками (рис. 3, 1). Предположение автора раскопок об убийстве женщины и сбросе ее тела в могилу [Подгаецкий, 1940. С. 81], в свое время не было поддержано В.С. Сорокиным. По его мнению «неестественное» положение покойницы обусловлено тем, что могила мужчины была вскрыта вскоре после его погребения для того, чтобы захоронить вместе с ним умершую внезапной неожиданной смертью женщину, связанную с ним узами брака, но из-за «присутствия разлагающегося трупа» невозможно было положить тело женщины в «традиционной позе» [Сорокин, 1962. С. 106]. Версию В.С. Сорокина поддержала и Е.Е. Кузьмина [Кузьмина, 1964. С. 45].

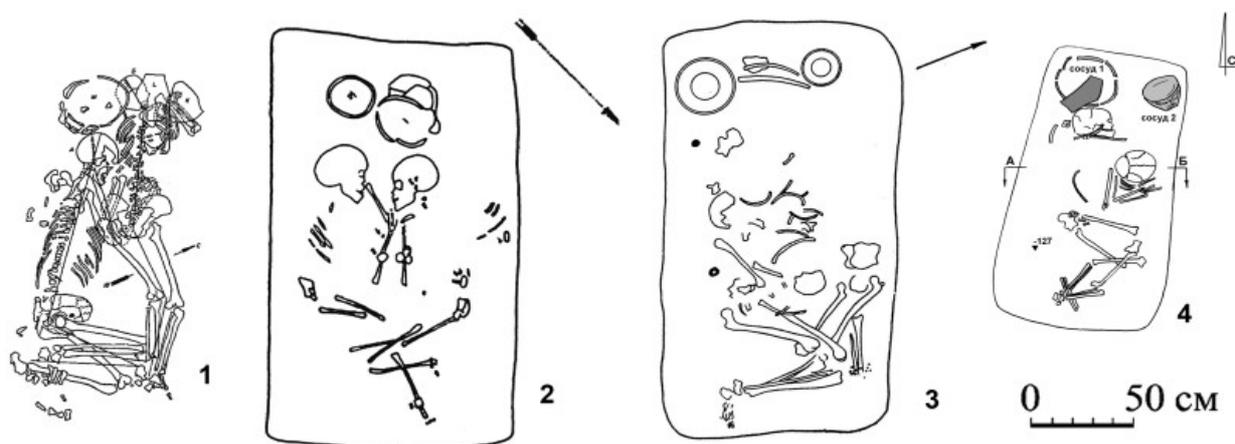

Рис. 2. Парные неодновременные погребения, вариант 1 и вариант 2.

Вариант 1 – Ново-Аккермановка, погребение оградки 4. Вариант 2 – Байту II, погребение 1 оградки 9; 3 – Тасты-Бутак 1, погребение оградки 43; 4 – Ташла-1, погребение 11 кургана 2.

Вариант 2 представлен тремя случаями, где нарушения целостности скелета ранее захороненного покойника относительно невелики. План погребения 1 оградки 9 Байту II

достаточно схематичен и детально проследить особенности положения погребенных не представляется возможным (рис. 2, 2), однако есть описание погребения автором раскопок, которым уместно воспользоваться: «В кольце 9 имело место повторное захоронение: ... на левом боку скорченно лежал мужчина; кости его правой руки отсутствовали, зубы лежали в беспорядке; рядом была захоронена женщина, скорченно, на правом боку, причем ее ноги перекрывали ноги мужского скелета, правая рука была положена под щеку и прижата к плечу, в то время как левая рука лежала на руке и груди мужчины. Положение скелетов в яме не оставляет сомнения в том, что первоначально погребен мужчина, а затем, когда часть его скелета, уже, может быть распалась, была похоронена богато одетая женщина. Размеры могилы были малы для парного погребения, и женщину буквально втиснули в могилу, придав ей несколько неестественную позу: ее спина и ребра оказались приподнятыми, а голова касалась сосуда» [Кузьмина, 1964. С. 45].

В другом погребении этого варианта к девушке-подростку 14-16 лет, положенной на правый бок был подхоронен взрослый мужчина (Тасты-Бутак 1, огр.43). Верхняя часть костяков нарушена, кости ног обоих покойных не потревожены вторжением «нарушителей» (Рис. 2, 3). Колени мужчины перекрывают колени девушки. По мнению автора раскопок, ее берцовые кости были сдвинуты при положении в могилу тела мужчины [Сорокин, 1962. С. 102]. Судя по плану погребения, верхние эпифизы голени девушки упираются в середину ее бедренной кости (Рис. 2, 3), причем, оставшиеся непо потревоженными бусы на нижних эпифизах костей ее голени свидетельствуют о том, что к моменту подхоронения мужчины соединительные ткани ее голеностопного сустава еще не истлели, а, следовательно, прошло не так много времени между захоронениями.

С некоторым допущением можно предполагать одновременное захоронение в погребении 11 кургана 2 Ташла-1 (рис. 2, 4). Здесь первоначально, был, видимо, захоронен ребенок, лежащий на левом боку, у которого в непо потревоженном состоянии находились череп, кости таза и бедренные. Костяк расположен посередине могилы так, что практически не остается места для нормального (скорчено на правом боку) размещения еще одного покойного, подхоронение которого, видимо, заранее не планировалось. При его захоронении тело первого еще не было скелетировано, поскольку бедренные кости его сохранили анатомическую связь с тазом и не сдвинуты, но перемещена одна целая голень. Скорее всего, нарушение целостности средней части первого костяка произошло не в момент подхоронения второго покойника, а гораздо позже и связано с деятельностью норных животных. Большинство костей второго покойника тоже не в анатомическом порядке, они несколько смещены, но при этом очевидно, что его ноги изначально были уложены поверх ног ранее захороненного ребенка. Кроме того, второй покойник заметно «теснится» между первым и стенкой могилы. О его подхоронении свидетельствует и то, что сосуд 2 над его головой стоит на прослойке перемешанной земли несколько выше по уровню сосуда 1, относящегося к первому костяку [Рафикова, Савельев, 2015. С. 153-154].

Наиболее многочисленным является **вариант 3**, куда вошли шесть захоронений, в которых скелет первоначально погребенного представлен в виде груды костей. На первый взгляд, они создают впечатление «пакетных» захоронений, наподобие катакомбных [Мельник, 1991. С. 23-44]. В таком случае, логично было бы предположить, что погребение

формировалось как одновременное, и могилу устраивали сразу для захоронения двоих – одного в традиционном положении, второго в виде «пакета».

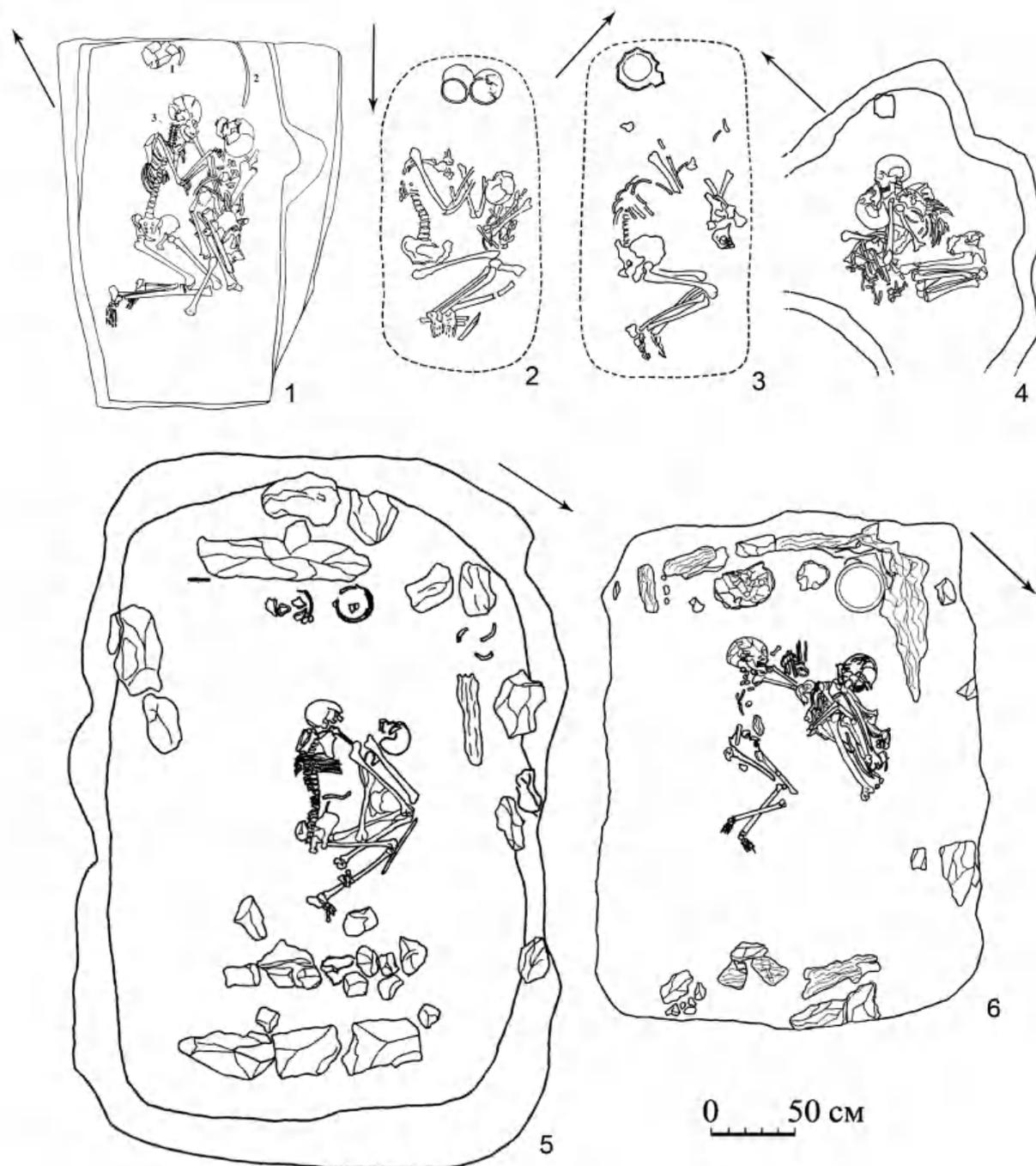

Рис. 3. Парные неодновременные погребения, вариант 3.

1 – Березовский V, погребение 1 кургана 6; 2 – Тасты-Бутак 1, погребение 1 оградки 30; 3 – Тасты-Бутак 1, погребение оградки 4; 4 – Каменный Дол I, погребение 1 кургана 2; 5 – Гурюльдек, погребение кургана 1, 6 – Гурюльдек, погребение кургана 2.

Впервые погребения рассматриваемого варианта были выявлены В.С. Сорокиным в могильнике Тасты-Бутак 1 (погребение оградки 4 и погребение 1 оградки 30). Он объяснял наличие в них груд костей совсем иначе. По мнению исследователя, кости ранее погребенного покойника были вынуты из могилы при подхоронении второго, а затем, после положения тела в могилу второго покойника, помещены перед ним в виде груды [Сорокин, 1962. С. 101-103]. В погребении 1 оградки 30 под костями стоп женщины, положенной в традиционной позе, находились кости голени мужчины, отстоящие от груды очень далеко, скорее всего, они не вынимались из могилы, а просто были сдвинуты [Там же. С. 102-103]. Так что о «пакетах» здесь говорить не приходится. Что касается захоронений из Гурюльдека, то авторы публикации оставляют без внимания обстоятельства, приведшие к такому состоянию останков.

Одно из захоронений этого варианта – погребение 1 кургана 6 Березовского V было исследовано нами, и относительно него, по рассматриваемому вопросу, мы можем привести следующие свои наблюдения. Скелет 1 принадлежал женщине 20-25 лет⁸, которая была уложена в скорченном положении на левом боку, головой ориентирована на северо-восток. Скелет 2, принадлежавший мужчине 30-35 лет представлял собой скопление костей, уложенных с попыткой соблюдения приблизительного анатомического порядка. Череп уложен на правый бок, лицевой частью к северо-востоку. Анатомическая связь черепной коробки с нижней челюстью сохранена. Остальные кости лежали продолговатой грудой, вытянутой вдоль женского костяка в направлении юго-запад – северо-восток. Все позвонки, ключицы и часть ребер были сосредоточены в верхней части груды, обе тазовые кости и крестец – в середине ее, на уровне таза женского костяка. Кости конечностей также были уложены, в основном, соответственно их анатомическому расположению, за исключением, бедренных и малых берцовых, находившихся в верхней части груды, и плечевых, находившихся в нижней. Женщине было придано положение «объятий» с мужским костяком: левая кисть подсунута под череп мужского костяка, правая уложена на его условное «плечо».

Обстоятельство сохранности анатомической связи черепа с нижней челюстью, как будто может свидетельствовать в пользу того, что к моменту захоронения женщины, останки мужчины не были скелетированы естественным образом, а были очищены от мягких тканей и сложены в виде «пакета». Но принять версию одновременности погребения нам не позволяют два обстоятельства. Во-первых, неровные стенки могилы – как будто при ее раскапывании для подхоронения женщины слегка «промахнулись», во-вторых, наличие обломков двух сосудов в верхней части заполнения у северо-восточной стенки могилы, ближе к северо-восточному углу ее, может свидетельствовать, что изначально они находились в могиле и сопровождали мужское погребение, а при раскапывании его были разбиты и вынуты. При одновременном захоронении тела женщины и «пакета» мужчины стенки могилы остались бы ровными, а сосуды целыми [Рафикова, 2017. С. 337-338].

Таким образом, в захоронениях варианта 3 расположение останков ранее погребенного индивида имеет только внешнее сходство с катакомбными «пакетными»

⁸ Половозрастные определения осуществлены Р.М. Юсуповым.

погребениями и никак не обусловлено действиями, результатом которых являются катакомбные «пакеты».

Нами было высказано предположение, что в трех погребениях рассматриваемого варианта – березовском и двух тасты-бутацких прослеживается определенная нормированность в укладке костей первоначально погребенного покойника [Там же. С. 338].

Погребение оградки 30 Тасты-Бутака 1 демонстрирует явные черты сходства с березовским захоронением, здесь также к мужчине подхоронена женщина, уложенная на левый бок, а груда костей ранее захороненного мужчины, судя по плану погребения, сформирована так же (Рис. 3, 1,2). К сожалению, у В.С. Сорокина не описано расположение костей в груде, но на плане видно, что ребра, позвонки и бедренная или плечевая (?) имеют то же расположение, что и в груде костей березовского погребения.

В погребении тасты-бутацкой оградки 4 груда костей потревожена, но на плане видно, что берцовая или плечевая (?) положена также и на том же месте, что и в упомянутых выше погребениях. Таким образом, несмотря на ограниченность выборки, предварительно можно сделать заключение об определенной «норме» при укладке костей ранее погребенных покойников.

В погребении из Каменного Дола I можно усмотреть такую же картину, только с учетом того, что груда (кости женщины) размещена перед позднее захороненным покойником (мужчиной), лежащим на правом боку.

Отметим, что в двух гурюльдекских погребениях такой нормированности не фиксируется (рис. 3, 5, 6). Объясняется такая ситуация может тем, что они имеют чуть более раннюю хронологическую позицию, когда нормированность еще не была выработана.

В отношении всех неодновременных погребений закономерен вопрос: планировалось ли заранее захоронение второго покойника? По размерам могил, а в некоторых случаях и расположению в них покойников, можно предполагать, что в четырех погребениях подхоронение не предусматривалось: оградка 4 Ново-Аккермановка, погребение 11 кургана 2 Ташла-1, оградки 4 и 30 Тасты-Бутака 1; в пяти погребениях подхоронение могло предусматриваться, поскольку ширина могил такова, что в них могли уместиться оба покойника в традиционных позах: оградка 9 Байту II⁹, оградка 43 Тасты-Бутака 1, погребение 1 кургана 6 Березовский V, погребения курганов 1 и 2 Гурюльдек. Совершенно быть уверенными, что подхоронение предусматривалось заранее, мы можем только в одном случае – в оградке 43 Тасты-Бутака 1, судя по расположенным вплотную к стенке могилы ненарушенным таза и бедер первоначально погребенной девушки, было оставлено достаточно места для размещения второго покойника, к тому же, в этом могильнике имеется три могилы (оградки 46, 50 и 55), где покойник лежит вплотную к стенке и оставлено место для второго покойника [Сорокин, 1962. С. 151, 154, 157; Итина, 1977. С. 218]. В отношении погребения 1 кургана 2 Каменного Дола I определенно ответить на поставленный вопрос невозможно, поскольку истинные размеры могилы нам неизвестны.

Строгой зависимости между «запланированностью» или «спонтанностью» подхоронения и половой принадлежностью подхороненного покойника не наблюдается. В

⁹ Е.Е. Кузьмина указала, что «женщину буквально втиснули в могилу», однако план погребения показывает свободное расположение костяков.

той и другой группе погребений, несмотря на преобладание подхоронений женщин, имеется по одному случаю с мужским подхоронением. В целом, вся рассмотренная группа одновременных алакульских погребений демонстрирует чуть большее количество случаев подхоронений женщин (5), чем мужчин (3).

Возраст погребенных во всех случаях, где он точно определен у обоих усопших (4 из 10)¹⁰, независимо от того предусматривалось подхоронение или нет и мужчина подхоронен к женщине или ситуация обратная, показывает определенную закономерность – женщина всегда моложе мужчины, как и в большинстве одновременных парных погребений. Причем возраст мужчин не превышает 35 лет.

Положение на том или ином боку в рассматриваемых захоронениях не связано с половой принадлежностью погребенного, как это зафиксировано в подавляющем большинстве одновременных парных захоронений, где на левый бок укладывался мужчина, а на правый женщина. В свое время, некоторые исследователи на основании того, что мужчина в парных погребениях укладывался на левом боку, как и большинство усопших из одиночных погребений, делали вывод о главенствующем положении мужчины и подчиненном женщины, см. [Итина, 1977. С. 219]. В одновременных алакульских захоронениях положение погребенного на левом боку представлено равным количеством мужчин и женщин – по четыре. Следуя логике предшественников, в тех могилах, где женщина положена на левом боку, а мужчина на правом, последний имеет подчиненное положение по отношению к женщине? Едва ли это так. Скорее всего, значение положения на тот или иной бок здесь имеет иное объяснение, нежели чем отношение зависимости. По крайней мере, отсутствие корреляции между положением погребенных на том или ином боку и их полом, может указывать на равноправный посмертный статус обоих индивидов.

Поза «объятий» фиксируется в двух из рассмотренных погребений – по одному из вариантов 2 и 3, и в обоих случаях подхороненная покойница «обнимает» мужские останки. Такие же случаи зафиксированы и в одновременных погребениях, но там они не исчерпываются только женскими объятиями, есть случаи и взаимных объятий и только мужских объятий. [Рафикова, 2014. С. 236-237].

В большинстве рассматриваемых захоронений женщины сопровождаются украшениями. В ненарушенных погребениях наблюдается как разнообразие их состава (погребение 1 оградки 9 Байту II, погребение кургана 2 Гурюльдек), так и ограниченность одним видом, но редким (погребение 1 кургана 6 Березовский V) или драгоценным (погребение 1 кургана 2 Каменный Дол I). Однако, в трех ненарушенных погребениях – детском и двух взрослых украшения отсутствовали.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, центральное расположение могил на погребальной площадке и в некоторых случаях размеры и конструктивные особенности могил, подчеркивают значимость парных одновременных погребений в алакульском тафокомплексе.

Во-вторых, отсутствие корреляции между положением погребенных на том или ином боку и их половой принадлежностью и тот факт, что подхоранивались индивиды обоих

¹⁰ Погребение 11 кургана 2 Ташлы-1 не учитываем, несмотря на точные данные по возрасту, поскольку не известен пол усопших.

полов позволяет сделать вывод о равном, по крайней мере, посмертном статусе мужчины и женщины.

В-третьих, вариативность одновременных погребений, а также, как только что отмечалось, наличие подхоронений как женщины к мужчине, так и мужчины к женщине, может отражать разнообразие ситуаций, приведших к появлению рассматриваемых захоронений. Наиболее простым объяснением их является стремление равноправных супругов быть захороненными вместе в случае их одновременной кончины, несмотря на длительность временного промежутка между смертями и очередность наступления смерти у одного из них (мужчины или женщины). Социальный статус лиц из парных погребений, видимо, допускал такую возможность. Особенно показательны подхоронения мужчин к женщинам, которые нельзя объяснить отношениями зависимости. Единственное детское парное одновременное захоронение также проще всего объяснить кончиной в разное время детей, связанных брачным сговором. Таким образом, гипотеза, высказанная исследователями более полувека назад, и сегодня является наиболее убедительной. При этом мы допускаем, что феномен парных одновременных погребений может иметь и иные объяснения, которые могут быть приняты при условии их обоснования убедительными аргументами. Но на сегодняшний день их не предложено.

Отметим, что алакульские парные одновременные погребения имеют много общего с одновременными, как то: преобладающее центральное расположение на погребальной площадке могил с захоронениями взрослых, поза объятий, соотношение возраста погребенных – в подавляющем большинстве случаев мужчина старше женщины [Рафикова, 2014]. Общность обоих видов парных погребений несомненна и экстраполяция объяснения одновременных погребений как захоронений равноправных супругов и на одновременные выглядит вполне закономерной и логичной. Единственное их отличие это – одновременность и разновременность наступления смерти.

Нами неоднократно высказывалось мнение о том, что одной из наиболее вероятных причин одновременной смерти людей, захороненных в парных погребениях, могло быть инфекционное заболевание [Рафикова, 2008. С. 81; Неразлучные, 2017; Рафикова, Федоров, 2017. С. 141]. Недавние палеогенетические исследования останков индивидов из парного погребения Михайловского II могильника срубной культуры в Самарской области показали наличие в них ДНК бактерии бубонной чумы [Spyrou Maria A., Tukhbatova Rezeda I., Chuan-Chao Wang, et al., 2018]. Этот пример пока является единичным. Нужно надеяться, что в ближайшее время будут проведены палеогенетические исследования представительных серий парных погребений. Думается, что такие исследования не только позволят получить ответы на многие вопросы, касающиеся феномена парных погребений, но результаты их станут надежной основой для решения многих ключевых проблем эпохи бронзы Евразии, в первую голову, реконструкции семейно-брачной структуры и социальной организации общества.

Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований президиума РАН проект №255 и в рамках государственного задания ИИЯЛ УФИЦ РАН на 2018 г.

**Неодновременные парные погребения Южного Урала
и Западного Казахстана**

Погребение	Захоронен раньше	Возрас т	Захоронен позже	Возраст	Поза объятий	Украшения
Минимальный временной период – останки ранее захороненного покойника в сочлененном состоянии и относительном порядке – 1 вариант						
Ново-Аккермановка, огр.4	мужчина на лев. боку	35 лет	женщина на груди с согнутыми вправо ногами	25 лет	–	–
Более продолжительный промежуток времени, достаточный для того, чтобы сочленения суставов ранее захороненного покойника разложились, но не настолько, чтобы полностью распались кости – 2 вариант						
Байту II, огр.9 п.1	мужчина на лев. боку	взр	женщина на правом боку	взр	+	у головы: 2 бронз. обоймы и 2 пронизки; на груди - 2 бляхи; на руках - 3 браслета и следы от колец на пальцах; на поясе – обоймочки и овальные привески; на щиколотках – низки бус; на левой ноге – несколько пластин и пронизок
Тасты-Бутак 1, огр.43	женщина на правом боку	14-16 лет	мужчина на левом боку	взр	нарушен о?	низки бус на щиколотках
Ташла-1 к.2 п.11	?	6-7 лет	?	6-7 лет	–	–
Значительный промежуток времени по истечении которого останки ранее захороненного покойника скелетированы – 3 вариант						
Каменный Дол I, к.2 п.1	женщина на лев. боку	20-25 лет	мужчина на правом боку	25-35 лет	–	подвеска, обложенная золотом
Березовский V, к.6 п.1	мужчина на правом боку	30-35 лет	женщина на левом боку	20-25 лет	+	амулет-свастика
Тасты-Бутак 1, огр.30, п.1	мужчина(?) на правом боку	взр	женщина на левом боку	взр	нарушен о –	1 бронз. бусина на ногах
Тасты-Бутак 1, огр. 4	женщина на прав. боку	взр	мужчина на левом боку	взр	нарушен о?	бронз. бусины, браслет, бляшки или подвески
Гурюльдек, к.1 п.	?	взр?	?	взр?	–	–
Гурюльдек, к.2 п.	мужчина? на правом боку	взр?	женщина? на лев. боку	взр?	–	бусы + по 2 браслета на руках

Список литературы

- Берсенева Н.А. Дети в неиндивидуальных захоронениях эпохи бронзы Южного Урала: объект или субъект? // Археологическое наследие Центрального Казахстана. Изучение и сохранение. Сб. науч. ст., посв. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологич. экспедиции АН Казахстана. Т. 2. / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: Науч.-иссл. центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 61-64.
- Бисембаев А.А., Умрихин С.М. Могильник эпохи поздней бронзы в Актюбинской области // КСИА. 2011. № 225. С. 263-274.
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. №3. С. 92-102.
- Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. М.: Наука, 1977. 240 с.
- Китов Е.П. Антропологические материалы срубно-алакульского времени Южного Зауралья // Вестник ЧелГУ. Сер. История. 2008. № 5. С. 96–105.
- Кузьмина Е.Е. Андроновские могильники на р. Байту (о некоторых деталях андроновского погребального обряда) // КСИА. 1964. № 97. С. 39-49
- Куприянова Е.В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: АвтоГраф, 2008. 244 с.
- Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. 1968. № 145. 162 с.
- Мельник В.И. Особые виды погребений катакомбной общности. М.: Наука, 1991. 136 с.
- Неразлучные. Интервью В.И. Мухаметдинова с Я.В. Рафиковой от 07.05.2017 // <http://archeology-rb.ru/index.php/blog/item/417-zapis-v-bloge-nomer-1>
- Подгаецкий Г.В. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска // МИА. 1940. № 1. С. 69-82.
- Пьянкова Л.Т. К вопросу о семейных и общественных отношениях в эпоху поздней бронзы (по материалам могильников вахшской культуры) // Материальная культура Таджикистана. 1987. Вып. 4. С. 43-70.
- Рафикова Я.В. Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных погребений эпохи бронзы // РА. 2008. № 4. С. 72-83.
- Рафикова Я.В. Парные погребения алакульской культуры на Южном Урале // Арии степей Евразии: Эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сб. памяти Е.Е. Кузьминой / Отв. ред. В.И. Молодин, А.В. Епимахов. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 228-243.
- Рафикова Я.В. Погребение 1 кургана 6 Березовского V могильника в контексте неодновременных парных погребений эпохи поздней бронзы Южного Урала и Средней Азии // Развитие гуманитарной науки в регионах России. Мат. Междунар. науч. конф., посв. 85-летию ФГБУН ИИЯЛ УНЦ РАН / Отв. ред. М.Н. Фархшатов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 337-339.
- Рафикова Я.В., Савельев Н.С. Нарушенные погребения могильника эпохи поздней бронзы Ташла-1 в Башкирском Зауралье // УАВ. 2016. Вып.15. С.13-20.
- Рафикова Я.В., Федоров В.К. Курганы Южного Зауралья. Кн. 1. Учалинский и Абзелюловский районы Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2017. 244 с.

Сорокин В.С. Могильник эпохи бронзы Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане // МИА. 1962. № 120. 207 с.

Сотникова С.В. Погребальные памятники синташтинского и андроновского населения как источник по реконструкции ритуалов и представлений. Омск: Издательский дом «Наука», 2016. 290 с.

Ткачев В.В. Радиоуглеродная хронология кожумбердынской культурной группы на западной периферии алакульского ареала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. №3 (34). С. 68-77.

Spyrou Maria A., Tukhbatova Rezeda I., Chuan-Chao Wang, Valtueña Aida Andrades, Lankapalli Aditya K., Kondrashin Vitaly V., Tsybin Victor A., Khokhlov Aleksandr, Kühnert Denise, Herbig Alexander, Bos Kirsten I. & Krause Johannes. Analysis of 3800-year-old *Yersinia pestis* genomes suggests Bronze Age origin for bubonic plague // Nature Communications volume 9, Article number: 2234 (2018). Источник: <https://www.nature.com/articles/s41467-018-04550-9>

NON-SIMULTANEOUS PAIRED BURIALS FROM ALAKUL BURIAL GROUNDS IN SOUTH URALS AND WESTERN KAZAKHSTAN

Rafikova Ya.V.

**Research Institute of History, Language and Literature of Ufa Research Centre of Russian Academy of Sciences (IHLL URC RAS)
Ufa, Russian Federation**

Abstract: The article deals with ten Alakul non-simultaneous paired burials. Basing on the remains of the previously buried dead men, the author identifies three variants of such burials which are the reflection of different time intervals between them. In spite of the individual peculiarities of each burial the author defines their common features: central location on the burial site and age ratio of the individuals – a man is always older than a woman. On the basis of the fact that individuals of both sexes were buried and there is no correlation between the position of the buried on this or that side and their sex, the author comes to the conclusion that there existed an equal posthumous status of a man and a woman. The most convincing interpretation of non-simultaneous burials is that equal spouses whose demise is divided by time were buried in one grave.

Keywords: Late Bronze Epoch, Alakul Culture, non-simultaneous paired burials, marriage.

МУЖСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ С АСТРАГАЛАМИ:
ИГРА В КОСТИ КАК БИТВА

© 2018 г. Сотникова Светлана Владимировна (svetlanasotnik@mail.ru)
ООО «Центр археологических исследований», г. Надым, Россия

Аннотация: Рассматриваются синташтинские и петровские погребения взрослых и подростков мужского пола, где представлено значительное количество астрагалов в сочетании с оружием, в том числе, связанным с колесничным комплексом. На основании текстов «Ригведы» и «Атхарваведы» делается вывод о возможном существовании социовозрастных юношеских воинских братств, где практиковалась игра в кости, как эквивалент битвы.

Ключевые слова: Южное Зауралье, эпоха бронзы, синташтинская культура, памятники петровского типа, астрагалы, игра в кости как битва.

В могильниках эпохи бронзы Южного Зауралья (синташтинских, петровских) встречаются погребения с наборами астрагалов (альчиков). Наиболее часто они представлены в детских погребениях. Среди детских погребений выделяются две возрастные группы. Представляют интерес погребения второй возрастной группы, которые принадлежали детям и подросткам мужского пола. Было высказано предположение, что в эпоху бронзы альчики помещались в могилу тех детей старшей возрастной группы и подростков, которым в игре, так сказать, всегда «везет». Наличие в таких погребениях предметов, которые могли использоваться в ритуальных целях, позволило предположить, что эта группа была связана с миром сакрального как через игру в альчики, так и посредством гадания и предсказания. В дальнейшем, по мере взросления, на некоторых из этих детей общество могло уже сознательно возлагать функции гадалея или предсказателя [Сотникова, 2016. С. 38–76].

В данной работе обратимся к характеристике синташтинских и петровских погребений взрослых и подростков мужского пола, где представлено значительное количество астрагалов в сочетании с оружием, в том числе, связанным с колесничным комплексом. Дадим характеристику некоторым наиболее выразительным погребениям.

Могильник Кривое озеро. Могила 3 кургана 9 (синташтинская культура) являлась одной из трех центральных, имела размеры в придонной части 2,10 x 1,70 м. Дно могильной ямы покатое с севера на юг, глубина 1,65–1,90 м от уровня материка. Ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. На дне ямы по центру фиксировались следы органического тлена. В его пределах находился костяк молодого мужчины в возрасте 18-19 лет в слабо скорченном положении, на левом боку, головой на ССЗ. Среди погребального инвентаря – 2 сосуда. За спиной, близ поясного отдела, расчищена двухслойная выкладка из плотно подогнанных друг к другу астрагалов. Верхний слой составляли 19 астрагалов, нижний – 22, из них 34 астрагала принадлежали овце, 3 – козе, 2 – косуле, 2 – сайге. В 10 см западнее астрагалов обнаружено скопление из 8 каменных наконечников стрел. У тазовых костей погребенного лежало бронзовое кольцо выпукло-вогнутого сечения. В 40 см восточнее черепа находился бронзовый нож-кинжал. В кургане 1 этого могильника крупные петровские могилы 1 и 2, в

которых встречены астрагалы, занимали центральное положение. Могила 1 имела размеры в придонной части 3,35 x 2,0 м, глубину 1,35 м от уровня материка, ориентирована по линии З–В. В заполнении обнаружены разрозненные человеческие кости, принадлежащие двум подросткам. Имеется также фрагмент бедренной кости ребенка. Правые локтевые кости обоих подростков и ключицы окрашены окислами бронзы. Из заполнения также происходят фрагменты 3 сосудов, бронзовый нож, каменный наконечник стрелы, 4 зуба *Canis*, обломок кристалла горного хрусталя со следами сколов, а также 37 астрагалов (33 – МРС, остальные – другого животного). Следы сработанности обнаружены на 12 астрагалах, сработанная поверхность одного из них имеет зеленоватую окраску. В ЮЗ углу зафиксирован древесный тлен от миски, рядом – зуб *Canis*. В 5 см севернее миски стоял глиняный сосуд, между ним и стенкой камеры обнаружены 2 роговых щитковых псаля. Могила 2 имела размеры в придонной части 3,40 x 2,60 м, глубину 1,20 м от уровня материка, ориентирована по линии З–В. В заполнении встречены отдельные кости взрослого человека, подростка и ребенка. Кости подростка представлены только двумя пяточными костями и, возможно, несколькими позвонками и ребрами. Кроме того из заполнения происходят фрагменты 3 сосудов, каменный и костяной наконечники стрел, роговой щитковый псалий, роговой распределитель ремней конской узды, ложило на гальке сургучной яшмы. В СЗ углу – бронзовое тесло, восточнее на дне – 3 сосуда (№№ 1–3). В 15 см к востоку от сосуда № 2 – выкладка из 26 астрагалов (22 – МРС, 4 – КРС). Из них 7 астрагалов МРС имеют следы сработанности. Размеры выкладки 15 x 10 см, астрагалы уложены без видимой закономерности. Еще 13 астрагалов находилось в сосуде № 4, расположенном в ЮЗ углу (3 со следами обработки). Рядом с этим сосудом – еще 18 астрагалов (6 со следами сработанности). Из заполнения ямы происходят 8 астрагалов (3 со следами сработанности). Всего в могиле обнаружено 65 астрагалов, из них 61 принадлежали МРС, 4 – КРС. [Виноградов, 2003. С. 33–49, 92–94].

Каменный Амбар-5. Могила 5 кургана 2 (синташтинская культура) имела размеры 5,6 x 2,2–2,5 м, глубина в материке 1,15 м, ориентирована по линии ЮВ–СЗ. На 40 см выше дна зафиксированы остатки поперечного деревянного перекрытия. На уровне перекрытия размещались: в восточном углу – 2 черепа лошади; у середины ЮЗ стенки – скелет жеребенка (без дистальных частей ног), череп и хвост взрослой лошади. В грабительском вкопе встречены кости конечностей 3 особей лошади, черепа и кости ног 2 овец, кость крыла гуся. На дне у ЮВ стенки находился череп КРС. В могиле было захоронено 8 человек. В ЮВ половине дна могилы зафиксированы останки мужчины (?) 17–18 лет, мужчины 25–27 лет, двух индивидов примерно одинакового возраста 13–16 лет неясной половой принадлежности, ребенка 1,5–2 лет. Судя по немногим костям ног, сохранившим первоначальное положение, имело место захоронение как на левом, так, возможно, и на правом боку, головой во всех случаях на ЮЗ, т.е. поперек длинной оси ямы. В СЗ половине дна могилы в заполнении вкопа обнаружены кости мужчины 22–24 лет, ребенка 2 лет, подростка 13–16 лет (тоже без достоверных половых признаков). Несмотря на ограбление, в могиле сохранился разнообразный инвентарь. Почти не потревоженный комплекс находился в СЗ части дна, он включал 2 сосуда (№№ 1 и 2), бронзовые тесло, шило, спиралевидную обмотку ременной рукояти плети, пест из яшмовидной породы. В ЮВ половине дна могилы

обнаружены бронзовые наконечник копья, кольцо в 2 оборота, рыболовный крючок, фрагмент спиралевидной обмотки (?), обломок пластинчатого орудия со следами проковки, 4 псаля из рога лося, 2 «терочника» из кварцевого порфира и яшмовидной породы, 3 кремневых наконечника стрел, фаланга КРС с бронзовой скобкой. В южном углу находилось компактное скопление из 147 астрагалов (овца – 111 экз., сайга – 27 экз., косуля – 6 экз., КРС – 2 экз., кабан – 1 экз.). В могиле обнаружено не менее 8 сосудов [Костюков и др., 1995. С. 160–161].

Степное I. Могила 3 кургана 7 (синташтинская культура) имела размеры 2,1 x 1,8 м, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. В заполнении на всех уровнях находилось большое количество костей животных, человека, фрагментов керамики, а также более 50 астрагалов МРС. Возле СЗ стенки лежали в сочленении длинные кости ног подростка 10–13 лет. В восточном углу и возле ЮЗ стенки обнаружены 2 каменных наконечника стрел. На дне в центре в 50 см друг от друга лежали бронзовое шило и роговая лопаточка, у которой полый насад обломан у основания. В южном углу ямы обнаружен предмет, изготовленный из штанги рога лося. Трасолог определил предмет как рукоять орудия. По мнению Е.В. Куприяновой, «изделие может являться заготовкой для музыкального инструмента типа флейты» [Куприянова, 2016. С. 64–67].

Степное VII. В погребальном комплексе № 4 петровская могила 17 на уровне (-30) имела размеры 3,52 x 1,8 м. ориентирована по линии СВ–ЮЗ. В заполнении южной части ямы найдены бронзовая полукруглая бляшка, низка бронзовых бус, фрагменты керамики, кости животных, в том числе 2 астрагала МРС и 1 фрагмент астрагала. На дне находилось захоронение трех человек, головами на ЮЗ. Скелеты А и Б захоронены в «позе объятий». Костяк А принадлежал женщине или женоподобному юноше в возрасте 15–17 лет. Он был положен на спину с разворотом в правую сторону, кости рук также обращены в правую сторону и лежат поверх костяка Б. В руках костяка А зажат бронзовый топор с остатками деревянной рукояти. Рядом с топором – костяное пряслице и бронзовая проколка. Костяк А снабжен большим количеством бронзовых украшений. Костяк Б захоронен скорченно, на левом боку, антропологически определяется как женщина 15–17 лет. Украшений на погребенной нет. Костяк В (женщина 45–55 лет) захоронена скорченно, на левом боку, лицом к паре, снабжена значительным количеством бронзовых украшений. Богатый инвентарь располагался в южной части камеры, за головами погребенных, на специально отведенном пространстве. Там находились 9 сосудов. К востоку от черепа костяка А лежал массивный бронзовый вислообушный топор со следами деревянного топорщица, поверх лезвия к нему было прислонено бронзовое тесло. Здесь же, на 10–20 см выше дна, обнаружены каменный наконечник стрелы, низка бронзовых бус, бронзовые пинцет, 2 ножа, 2 иглы, бронзовый сплеск. В южном углу камеры – деревянный предмет с двумя надетыми на него бронзовыми скобами, в западном углу – 3 каменных наконечника стрел. В северной части ямы, в ногах погребенных, был расчищен наброс астрагалов, который располагался вытянутым пятном. В набросе около 200 астрагалов, принадлежащих, в основном, МРС. Исследователи предполагают, что их кидали стоя сверху у северного угла ямы, прямо на юг. Непосредственно в северном углу ямы находился один крупный астрагал, принадлежащий кабану [Куприянова, Зданович, 2015. С. 3, 35–45]. В том же могильнике петровская могила

88 являлась центральной в комплексе 6. Она имела размеры 4,05 x 2,30 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. В заполнении встречены фрагменты человеческих костей, керамики, 2 каменные и 1 бронзовая бусины, обломок каменного орудия, кварцевая галька, орудие на гальке (лощило). В придонной части в центре обнаружены фрагмент черепа и зубы человека, бронзовые ромбовидная подвеска и 2 обоймы. Вдоль СЗ стенки *in situ* располагалось 4 сосуда. Вдоль ЮЗ стенки у южного угла также сохранился ряд предметов *in situ*. В южном углу лежали рядом бабка КРС и каменное орудие – отбойник. Западнее находился сложный комплекс предметов. На дне располагался большой набор астрагалов (338 целых и 7 фрагментированных). Из них у 10 – сточены боковые грани, 4 – имеют отверстия в боковой грани, 2 – в центральной, у 2 астрагалов – насечки по центру, параллельно длинным сторонам. В центре скопления астрагалы имели красный цвет. Рядом с астрагалами лежала плоская каменная плита из белого кварца, на которой, при ее переворачивании, были обнаружены следы растирания охры. Очевидно, плита и была тем орудием, на котором растирали охру, посыпанную сверху на астрагалы. Под набором астрагалов лежал массивный бронзовый рыболовный крючок. Сверху на наборе астрагалов лежал сосуд № 3. Два сосуда (№№ 2 и 4) располагались рядом с остальным комплексом вещей. В сосуде № 4 обнаружен каменный наконечник стрелы, чуть севернее – 2 подвески из клыков хищника. На дне в разных частях находилось еще несколько астрагалов, возможно, относящихся к набору. Исследователи считают, что найденный комплекс вещей, бесспорно, являлся остатками совершения какого-то сложного символического действия [Куприянова, Зданович, 2015. С. 106, 111–114].

Синташтинский большой грунтовой могильник. Погребение 39 (синташтинская культура) совершено в яме размером 2,5 x 2,4 x 2,4 м. У южной стенки ближе к ЮВ углу на глубине 2,1–2,2 м находился скелет собаки, лежавшей на левом боку, головой на З. Вдоль восточной стороны могилы, на глубине 1,6–2,4 м, между стенками камеры и ямы располагалась ниша шириной 30 см, которая была заполнена костями КРС, МРС и лошади. С глубины 1,9 м прослеживались плахи поперечного перекрытия и обкладки. Внутренние размеры камеры 2,1 x 1,9 м. В камере похоронили 2 умерших, скорченно, лицом друг к другу, головой на З. У костяка А череп положен на правый бок. Рядом с плечевой костью левой руки найдены два медных рыболовных крючка. Под левой лопаткой – бронзовый нож. Южнее черепа у стенки могилы лежали кучей 158 астрагалов МРС, под ними – бронзовое тесло, в ЮВ углу – сосуд. У костяка Б череп положен на левый бок. Скелет Б намного меньше скелета А. В области груди костяка Б обнаружены бронзовый нож и каменная подвеска, на фаланге пальца правой руки – медное кольцо, второе такое же кольцо обнаружено в области таза. В области правого плеча находились каменная булава и бронзовый вислообушный топор. В изголовье костяка Б – сосуд, а рядом с ним – 46 астрагалов, сложенных в кучу, каменный пест и каменная плита. Среди астрагалов найден разрушенный костяной псалий, второй псалий находился в ЮЗ углу. У середины южной стенки на дне лежали 12 кремневых наконечников стрел, а вблизи ЮВ угла – медные гвоздики [Генинг и др., 1992. С. 228–233]. Реконструируя обряд, исследователи высказали предположение, что костяк А принадлежал мужчине, костяк Б – женщине или подростку [Там же, С. 234]. Однако не следует исключать варианта, что оба костяка – мужские.

Синташтинское и петровское население большинство исследователей связывает с индоиранцами. Поэтому вполне возможно привлечение древнеиндийских письменных источников – «Ригведы», «Атхарваеды».

В «Атхарваеде» несомненный интерес представляет гимн VII, 52 – заговор на победу в игре в кости. В гимне представлено развернутое метафорическое описание игры в кости как битвы: «О кости, дайте игру, приносящую результат, / Подобно молочной корове! / Охватите меня потоком выигрыша, / Как лук – тетивой!» (АВ. VII, 52, 9); «Выигрыш у меня в правой руке, / Победа у меня в левой находится, / Пусть стану я завоевателем коров, завоевателем коней, / Завоевывающим богатство, завоевателем золота!» (АВ. VII, 52, 8) Для завоевания победы призываются различные боги – не только вездесущий Агни, но, в большей степени, боги воины-колесничие Индра с отрядом Марутов: «С тобою как с союзником мы хотели б победить (вражеское) войско! / Поддержи нашу ставку в каждом состязании! / Создай нам, Индра, пошире пространство, легкий путь! / Сломи силы мужества врагов, о щедрый!» (АВ. VII, 52, 4); «Я славлю поклонениями Агни – хозяина добра. / Устроенный здесь, пусть он различит счастливую ставку для нас! / Я проношусь как на колесницах, стремящихся к добыче. / Обратясь правой стороной, я хочу усиливать хвалу Марутов!» (АВ. VII, 52, 3).

Следует отметить такую интересную деталь. Игрок, произносящий просьбу-заклинание, оперирует не жреческими терминами, а излагает просьбу с позиции воина, хорошо знакомого с практикой колесничного боя или состязания. Следовательно, возможно было завоевать скот, богатство, золото не только военным путем, но и удачной игрой с противником в кости. По-видимому, воины должны были одинаково хорошо владеть как оружием, так и игральными костями. По мнению Я.В. Василькова, в этом стихе действия игрока являются аналогией деянию Индры-громовержца – главного бога агона, а сам гимн «весь пронизан специфическими мотивами древнеиндийского ритуального агона-состязания (в данном случае – игры в кости), эквивалентного битве...» [Васильков, 2010. С. 104]. Находки в синташтинских и петровских погребениях наборов игровых костей (альчиков), с одной стороны, и следов колесничного комплекса (роговые псалии, бронзовые топоры, тесла, ножи, копье, каменные наконечники стрел), с другой стороны, свидетельствуют о навыках, которыми должен владеть воин-колесничий в эпоху бронзы.

Требуем своего объяснения факт наличия украшений при воинах, прежде всего подростках, в рассматриваемых погребениях. Обратимся к описанию отряда воинов-колесничих Марутов, о покровительстве которых упоминается в гимне «Атхарваеды». Представляет интерес следующая строка: «Обратясь правой стороной, я хочу усиливать хвалу Марутов!» (АВ. VII, 52, 3). Как сказано в примечании к этому гимну, требовалось двигаться так, чтобы правая сторона была все время обращена к объекту почитания, что являлось признаком уважения [Атхарваеда, 2005. С. 535].

Согласно «Ригведе», Маруты – сыновья бога Рудры, сопровождающие Индру в его военных походах: «Приезжайте, о Рудры, сопровождающие Индру, единомышленники, / На золотых колесницах (нам) на благо!... Снабженные топорами, копьями, мудрые, / С прекрасными луками, стрелами, колчанами, / О сыновья Пришни, вы обладаете прекрасными конями, прекрасными колесницами. / Прекрасно вооруженные, о Маруты, вы выезжаете для

блеска.» (РВ. V, 57, 1–2). Но Маруты не только прекрасно вооружены, они также носят множество украшений: «Те, кто украшает себя как женщина, (как) упряжки / В дорогу, сыновья Рудры...» (РВ. I, 85, 1); «...Поющие песню, порождающие силу Индры, / Они, чья мать Пришни, надели на себя украшения.» (РВ. I, 85, 2); «Когда те, чья мать – корова, украшают себя блестящими драгоценностями, / Сверкающие, они надевают на себя искрящиеся (украшения)...» (РВ. I, 85, 3); «...Самые любимые, самые мужественные, сверкающие украшениями / Украсились некие (мужи), словно зори – звездами.» (РВ. I, 87, 1); «...Они – с поводьями колесницы, они – с певцами, (Маруты), с прекрасными кольцами, / Они, носящие топоры, снабженные стрелами, бесстрашные...» (РВ. I, 87, 6).

С.В. Кулланда, вслед за шведским ученым С. Викандером, признает, что «Маруты – классический образец мужского союза, возрастного класса юношей-воинов» [Кулланда, 1995. С. 108]. В.Я. Васильков считает, что мифологическими аналогами такого рода социовозрастного юношеского воинского братства были дружина Марутов (юных воинов-ровестников) и класс гандхарвов (небесных танцоров и музыкантов в небесном кшатрийском раю Индры). Посвящаемые юноши-воины в изоляции от социума проходили тренировку в боевых искусствах, осваивали разные виды оружия, кроме того, одним из занятий в этих братствах являлась игра в кости. Юноши также совершенствовались в песнях, музыке, танцах и выступали в этом качестве на сельских и интерлокальных племенных празднествах [Васильков, 2010. С. 117, 175, 253]. Соответственно, находимые в синташтинских и петровских погребениях украшения при костях воинов, могут являться деталями костюмов для подобных праздничных выступлений. Подтверждением этого может служить находка предполагаемого музыкального инструмента в погребении 3 кургана 7 могильника Степное I.

Таким образом, рассматриваемые мужские погребения синташтинского и петровского типа свидетельствуют о возможном существовании социовозрастных юношеских воинских братств, где практиковалась игра в кости, как эквивалент битвы.

Список литературы

Атхарваведа (Шаунака): в 3 т. / Пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой. М.: Вост. лит., 2005. Т. 1. Кн. I–VII. 573 с.

Васильков Я.В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб.: «Европейский Дом», 2010. 400 с.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.

Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.) / ред. И.Б. Васильев. Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. С. 156–207.

Кулланда С.В. Царь богов Индра: юноша–воин–вождь // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / ред. В.А. Попов. М.: Вост. лит. РАН, 1995. С. 104–125.

Куприянова Е.В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1 (раскопки 2008, 2010–2011, 2014 гг.). Челябинск: Энциклопедия, 2016. 119 с.

Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.

Сотникова С.В. Погребальные памятники синташтинского и андроновского населения как источник реконструкции ритуалов и представлений. Омск: Наука, 2016. 290 с.

MALE BURIALS OF THE BRONZE AGE WITH ASTRAGALS:
THE GAME OF DICE AS THE BATTLE

Sotnikova S.V.

Nadym, "Center for archaeological research", research consultant

Abstract: Sintashta's and Petrovka's burials of adult and male adolescents are considered, where a large quantity of astragals in combination with weapons is presented, including those related to the chariot complex. On the basis of the texts of "Rigveda" and "Atharvaveda" it is concluded about a possible existence of socio-age associations of youths-warriors, where the game of dice applied as the equivalent of the battle.

Key words: Southern Trans-Urals, the Bronze Age, Sintashta culture, Petrovka-type sites, socio-age associations of youths-warriors, astragals, the game of dice as the battle.

ЖЕНЩИНА ЭПОХИ БРОНЗЫ: МАТЬ, ЖРИЦА, ТКАЧИХА
(ПО МАТЕРИАЛАМ АНДРОНОВСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ПАМЯТНИКОВ ЛИСАКОВСКОЙ
ОКРУГИ)

© 2018 г. *Усманова Эмма Радиковна (emmadervish2004@mail.ru)*
*Сарыаркинский археологический институт,
Карагандинский государственный университет
им. академика Е.А. Букетова
Караганда, Республика Казахстан*

Аннотация: в статье представлен гендерный аспект женских погребений андроновского культурного формата памятников Лисаковской округи. На основании анализа ритуалов и погребального инвентаря дана модель главных ролей женщины в андроновском обществе. Их социальная значимость основана на статусе матери, жрицы, ткачихи и принадлежности к институту управления в данном сообществе.

Ключевые слова: статус, накосное украшение, служительница культа, топормолот, женщина-ткачиха, детское захоронение

На андроновских некрополях Лисаковской округи раскопано 111 сооружений и 233 погребения [Усманова, 2013. С. 20]. Из них согласно антропологическим данным и погребальному инвентарю (украшения) к женским могут быть отнесены 33 погребения. Большинство из них принадлежат алакульской культурной традиции (29 погребений). Стандартный набор погребального инвентаря женских погребений (керамическая посуда и ювелирные аксессуары) распределяется согласно статусных и возрастных характеристик умершей. При этом встречаются единичные вещи, которые подчеркивают особенности социальной позиции погребенной женщины в данном сообществе. К сожалению, намеренные проникновения в погребения, совершенные в древности, не позволяют выявить показательный ряд этих единичных вещей. Однако, погребальный инвентарь сохраняет знаковые предметы, на основе которых, представляется возможным осуществить моделирование социальных значимых характеристик женщины в андроновском обществе.

Статус матери. *Около мамки хорошо дитятке. Русская пословица.* Предметное оформление статуса «невеста – замужняя женщина – мать» в погребальном обряде начинается с подросткового возраста. В традиционной культуре многих народов головной убор фиксирует главные позиции в жизни женщины: период до замужества – невеста – замужество – рождение ребенка. Позиции, которые, как правило, сопровождаются сменой головного убора и его декора. Головной убор с накосным украшением и покрытием волос появляется в момент перехода в статус невесты и замужней женщины [Гаген-Торн, 1933. С. 76– 88].

В алакульских погребениях накосные украшения фиксируются в погребениях девочек в возрасте 12 – 15 лет, и далее у взрослых женщин в возрасте 18 – 25 лет. Накосники отсутствовали у девочек в возрасте меньше 10 лет. В андроновском обществе, видимо, вступление девушек в брачный возраст происходило в возрасте 12 – 15 лет. Накосное украшение являлось знаком перехода в статус невесты и далее в статус замужней женщины.

Выделяются два типа наконных украшений, которые крепились к головному убору: 1 – простой (две-три низки пастовых и бронзовых бусин с листовидными бронзовыми подвесками на концах); 2 – сложный (низки бусин, с ювелирной деталью из бронзовых подвесок и пронизей).

В алакульских погребениях Лисаковской округи обнаружено двенадцать комплектов наконных украшений в виде цельных или отдельных деталей [Усманова, 2010. С. 33–35]. Только один из них относится к сложным наконникам 2-го типа (Лисаковский I, курган 1). Он находился в погребение, где была захоронена одна голова, что указывает на особый статус умершей женщины.

Погребальные сооружения, где были захоронены девушки в возрасте 12–15 лет, видимо, находившиеся в статусе невесты, не имели захоронений детей в возрасте от года до трех-пяти лет (пять оград). Женские погребения старше 18 лет сопровождались несколькими погребениями детей в возрасте от года до пяти лет, которые располагались во рву курганов (Лисаковский I, курганы 1, 2, 6). Были ли они биологическими детьми захороненных женщин – сказать трудно. Скорее всего, умершие дети имели отношение к семье/клану. Известны единичные случаи, указывающие на возможную биологическую связь матери и ребенка. Например, когда женщина, подросток и ребенок до 5 лет были захоронены вместе в одной могиле (Лисаковский III, сооружение 3).

Наконный аксессуар и захоронения детей до трех-пяти лет в одном погребальном комплексе, вероятно, являются главными знаковыми показателями брачного состояния погребенной женщины. По всей видимости, в данном сообществе дети до 3 – 4 лет, относились к 1-ой ступени детства и не были социализированы. Они нуждались в особой защите, которая была перенесена в погребальный ритуал. Быть похороненным рядом с матерью или замужней женщиной из одной семьи/ клана символически означало находиться под материнской защитой.

Статус «главы рода». *«Недремлющий вечный очаг и вечная женщины – ты».* Евгений Евтушенко. В женских погребениях Лисаковской округи есть три погребения, которые принадлежали особам, имевшим отношение к институту социального управления в данном сообществе. Женщины были похоронены с мужчинами вместе: в могиле (один случай, Лисаковский V, курган 1); в разных могилах, но в одном кургане (два случая, Лисаковский I, курганы 1 и 2). Эти погребальные сооружения отличаются своими относительно большими размерами по сравнению с другими, центральным и главенствующим положением на погребальном поле. И что примечательно в данные погребения не было совершено проникновений. Они остались не тронутыми, несмотря на свою внешнюю примечательность. Скорее всего, из-за общественной значимости этих умерших людей в сообществе живущих людей, существовал ритуальный запрет на проникновение в такие социально важные погребения.

В этих погребениях есть особый предметный знак по отношению к захороненным женщинам – нож, лежащий острием вниз к макушке головы. Нож уложен таким образом, что нижний конец его касался черепа (два случая) или лежал рядом с головой (один случай). И другая знаковая особенность этих погребений – захоронение только отдельных частей тела (рис. 1). В двух погребениях находилась одна голова/черепа или их фрагменты (курганы 1, 2

Лисаковский I); в другом – череп, кости рук и ног, сложенные в имитации скорченной позы (курган 1, Лисаковский V). По всей видимости, это вторичные захоронения, которые были совершены по причинам постмортального свойства.

Рис. 1. Могильник Лисаковский I, курган 1.
Погребение с ножом у головы и накосником.

Нож присутствовал и в мужских погребениях, только он был уложен в ладони рук умершего. Видимо, женщина, погребенная с ножом, относилась к управленческой страте вождей. Нож – это символическая демонстрация гендерного равенства мужчины и женщины в погребальной презентации, которая существовала в жизни данного сообщества.

Женщина – служительница культа. *«Мы, как священнослужители, творим обряд».* В. Брюсов. Знаковый код андроновских служителей культа по причинам археологической руинизации погребений установить трудно. Он неизвестен по своей предметной сущности и может быть только реконструирован. К области предположений относится и образ андроновской женщины – жрицы-шаманки, служительницы культа, вероятность присутствия которого в ритуальной жизни андроновского сообществ весьма велика, что требует поиска предметно-знакового оформления этого статуса. В этом контексте, интерес представляют единичные предметы, которые соединяют в себе утилитарное и ритуальное значение.

Среди определяемых женских погребений выделяются два погребения с сосудами, которые пока не находят аналогий в поселенческой посуде. Знаковая погребальная композиция этих погребений не имеет стандартных ритуальных аналогов среди раскопанных женских погребений семи могильников Лисаковской округи.

Лисаковский III, сооружение 3. Данное погребение основательно разрушено. По предварительному антропологическому определению костных останков (выполнено А.В. Колбиной, Костанай, Республика Казахстан), оно принадлежало женщине средних лет и двум детям (подросток и до 5 лет). Однако есть то «но», которое позволяет представить захороненную женщину условно как «служительницу культа». К этому «но» относятся нетронутые и неразрушенные проникновением артефакты.

Сосуд с ушками – единственный среди более чем 200 найденных сосудов в андроновских погребениях Лисаковской округи. В данном погребении – это еще и единственный сосуд, который был археологически целым. Остальные были намеренно разбиты и разбросаны по дну могильной ямы. Ушки сосуда были предназначены для подвешивания. На внешней и внутренней стороне сосуда отсутствовали какие-либо следы нагара и копоти. Он явно не висел над огнем, и пища в нем не варилась, вода не кипятилась. Возможно, он предназначался для жидкости или хранения сыпучих материалов, трав, семян и т.п. Этнографические параллели позволяют рассматривать функции такого сосуда как культового, который использовался знахарями во время лечения. По устному сообщению информатора О.Д. Бубнова (Центр народных ремесел, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация) подобные сосуды использовали манси во время сеансов лечения на особых святых местах.

Топор-молот – единичный подобный предмет в коллекции погребального инвентаря лисаковских некрополей. Полированный, сверленный каменный топор-молот (из габбро?) остался лежать *in situ* нетронутым в разрушенном погребении. Вероятно, топор-молот импортного происхождения. В андроновских древностях урало-казахстанских степей подобные топоры являются редкой находкой [Ченченкова, 2004. С. 246–251]. Внутри сверленного отверстия сохранились фрагменты деревянной рукояти, фиксированные двумя бронзовыми скрепами-клиньями. Если и существовали его утилитарные функции как боевого оружия, то они были весьма ограниченными. Отполированное лезвие было тупым. При ударе могла использоваться только округлая молотковая часть топора.

Возможно, топор-молот был специальным ритуальным предметом, символом жречества. Лисаковский топор-молот своей изящной формой и парадным видом напоминает облик каменных шлифованных церемониальных нефритовых топоров из Бородинского клада [http://kirsoft.com.ru/mir/KSNews_161.htm]. Он находился в женском погребении и был специально оставлен, тогда как украшения были вытаснены, фрагменты, которых были разбросаны по дну могилы. Эти факты указывают на его особую знаковость, табуированность и ритуальную неприкосновенность. Топор-молоток принадлежал, по всей видимости, лицу жреческого статуса, наделенному особыми полномочиями магико-защитного характера по отношению к членам сообщества.

Череп ребенка. Завершает этот знаково-предметный код предполагаемого погребения служительницы культа череп ребенка, выставленный в нише, сделанной в стенке

погребальной камеры. В традиционных культурах культ черепа объединяется с культом плодородия в ритуалах магико-защитного характера [Усманова, 2003. С. 152–156]. Вероятно, выставленный череп, который принадлежал ребенку в возрасте трех лет, демонстрирует участие захороненной женщины в исполнении родовых культов плодородия. Тем более, что женщина была похоронена в одной могиле с двумя детьми, что указывает на семейно-родовую значимость захоронения.

Лисаковский II, сооружение 5А, погребение 3. Единственное целое не нарушенное погребение среди взрослых погребений могильника Лисаковский II. Оно принадлежало женщине, похороненной в очень необычной для андроновского обряда позе – на животе, ничком, ноги полусогнуты в коленях, руки согнуты в локтях, и уложены ладонями под лицо. Создавалось впечатление, что лицо умершей женщины было спрятано в ладони рук. Два сосуда были выставлены в погребение – один у головы, другой у колен. Все тело и инвентарь были закрыты войлоком, который хорошо фиксировался в виде волокон сине-серого цвета.

Рис. 2. Лисаковский II, сооружение 5А, погребение 3.
Сосуд цилиндрической формы

Не потревоженное погребение, необычная поза умершей – скрытое в ладони лицо, тело повернутое спиной кверху – знаковые особенности этого погребения «продолжает» высокий сосуд цилиндрической формы (высотой до 40 см), стоявший у колен (рис. 2).

Употреблю опять определение «единственный» по отношению к этому сосуду: он один такой в лисаковской керамической коллекции.

Сосуды или емкости цилиндрической формы в традиционной культуре используются в процессе приготовления бродильных напитков [Усманова, 2013. С. 109]. Ритуальная деятельность шаманов сопровождалась применением специальных бродильных напитков. На мой взгляд, есть основания предположить, что в данном погребении с сосудом для приготовления бродильного напитка была захоронена женщина-шаманка в необычной позе-перевертыше. Как известно мир шаманских духов – это мир-перевертыш, мир наоборот [Дашибалов1993. С. 11–12]. Кстати, это погребение выделено погребением, соединенным с ним перемышкой, в котором был похоронен ребенок в возрасте 3–5 лет.

Погребения, которые предположительно могут быть отнесены к захоронениям служительницы культа (ворожея, знахарка, шаманка) выделяются *уникальной* культовой керамикой: сосуд для подвешивания; сосуд для приготовления бродильных напитков. В этом знаково-предметном ряду присутствуют *уникальный* каменный сверленный топор-молоток и ритуально выставленный череп. При этом, данные погребения сочетаются с детскими погребениями. Итак, в таком предметном облике погребального инвентаря представляется знаковое оформление объединенной функции матери и служительницы культа в погребальном пространстве андроновских лисаковских некрополей.

Женщина – пряха и ткачиха. *Что выпрялось, то выткалось. Русская пословица. Хорошая ткачиха выткет ковёр и на заборе. Литовская пословица.* Археологизированные фрагменты текстиля (плетеного и тканого) – редкие находки в андроновских погребениях. При этом вместе с отпечатками текстиля на сосудах – они яркое свидетельство о развитии ткацких технологий в андроновском обществе. Их высокий уровень развития демонстрируют находки плетеного и тканого текстиля из погребений могильников Лисаковской округи. Лисаковские мастерицы пряли высококачественную шерстяную нить, из которой плели тесьму, ткали полотно. Из тесьмы шились головные уборы и элементы одежды. Казалось бы, при таком развитом ткацком ремесле, вещи, связанные с ним, должны находиться и сохраниться в погребениях. Тем более ткацкие орудия труда не обладают престижностью как оружие и украшения, которые чаще всего изымались из погребений.

Однако погребальный инвентарь практически исключает ткацкий инструментарий из своего набора в захоронениях. При этом, на поселение Лисаковское найдены пряслица, шилья, иглы, шпульки, все то, что применялось в ткацком деле и шитье. Складывается впечатление, что столь активная деятельность женщины-ткачихи была лишена предметной знаковости в погребальном обряде. На женских погребениях семи могильников Лисаковский найдено всего одно пряслице биконической формы (Лисаковский ПГ, ограда 16 погребение 1), шило (Лисаковский IA, ограда 12), игла (Лисаковский ПГ, ограда 13, погребение 3). Почему происходило такое ритуальное игнорирование образа ткачихи в андроновском погребальном обряде? И было ли оно? Возможно, к ткачихам в погребения клались мотки шерстяной пряжи, которые могли не сохраниться. То есть, предметный код профессионального статуса погребенной женщины не зафиксирован из-за археологического разрушения.

В какой-то степени ответ на вопрос о предметной индексации статуса женщины-ткачихи, стоит еще напомнить, что это и креативная профессия, мифологемы которой архетипичны [Лосев, 1982. С. 169], дает погребение из петровско-алакульского могильника Новоильиновский II, курган 4. По сравнению с алакульско-федоровскими могильниками Лисаковский 1–7, в его погребальном обряде и в инвентаре присутствуют петровские черты. Именно в нем обнаружено погребение женщины-ткачихи, которое обладало набором знаковых предметов и символических ритуальных манипуляций [Усманова, Суслов, 2012. С. 4-11].

Рис. 3. Могильник Новоильиновский II, курган 4.
Вид погребения после вскрытия

Курган находился в центре погребального поля, выделяясь по своим относительно крупным размерам и высоте. В погребение было совершено проникновение, в результате чего были изъяты головные и ручные украшения, фрагменты которых были обнаружены в углу. При этом череп, без нижней челюсти был водворен на место (рис. 3). Нижняя часть костяка осталась *in situ* как впрочем, и весь инвентарь в виде орудий, имевших отношение к ткачеству, вязанию и шитью. Это вязальный крючок, шило-проколка в костяном футляре, костяная проколка, пряслице, и точильный камень (рис. 4). Посредине другой половины ямы лежал бронзовый нож, по всей видимости, имитируя положение отсутствующего мужского костяка. По западной и восточной сторонам дна ямы было обнаружено шесть ямок, расположенных на равном расстоянии от друга, которые принадлежали столбовой конструкции типа навеса. Видимо, после завершения всех ритуалов, навес был убран. К

этому погребение имело отношение и детское погребение младенческого возраста, сделанное во рву кургана.

Рис. 4. Могильник Новоильиновский II, курган 4.
Погребальный инвентарь: пряслице, крючок, шило-проколка в футляре.

Данное редкое погребение указывает на особый статус социально-профессиональной принадлежности умершей с креативной мифологемой родовой матери-ткачихи, в руках у которой были не только нити полотна, но и нити судьбы своего рода.

Работа выполнена в рамках грантового проекта Министерства образования и науки Республики Казахстан АР05131853 «Древнейшие города Казахстана (исследование городских и культурно-хозяйственных центров эпохи бронзы)»

Список литературы

Гаген-Торн Н.И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // СЭ. 1933. № 5 /6. С. 76-88.

Дашибалов Б.Б. Перевернутый сосуд — путь в «другой мир» // Жизнь. Смерть. Бессмертие: Материалы науч. конф. ГМИР, декабрь 1993, Санкт-Петербург. СПб., 1993. С. 11-12.

Лосев А.Ф. Мойры // Мифы народов мира. Т. 2. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1982. С.169.

Попова Т.Б. Бородинский клад. http://kirsoft.com.ru/mir/KSNews_161.htm. Дата обращения: 01.05.2018

Усманова Э.Р. «Андроновцы – охотники за черепами?» (об одной детали некрологического цикла могильника Лисаковска) // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана: Изд-во «Күлтәгін», 2003. С. 152-156

Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы. Опыт реконструкций. Лисаковск – Караганда, 2010. 176 с.

Усманова Э.Р. Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты / Отв. ред. Э. Р. Усманова. Караганда – Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. С. 19-195.

Усманова Э.Р., Суслов А.С. Отчет. Археологические исследования памятников Верхнего Притоболья в Костанайской области в 2012 году.

Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III – I тыс. до н.э. Екатеринбург: «Тезис», 2004. 336 с.

WOMAN OF THE BRONZE AGE: MOTHER, PRIESTESS, WEAVER
(BASED ON EVIDENCE OF LISAKOVSK ANDRONOVO BURIAL SITE)

Usmanova E.R. Senior Fellow, Saryarka Archaeological Institute. Buketov Karaganda State University. Universitetskya 28, Karaganda, 100028, Kazakhstan

Abstract: This paper concerns research on women's gender in the Andronovo culture in Eurasian steppe zone that currently dated from the 18 to the 15 centuries cal BC. Interpretations are based on the analysis of rituals and grave goods of the Andronovo burial site located in northern Kazakhstan, Kostanay province, city of Lisakovsk. Special attention is given to the concept of the chief female figure in the Andronovo society. This idea is relevant for the burials of women that died after reaching 18 years old and were accompanied by children. The mention should be made on graves which presented professional status of a weaver in Andronovo society. We can generally conclude that female's social significance is defined by the status of mother, priestess, weaver and associated with the institution of power in this community

Key-words: status, hairdressing, priestess, weaver, child burial, Andronovo

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В СКОТОВОДЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ НАСЕЛЕНИЯ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ.

© 2018 г. **Файзуллин Айрат Асхатович** (faizullin.airat@yandex.ru)
ФГБОУ ВО «ОГПУ», Оренбург, Россия

Аннотация: *Статья посвящена погребениям женщин в ямной культуре на территории Волго-Уралья. На основе анализа трудовых затрат на совершение погребений и инвентаря в могилах, сделана попытка реконструкции социального статуса женщин в скотоводческом обществе населения ямной культуры. Проведено исследование 50 женских погребений, которое показало наличие полярного подхода к погребениям женщин по возрастному признаку. Погребения молодых женщин не отличаются высокими трудовыми затратами и инвентарем. Захоронения женщин зрелого и старческого возраста встречаются в курганах с высокими трудовыми затратами и престижным инвентарем (украшения, символы служителей культа). Возможно это связано с тем, что социальный статус мог измениться с возрастом человека. Таким образом, погребальные комплексы свидетельствуют о том, что женщины (особенно взрослые) занимали значимые для общества социальные роли.*

Ключевые слова: *ямная культура, женские погребения, социальная структура, половозрастная дифференциация.*

В основе горизонтальной проекции социальной сферы лежит половозрастная структура [Тишкин, 1997. С. 54]. Как отмечал В.М. Массон, именно данные погребального обряда являются основным источником для изучения половозрастной и социальной дифференциации общества и образуемых на этой основе социальных групп [Массон, 1976. С. 56]. В советской историографии доминировала точка зрения, что с развитием патриархальных отношений социальная престижность женских занятий, а следовательно, их роль в обществе падает [Семенов, 1974. С. 309]. В работах по ямной культуре также является доминирующей точка зрения о патриархальном характере общественных отношений [Мерперт, 1974; Васильев 1980; Моргунова, 1992; Ковалева, 1989; Иванова, 2001; Марина, 2002]. Женские захоронения и роль женщин в обществе населения ямной культуры рассматривались в историографии по-разному. Первым, кто обратил внимание на гендерный аспект в захоронениях ямной культуры был В.А. Городцов. Рассматривая парное погребение, где ребенок покоился в ногах у женщины, он сделал вывод, что это погребение матери и сына. По его мнению, ребенок как мужчина, получил господствующую ориентировку (на правом боку головой на восток), хотя он и занял скромное место в ногах матери [Городцов, 1901. С. 174].

В книге А.П. Круглова, Г.В. Подгаецкого «Родовое общество степей Восточной Европы» общество ямной культуры было отнесено исследователями к I стадии, которая несет в себе черты материнского рода [Кругов, Подгаецкий, 1935. С. 100].

Н.Л. Моргунова считает, что пожилые женщины в ямном обществе являлись служителями культа [Моргунова, 1992. С. 10].

И.Ф. Ковалева, пишет о том, что роль женщины с возрастом не умирала, так как общество в отношении старых женщин сохраняло матриархальный пиетет, основанный на незаменимости в домашней работе [Ковалева, 1989. С. 11].

Довольно интересную точку зрения высказывает Дж. Меллори. Он считает, что женские захоронения характеризуются пышностью погребального обряда и богатым погребальным инвентарем в равной степени с мужчинами [Меллори, 1991. С. 101].

В настоящее время, представляется возможным исследование вопроса роли женщин у населения ямной культуры в связи с представительной выборкой погребений и антропологических определений. Учет трудовых затрат будет производиться по уже имеющейся классификации [Моргунова, Файзуллин, 2018. С. 35-60]:

Группа 1 тип А (далее 1А) – захоронения в курганах диаметром до 20 м, высотой до 1 м. Тип – в небольших погребальных камерах с отвесными и пологими стенками, а также в небольших по размерам ямах с уступами. По объему могильные ямы не превышают 6 м³.

Группа 1 тип Б (1Б) – захоронения в курганах диаметром до 20 м, высотой до 1 м. Тип – в больших и глубоких ямах с отвесными стенками и в ямах с уступами и заплечиками. Объем могильных ям превышает 6 м³.

Группа 2 тип А (2А) – в курганах диаметром от 20 до 40 м, высотой до 3 м. По объему могильные ямы не превышают 6 м³.

Группа 2 тип Б (2Б) – в курганах диаметром от 20 до 40 м, высотой до 3 м. Объем могильных ям превышает 6 м³.

Группа 3 тип А (3А) – в курганах диаметром от 40 до 150 м, высотой от 3 до 8 м. По объему могильные ямы не превышают 6 м³.

Группа 3 тип Б (3Б) – в курганах диаметром от 40 до 150 м, высотой от 3 до 8 м. Объем могильных ям превышает 6 м³.

На территории Волго-Уралья изучено 50 погребений, в которых были встречены останки женских костяков. Из 50 погребений: 16 возмужалой, 15 зрелой, 10 старческой возрастной категории, а в 9 погребениях возраст захороненных женщин определить не удалось [Яблонский, Хохлов, 1994. С. 116; Хохлов, 2003. С. 275; Хохлов, Газимзянов, Фризен, 2005. С. 105-112; Хохлов, 2010. С. 133.].

Трудовые затраты на погребения женщин возмужалой возрастной категории небольшие. Большая часть курганов и погребений этой возрастной категории соотносится с группой 1 тип А – 8 погребений из 16. Инвентарь был обнаружен в 5 погребениях. В КМ Тамар-Уткуль VIII 3/1 – галька белого цвета [Моргунова, Кравцов, 1994. С. 22], а в КМ Гвардейцы II К1П2 – сосуд [Крамарев, Мышкин, Турецкий, 2002. С. 105].

Интерес в плане инвентаря вызывает погребение 2 черепов в КМ Герасимовка II 4/2, один из которых принадлежит женщине 25-30 лет. Рядом с черепами был обнаружен богатый инвентарь: круглодонный сосуд, 5 костяных рогаток, 6 обоев из меди, медный нож, 2 пронизки из раковин моллюска, четырехгранное шило с упором, обломок подобного шила, костяная трубочка, кремневый скребок, железистая конкреция, кварцитовый отщеп, куски охры, подвески из зуба лошади.

В плане трудовых затрат интерес вызывает погребение молодой женщины в КМ Тамар-Уткуль VII 3/2, размеры насыпи и погребения которого соотносятся с группой 2 тип

Б. Наряду этим в погребении был найден инвентарь: небольшое долото, два фрагмента такого же долота, железистая конкреция [Моргунова, Кравцов, 1994. С. 14]. Трудовые затраты и производственный инвентарь указывают на высокий социальный статус погребенной.

В ямном обществе были различные подходы к захоронению женщин зрелого возраста. Женщины данной возрастной категории были захоронены как в больших насыпях и объемных погребальных камерах так и под небольшими курганами, в простых ямах. Видимо, это свидетельство того, что при жизни женщины могли занимать различные социальные позиции или быть причислены к определенной сословной или производственной группе. В данной возрастной группе трудовыми затратами и богатым инвентарем отличается погребение в КМ Уваровка 2/2 (Рис. 1. 3). В погребении женщины 40-45 был найден разнообразный инвентарь: украшения, воинский арсенал, орудие мастера, керамика [Кузьмина, Михайлов, Фадеев, 2003. С. 198-216].

Женщины старческого возраста, которые были захоронены под небольшими насыпями, соотносящиеся своими размерами с группой 1 А и Б, обнаружены в 4 случаях. Инвентарь присутствовал в 2 погребениях. Интерес вызывает погребение пожилой женщины в КМ Тамар-Уткуль VII 6/1 [Моргунова, Кравцов, 1994. С. 14]. Трудовые затраты на совершение погребения небольшие, но инвентарь положенный в могилу (4 бусины, подвеска в 4 оборота из медной проволоки и 4 медных обоймы), позволяет сделать предположение о высоком статусе погребенной с украшениями (Рис. 1. 2). К аналогичному выводу на материалах Поднепровья пришла З.П. Марина [Марина, 1997. С. 16].

Захоронения женщин старческого возраста в больших курганах группы были обнаружены в 4 случаях. Интерес здесь вызывает погребение в КМ Тамар-Уткуль VII 1/1, так как данное погребение женщины было основным и единственным погребением в кургане [Моргунова, Кравцов, 1994. С. 14]. Инвентарь, который был найден рядом с пожилой женщиной, состоял из медного ножа, костяной булавки, медной бляшки, костяной подвески, кольца из кости, кварцитового отщепы, 4 медных обойм (Рис. 1. 1).

Неординарное захоронение было обнаружено в КМ Скворцовка 6/1. Оно было совершено в широкой и глубокой яме с забутовкой. В первом ярусе заполнения ямы были обнаружены развал сосуда, череп, кости рук, альчик барана. На дне ямы вместе со скелетом найдены медное шило, медная руда, раковина каури [Моргунова и др., 2010. С. 55].

Данные археологии скотоводческих культур позднего бронзового, раннего железного веков и средневековья, а также этнографические материалы дают обширные свидетельства о роли женщин в разных сферах общественной жизни.

Основываясь на материалах синташтинской культуры Южного Урала, Н.А. Берсенева делает вывод, что у женщин в скотоводческом обществе должно было быть множество занятий. К женским занятиям автор относит уход за домом и детьми, прядение и ткачество, шитье, гончарство, выделка кож и войлока [Берсенева, 2015. С. 93].

Л.Т. Яблонский считал, что женская часть популяции в обществе населения сарматской культуры выполняла в обществе функции гораздо более разнообразные, чем мужская. Он, пишет, что помимо деторождения и воспитания детей, это было домашнее ремесло (выделка кож, ткачество, шитье). По его мнению, «именно женщины являлись

носителями духовной культуры сообщества, осуществляя культовые действия на разных его социальных уровнях – от уровня семьи до уровня рода» [Яблонский, 2016. С. 18].

По мнению С.А. Яценко в сармато-аланском обществе существовала усиленная эксплуатация женщин за счет привлечения их к военным авантюрам и коллективной охоте [Яценко, 2001. С. 246].

В скифской религии роль женского божества была довольно значительной. В V в. до н. э. у скифов существовал пантеон из 7 богов, из них 3 были женскими. По мнению С.С. Бессоновой, шаманство у скифов было женским занятием. Ритуал с участием женщин запечатлен в изобразительном искусстве скифов – экстатический ритуал с участием так называемых менад [Бессонова, 1983. С. 125].

По материалам погребений раннесредневековых тюрок Н.Н. Серегин реконструирует 4 социальных группы женщин. В первую группу он относит к элитным слоям социума кочевников [Серегин, 2012. С. 66]. Интересно то, что возраст женщин из погребений этой группы определен в рамках 45-60 лет, что может свидетельствовать о почитании старших женщин в семье [Серегин, 2012. С. 66].

Этнографические материалы кочевников Тувы говорят о том, что шаманами могли быть не только мужчины, но и опытные женщины. Именно женщины занимались ритуальными действиями камланием (Хамнаар), цель которых было врачевание людей [Ванштейн, 1991. С. 124].

Конечно, примеры более поздних кочевых археологических культур и данные этнографии нельзя напрямую экстраполировать на эпоху ранней и средней бронзы. Но наличие такого сходства, позволяют предполагать что общественные отношения и в свою очередь закрепление в скотоводческом обществе за женщинами определенных занятий и привилегий могли уходить корнями в эпоху бронзы.

Таким образом, рассмотрев погребения женщин ямной культуры Волго-Уралья, можно сделать вывод о том, что различия между ними наблюдаются в соответствии с возрастом и социальной ролью в обществе. Погребения молодых женщин не выделяются высокими трудовыми затратами и наличием инвентаря. Погребения женщин зрелой и старческой возрастной группы отличаются высокими трудовыми затратами и разнообразным инвентарем. Инвентарь (костяные булавки-амулеты) и нетрадиционный обряд погребения (расчлененность костяков, захоронение отдельных черепов) в захоронениях КМ Мустаево V 9/2, КМ Тамар-Уткуль VII 1/1, КМ Скворцовка 6/1, КМ Курманаевка 3/1 позволяют отнести погребенных к лицам, участвовавшим в религиозной жизни социума. Судя по возрасту погребенных выполнять данную социальную функцию могли только старшие женщины в общине [Файзуллин, 2015. С. 26-32].

То есть женщины в скотоводческом типе хозяйства не были отлучены от производства, они могли заниматься производством разнообразных предметов материальной культуры (изготовлением одежды, ткачеством, рукоделием), приготовлением пищи во время ритуальных обрядов, дойке скота и конечно следили за «домашним очагом» и воспитывали детей. На основе археологических фактов можно заключить о том, что женщины могли играть важную роль в религиозной сфере общества.

Важно отметить малочисленность женских погребений в курганах. Данный факт подтверждает предположения о наличии других видов посмертных обращений, еще не обнаруженных археологами. П.Ф. Кузнецов, основываясь на материалах ямной культуры Самарского Поволжья, делает вывод, что курганный способ захоронения являлся для ямной культуры не рядовой практикой. На основе этого, он предполагает, что могли существовать и другие формы захоронений [Кузнецов, 2003. С. 46].

Мнению П.Ф. Кузнецова близка точка зрения М.Д. Хлобыстиной. Она считает, что женская часть коллектива захоранивалась не в курганах, а на грунтовых кладбищах, пока не изученных [Хлобыстина, 1976. С. 41].

Таким образом, женских погребений на территории Волго-Уралья немного, поэтому погребения женщин в могилах под курганами, в том числе с высокими трудовыми затратами и богатым инвентарем, свидетельствуют о значительной социальной роли в обществе отдельных представителей женского пола.

Работа выполнена при поддержке Задания № 33.1389.2017, ПЧ на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности.

Список литературы

Берсенева Н.А. К вопросу о социальных ролях женщин (синташтинская культура Южного Урала) // Человек и север: антропология, археология, экология. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2015. С. 92–94.

Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 139 с.

Ванштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 299 с.

Васильев И.Б. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточноевропейской лесостепи / ред. Пряхин А.Д. Воронеж: ВГПИ, 1980. С. 32–59.

Городцов В.А. Результаты археологического исследования в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году // Труды XII Археологического Съезда. Т.1. М., 1905. С. 174–225.

Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001а. 244 с.

Ковалева И.Ф. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам левобережной Украины), Днепропетровск: Днепропетровский университет, 1989. 88 с.

Крамарев А.И., Мышкин В.Н., Турецкий М.А. Курганный могильник Гвардейцы // Вопросы археологии Поволжья. Вып.2. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СИЦ РАН, 2002. С. 101–122.

Круглов А.П., Подгаецкий Г.Е. Родовое общество степей Восточной Европы // ИГАИМК. Вып. 119. М.-Л.: ОГИЗ, 1935. 176 с.

Кузнецов П.Ф. Особенности курганных обрядов населения Самарской долины в первой половине бронзового века // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. / Отв. ред. Ю.И. Колев. Самара: СамГПУ, 2003б. С. 43–51.

Кузьмина О.В., Михайлов О.В., Фадеев В.Г. Уваровский курганный могильник // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. / Отв. ред. И.Б. Выборнов. Самара: СНЦ РАН, 2003. С. 198–216.

Марина З.П. К вопросу о социальной структуре ямного общества Левобережья Днепра // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. по V век н.э.) / Отв. ред. Е.В. Яровой. Тирасполь: Типар, 2002. С. 115–118.

Марина З.П. Ямные погребения Днепровского Левобережного Предстепья с металлическими украшениями // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков: АО "Бизнес информ", 1997. С. 15–16.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976. 191 с.

Меллори Д.П. Социальная структура и курганные погребения // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э.) / Отв. ред. Е.В. Яровой. Киев, 1991. С. 100–102.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 261 с.

Моргунова Н.Л. К вопросу об общественном устройстве древнеямной культуры // Древняя история населения Волго-Уральских степей / Отв. ред. А.Т. Синюк Оренбург: ОГПИ, 1992. С. 5-27.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: ОГПУ, 2010. 160 с.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке, Екатеринбург: УИФ "Наука", 1994. 153 с.

Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А. Социальная структура ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Stratum plus №2, Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест: Stratum plus, 2018. С. 35-60.

Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль. 1974. 309с.

Серегин Н.Н. Общие и особенные характеристики женских погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №2 (17). Тюмень, 2012. С. 61–69.

Тишкин А.А. Необходимые условия и возможные пути реконструкции социальной организации на основе археологических источников // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово, 1997. С. 53–55.

Файзуллин А.А. Захоронения женщин ямной культуры на территории Волго-Уралья // Проблемы истории, филологии, культуры 4 (50). Москва-Магнитогорск-Новосибирск: ЗАО МДП, 2015. С. 26–32.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Нижнего Поволжья как палеосоциологические объекты // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. С. 30-31.

Хохлов А.А. Антропологический материал из погребений Шумаевских курганов Оренбуржья // Моргунова Н.Л., Гольева А.А, Краева Л.А, Мещеряков Д.В, Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2003. 392 с.

Хохлов А.А. Демографические процессы в северной половине Волго – Уралья в эпохи энеолита и бронзы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург – Самара – Донецк, 2010. С. 133-166.

Хохлов А.А., Газимзянов И.Р., Фризен С.Ю. Антропологические материалы могильника Мустаево // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.7 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2005. С. 105–112.

Яблонский Л.Т., Хохлов А.А. Краниология населения ямной культуры Оренбургской области // Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: УИФ "Наука", 1994. С. 116–152.

Яблонский Л.Т. Об одном аспекте социальной роли женщины в раннекочевом сообществе Южного Приуралья (по материалам могильника Филипповка 1) // Материалы V международной научной конференции / Отв. ред. А.А. Бисембаев Актобэ. 2016. С. 15–19.

Яценко С.А. Статус женщины в сарматском обществе: проблемы интерпретации источников // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов / Отв. ред. Г.И. Зверева М.: РГГУ. 2001. С. 244–252.

THE ROLE OF WOMEN IN NOMAD SOCIETY THE POPULATION OF THE PIT - GRAVE CULTURE.

Fayzullin A.A.

Orenburg state pedagogical University, Orenburg

Abstract: This article is devoted to the women's burials in Pit-Grave culture on the territory of Volga-Ural. Based on the analysis of labor costs on the committing of burials and inventory in the graves there was made a try of reconstruction of social status of women in nomad society the population of the pit – grave culture. There was carried out a research of 50 women's burials that showed an availability of polar slant to women's burials by the age sign. The burials of young women do not include high labor costs and inventory. The burials of mature and aged women are met in the barrows with high level of labor costs and with prestigious inventory (the jewelry, the symbols of acolytes of cult). Possibly, it may be connected with the social status, which could be changed with the age of person. In this way, burial's complex evidence the high value of women's part in the society (especially adult).

Keywords: Pit-Grave culture, women's burial, social structure, the age and sex structure.

ГЕНДЕРНЫЕ ОППОЗИЦИИ СИНТАШТИНСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

© 2018 г. Хаванский Алексей Иванович (Arkaim01@yandex.ru)

Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, Алматы, Казахстан

Аннотация: В работе рассматривается синташтинский погребальный обряд с точки зрения гендерных бинарных оппозиций. Погребальные традиции анализируются для выявления женских и мужских особенностей. Для погребений мужчин характерно положение скорченно на левом боку, а также особые виды обращения с телом умершего. Мужской ориентировкой по сторонам света является северная и западная, а в коллективных захоронениях – юго-западная. Для погребений женщин кроме положения скорченно на левом боку характерно также положение на правом боку. Специфически женской ориентировкой является северо-западная.

Ключевые слова: синташтинская культура, погребальный обряд, бинарные оппозиции, гендер.

Для духовной культуры традиционных обществ, к каковым относятся и скотоводческие общества эпохи бронзы, характерны бинарные оппозиции-противопоставления: верх-низ, лево-право и т.д. Одной из таких пар является «мужское-женское». Исследованию гендерных традиций синташтинского погребального обряда посвящено немало работ, благо сама культура - яркая и насыщенная артефактами с высокой семантической нагрузкой [Епимахов, 2002; Зданович Д.Г., 1997; Ткачев, 2007; Куприянова, 2008; Хаванский, 2012].

В данной статье рассматриваются проявления гендера в синташтинском погребальном обряде не только через вещи-маркеры пола, но и через погребальную позу и ориентировку погребенного.

Источники. Для анализа использовано 300 синташтинских погребений из 42 курганов и 15 могильников, наиболее крупные: Жаман-Каргала I, Ишкиновка II, Танаберген II [Ткачев, 2007]; Новый Кумак [Смирнов, Кузьмина, 1977]; Большекараганский [Боталов, Григорьев, Зданович Г.Б., 1996; Зданович Д.Г. и др., 2002], Каменный Амбар V [Епимахов, 2005], Кривое Озеро [Виноградов, 2003], Синташтинский грунтовой, Синташтинский I, Синташтинский II, Синташтинский III [Генинг, Зданович, Генинг, 1992], Солнце II [Епимахов, 1996]; Степное I [Куприянова, 2016]; Бестамак [Калиева, Логвин В.Н., 2009; Логвин А.В., Шевнина, 2008; Логвин А.В., Шевнина, 2011]. Общее количество погребённых в них составляет 370 индивидов. В работе использованы только те, погребения, где костные останки не нарушены или погребальная поза и ориентировка может быть реконструирована по оставшимся *in situ* костям. Поскольку антропологически пол не может быть установлен до 15 лет, то и для анализа использовались антропологические определения для взрослых индивидов.

Анализ погребального обряда. На сегодняшний день известны антропологические определения 263 останков. Из них 20% принадлежат мужчинам и 21% – женщинам. Выборка для данной работы с учетом обозначенных выше критериев составила 35 мужских останков

и 33 – женских. Равное соотношение мужчин и женщин – такое же, как и в основной группе, свидетельствует о корректности выборки.

Подробно соотношение тех или иных категорий инвентаря с полом и возрастом погребенных уже рассматривалось в работе автора [Хаванский, 2012]. Новые материалы только подтверждают сделанные ранее выводы. Мужскими категориями вещей были предметы, связанные с военным делом и символы власти: бронзовые плоские топоры-тесла, вислообушные втульчатые топоры, наконечники копий и стрел, а также «колчанные наборы» каменных и костяных наконечников стрел, каменные булавы, костяные «лопаточки» и накладки луков (рис. 1). Женскими категориями были украшения: подвески в 1,5 оборота, браслеты и клыки животных (рис. 2). Как правило, они являлись принадлежностью женщин детородного возраста. Бронзовые ножи и костяные псалии чаще встречаются в погребениях мужчин, хотя могут быть принадлежностями и женских погребений [Хаванский, 2012].

Подробно рассмотрим детали собственно погребального обряда.

Мужчины. Индивидуальные захоронения. Размеры погребальных ям у мужчин следующие: длина их составляет от 1,9 м до 3,7 м (среднее – 2,6 м), ширина – от 1,2 м до 2,5 м (среднее – 1,9 м). Площадь ямы составляет от 2,3 м² до 8,5 м² (среднее 5,03 м²). Объем ямы колеблется от 2,28 м³ до 26,81 м³, среднее – 11,2 м³.

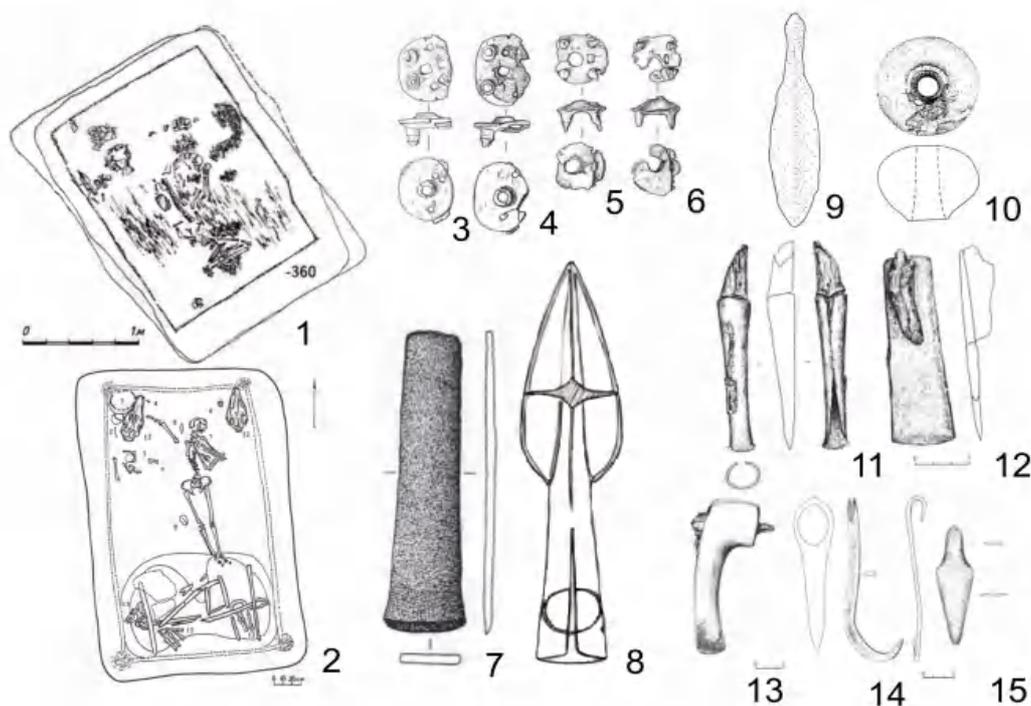

Рис. 1. Погребения мужчин синташтинской культуры.

1, 2 – погребальный обряд мужских погребений, 3-15 – инвентарь мужских погребений (1, 8 – по В.В. Ткачеву, 2-7 – по Н.Б. Виноградову, 9 – по А.В. Епимахову, 10-15 – по А.В. Логвину, И.В. Шевниной).

На погребальной площадке индивидуальные захоронения мужчин занимают достаточно равномерно все сектора, совершенно игнорируя южный. Из внутримогильных конструкций достаточно часто отмечены деревянные камеры (более 50%). Самой распространенной погребальной позой было положение скорченно на левом боку (83%). Только среди мужских индивидуальных захоронений встречены особые способы обращения с телом умершего в виде частичного или полного расчленения. Так, в погр. 22 кург. 7 мог. Танаберген II голова мужчины была отчленена от тела и находилась на некотором расстоянии от шеи, «стоя» на основании черепа [Ткачев, 2007. С. 28]. В ориентировке по сторонам света преобладает западное направление (42% погребенных), затем северное (33%) и северо-западное (15%) (рис. 3).

Коллективные и парные захоронения. В погребальной позе картина в целом схожая с коллективными захоронениями: преобладает скорченность на левом боку (85%), к остальным 15% относится парное погребение 21 кург. 7 мог. Танаберген II, где оба индивида мужского пола были погребены вытянуто на спине [Ткачев, 2007. С. 25-28. Рис. 8].

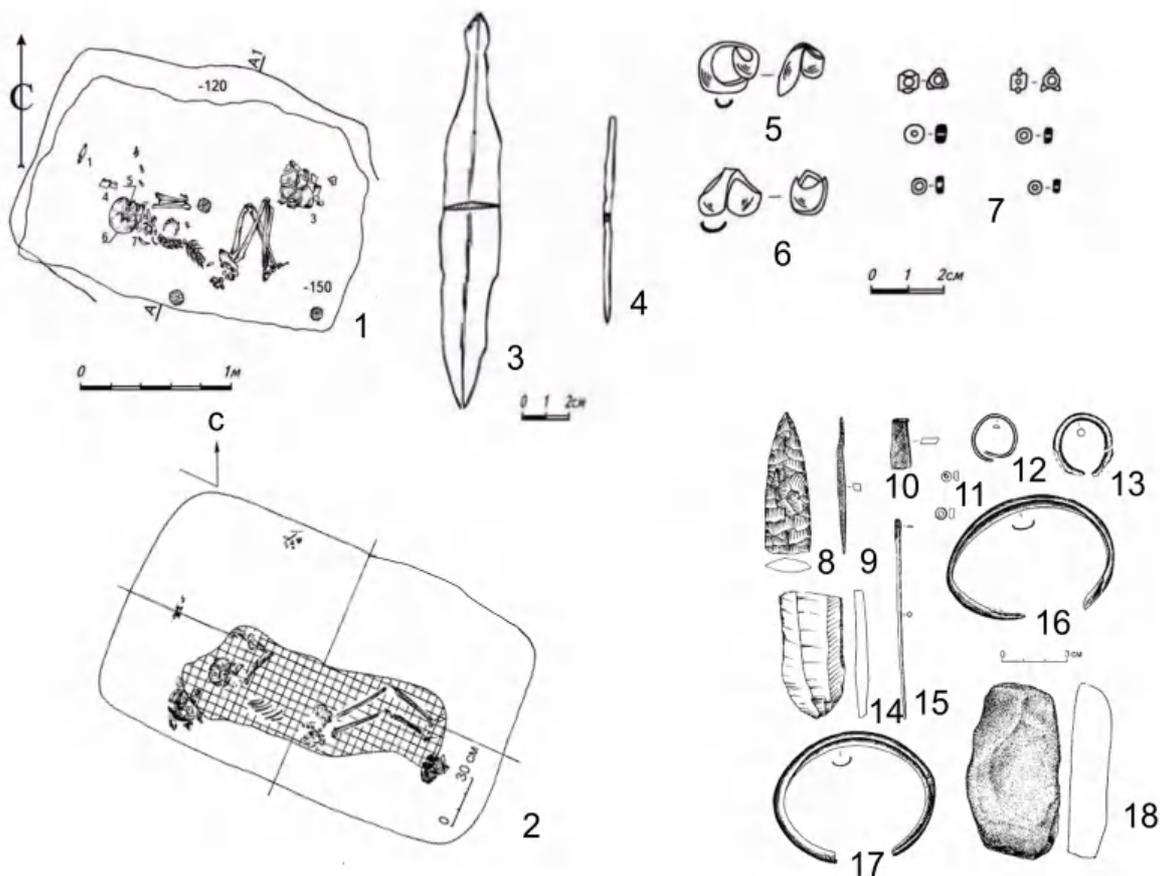

Рис. 2. Погребения женщин синташтинской культуры.

1-2 – погребальный обряд женских погребений, 3-18 – инвентарь и украшения женских погребений (1, 3-7 – по В.В. Ткачеву, 2, 8-18 – по С.С. Калиевой и В.Н. Логвину).

В ориентировке по сторонам света могло быть только 3 варианта: наиболее многочисленный – юго-западный (56% захороненных), а также на север (25%) и северо-запад (19%). Отметим, что в индивидуальных захоронениях юго-западная ориентировка не отмечена ни разу (рис. 3).

Женщины. Индивидуальные захоронения. Размеры индивидуальных женских могильных ям следующие. Длина составляет от 1,7 м до 2,9 м (среднее – 2,1 м), ширина – от 0,6 м до 1,9 м (среднее – 1,5 м). Площадь ямы составляет от 1,0 м² до 4,6 м² (в среднем 3,0 м², что примерно в 1,5 раза меньше мужских погребений). Объем ямы колебался 1,07 м³ до 10,71 м³, среднее – 6,1 м³ (это практически в 2 раза меньше, чем у мужчин).

На погребальной площадке индивидуальные захоронения женщин чаще всего встречаются в южном секторе (36%), реже – в северо-восточном и в центре (по 18%). Ни разу не встречено индивидуальных женских захоронений в восточном, западном и северо-западном секторах. При этом суммарная доля индивидуальных мужских захоронений в этих секторах составляет 40%. В абсолютном большинстве случаев (85%) женщины погребались скорченно на левом боку. В ориентировке представлены практически все стороны света. Самой массовой ориентировкой была северо-западная – 46%, далее следует северная и западная – по 15% (рис. 3).

Коллективные и парные захоронения. Здесь также самой массовой погребальной позой была скорченность на левом боку (72%). Положение скорченно на правом боку также встречается достаточно часть (22%). Ориентировка практически такая же, что и в индивидуальных: на северо-запад – 50%, на запад – 17%, на юго-запад и юг – 11% (рис. 3).

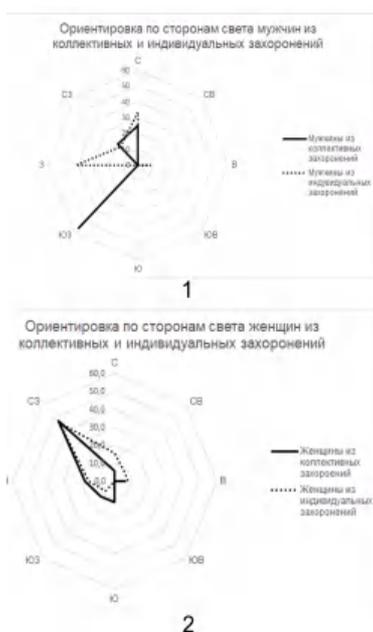

Рис. 3. Ориентировка по сторонам света мужчин и женщин из индивидуальных и коллективных захоронений.

1 – ориентировка мужчин, 2 – ориентировка женщин.

Обсуждение результатов. Таким образом мы видим, довольно существенную разницу в ориентировке по сторонам света между мужчинами и женщинами, причем различия касаются коллективных и индивидуальных захоронений. Рассмотрим их подробнее.

Наиболее логичной представляется гипотеза, что ярче всего гендерные различия в ориентировке по сторонам света будут проявляться в индивидуальных захоронениях. Исходя из этого, «мужской» ориентировкой является северная и западная, а «женской» – северо-западная. Именно эти ориентировки наиболее многочисленны в соответствующих индивидуальных захоронениях. Однако, как же быть с тем фактом, что часть мужчин погребены с «женской» ориентировкой? Проанализируем эти исключения.

Мужчины в коллективных и парных захоронениях с северо-западной ориентировкой. Все эти захоронения представляют собой парные погребения мужчины и женщины (изредка с ребенком). Погр. 15, кург. 7 мог. Танаберген II [Ткачев, 2007. С. 19-20. Рис. 3]. Погребение парное: оба – и мужчина и женщина – погребена скорченно на левом боку (как правило женщина лежит лицом к мужчине). Женщина имеет богатый набор украшений (бронзовые подвески и браслеты, расшитую бисером одежду). Мужчина снабжен колчанным набором и ножом. В погр. 6 кург. 10 мог. Кривое Озеро женщина была погребена на правом боку, антитезно по отношению к мужчине. На руках – браслеты. При мужчине – только нож [Виноградов, 2003. С. 149-158. Рис. 66-68]. В погр. 5 мог. Бестамак девочка 10-12 лежала на правом боку, лицом к молодому мужчине. Она имела богатый набор украшений: браслеты, наконечник, одежду, расшитую бронзовым и фаянсовым бисером. Мужчине принадлежала булава, тесло и нож [Калиева, Логвин В.Н., 2009. С.49-51. Рис. 15-16]. Т.о. мы видим, что женщины в этих погребениях выделяются обилием украшений, а инвентарь мужчин довольно стандартен (только в погр. 5 мог. Бестамак есть булава). Можно выдвинуть предположение, что здесь мы сталкиваемся с явлением матрилокальности. Мужчины в этих погребениях происходили из другой общины и были погребены по канонам той общины, к которой принадлежала погребенная с ним женщина.

Мужчины в индивидуальных захоронениях с северо-западной ориентировкой. В погр. 3 кург. 10 мог. Кривое Озеро согласно заключению антрополога, был захоронен мужчина в возрасте 35-55 лет, причем со следами выраженных гормональных нарушений [Рыкушина, 2003. С. 351-352]. Часть инвентаря этого погребения характерна и для мужских и женских погребений (нож, бронзовый стержень, костяной диск, шлаки и раковина). Однако на обеих руках погребенного были найдены браслеты, которые встречаются исключительно в захоронениях женщин [Виноградов, 2003. С. 133-140. Рис. 58-59]. Практически полная аналогия данному погребению зафиксирована в могильнике Бестамак. В погр. 21 этого могильника был захоронен субъект в возрасте более 50 лет, пол которого антропологом определен как мужской. Часть инвентаря также типична и для женщин, и для мужчин (нож, кусочки руды и шлаков). Однако его сопровождали типично женские украшения: на запястьях пластинчатые выпукло-вогнутые браслеты, а у обоих висков – по подвеске в 1,5 оборота [Калиева, Логвин В.Н., 2009. С. 48]. Авторы раскопок могильника Бестамак считают, что «логичнее объяснение такому парадоксу искать ... в особенностях общественной жизни» [Калиева, Логвин В.Н., 2009. С. 48]. В погр. 17 кург. 25 мог.

Большекараганский индивид мужского пола был погребен с колчанным набором каменных и костяных наконечников стрел. Это полностью соответствует мужским канонам. Однако он был погребен на правом (!) боку [Зданович Д.Г. и др., 2002. С.68-69. Рис. 40]. Это единственный на сегодняшний случай в синташтинской культуре, когда мужчина был погребен на правом боку. Можно предполагать, что мужчины, погребенные в индивидуальных захоронениях, но с «женской» ориентировкой на северо-запад и как правило с женским же инвентарем и украшениями по каким-либо причинам занимали в синташтинском обществе статус, отличающийся от своего биологического пола. Необходимо дальнейшее накопление случаев несовпадения пола и одежды и инвентаря.

Выводы. Проанализировав синташтинскую погребальную обрядность с точки зрения гендерных традиций можно сделать следующие выводы.

1) Для мужчин характерны следующие традиции. В погребальной обрядности – наличие индивидуальных захоронений мужчин в северном секторе погребальной площадки. Для индивидуальных погребений мужчин характерна северная и западная ориентировка, для коллективных – юго-западная. В погребальном инвентаре – бронзовые тесла, наконечники копий и стрел, а также «колчанные наборы» каменных и костяных наконечников стрел, каменные булавы, костяные «лопаточки» и накладки луков.

2) Женским погребениям присущи следующие традиции. В погребальном обряде – индивидуальные погребения в южной части площадки. И в индивидуальных, и в коллективных захоронениях (без мужчин) – северо-западная ориентировка. В погребальном инвентаре – украшения: подвески в 1,5 оборота, браслеты, клыки животных, наконечники.

Отклонения от этих принципов существуют и носят, по всей видимости, социальный характер.

Таким образом дуальные оппозиции по принципу «мужское-женское» проявлялись в погребальном обряде не только в выборе вещей, которые полагалось класть покойному. Проявлялись они и в ориентировке по сторонам света. Эти оппозиции не были настолько противоположными, как можно было ожидать. Все они укладываются в участок между юго-западом и севером. Однако конкретное рассмотрение отдельных категорий погребений (мужчины, женщины из индивидуальных и коллективных захоронений) показывает, что приуроченность к конкретным секторам горизонта в зависимости от пола была довольно строгой.

Работа подготовлена при поддержке проекта BR05236565 «Культура населения Казахстана от каменного века до этнографической современности по археологическим источникам» МОН Республики Казахстан

Список литературы

Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 г.) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск: Челяб. ун-т, 1996. С. 64-88.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье: Монография. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 2003. 362 с., ил.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. Ч. 1. 408 с.

Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце 2 - некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск: Челяб. ун.-т, 1996. С. 22-42.

Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. 170 с., ил.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: ОАО «Челябинский дом печати», 2005. 192 с., ил.

Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997. 93 с.

Зданович Д.Г., Кириллов А.К., Гутков А.И. и др. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1 / Сост. Д. Г. Зданович. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. 216 с., ил.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вопросы археологии, антропологии и этнографии. 2009 № 9, С. 32-58.

Куприянова Е.В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: ООО «АВТО Граф», 2008. 244с.

Куприянова Е.В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1. Челябинск : Энциклопедия, 2016. 119 с.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Элитное погребение синташтинско-петровского времени с могильника Бестамак // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: сборник научных трудов I отв. ред. С.Ф, Татауров, И.В. Толпеко. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. С. 190-197.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы, 2011, С. 349-359.

Рыкушина Г.В. 2003. Антропологическая характеристика населения Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство. С. 345-360.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 84 с.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы: монография. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 484 с., ил.

Хаванский А.И. Особенности половозрастных традиций синташтинского погребального обряда // «Кадырбаевские чтения–2012». Материалы III Международной научной конференции. Актобе, 2012. С. 120-128.

GENDER OPPOSITIONS OF THE SINTASHTA CULTURE FUNERAL RITUAL

Khavansky A.I.

*Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan
of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan*

Abstract: the Sintashta culture funeral rite is considered in this work from the point of view of gender binary oppositions. Funerary traditions are analyzed to identify female and male features. For the burials of men, the position is wrinkled on the left side, as well as special types of treatment of the body of the deceased. Male orientation in the cardinal directions is north and west, and in collective burials - south-west. For the burials of women, besides being crouched on the left side, the position on the right side is also characteristic. The specific female orientation is the northwest.

Key words: Sintashta culture, funeral rite, binary opposition, gender.

БИОАРХЕОЛОГИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ АСПЕКТОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ БРОНЗЫ НЕПЛЮЕВСКИЙ)

© 2018 г. *Шарапова Светлана Владимировна (svetlanasharapova01@mail.ru)*
ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

© 2018 г. *Каранетян Марина Кареновна (marishkakar@hotmail.com)*
НИИ и Музей антропологии МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия
© 2018 г. *Булакова Екатерина Александровна (bulakovaekaterina@gmail.com)*
ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Аннотация: В статье представлен частный случай биоархеологического анализа материалов могильника эпохи бронзы Неплюевский в Южном Зауралье. Курганы 5 и 9 содержали только детские останки. Половозрастная структура кургана 1 представлена всеми группами, однако дети и подростки составляли более половины. Дано описание состояния зубной системы и признаков патологических состояний. Важным компонентом анализа являлось установление принадлежности разрозненных костей, обнаруженных во вторичном контексте. Данное обстоятельство представляется принципиальным, так как выборки погребений часто используются в качестве исходного материала в постпогребальных и социально-демографических реконструкциях. В этой связи демографический профиль группы реконструируется без потерь. Подобный подход не только демонстрирует информационный потенциал скелетных останков плохой сохранности или происходящих из разрушенных погребений, но и делает гипотезы более вероятными.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Южное Зауралье, погребения, палеопатологический анализ, социальные реконструкции

Несмотря на относительную научную новизну, изучение гендерных аспектов прочно внедряется и в отечественную археологию. Для обоснования гендерных отношений в обществах древности привлекается широкий спектр теоретических разработок, а в качестве исходного материала используются выборки погребений. Общеизвестно, что гендер – это социальная категория, которая отличается от биологического пола и может меняться на протяжении жизни индивида в соответствии с принятыми в конкретных обществах нормами и традициями.¹¹ В ходе анализа погребения детей и подростков, взрослых мужчин и женщин зачастую получают особую интерпретацию, в основе которой – установление пола и возраста через изучение скелетных останков и сопроводительного инвентаря. К сожалению, при всей распространенности антропологических определений изучение посткраниального скелета и неметрических остеологических признаков заметно уступает краниологическим описаниям. Зачастую это вызвано неполной представленностью скелетных материалов из археологических раскопок, отчасти – данью традиции проводимых палеоантропологических исследований. Частный случай изучения погребений эпохи бронзы, выполненного в

¹¹ Формат данной публикации не позволяет привести даже небольшую часть обширного корпуса публикаций по теме [см. например, Agarwal and Glencross; Arnold, 2002; Gere, 1999; Geller, 2005; Sofaer, 2006a,b; Walker and Colins Cook, 1998; etc.]

междисциплинарной парадигме, представлен материалами могильника Неплюевский (Карталинский район Челябинской области).

Могильник располагается на правом берегу р. Яндырка в окрестностях с. Неплюевка и состоит из двух отдельных групп курганов, расположенных на расстоянии 130 м. К моменту раскопок насчитывалось 38 курганов. Могильное поле площадью 16 га вытянуто по линии ССВ-ЮЮЗ. За три полевых сезона было раскопано три кургана в северной части могильника.

Курганы 5 и 9 содержали только захоронения детей [Шарапова и др., 2017], результаты палеопатологического анализа которых опубликованы [Луайе, Шарапова, 2017].

В рамках заявленной темы материалы кургана 1 представляют особый интерес. Под насыпью самого большого в могильнике кургана было обнаружено пятьдесят объектов – могильных и жертвенных ям [Шарапова, 2017]. Жертвенники располагались как на подкурганной площадке, так и за ее пределами. Каких-либо рвов или канавок, оконтуривающих курган, не было. Результаты почвенного анализа демонстрируют повышенное содержание кальция и серы в нижней части насыпи. Этот факт связан с особенностями выкидов из ям, которые отличаются повышенным содержанием карбонатов и легкорастворимых солей. Позже переотложенный грунт оказался включенным в нижнюю часть насыпи, тем самым осложнив ее строение. При этом, временные интервалы, связанные с процессом сооружения кургана, не нашли отражения в морфологии почвы. Примечательно, что выводы почвоведов хорошо согласуются с археологическими наблюдениями. Существует мнение, что первоначально место погребения могло функционировать как грунтовый могильник, а потом над ним возводилась общая насыпь [Купцова, 2014. С. 179]. Кроме того, в кургане не выявлено ни одного случая наложения и/или нарушения контуров могил, расположенных зачастую на едва заметном удалении друг от друга. Обращает внимание и отсутствие центрального погребения – впечатляющие своими трудозатратами комплексы расположены все же вне геометрического центра кургана.

Надмогильные конструкции включали каменные плиты и переотложенный материковый суглинок. При расчистке некоторых ограбленных погребений были найдены фрагменты древесины, на основании чего можно допустить, что наряду с камнем дерево также использовалось в оформлении надмогильных конструкций. Каменное перекрытие фиксировалось и над жертвенными ямами. Плиты укладывались горизонтально на древнюю дневную поверхность, подрезанную в ритуальных целях. Часть камней "проседала" и к моменту раскопок залегала наклонно. Как было установлено в ходе полевых антропологических наблюдений, использование камня в обряде не самым лучшим образом сказалось на сохранности костного материала. Также на формирование тафокомплекса большое влияние оказала активность землероев.

Планиграфия выявленных объектов позволяет допустить их относительную синхронность, когда при совершении новых захоронений визуально можно было определить местоположение более ранних погребений. В этой связи антропологические материалы кургана 1 – уникальны по своему происхождению. Кратковременный хронологический срез приближает их к традиционной биологической группе и дает возможность оценить биологическую выборку, а не палеоантропологическую серию [Бужилова, 1995].

В погребениях 2а, 9, 32 и яма 15 были зафиксированы случаи парных и двойных захоронений, для погребений 8 и 28 – вероятны факты вторичного захоронения; остальные могилы – индивидуальные. Основной вид погребения умерших – ингумация, скорченно на боку; единичны – кремация и кенотафы. Ориентировка погребенных – преимущественно в северном секторе. В ходе камерального антропологического анализа определены останки минимум сорока четырех индивидов, из них двадцать восемь относятся к детскому и подростковому возрасту. Из шестнадцати взрослых (>18 лет) шесть отнесены к мужскому и пять – женскому или вероятно женскому полу; для остальных индивидов пол не установлен из-за недостаточности данных. Среди останков детей и подростков пятнадцать индивидов – это дети в возрасте до двух лет.

Пики смертности в группе приходился на возраст до 2 лет, а у взрослых – в возрасте до 35 лет. Наблюдается тенденция к более ранней смертности женщин в сравнении с мужчинами.

В целом, зубная система группы характеризуется отсутствием случаев кариеса и частой встречаемостью зубного камня. Скорость изнашивания жевательных поверхностей зубов средняя или даже низкая в сравнении с биологическим возрастом, определенным по другим системам признаков. Все это позволяет говорить о том, что питание людей из кургана 1 должно было включать средне и слабо абразивную пищу, низкое содержание углеводов и высокое содержание протеинов или крахмала, вызывающие повышение рН ротовой жидкости [Littleton, Frohlich, 1993].

Помимо зубного камня, наиболее часто отмечаемой патологией зубной системы в группе является гипоплазия эмали, которая традиционно связывается с воздействием стрессовых факторов на организм ребенка в период формирования зубной системы. Причинами её формирования могут быть родовая травма, низкая масса тела при рождении, непродолжительные периоды голодания, острые инфекции и другие факторы, приводящие к прерыванию ростовых процессов [Бужилова и др., 1998; Waldron, 2009]. Потому эмалевая гипоплазия является индикатором целого ряда негативных воздействий, начиная от пищевого стресса, заканчивая специфическими заболеваниями [Бужилова и др., 1998]. В большинстве палеоантропологических серий возрастные пики появления гипоплазийных дефектов эмали приходятся на 1,5-2,5 года и 3-4 года, что обычно соотносится с периодом перехода ребенка от грудного вскармливания к взрослой пище [Бужилова и др., 1998]. В рассматриваемой группе пик появления гипоплазии также приходится на возраст 3-4 года. Это указывает на то, что члены группы подвергались определенным, возможно, периодическим стрессовым воздействиям в раннем детстве (периодическому пищевому стрессу или инфекциям), которые, очевидно, не были для них фатальными, т.е. индивиды пережили их с той или иной степенью успешности. Однако следует сказать, что на некоторых детских останках отдельные дефекты приурочены к возрасту, близкому к возрасту смерти (погр. 7, ск. 1; погр. 10, ск. 2; погр. 31, ск. 1).

Другим наиболее частым по встречаемости типом патологических изменений на останках из кургана 1 является *cribra orbitalia* – форма поротического гиперостоза, которая связывается с состояниями анемии, причем считается, что появление характерных поротических изменений в глазницах приурочено к детскому возрасту [Stuart-Macadam,

1985]. Среди факторов, приводящих к появлению данного дефекта, отмечаются наследственные и приобретенные формы анемии (в том числе недостаточное содержание в рационе элементов железа и витамина В12), хронические инфекции, приводящие к расходованию значительных объемов железа, паразитарная инфекция и др. Наличие *cribra orbitalia* отмечено у девяти индивидов детского и подросткового возраста и у трех взрослых индивидов. Пороз орбит у взрослых интерпретируется либо как остаточная, возникшая в детском возрасте анемия, либо как результат хронической формы, также начавшейся в детском возрасте [Stuart-Macadam, 1985].

Периостальная реакция надкостницы (периостит) является неспецифической и может быть связана как с естественными ростовыми процессами, если речь идет о ребенке, так и указывать на различного рода патологические состояния, такие как инфекция, травма, гипервитаминоз витамина А, злокачественные процессы и некоторые другие. В кургане 1 среди индивидов со следами периостальной реакции особенно выделяется ребенок из ямы 6, обнаруживающий отчетливые следы системного патологического процесса с признаками, характерными для таких состояний как цинга или рахит.

Случаев травм, однозначно интерпретируемых как следствие межиндивидуальной агрессии, не отмечено. Характер отмеченных травм соответствует "мирному" образу жизни группы. Все наблюдаемые изменения травматического характера могут быть интерпретированы как результат специфики физической активности (в частности – это следы множественных грыж межпозвоночного диска, спондилолиз и рассекающий остеохондрит) или как результат отдельных травматических инцидентов, например, падения. Грыжи межпозвоночного диска (узлы Шморля) являются следствием совокупности факторов, однако как палеопатологические, так и современные клинические данные подтверждают наличие определенной ассоциации с образом жизни [например, Swärd, 1992; Novak, Mario, 2011]. Для тех индивидов из могильника Неплюевский, у которых обнаружены следы множественных крупных грыж межпозвоночного диска, можно говорить о некоей, очевидно, систематической и чрезмерной нагрузке на позвоночник. В частности, такие случаи травмирования позвоночника диагностированы у женщины 20-25 лет (погр. 2А, ск. 2) и взрослого мужчины (погр. 30). Преждевременные дегенеративно-дистрофические изменения в суставах ряда других индивидов также могут отражать подверженность их костно-суставного аппарата повторяющемуся "физическому стрессу".

Однако межиндивидуальная агрессия как причина некоторых травматических повреждений не исключается. Диагностирован единичный случай не до конца зажившего перелома дистальной части диафиза левой локтевой кости (женщина 25-30 лет, погр. 25). Такой перелом мог быть получен как при падении, так и при защите от удара со стороны другого индивида, когда подставляется предплечье, на которое и приходится вся сила удара.

Следует заметить, что большая часть переломов в кургане 1 обнаружена на останках, определенных как женские или вероятно женские. В то время как следы множественных грыж межпозвоночного диска, спондилолиз и/или травмы на суставных поверхностях (*osteocondritis dissecans*) определяются приблизительно с равной частотой на мужских и на женских останках. Большая подверженность женской группы переломам может также иметь

биологическое объяснение и связана со снижением костной массы у женщин в периоды беременности и грудного вскармливания.

В захоронениях женщин и девушек расчищены бронзовые браслеты, кольца и пронизи, фаянсовый бисер. Интерес представляют фрагменты бронзовой височной подвески плакированной фольгой и декорированной поперечными насечками. Подвески в 1,5 оборота появляются на раннем этапе срубной культуры, именно в таких комплексах они плакируются золотом и орнаментируются [Колев, Кузьмина, Сташенков, Турецкий, 2012. С. 269]. В непотревоженных мужских могилах бронзовых предметов не найдено, инвентарь представлен только керамикой. Данное обстоятельство позволяет предположить, что социальный статус погребенных под насыпью кургана 1 маркировался не материальными символами, а, вероятнее всего, трудозатратами на возведение погребальных конструкций, в частности, массивностью каменных плит и размерами надмогильного выкида. Иерархия захоронений, предполагала местоположение могильной ямы в пределах подкурганной площадки и степень родства. С другой стороны, на некоторых изолированных берцовых костях присутствуют окислы бронзы, что не позволяет однозначно исключить наличие бронзовых предметов, украшавших обувь или одежду. В ограбленных могилах положение элементов нижних конечностей, находившихся в сочленении, свидетельствует о том, что намеренное разрушение происходило тогда, когда ткани и связки еще не истлели.

Яркой особенностью керамической коллекции могильника, которую исследователи отождествляют со срубной культурой, являются знаки на сосудах. Изображения, выявленные на трех формах, не являются результатом обработки поверхности емкости или орнаментом. Находки зафиксированы в разных частях подкурганной площадки: один из сосудов был расчищен в жертвенной яме (яма 17), два других – в захоронениях детей младшей возрастной группы (погр. 23 и погр. 31).

Предварительный анализ керамической коллекции позволяет отнести погребальные комплексы кургана 1 к древностям срубно-алакульской группы. Относительная датировка – 18-16 вв. до н.э. Широкий хронологический диапазон определяется наличием синкретической керамики. Присутствие в коллекциях памятников степной зоны Южного Зауралья керамики со смешанными признаками объясняется не только географическим положением контактной зоны, но и орнаментальной и морфологической непрерывностью, фиксируемой для многих керамических традиций переходных эпох.

В заключение стоит отметить, что приведенные результаты археологических и антропологических исследований являются независимыми источниками для рассмотрения социальной структуры населения, оставившего курганы могильника Неплюевский. Каждый из этих подходов приводит к выделению в выборке специфических/гендерных групп. Сопоставление этих групп не только имеет определенные перспективы, но и позволяет проводить социальные/гендерные реконструкции, делая гипотезы более вероятными.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ «Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе: от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)» (№ 16-18-10332).

Список литературы

Бужилова А.П. Древнее население: палеопатологические аспекты исследования. М.: ИА РАН. 1995. 167 с.

Бужилова А.П., Козловская М.В., Медникова М.Б. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад. 1998. 260 с.

Колев Ю.И., Кузьмина О.В., Сташенков Д.А., Турецкий М.А. Курганный могильник Просвет 1 в Волжском районе Самарской области // *Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области)* / ред. М.А. Турецкий. Самара: Самарское археологическое общество, 2012. С. 248-295.

Купцова Л.В. Погребальный памятники срубной культуры Западного Оренбуржья с применением камня: специфика, культурные связи, периодизация и радиоуглеродная хронология // *Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11* / Ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ИПК Университет, 2014. С. 177-195.

Луайе Ж., Шарапова С.В. Палеопатологии детей из погребений бронзового века (на примере могильника Неплюевский) // *УИВ. 2017. №1(54). С. 103–113.*

Шарапова С.В., Корякова Л.Н., Краузе Р., Луайе Ж., Молчанов И.В., Солдаткин Н.В., Столярчик Э. Раскопки курганного могильника Неплюевский в Карталинском районе Челябинской области в 2015 г. // *Археологические открытия. 2015 год.* / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2017. С. 405–407.

Шарапова С.В. Отчет о раскопках могильника Неплюевский в Карталинском районе Челябинской области в 2017 г. // *Архив ИА РАН р-1, б/н.*

Agarwal S.C. and Glencross B.A. (eds.). *Social bioarchaeology.* Oxford: Willey-Blackwell, 2011. 449 p.

Arnold B. "Sein und werden": gender as a process in mortuary ritual // *In pursuit of gender: worldwide archaeological approaches* / eds. S.M. Nelson and M. Rosen-Ayalon. Walnut Creek: AltaMira Press, 2002. Pp. 239-256.

Geller P.L. Skeletal analyses and theoretical complications // *World Archaeology.* 2005. Vol. 37. Pp. 597-609.

Gere C. Bones that matter: sex determination in paleodemography 1948-1995 // *Studies in history and philosophy of biological and biomedical sciences.* 1999. Vol. 30. Pp. 455-471.

Littleton J., Frohlich B. Fish-eaters and farmers: dental pathology in the Arabian Gulf // *American Journal of Physical. Anthropology.* 1993. Vol. 92(4). Pp. 427-47.

Novak M., Šlaus M. Vertebral pathologies in two early modern period (16th-19th century) populations from Croatia // *American Journal of Physical. Anthropology.* 2011. Vol. 145(2). Pp. 270-281.

Sofaer J. *The body as material culture: a theoretical osteoarchaeology.* Cambridge: Cambridge University Press, 2006a. 188 p.

Sofaer J. Gender, bioarchaeology and human ontogeny // *The social archaeology of human remains* / eds. R. Gowland and C. Knüsel. Oxford: Oxbow Books, 2006b. Pp. 157-167.

Stuart-Macadam P. 1985. Porotic Hyperostosis: Representative of a Childhood Condition // *American Journal of Physical. Anthropology.* 1985. Vol. 66. Pp. 391-398.

Swärd L. The thoracolumbar spine in young elite athletes. Current concepts on the effects of physical training. *Sports Medical.* 1992. Vol. 13(5). Pp. 357-364.

Waldron T. *Palaeopathology* (Cambridge Manuals in Archaeology). Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 279 p.

Walker P.L and Collins Cook D. Gender and sex: vive la difference // *American Journal of Physical Anthropology*. 1998. Vol. 106. Pp. 255-259.

BIOARCHAEOLOGY AND EXAMINATION OF SEX AND GENDER
(A CASE OF BRONZE AGE NEPLUJEVSKY BURIAL GROUND)

© 2018 *Sharapova S.V.*

Senior research fellow, Institute of History and Archaeology, Urals Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia

© 2018 *Karapetian M.K.*

Research fellow, Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov MSU, Moscow, Russia

© 2018 *Bulakova E.A.*

Post-graduate student, Institute of History and Archaeology, Urals Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia

Abstract: This article deals with bioarchaeological case study of Neplujevsky burial ground in Southern Trans-Urals. Kurgans 5 and 9 yielded only subadult skeletal remains, while in the kurgan 1 interments of individuals ascribed to various age categories were recovered, though with domination of children. Desk top analyses included dental and paleopathology examination. A major focus in the study has been attribution of isolated bones found in a secondary context. This aspect is of particular interest as skeletal populations quite often associated with post-funeral and demographic analyses as well as social reconstructions in archaeological research. This makes group of studied individuals similar to biological sample rather than paleoanthropological series. Such an approach not only demonstrates informative potential of poorly preserved skeletal remains found in various contexts but makes our hypothesis more liable.

Keywords: Bronze Age, Southern Trans-Urals, burials, paleopathological examination, social reconstructions

МАТЕРИАЛЫ БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАЗБУРУНОВСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА КАК ОСНОВА НОВОЙ ГЕНДЕРНОЙ МОДЕЛИ
ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

© 2018 г. Щербаков Николай Борисович (sherbakov@rambler.ru),

© 2018 г. Шутелева Ия Александровна (shutelevai@gmail.com),

© 2018 г. Леонова Татьяна Алексеевна (leonotan@mail.ru)

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Башкирский государственный педагогический университет
им. Акмуллы», Уфа, Российская Федерация**

Аннотация: Комплексные археологические исследования, проведенные на памятниках развитого, классического позднего бронзового века на территории Южного Приуралья, Казбуруновского археологического микрорайона позволили применить метод остеобиографии к реконструкции гендерных особенностей погребального обряда. Полученные радиоуглеродные даты показывают нахождение всех исследуемых погребенных в одном хронологическом горизонте. Данные палеодНК дали возможности выделить особенность погребального обряда – сильную степень скорченности как гендерную характеристику погребенных. Применение антропологических анализов характеризовало ряд палеоболезней как гендерный атрибут при однородной палеодиете древнего населения Казбуруновского археологического микрорайона.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, остеобиография, изотопные анализы ($d^{13}C$ и $d^{15}N$), палеогенетический анализ

Исследование гендерных ролей в дописьменных обществах является современным трендом археологических построений, основанных на воссоздании гендерных взаимодействий, гендерной идентичности в социальной реконструкции, в том числе по археологическим данным погребальных комплексов позднего бронзового века Южного Приуралья. В настоящее время археологические исследования позднего бронзового века вернулись к проблеме соотношения социального и персонального, заменив понятие «социальная структура» социальным взаимодействием. В исследованиях погребальных традиций и практик усматривается отражение идентичности и жизненного опыта живых акторов погребального процесса, скорбящих и самих мертвых. Такой подход к пониманию погребального обряда позволяет объединить археологические построения с биологическими данными и историческим контекстом. В настоящее время наиболее перспективным является применение интегративного подхода соединения биоархеологии (в нашем случае остеобиографии) и археологии. Так, для остеобиографии кости – это предмет исследования, отражающий идентичность, как результат жизненного опыта человека прошлого актора собственной остеобиографии. В археологии же кости скелета являются объектом исследования наряду с погребальными традициями, как результата событий жизни погребенных, отражающих процесс формирования их жизненного опыта [Moutafi, 2013. С. 451-462; Moutafi, Voutsaki, 2016. С. 780-790].

Остеобиография является своеобразной «историей жизни, написанной на кости» [Saul, Saul, 1989]. Данное направление сложилось в начале 1970-х гг., объединив методы судебной медицины и остеологии с биоисторией. Если скелет человека считать своего рода осью между жизнью и смертью [Boutin, 2011. С. 109-133], то остеобиографическое описание позволяет реконструировать его поведение. Современные остеобиографические исследования были дополнены результатами палеогенетических анализов.

В ходе проведенных нами интердисциплинарных исследований территории Казбуруновского археологического микрорайона, в который входит группа из 7 поселений, 8 курганных могильников (в общей сложности 72 курганных насыпи) и 3 одиночных кургана, были получены новые данные по гендерной истории позднего бронзового века Южного Приуралья. К развитому, классическому позднему бронзовому веку Казбуруновского археологического микрорайона относится семь поселений и три частично или полностью исследованных курганных могильника. Проведенные А.А. Гольевой почвенные анализы показали наличие устойчивых архитектурных традиций с использованием гипса на поселенческих памятниках, а также практически полное отсутствие погребенной почвы в погребальных памятниках, что также можно считать устойчивой архитектурной традицией [Щербаков и др., 2017. С. 50-55; Щербаков и др., 2017. С. 1193-1194; Shcherbakov etc., 2017. P. 67-68; Shcherbakov etc., 2017. P. 29-36].

Культурно-хронологически памятники позднего бронзового века Казбуруновского микрорайона могут быть отнесены к одному периоду, и соотнесены с периферийной зоной как срубной, так и андроновской (алакульской) археологических культур. Сопоставление исследуемых объектов на уровне единого хронологического горизонта потребовало более строгого отношения к радиоуглеродным датам, поэтому ряд костяков был продатирован дважды в разных лабораториях. Полученная погрешность в 95-55 лет является допустимой для данного периода. Полученные результаты позволили провести гендерное сопоставление в одном хронологическом срезе [Шутелева и др., 2017. С. 261-279; Щербаков и др., 2017. С. 143]. Анализ гендерных соотношений, проведенных для территории Южного Приуралья позднего бронзового века, является новым в изучении погребальных и поселенческих памятников.

Проведенные остеобиографические и палеогенетические исследования позволили выделить возможные признаки наличия гендерных ролей населения позднего бронзового века Казбуруновского археологического микрорайона. Приведем в качестве примера курган №23, где было выявлено семь погребений, что само по себе является неординарной ситуацией для курганных захоронений срубной и алакульской культур правобережной части реки Уршак, в курганах которых, как правило, встречается одно или два погребения. В погребении №4 было выявлено парное захоронение мужчины и женщины, расположенных лицами друг к другу. Женщина, лежавшая в левой части могильной ямы была 25 – 28-летнего возраста. Мужчине, лежавшему справа было 30 – 35 лет. У него была сломана правая большеберцовая кость. Перелом был крученым и диагональным, не смотря на сложность травмы, большеберцовая кость полностью срослась, хотя и со значительным смещением. Наложение сломанных частей кости друг на друга составило 5 см. При реконструкции погребального комплекса, было обнаружено, что первым захоронением в нем было женское,

вторым, по хронологии формирования парного погребения – мужское. Предположительно мужчина был позднее положен к телу женщины, о чем свидетельствует положение мужского костяка. Женщина является «композиционным центром» этого погребения, ее костяк положен в «классической позе», что не относится к атипичному по положению мужскому скелету.

Как уже отмечалось, наиболее презентативными при исследовании погребений стали палеоантропологические анализы, позволившие дать остеобиографическое описание погребенных. Эти анализы дали следующие результаты: определен пол погребенных в памятниках позднего бронзового века Казбуруновского археологического микрорайона – 7 мужчин и 7 женщин. Установлены причины смерти – убийства (возможные) – 2, возраст – 2 ребенка (9 мес. – 1,5 года), 9 погребенных в возрасте 50 – 59 лет, 1 погребенный 40 – 45 лет. Также было установлено наличие у всех взрослых системных заболеваний опорно-двигательного аппарата, а также отит у ребенка (9 месяцев – 1 год). Для двух из выявленных четырех погребений Казбуруновского микрорайона было характерно наличие «маркеров стресса», зафиксированных на зубах инфантов. Таким образом, исходя из выше сказанного, мы можем заключить, что первоначальные результаты показали недостаточное количество погребений лиц среднего возраста. Данный факт также может быть определен как «экстраординарность».

В отечественной археологии эпохи позднего бронзового века одной из исследуемых проблем является степень скорченности погребенных. Данный вопрос рассматривался в нескольких публикациях [Бунятян, 1985. С. 228; Сорокина, 1986. С. 34-69; Каменецкий, 1986. С. 136-194; Кореняко, 1984, С. 5-17; Лунькова, 2002; Колев, 2003. С. 88-111; Ткачев, 2007. С. 102-104; Андреева, 2014]. Как правило, авторы связывали скорченность костяков с различными обрядовыми группами. На наш взгляд, представляется возможным говорить о различиях в скорченности, связанной, прежде всего, с гендерными различиями погребенных.

Рассмотрение проблемы скорченности погребенных было проведено и систематизировано в кандидатской диссертации Ю.В. Луньковой, а так же в монографии М.В. Андреевой по катакомбной культуре [Лунькова, 2002. Табл. 2. С. 195; Андреева, 2014. С. 24, 78]. Мы приняли во внимание информацию, нашедшую отражение в этом исследовании в качестве аналогии. Мы применили упомянутые данные к курганным захоронениям Казбуруновского I курганного могильника Казбуруновского археологического микрорайона. Считаем необходимым отметить, что вышеназванные исследователи не принимали в расчет такой показатель, как угол локтевого сгиба. Мы предлагаем назвать его критерием «В», и определить, по аналогии, угловую размерность в 20°, как сильную; промежуток 37° – 40° как среднюю; и 55° как слабую скорченность.

Опуская неудовлетворительно сохранившиеся костяки нескольких погребений из курганов Казбуруновского микрорайона, остановимся на некоторых примерах мужского, женского и детского погребений.

В погребении 5 кургана №23 обнаружен мужской костяк очень хорошей сохранности, расположенный в анатомическом порядке, за исключением некоторой «отклоненности» левой части костей большого таза, а также сдвинутого к западу от костей таза крестца. Ноги погребенного были сильно прижаты как к тазовым костям, так и к грудной клетке, что могло

свидетельствовать о возможном связывании тела. Угол сгиба левой ноги в коленном суставе составлял 16°. Угол между тазовыми и бедренными костями составлял 13°. Угол между тазовыми костями и позвоночным столбом составлял 80°. Длинные кости рук были вплотную прижаты к грудной клетке, не позволяя вычислить угол сгиба. По критерию «А» у костяка отмечается состояние скорченности между средней и слабой степенью; по критерию «Б» – средней степени.

Погребение 2 кургана №5 было представлено костяком девочки-подростка хорошей сохранности, расположенном в анатомическом порядке. Угол сгиба в коленях составлял 26°, угол между тазовыми костями и позвоночным столбом составил 85°, а угол сгиба в локтевом суставе составил 42°. По критерию «А» мы можем говорить о слабой скорченности, по критерию «Б» – о средней степени, а по критерию «В» – также о средней степени скорченности.

Погребение 6 кургана №23, принадлежавшее женщине средних лет, продемонстрировало хорошую сохранность костяка с правильным анатомическим положением. Угол сгиба в коленном суставе правой ноги составлял 40°, а в коленном суставе левой ноги – 35°. В связи с разворотом тазовых костей в плоскости, измерялся угол между бедренными костями и позвоночным столбом, который составил 85°. Длинные кости рук были несколько отодвинуты от грудной клетки в районе локтевых сгибов, что привело к нахождению пястей и пальцев перед лицом погребенной. Угол сгиба длинных костей рук в локтях составил 35°. Исходя из обозначенных критериев можно сделать вывод, что критерий «А» говорит о слабой степени скорченности, критерий «Б» также говорит о слабой скорченности, а критерий «В» о средней степени.

Проведенное на территории Казбуруновского археологического микрорайона исследование показало, что в отдельных случаях в погребальной практике имеются прорывные свидетельства наличия идентичности и жизненного опыта не только акторов погребального обряда, но и самих погребенных, о чем свидетельствует парное погребение мужчины и женщины.

Индивидуализировано выступает остеобиографии мужчин: одного, получившего прижизненный тяжелый перелом ноги, и второго, у которого с возрастом сформировались внегендерные системные заболевания опорно-двигательного аппарата, которые привели к сращению позвонков. Подобные данные не что иное как, свидетельства индивидуальной жизни, помогающие восстановить исторический контекст в виде сплоченной общины, содержащей родственника (соплеменника) длительное время.

Сложность экологического ландшафта и сплоченность общины, с одной стороны, нивелировали системные заболевания по гендерному признаку. С другой стороны, создавали основу поддержки и лечения взрослых соплеменников – мужчин, что нашло отражение в возрастном составе захоронений, в которых преобладали дети и мужчины старшего поколения, при отсутствии индивидов – мужчин среднего возраста.

Таким образом, по результатам комплексного применения остеобиографического метода, палеогенетического анализа и анализа степени скорченности, мы можем утверждать, что мужские захоронения имели по используемым критериям сильную и среднюю степень скорченности, в то время как женские тяготели к средней и слабой степени скорченности. В

настоящее время, используя методы aDNA, мы можем исключить как отдельную «детскую» группу захоронений (по степени скорченности), учитывая ее данные в двух крупных гендерных группах мужчин и женщин, в случае отсутствия «специального» детского инвентаря. Также, исходя из анализа степени скорченности детских захоронений, можно сделать вывод о том, что гендерные роли были определены в древнем обществе с момента рождения человека.

Данные остеобиографического анализа говорят об особых гендерных ролях в древних обществах. На примере погребенных на территории Казбуруновского археологического микрорайона мы можем утверждать наличие травм костного скелета только у мужчин, что может свидетельствовать не только о важной социальной роли мужчин, но и о высокой социальной организации древних групп населения срубной и алакульской культурных общностей, которая позволяла людям с такими опасными повреждениями не только выжить, но и вернуться к «полноценному» исполнению своих гендерных ролей.

Список литературы

Андреева М.В. Восточноманычская катакомбная культура. Анализ материалов погребальных памятников. М., 2014. 272 с.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. На материале скифских могильников IV – III вв. до н.э. Киев, 1985. 228 с.

Каменецкий И.С. Код для описания погребального обряда (Часть вторая) // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (Материалы работы Северокавказской экспедиции. Вып. 1. М., Наука, 1986. С. 136-194.

Колев Ю.И. Грунтовый могильник срубной культуры Съезжее II (материалы раскопок) // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. – Самара, 2003. С. 88-111.

Коренько В.А. К методике изучения погребений со скорченными скелетами // Советская археология, 1984, №3. С. 5-17.

Лунькова Ю.В. Погребальный обряд срубной культуры Волго-Донского междуречья. Дисс. на соискание уч.степени канд.ист.наук. М., 2002. С. 195. Табл.2.

Сорокина И.А. Погребения эпохи поздней бронзы в Западном Предкавказье (к методике исследования) // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (Материалы работы Северокавказской экспедиции. Вып. 1. М., Наука, 1986. С. 34-69.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007. С. 102-104.

Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., Гольева А.А., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., Леонова Т.А., Орловская Л.Б., Радивоевич М. Результаты интердисциплинарных исследований памятников срубно-алакульского типа Башкирского Приуралья (на примере Казбуруновского археологического микрорайона) // Краткие сообщения Института археологии (КСИА). Вып. 246. М., 2017. С. 261-279.

Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., Гольева А.А., Леонова Т.А. Модели степной технологической и миграционной мобильности позднего бронзового века Башкирского Приуралья // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул, 2017. С. 1193-1194.

Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., Гольева А.А., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., Орловская Л.Б., Леонова Т.А., Горшков К.А. Казбуруновский археологический микрорайон позднего бронзового века Южного Приуралья: результаты естественнонаучных исследований. Уфа, 2017. 164 с.

Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., Горшков К.А. Проблемы палеодемографической мобильности населения эпохи позднего бронзового века Башкирского Приуралья на примере материалов Казбуруновского археологического микрорайона Южного Приуралья // Миссии антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы. XII Конгресс антропологов и этнологов России. Ижевск, 2017. С. 143.

Boutin A.T. Crafting a bioarchaeology of personhood: osteobiographical narratives from Alalakh // *Breathing New Life into the Evidence of Death: Contemporary Approaches to Bioarchaeology*. School for Advanced Research Press, 2011. P. 109-133.

Golyeva A., Khohlova O., Shcherbakov N., Shuteleva I. Negative effects of Late Bronze Age human activity on modern soils and landscapes, a case-study on the Muradymovo Settlement, Urals, Russia // *Interdisciplinariaarchaeologica: natural sciences in archaeology*. Vol. VII, Issue 2, 2016. P. 29-36.

Moutafi I. The cremation burial and other human remains, in *The Settlement at Dhaskalio // The cremation burial and other human remains*, Publisher: McDonald Institute for Archaeological Research / Editors: C. Renfrew, O. Philaniotou, N. Brodie, G. Gavalas, M.J.Boyd. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2013. P. 451-462.

Moutafi I., Voutsaki S. Commingled Burials and Shifting Notions of the Self at the onset of the Mycenaean Era (1700-1500 BC): The Case of the Ayios Vasilios North Cemetery, Laconia // *Journal of Archaeological Science. Reports* 10. 2016. P. 780-790.

Saul F., Saul J.M. Osteobiography: a Maya example // *Reconstruction of Life from the Skeleton* / Edited by M. Iscan, K.A.R. Kennedy. New York: Alan R. Liss, 1989. P. 287-302.

Shcherbakov N., Shuteleva I., Leonova T., Golyeva A. The experience of comparative radiocarbon dating of Late Bronze Age Southern Cis-Urals // *Second Radiocarbon in the Environment Conference*. Debrecen. 2017. P. 67-68.

MATERIALS OF BIOARCHAEOLOGICAL ANALYSIS OF THE KAZBURUN ARCHAEOLOGICAL
MICRODISTRICT AS THE BASIS OF A NEW GENDER MODEL OF THE LATE BRONZE AGE OF
THE SOUTHERN TRANSURALS

Shcherbakov N.B.

**Bashkir State Pedagogical University. M. Akmulla, Ufa
research associate in the laboratory of Methodology and Methods of Humanitarian Studies**

Shuteleva I.A.

**Bashkir State Pedagogical University. M. Akmulla, Ufa
research associate in the laboratory of Methodology and Methods of Humanitarian Studies**

Leonova T.A.

**Bashkir State Pedagogical University. M. Akmulla, Ufa
head of the laboratory of Methodology and Methods of Humanitarian Studies**

Abstract:. Complex archaeological studies carried out on the monuments of the developed, classical Late Bronze Age in the territory of the Southern Urals, Kazburun archeological microdistrict allowed to apply the method of osteobiography to the reconstruction of gender features of the funeral rite. At the same time, a comparative radiocarbon analysis of the materials of funerary and settlement complexes also showed their simultaneity. Data aDNA made it possible to distinguish the peculiarity of the funeral rite - a strong degree of crookedness as a gender characteristic of the buried Scorpion is suggested to be investigated both in the "traditional" description - crookedness in the hip joint and crookedness in the knee joint, and use the parameter of scorpionctomy in the elbow joint of the buried. The use of anthropological analyzes characterized a number of paleoblocks as a gender attribute for the homogeneous paleodiet of the ancient population of the Kazburun archaeological microdistrict.

Keywords: Late Bronze Age, osteobiography; isotopic analyzes (d13C and d15N) for the reconstruction of the paleodieta and the establishment of a radiocarbon chronological scale; paleogenetic analysis;

ЖЕНСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА (ИЗ ОПЫТА РЕСТАВРАЦИИ, РЕКОНСТРУКЦИИ И АКТУАЛИЗАЦИИ)

© 2018 г. *Алтынбеков Крым, Алтынбекова Элина Кырымовна (tengri05@mail.ru)*
*Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»,
г. Алматы Республика Казахстан*

Аннотация: Рассмотрены женские головные уборы, реставрация и реконструкция которых выполнялась в научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым». Подробно представлена реконструкция головного убранства так называемой «уржарской принцессы» из не потревоженного кургана IV-III вв. в Восточном Казахстане. Показана непрерывность традиции высокого конусовидного головного убора.

Ключевые слова: женский головной убор, реставрация, реконструкция, актуализация.

Костюм – одно из наиболее ярких проявлений культуры, сочетающее в себе технологическую сторону, целесообразность, высокое искусство и сложную символику [Яценко, 2006. С. 6]. Головной убор исторического костюма и особенно женский – это его основной элемент. Являясь логическим завершением всего костюма, женский головной убор нес на себе наиболее священные изображения, символика которых сложилась в глубинах тысячелетий [Жарникова, 1991. С. 38]. Выполняя социальную и магическую функции, головной убор служил оберегом и одновременно указывал на положение, занимаемое его носителем в обществе [Гаген-Торн, 1933. С. 77]. Свойственная только головным уборам в костюмном ансамбле функция увенчивания (верха, венца) особенно проявляется, становится доминирующей в обрядовых головных уборах. Отодвигая в этих случаях на второй план функции защитную и практическую, она усиливает назначения, связанные с духовным миром человека и диктует свои законы создания головного убора [Стельмашук, 2006. С. 233. Цит. по: Усманова, 2010. С. 9].

Реконструкция головных уборов, как, впрочем, и всего «археологического» костюма, из раскопок на территории Казахстана, затруднена по общеизвестным причинам: ограбление погребений, отсутствие органической основы уборов.

Однако, собирая в раскопе все мелкие кусочки текстиля и тщательно фиксируя расположение украшений, можно извлечь максимум информации из этих остатков и попытаться воссоздать предметы костюма. Таким образом Э.Р. Усмановой выполнена реконструкция женских головных уборов эпохи бронзы [Усманова, 2010].

Нашей лаборатории тоже удалось собрать из клочков войлока, найденных в грабительском лазе кургана раннего железного века могильника Берель, головной убор, гендерная принадлежность которого не определена, так как в погребении находились и мужчина, и женщина (Рис. 1, 1). К сожалению, никаких украшений на фрагментах войлока не было, но форма убора в виде шлема характерна как для мужчин, так и для молодых девушек того времени [Полосьмак, Баркова, 2005. С. 79]. Можно предположить, что это женский убор, так как у мужчины был парик, на который этот головной убор никак не мог

быть надет из-за своих малых размеров, хотя есть примеры, когда в погребении находились дополнительные головные уборы [Полосьмак, Баркова, 2005. С. 90].

Для археологов Западно-Казахстанской области (М.Н. Сдыков, Я.А. Лукпанова) удачным оказался полевой сезон 2012 года, когда в одном из курганов комплекса Таксай 1 было открыто не потревоженное женское погребение VI-V вв. до н.э. Правда, из органических материалов осталось лишь обугленное дерево, что связано с ритуальным сожжением могилы со всем её содержимым [Сдыков, Лукпанова, 2013]. От головного убора сохранился золотой каркас, состоящий из двух длинных стержней, завершающихся скульптуркой таутеке.

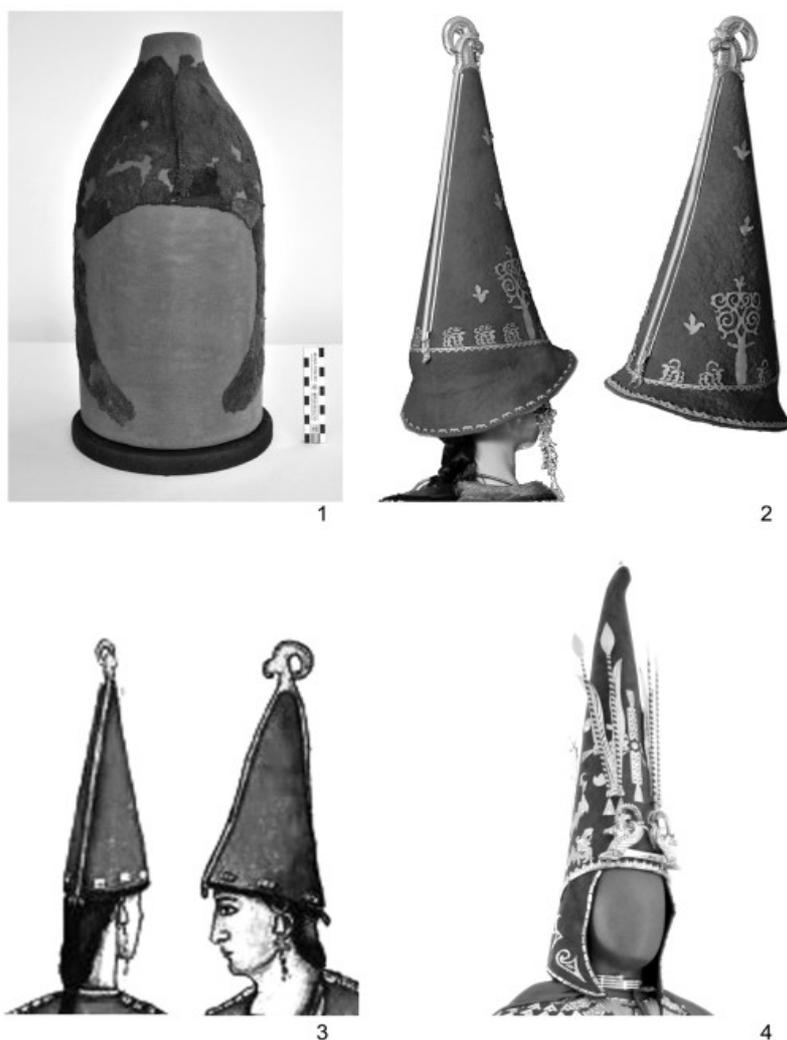

Рис.1. Женские головные уборы на территории Казахстана:

1 – могильник Берел, курган 11, реставрация «Остров Крым»; 2 – могильник Таксай 1, курган 6, реконструкция К. Алтынбекова; 3 – могильник Таксай 1, курган 6, реконструкция Я.А. Лукпановой (по: Лукпанова, 2017. С. 149. Рис. 3, 3); 4 – могильник Иссык, курган 5, реконструкция К. Алтынбекова.

Первая реконструкция костюма женщины выполнена научно-реставрационной лабораторией «Остров Крым» при участии Д.В. Позднякова (г. Новосибирск). Форму и размеры головного убора определял сохранившийся каркас, его полная форма в виде колпака с полями заимствована нами из пазырыкской коллекции [Полосьмак, Баркова, 2005. С. 76]. Отсутствие других металлических украшений убора не давало возможности показа характерной для того времени трехчастной модели мира, снижало «парадность» и значимость одного из главных предметов костюма, поэтому мы обратились к гипотетическому использованию кожаных аппликаций, которые могли сгореть в огне вместе с основой.

По нижнему краю головного убора разместили фигуры таутеке – горных баранов и «древо жизни», вырезанные из кожи, согласно известным находкам из других памятников и согласно сакским космогоническим представлениям о структуре «миров» и миропорядке [Акишев, 1978; Акишев, 1984]. Аналогией сюжета "мирового древа" с животными и птичками вокруг него стали усть-лабинская и кобьяковская диадемы [Гугуев, 1992]. Изображения птиц – это копии золотых бляшек из коллекции Западно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея, а само дерево – из кургана Филипповка [Золотые олени..., 2001. С. 67], фигура таутеке – из фриза диадемы кургана Хохлач [Засецкая, 2011].

В таком головном уборе начала свою «новую жизнь» возрожденная из пепла сарматская жрица (Рис. 1, 2) [Алтынбеков, 2013. С. 49]. Позже автор находки Я. А. Лукпанова предложила несколько иной вариант реконструкции головного убора, расположив в основании конуса свастиковидные бляшки и отказавшись от гипотетических кожаных аппликаций (рис. 1, 3). Раскрыв семантику костюма в целом, она предположила принадлежность погребенной женщины к жреческому сословию [Лукпанова, 2017. С. 154].

Следующий, 2013 год, принес новую находку не потревоженного женского погребения IV-III вв. до н.э., теперь в Восточно-Казахстанской области (курган Тасарык, археологи Б.А. Байтанаев, Т.Н. Смагулов), которое извлечено из раскопа блоком и доставлено в лабораторию «Остров Крым» для консервации и подготовки к экспонированию в музее в сохранившемся виде [Алтынбеков, Досаева, 2017. С. 162-164]. Погребенная женщина получила условное наименование «уржарская принцесса».

Сохранность останков и особенно органических материалов гораздо хуже, чем в замерзших курганах Пазырыка и Укока, но видны были украшения головного убора, отдельные фрагменты одежды. Оригинал головного убора после реставрации стал основным источником его реконструкции. Истлевший, рассыпавшийся на деформированные и смещенные с первоначального места фрагменты, он всё-таки дал возможность понять местоположение всех элементов, определить структуру убора в целом, выявить форму и конструкцию отдельных предметов головного убранства.

В предлагаемом нами варианте реконструкции, основанном на результатах лабораторных исследований, головной убор «уржарской принцессы» состоит из трех основных частей, которые могут использоваться как в комплекте, так и самостоятельно: *парик, собственно головной убор и корона* (Рис. 2, 1).

Парик, округлый сверху, зафиксирован в виде скрученных из двух прядей кос, содержащих согласно анализам только растительные волокна, что и воспроизведено в

реконструкции. Волосы на коже головы погребенной отсутствуют, возможно, голова была обрита.

Собственно головной убор, сшитый из китайского шелка красного цвета, видимо, должен быть цельнокроеным для удобства надевания и снятия короны. Форма наголовника, облегающего округлый парик, получена за счет кроя и швов в верхней части. Сохранившихся украшений на головном уборе нет, но из результатов анализов стало известно о наличии вышивки, восстановить рисунок которой не представилось возможным.

1

2

3

4

Рис. 2. Женские головные уборы на территории Казахстана:

1 – курган Тасарык, реконструкция К. Алтынбекова; 2 – курган Тасарык, корона, реконструкция К. Алтынбекова; 3 – саукеле XIX века (Кунсткамера); 4 – саукеле работы К. Алтынбекова.

Корона соскользнула с головы вместе с париком, на месте осталась лишь её нижняя часть – фрагментированный ободок. Общий абрис короны достаточно отчетливо обозначен темным пятном тлена, выявлена ее верхняя конусовидная часть, ограниченная деревянным цилиндрическим навершием с рифленой поверхностью, покрытым золотой фольгой.

По результатам наших исследований известно, что главная декоративная деталь головного убора в виде орнитоморфного изображения являлась отдельным элементом с жесткой основой. Центральное украшение – птица и декоративные стержни – четыре деревянных и один металлический составляли вертикальную композицию, расположенную в трех уровнях по высоте короны.

Ободок, обнаруженный внизу короны, идентифицирован как обруч (или венец). Подобные венцы/диадемы из гнутых деревянных пластин с барельефной резьбой или иногда с гладкой поверхностью найдены В. Д. Кубаревым в курганах Восточного Алтая [Кубарев, 1987. С. 114-116; 1991. С. 123-125; 1992. С. 101-104]. По предположению автора, алтайские диадемы окаймляли край головного убора, придавая ему необходимую форму и жесткость, и одновременно служили его украшением. Однако С. А. Яценко считает эти пластины обручами, а не диадемами, так как последние должны быть самостоятельным элементом костюма [Яценко, 2006. С. 90]. Обручем является и ободок, первоначально охватывающий голову «уржарской принцессы», изготовленный из какого-то органического материала и возможно, обшитый шелком синего цвета.

По окружности обруча размещены: орнамент из золотых спиралевидных нитей; квадратики, подвешенные на тонкой проволоке; гладкие трубочки для крепления украшений. На обруче установлены два деревянных стержня с рифлеными пронизями, напоминающими молодые скрученные листья папоротника. Между стержнями расположено центральное украшение в виде ажурного изображения птицы. Под стержнями находятся бляшки в виде фигурок лежащих сайгаков.

Конусовидный колпак, по всей вероятности, имел жесткую основу, обтянутую шелком. В основании конуса установлены деревянные стержни, оплетенные узкой золотой лентой, с опалом из тонких спиралек. Эти стержни очень похожи, во-первых, на перо птицы, а во-вторых, на раскрытый лист папоротника.

В центре вертикальной композиции располагается кованый железный стержень, скрученный спиралью, с золотым шаровидным навершием. Он не имеет утилитарного назначения – это не булавка-шпилька для закалывания волос или крепления головного убора к прическе, как в других подобных уборах ранних кочевников [Кубарев, 1991. С. 111; Дашковский, Усова, 2011. С. 83; Кисель, 2011. С. 211], а скорее, здесь символизирует мировую ось («древо жизни»).

Рифленые пронизии разных размеров найдены выше и ниже обруча. При том, что волокна нитей обнаружены только в нижних, можно предположить, что эти пронизии были надеты на свитые из шелковых нитей шнуры, образующие подвески.

Общая высота короны с обручем и навершием составляет 38,5 см (Рис. 2, 2). Найдены место и способы крепления всех украшений – бляшек, трубочек-пронизей, спиралек и ажурного изображения стоящей на ногах мифической птицы в окружении стержней,

символизирующих папоротник в различных стадиях его развития. Декор головного убора содержит только мирные зооморфные образы, хищников там нет.

Папоротник, присутствующий в погребении, как в декоративном, так и в натуральном виде, стал ключом к разгадке всего таинственного образа погребённой молодой женщины. «Букет» из папоротника вида *орляк* лежал вдоль левой руки погребенной. Кроме пищевой и лечебной ценности молодых побегов *орляка*, взрослые листья являются хорошим антисептиком, а также они содержат галлюциногенные вещества. Под короной «уржарской принцессы» выявлены остатки папоротника вида *щитовник мужской*, также очень давно известного своими лекарственными свойствами. Судя по массиву полученных нами данных – «уржарская принцесса» была жрицей культа папоротника, одного из древнейших растений на Земле.

Проведенные нами исследования меняют уже сложившийся вокруг этой находки стереотип, трактующий её образ в качестве знатной женщины, правительницы – так называемой «уржарской принцессы». Это не царица и на голове у неё – не царская корона, у этой женщины было совсем иное предназначение в обществе. Скорее всего, она была жрицей, знахаркой, предсказательницей, лечила людей и имела при жизни особый магический, колдовской статус. Это сближает ее образ с «алтайской принцессой», также погребенной в одиночном кургане и, видимо, владеющей какими-то тайными знаниями [Полосьмак, 2000. С. 85].

Головной убор «уржарской принцессы» в целом подобен женским уборам пазырыкской культуры. Основное отличие: в пазырыкских и других алтайских курганах это был головной убор-парик сложного устройства, где все компоненты конструктивно объединены в одно целое [Полосьмак, Баркова, 2005. С. 72; Дашковский, Усова, 2011. С. 83], а уржарский убор состоит из трех самостоятельных частей: парик, собственно головной убор, корона.

Заманчиво отнести к женским и головной убор исыкского «золотого человека» (Рис. 1, 4), как это сделал С.А. Яценко со ссылкой на определение пола Е.П. Китовым, правда, без указания источника [Яценко, 2015. С. 49]. Однако в 2016 году опубликована статья А.О. Китовой, в которой представлены результаты идентификации вновь найденных останков «золотого человека», а также пока предположительно определен мужской пол индивида из кургана 5 могильника Исык [Китова, 2016. С. 198]. Окончательный вывод будет сделан после проведения молекулярно-генетических исследований и определения Y-хромосомы [Мухтарова, 2016. С.17]. Фактически в декоре короны «уржарской принцессы» и убора «золотого человека» много сходства, которое бросилось в глаза сразу при вскрытии саркофага женщины: древки, обвитые по спирали золотой лентой; центральный элемент композиции из листового золота; мелкие украшения, выполненные в одной технике. Есть даже мнение А.К. Акишева, озвученное в интервью, что у исыкского человека также была корона, надетая на кулах.

Конусовидные женские головные уборы продолжали бытовать на территории современного Казахстана и в последующие эпохи. Подтверждением непрерывности традиции высокого головного убора как ритуального и парадного являются археологические

находки в Прииртышье – в погребениях, датируемых периодом средневековья [Агапов, Кадырбаев, 1979. С. 120].

Сохранились они вплоть до этнографической современности в виде свадебного головного убора – саукеле – одного из самых архаичных элементов традиционной одежды казашек. Во всех его описаниях говорится, что этот убор своими корнями уходит в глубокую древность – сакскую эпоху. Ещё при изучении иссыкского головного убора отмечено, что кулах «Золотого человека» имеет сходство с саукеле [Акишев К., Акишев А., 1980. С. 23]. Однако саукеле унаследовал от древних головных уборов только конусообразную форму и высоту, набор украшений его весьма отличается от сакского. Образы звериного стиля заменены растительным и геометрическим декором, от изображений животных остался стилизованный орнамент «бараньи рога». Конечно, в целом это очень красивый элемент наряда невесты, украшенный драгоценными камнями, золотом и серебром (Рис. 2, 3).

К настоящему времени значительно упростились конструкция и декор саукеле по сравнению с теми образцами XIX века, которые хранятся в музеях Казахстана и России. Поскольку одним из направлений деятельности нашей лаборатории является актуализация древнего искусства [Алтынбеков, 2013], нами изготовлены саукеле как бы доисламского периода, форма которых традиционна, а в украшениях использованы сакские образы (рис. 2, 4). Наши саукеле – не сувениры и не музейные экспонаты, они надевались невестами и теперь хранятся до свадьбы их дочерей.

Творческие работы художников-реставраторов по мотивам древнего изобразительного искусства с давних пор создаются в научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым». Это произведения декоративно-прикладного искусства, имеющие также утилитарное назначение: светильники, ритоны, предметы украшения интерьера, личные украшения. Мы считаем, что перенесение в наш быт архаичных образов и сюжетов обогащает его, воспитывает уважение к историческим корням, искусству и мастерству предков. Древнее искусство, образцы которого реставрируются в нашей лаборатории, является источником и питательной средой нашего творчества, а новые произведения можно рассматривать как попытку разгадать скрытый смысл отдельных образов и композиций или наоборот, придать им новый контекст.

Список литературы

Агапов П.В., Кадырбаев М.К. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата: Жалын, 1979. 250 с.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. 173 с.

Акишев К.А., Акишев А.К. Происхождение и семантика иссыкского головного убора// Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 14-31.

Алтынбеков К., Досаева Д. Опыт реконструкции «археологического» костюма // ПА. 2017. № 1(19). С. 157-171.

Алтынбеков К. Творчество художников-реставраторов как актуализация древнего искусства // Творчество в археологическом и этнографическом измерении». Омск, 2013. С. 256-260.

Алтынбеков К. Возрожденная из пепла. Алматы: Остров Крым, 2013. 64 с.

Гаген-Торн Н. И. Магическое значение волос и головных уборов в свадебных обрядах Восточной Европы // СЭ. 1933. № 5– 6. С. 76-88.

Гугуев В.К. Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в.н.э. – начала II в.н.э.) // Вестник древней истории. Москва: Наука, 1992. №4(203). С. 116-129.

Жарникова С.В. Обрядовые функции северорусского женского народного костюма. Вологда, 1991. 41 с.

Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб: ГЭ, 011. 328 с. Золотые олени Евразии. Каталог выставки. СПб.: ГЭ, 2001.

Кисель В.А. Женский головной убор из кургана гунно-сарматского времени в Туве // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010г. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 211-216.

Китова А.О. Предварительный анализ скелетных останков индивида из кургана 5 могильника Иссык // Тайны «Золотого человека». Алматы, 2016. С. 185-199.

Лукпанова Я.А. Реконструкция женского костюма из элитного погребения Таксай-1: взгляд археолога // ПА. 2017. №1(19). С. 145-156.

Мухтарова Г.К. К истории изучения «Золотого человека» // Тайны «Золотого человека». Алматы, 2016. С. 6-21.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV-III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.

Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы. Опыт реконструкций. Лисаковск-Караганда, 2010. 176 с.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 661 с.

Яценко С.А. Костюм женщин-воительниц у ранних кочевников // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: Материалы XVIII международной научной конференции. СПб: ФГБУВПО «СПГУТД», 2015. С. 47-56.

WOMEN'S HEADRESSES IN THE TERRITORY OF KAZAKHSTAN
(FROM THE EXPERIENCE OF RESTORATION, RECONSTRUCTION AND ACTUALIZATION)

Altynbekov K.

Director, restorer Scientific-restoration laboratory “Ostrov Krym”, Almaty, Republic of Kazakhstan

Altynbekova E. K.

Designer, restorer Scientific-restoration laboratory “Ostrov Krym”, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract: Female headdresses are considered, the restoration and reconstruction of which was carried out at the scientific-restoration laboratory “Ostrov Krym”. The reconstruction of the headdress of the so-called “Urzhar princess” from the undisturbed mound in East Kazakhstan of the 4th-3rd centuries is presented in detail.. The continuity of the tradition of high conical headdress is shown.

Key words: female headdress, restoration, reconstruction, actualization.

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ИНДИКАТОРЫ В РАННЕТАГАРСКОМ ОБЩЕСТВЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОДИНОЧНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ)

© 2018 г. Герман Павел Викторович (lithos@mail.ru)

Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, г. Кемерово, Россия

Аннотация: в статье представлены результаты статистического анализа одиночных раннетагарских погребений по половозрастным группам. На основании показателя тенденции признаков выделены индикаторы мужских и женских захоронений, установлен возрастной порог социализации для детских групп. Основным маркером мужских комплексов является оружие. Женские захоронения характеризует большее разнообразие украшений, присутствие бронзовых шильев, а так же головных ножей и гребней из кости или рога. Среди возрастных групп взрослых выделяются погребения людей старческого возраста. Присутствие инвентаря, диагностирующего половую принадлежность, в захоронениях детей, позволяет установить возраст ключевого изменения социального статуса – перехода во взрослую жизнь.

Ключевые слова: Минусинские котловины, тагарская культура, одиночные погребения, половозрастные признаки, статистический анализ

1. Важность выявления половозрастных маркеров в структуре погребально-поминальной обрядности для палеосоциологических реконструкций представляется очевидной. Подобные индикаторы могут быть заложены в одном или нескольких археологически фиксируемых компонентах: в архитектуре и планиграфии захоронений, позе и ориентировке погребенного, качественном и количественном составе сопутствующей пищи, и, конечно же, сопроводительном инвентаре.

Вопросы социальной стратификации тагарского общества изучены неравномерно, что связано с рядом причин. В качестве основной, отмечу высокую частоту потревоженности (ограбленности) могил, наличие впускных захоронений, многократные перестройки погребальных комплексов (добавление оград). Все перечисленное создает значительные трудности в квалификации статуса индивида в отдельно взятой могиле или стратификации погребенных в одном кургане (ограде или системе оград). Другим фактором, повлиявшим на слабую проработанность проблемы, является отсутствие, вплоть до относительно недавнего времени, монографических изданий крупных раннетагарских некрополей. Ситуация начала меняться с выходом работы Г.А. Максименкова [2003], в которой представлены заключения о демографии и социальной организации раннетагарского населения, похороненного в могильниках Гришкин Лог I, Новая Черная I и Черновая I. Что касается остальных наработок в области социальной стратификации, то, конечно же, значительная историография накоплена по вопросу выделения элитных захоронений [напр.: Вадецкая, 1989; 1994; Грязнов, 1968; Киселев, 1951; Кузьмин, 1994; Поляков, 1984, 1987]. Хотя, в отношении раннего этапа, преобладает опыт ранжирования воинских захоронений [Киселев, 1951. С. 227; Кулемзин, 1980; 1982; Липский, 1966], а комплексы т.н. «элиты» остаются предметом дискуссии [Вадецкая, 1994].

Ранее ряд положений относительно специфики раннетагарских материалов в решении проблем социальных реконструкций были отражены в диссертации и ряде работ автора [Герман, 2006; 2007; 2008; 2013]. Используя имеющийся задел, в настоящей статье хотелось бы подробнее представить результаты по изучению половозрастных индикаторов на материалах погребальных комплексов раннего этапа тагарской культуры.

2. Детальный анализ раннетагарской погребальной практики на массовом материале, представленном преимущественно одиночными захоронениями взрослых и детей, позволяет не только выявить определенные закономерности необходимые для реконструкции раннетагарского социума, но и создают важный задел для дальнейшего анализа структурно более сложных коллективных захоронений среднетагарского времени. Важно отметить, что в условиях определенного дефицита информации, связанного с высокой частотой ограбленности погребальных комплексов или отсутствием антропологических определений, выделение половозрастных индикаторов усиливает репрезентативность выборки для статистического анализа.

Для исследования были привлечены данные 511 одиночных захоронений взрослых из 344 комплексов 79 могильников, расположенных на территории Минусинских котловин (преимущественно памятники аскизской (Есино, Верх-Аскиз и др.) и приенисейской (Гришкин Лог I, Подгорное озеро и др.) групп) [Герман, 2007]. В 338 случаях дано определение пола (табл. 1), из них 272 с указанием возраста. Подавляющее большинство захоронений в разной степени ограблено. Первоначально все погребенные, согласно антропологическим определениям, были разделены на две группы – мужчины и женщины. Сравнение проводилось по 32 совокупностям признаков, составляющим следующие категории: тип погребального сооружения, параметры могильной ямы, ориентировка погребенного, сопутствующая пища и инвентарь. В качестве инструментария для сравнения использовалось выявление всеобщих и частных признаков по тенденции [Генинг и др., 1990. С. 84-91]. Установленные для каждой из групп частные признаки позволили пополнить выборку комплексами без антропологических определений. Таким образом, на следующем этапе анализа выборка из всего массива одиночных захоронений составила 398 могил. В отношении оставшихся 113 погребений анализируемой выборки половая принадлежность индивидов не установлена.

Для анализа захоронений детей были привлечены данные 405 погребений из 212 комплексов 75 могильников. Для 249 погребенных определен возраст (табл. 2). Учитывая высокую детскую смертность в возрасте до 2-х лет в раннетагарском обществе, мы, вслед за Г.А. Максименковым [Максименков, 2003. С. 65], сочли необходимым разделить захоронения детей младшего возраста на две группы. Таким образом, весь массив детских погребений был разделен на три группы: до 2 лет (Infantilis 0), 2-6 лет (Infantilis 1), 7-13 лет (Infantilis 2).

3. Сравнительный анализ мужских и женских погребений демонстрирует отсутствие взаимозависимости между полом погребенного и типом погребального сооружения, размером могильной ямы и ориентировкой покойного. Неравенство в тенденции признаков отмечается лишь при рассмотрении категорий инвентаря, среди которых выделяются предметы, диагностирующие пол погребенного. К частным чистым признакам,

встречающимся исключительно в мужских погребениях (рис. 1, *B*), относятся предметы вооружения (чеканы (рис. 1, 24), втоки (рис. 1, 27), кинжалы (рис. 1, 20), наконечники стрел (рис. 1, 21,22)), ножные браслеты (рис. 1, 19) и т.н. «шилья-долота» (рис. 1, 25). Бусы в погребениях мужчин редки и представлены, большей частью, бронзовыми трубочками-пронизками. ПНН (рис. 1, 26) и трехжелобчатые застёжки (рис. 1, 23) встречаются преимущественно в мужских погребениях [Герман, 2006]. Индикаторами женских захоронений (рис. 1, *A*) являются подвески из зубов животных (рис. 1, 9), шилья (рис. 1, 3,4), гребни (рис. 1, 5,6) и головные ножи (рис. 1, 7). Частными по тенденции являются различные виды бисера из камня и биконические бронзовые пронизки (рис. 1, 8,10). Наиболее массовыми категориями инвентаря характерного в равной степени, как для мужчин, так и для женщин (рис. 1, *B*) являются бронзовые ножи (рис. 1, 14,15), зеркала (рис. 1, 16,17) и полусферические бляшки (рис. 1, 11,12).

Следует отметить, что четыре фиксируемых в мужских погребениях индикатора – ножные браслеты, «шилья-долота», наконечники стрел и ПНН также являются маркерами другого порядка. На основании перечисленных категорий инвентаря выделена отдельная группа раннетагарских погребений – биджинская [Завитухина, 1968]. Данная группа неоднородна по ряду компонентов [Герман, 2017], в том числе по химическому составу медно-бронзовых изделий [Хаврин, 2000. С. 184; Савельева, 2018. С. 17]. Последнее обстоятельство указывает на хронологическую разнородность одиночных погребений биджинской группы. Ранние погребения следует синхронизировать с периодом бытования большей части комплексов подгорновской группы. Соответственно, отличие комплекса вооружений указывает на существовавшую градацию мужской популяции в раннетагарском обществе. Представляется вполне вероятным, что формирование биджинского комплекса является следствием притока нового населения в Минусинские котловины [Лазаретов, Лазаретова, 2007. С. 186].

В отношении женских погребений хронологические индикаторы не столь очевидны. Однозначно можно судить только о замене цельнолитого биконического бисера (рис. 1, 8) на составные конусы свернутые из листа (рис. 1, 10) в наборном ожерелье или привесках. Не лишним будет отметить, что частота нахождения в могилах такой яркой черты женского погребального инвентаря как гребни и головные ножи, гораздо ниже, чем обнаружение в мужских погребениях «ценного» полноразмерного бронзового оружия. Данное обстоятельство представляется важным в понимании стратификации женской популяции.

При анализе возрастных подгрупп выделяются погребения мужчин и женщин старческого возраста. Для них не отмечено ни одного случая «нестандартной» ориентировки (т.е. в северо-западном или юго-восточном секторах), а также реже всего встречаются бронзовые зеркала. В особенности следует выделить мужские погребения группы *Senilis*. Например, ни в одном из погребений этой группы не найдено бронзовых втоков, хотя частота находок ударного оружия (чекан/топор/кельт) довольно высока (17,4%). Также отметим низкую частоту встречаемости ножей, зеркал и наконечников стрел для этой группы погребенных, что не следует связывать исключительно с ограблением могил, поскольку относительные показатели кинжалов и чеканов сопоставимы с другими возрастными группами. Данные обстоятельства позволяют предполагать, что в раннетагарской

погребальной практике получил отражение особый социальный статус людей старческого возраста.

4. Относительно погребальной практики детских возрастных групп были сделаны следующие наблюдения:

- умерших в возрасте до двух лет хоронили вне ограды или на периферии в основной или осевой ограде. Такие могилы, как правило, впущены в насыпь кургана. Погребения в боковых пристройках для данной группы не характерны. Сосуды и сопутствующую пищу клали крайне редко, инвентарь погребенному не полагался;

- погребения детей от двух до шести лет отличаются от предыдущей группы более высокой частотой встречаемости инвентаря, особенно полусферических блюшек. В могилу, как правило, клали сосуды и сопутствующую пищу, состоящую из мяса барана. Уменьшается частота расположения погребений за оградой;

- среди погребений детей старшего возраста и подростков известен лишь один случай, когда в могилу не был поставлен сосуд. В 74,5% погребений находился инвентарь помимо сосудов. Погребения за пределами ограды исключительно редки. В погребениях данной группы были обнаружены предметы, диагностирующие мужские и женские захоронения. Подвески из зубов и шилья встречаются у индивидов 7-8 лет и старше, гребни, головные ножи, а так же предметы вооружения с 10 лет. Все могилы с диагностирующим инвентарем, аналогично захоронениям взрослых, находились в основных оградах по центральной оси.

5. Таким образом, статистический анализ захоронений по половозрастным группам позволяет извлечь ряд ключевых показателей для реконструкции системы стратификации раннетагарского общества. Маркерами половой принадлежности являются определенные категории инвентаря: оружие – для захоронений мужчин, предметы туалета и украшения – для захоронений женщин. Появление указанных предметов в погребениях группы *Infantilis 2* (ориентировочно с 7-8 лет для девочек и 10 лет для мальчиков) позволяет зафиксировать возрастной порог переходного состояния – становления полноценного члена социума. Другой переходный момент фиксируется в группе *Senilis*, для которой выявлен ограниченный перечень полагавшегося погребального инвентаря.

Работа подготовлена в рамках выполнения программы ГЗ № 0352-2016-0003 (ЕГИСУ НИОКТР № АААА-А17-117041410051-7)

Список литературы

Александров С.В., Паульс Е.Д., Подольский М.Л. Древности Аскизского района Хакасии. СПб., 2001. 100 с.

Боковенко Н.А., Смирнов Ю.А. Археологические памятники долины Белого Июса на севере Хакасии. СПб., 1998. 94 с.

Вадецкая Э. Б. Методы изучения общественных отношений тагарцев // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Часть I. Кемерово: КемГУ, 1989. С. 41-44.

Вадецкая Э.Б. Кара-Курген, Узун-Оба, Салбык, Большой Новоселовский (Версии о курганах вождей тагарских племен) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 62-69.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наук. думка, 1990. 304 с.

Герман П.В. К вопросу об особом социальном статусе воинов в раннетагарском обществе // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография (приложение 2). С. 55-63.

Герман П.В. Погребальные комплексы раннего этапа тагарской культуры (систематика и археологическая интерпретация). Автореферат канд. дисс. Кемерово, 2007. 28 с.

Герман П.В. К проблеме «элитных» погребальных комплексов в раннетагарской культуре // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. С. 97-100.

Герман П.В. Впускные захоронения в раннетагарских могилах // Археология Южной Сибири. К 80-летию А.И. Мартынова. Вып. 26. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2013. С. 63-67.

Герман П.В. К проблеме периодизации тагарской культуры: этап и тип // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. II. С. 19-25.

Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири. Т. 1. Л.: ЛО Наука, 1968. С. 187-195.

Завитухина М.П. Раскопки тагарских курганов на Енисее // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГЭ за 1967 год. Л.: «Советский художник», 1968. С. 14-16.

Завитухина, М.П. Раннетагарский могильник Барсучиха V // Труды государственного Эрмитажа. 1979. Т. XX. С. 68-86.

Завитухина М.П., Морозов С.В. Тагарский могильник Кичик-Кюзюр I в Хакасии (раскопки 1965-1967 гг.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 2003. Вып. 36. С. 100-116.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Наука, 1951. 643 с.

Кузьмин Н.Ю. Курганы элиты тагарского общества // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 127-138.

Кулемзин А.М. Некоторые факты разложения родовых отношений в древнетагарском обществе // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы конференции. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 164-169.

Кулемзин А.М. Воины древнего тагарского общества // Археология Северной Азии. Новосибирск: СО Наука, 1982. С. 71-75.

Курочкин Г.Н. Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. По материалам раскопок 1980-1984 гг. Л.: ЛО Наука, 1988. С. 5- 22.

Лазаретов И.П., Лазаретова Н.И. Могильник Трошкино II и некоторые актуальные проблемы тагарской культуры // Археологические материалы и исследования Северной Азии, Древности и Средневековья. Томск: ТГУ, 2007. С. 174-197.

Липский А.Н. Погребение тагарских воинов на р. Биджа // Советская археология. 1966. № 2. С. 312-317.

Максименков Г.А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 192 с. (Archaeologica Petropolitana, XIII).

Поляков А.С. К вопросу о социальной структуре тагарского общества // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Кемерово: КемГУ, 1984. С. 53-54.

Поляков А.С. Опыт реконструкции социальной структуры тагарского общества по материалам могильников // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов. Ч. II. Омск, 1987. С. 99-101.

Пшеницына М.Н. Тагарский могильник Улуг-Кюзюр I на Среднем Енисее // Древние культуры Евразии. СПб: «Инфо-ол», 2010. С. 225-237.

Савельева А.С. Цветная металлургия тагарской культуры северо-западного лесостепного района (по данным элементного состава). Автореферат канд. дисс. Кемерово, 2018. 34 с.

Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986-1989 гг.). СПб.: ЭлекСис, 2012. 180 с.

Хаврин С.В. Тагарские бронзы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 183 – 194.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.: Наука, 1997. 98 с.

Podol'ski M.L. Early Tagar barrows near the village of Znamenka in Khakasia // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. V. III, 1. Leiden-New York, 1996. P. 61-96.

SEX AND AGE INDICATORS IN THE EARLY TAGAR SOCIETY (ON SOME SINGLE BURIAL MOUNDS MATERIALS)

German P.V.

D. in History, Senior Researcher Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology FRC CCC SB RAS, Kemerovo, Russia

Abstract: the article presents the results of the statistical analysis of single Early Tagar burial mounds for sex and age groups. Based on the attribute trend index, indicators of male and female burial grounds are determined, the age threshold of children groups socialization is defined. The main marker of the male assemblages is weapon. The female burials contain more different jewels, bronze awls, as well as bone knives and bone or horn combs. Among adult groups burial mounds of old people are notable. Sex indicating tools in children's graves allow to determine the age of the key change in social status – transition to the adult life.

Keywords: Minusinsk hollows, Tagar culture, single burial mounds, sex and age attributes, statistical analysis

Табл. 1. Распределение тенденций признаков в мужских и женских одиночных погребениях.

Т – показатель тенденции.

Признак	Мужчины			Женщины		
	Кол-во	%	Т	Кол-во	%	Т
сохранность	168	100%		170	100%	
Признаки всеобщие						
ориентировка "запад"	100	74,6%	1,0	99	76,7%	1,0
ориентировка "восток"	29	21,6%	1,0	26	20,2%	1,0
ориентировка "другая"	5	3,7%	1,1	4	3,1%	0,9
нет сосудов	19	11,4%	1,1	18	10,6%	0,9
один сосуд	83	49,7%	1,1	73	42,9%	0,9
два и более сосудов	65	38,9%	0,9	79	46,5%	1,1
кости овцы	52	37,4%	0,9	55	43,0%	1,1
кости лошади	37	26,6%	1,3	18	14,1%	0,7
кости коровы	16	11,5%	1,1	13	10,2%	0,9
кости коровы и овцы	34	24,5%	0,8	42	32,8%	1,2
бляшки	66	39,3%	0,8	96	56,5%	1,2
пуговицы	8	4,8%	1,1	6	3,5%	0,9
серьги	6	3,6%	0,8	9	5,3%	1,2
нож	35	20,8%	0,7	70	41,2%	1,3
зеркало	18	10,7%	0,7	30	17,6%	1,3
золотая фольга	15	8,9%	0,8	22	12,9%	1,2
мелкая пластика	4	2,4%	0,8	6	3,5%	1,2
только сосуды	5	3,0%	0,9	6	3,5%	1,1
ничего нет	2	1,2%	0,7	4	2,4%	1,3
Признаки частные по тенденции						
застежки	3	1,8%	1,5	1	0,6%	0,5
ПНН	5	3,0%	1,7	1	0,6%	0,3
бусы	31	18,5%	0,6	80	47,1%	1,4
подвеска из зуба	2	1,2%	0,2	23	13,5%	1,8
шило	2	1,2%	0,2	58	34,1%	1,8
Признаки частные чистые						
головной нож	0	0,0%	0,0	32	18,8%	2,0
гребень	0	0,0%	0,0	24	14,1%	2,0
есть оружие	42	25,0%	2,0	0	0,0%	0,0
"шило-долото"	3	1,8%	2,0	0	0,0%	0,0
ножной браслет	8	4,8%	2,0	0	0,0%	0,0
вток	11	6,5%	2,0	0	0,0%	0,0
чекан	30	16,1%	2,0	0	0,0%	0,0
кинжал	23	13,7%	2,0	0	0,0%	0,0
наконечник стрелы	16	9,5%	2,0	0	0,0%	0,0
обойма	4	2,4%	2,0	0	0,0%	0,0
только кости животных	7	4,2%	2,0	0	0,0%	0,0

Табл. 2.

Распределение тенденций признаков в детских погребениях.
T – показатель тенденции.

Признак	Дети								
	Infantilis 0			Infantilis 1			Infantilis 2		
	Кол-во	%	T	Кол-во	%	T	Кол-во	%	T
	123	49,4%		75	30,1%		51	20,5%	
Общие признаки									
ориентировка "запад"	47	61,8%	1,0	33	58,9%	1,0	27	64,3%	1,0
ориентировка "восток"	17	22,4%	0,9	16	28,6%	1,1	10	23,8%	1,0
ориентировка "другая"	12	15,8%	1,2	7	12,5%	0,9	5	11,9%	0,9
кости овцы	11	91,7%	1,1	39	86,7%	1,0	27	75,0%	0,9
только сосуды	10	8,1%	1,0	7	9,3%	1,2	3	5,9%	0,8
Локальные признаки по тенденции									
нет сосудов	104	84,6%	2,1	24	32,0%	0,8	2	3,9%	0,1
только кости животных	3	2,4%	0,8	4	5,3%	1,6	1	2,0%	0,6
один сосуд	19	15,4%	0,3	40	53,3%	1,1	38	74,5%	1,6
кости лошади/коровы и овцы	1	8,3%	0,5	6	13,3%	0,9	9	25,0%	1,6
бляшки	1	0,8%	0,1	15	20,0%	1,3	13	25,5%	1,7
бусы	2	1,6%	0,2	5	6,7%	0,7	10	19,6%	2,1
подвеска из зуба	2	1,6%	0,3	4	5,3%	0,9	6	11,8%	1,9
только кости животных и сосуды	8	6,5%	0,3	25	33,3%	1,7	9	17,6%	0,9
Локальные чистые признаки									
ничего нет	99	80,5%	2,3	19	25,3%	0,7	0	0,0%	0,0
два и более сосудов	0	0,0%	0,0	11	14,7%	1,2	11	21,6%	1,8
пуговица	0	0,0%	0,0	3	4,0%	2,0	1	2,0%	1,0
серьга	0	0,0%	0,0	1	1,3%	1,2	1	2,0%	1,8
нож	0	0,0%	0,0	5	6,7%	0,6	15	29,4%	2,4
зеркало	0	0,0%	0,0	1	1,3%	0,8	2	3,9%	2,2
Частные чистые признаки									
шило	0	0,0%	0,0	0	0,0%	0,0	7	13,7%	3,0
гребень	0	0,0%	0,0	0	0,0%	0,0	3	5,9%	3,0
головной нож	0	0,0%	0,0	0	0,0%	0,0	1	2,0%	3,0
вток	0	0,0%	0,0	0	0,0%	0,0	1	2,0%	3,0
чекан	0	0,0%	0,0	0	0,0%	0,0	2	3,9%	3,0
кинжал	0	0,0%	0,0	0	0,0%	0,0	2	3,9%	3,0
наконечник стрелы	0	0,0%	0,0	0	0,0%	0,0	5	9,8%	3,0
золотая фольга	0	0,0%	0,0	0	0,0%	0,0	2	3,9%	3,0

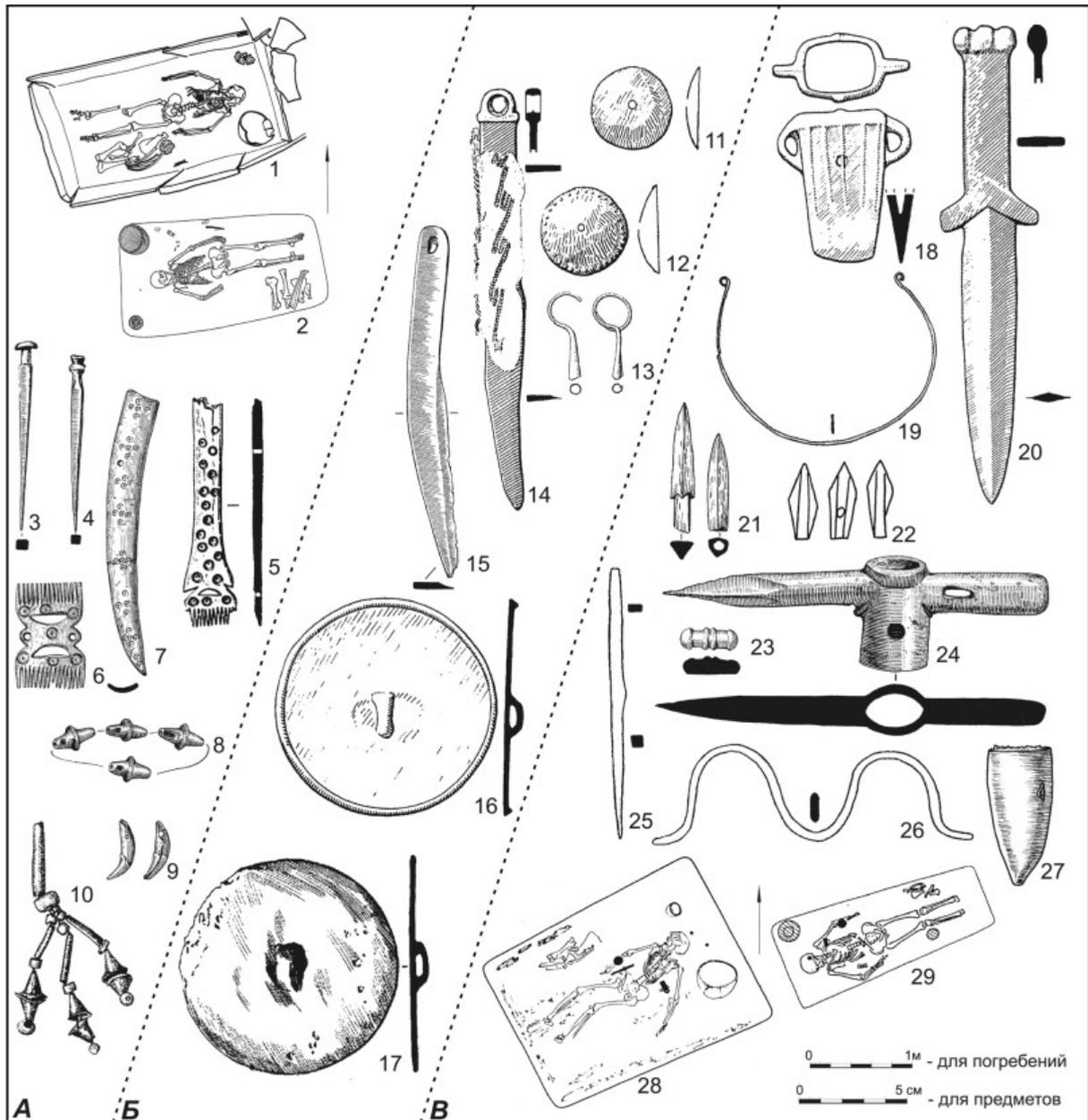

Рис. 1. Инвентарь раннеагарских погребений:

А – женский комплекс, Б – общий комплекс, В – мужской комплекс. По материалам могильников: 1 – Черновая I, 6-9,23,24 – Гришкин Лог I, 27 – Новая Черная I, по: [Максименков, 2003]; 2 – Есино I, 15,21 – Есино IX, по: [Савинов, 2012]; 3,4 – Барсучиха V, по: [Завитухина, 1979]; 5 – Борозда, по: [Курочкин, 1988]; 0 – Шаман Гора, по: [Боковенко, Смирнов, 1998]; 11-14,16,18,20,29 – Знаменка I, по: [Podol'ski, 1996]; 17 – Кичик-Кюзюр I, по: [Завитухина, Морозов, 2003]; 19,25,26 – Бейка I, по: [Александров, Паульс, Подольский, 2001]; 22 – Каменка I, раск. Я.А. Шера, по: [Членова, 1997]; 28 – Улуг-Кюзюр I, по: [Пшеницына,2010].

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ТУВЫ
В КОНЦЕ I ТЫС. ДО Н.Э.

© 2018 г. М.Е. Килунтовская, kiluntar@mail.ru; П.М. Леус, leuss@mail.ru
АУП, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург,
191186, Россия

Аннотация: В конце I тысячелетия до н.э. на Саяно-Алтае происходит смена археологических культур, свидетельствующая о приходе сюда нового населения. Уюкско-саглынская культура скифского времени, для которой характерны коллективные захоронения в деревянных срубках, сменяется улуг-хемской культурой, с её индивидуальными погребениями в грунтовых могильниках. Происходят изменения в распределении погребального инвентаря по гендерному признаку – в скифское время наиболее ценные предметы находятся, обычно, в мужских захоронениях (поясные украшения, оружие), то в эпоху хунну в женских (большие поясные пряжки из бронзы и гагата, бронзовые китайские зеркала, монеты и другие престижные вещи). Это может свидетельствовать о более высоком статусе женщины в обществе хунну, чем в предшествующем скифском обществе.

Ключевые слова: Тува, скифское население, уюкско-саглынская культура, хунну, уюкская культура, коллективные захоронения в срубках, грунтовые могильники

Во II в. до н.э. экспансия хунну достигает Саяно-Алтая, в результате чего на этих территориях, в частности в Туве, появляются абсолютно новые группы населения. Происходит переселение народов, в результате которого местное «скифское» население уходит, а его остатки постепенно ассимилируются пришельцами. Этот исторический процесс находит отражение в смене археологических культур, когда уюкско-саглынская культура скифского типа сменяется новой, улуг-хемской, близкой к культуре хунну, что подтверждается погребальным обрядом и предметами материальной культуры. Исчезают характерные для позднескифского времени коллективные захоронения в деревянных срубках или каменных склепах, где погребённые лежали на боку с подогнутыми ногами (рис. 1: 9-11). Их сменяют индивидуальные погребения в каменных ящиках, деревянных гробах или рамах с каменной обкладкой, простых грунтовых ямах. Погребённые, обычно, лежат в них вытянуто на спине, хотя иногда встречаются и скорченные захоронения, что может свидетельствовать о сохранении предшествующих погребальных традиций (рис. 1: 1-8). Погребальный инвентарь улуг-хемской культуры, наиболее ярко представленный на недавно обнаруженных, непо потревоженных могильниках Ала-Тей 1 и Терезин в Центральной Туве¹² включает предметы, типичные для культуры хунну: ажурные бронзы, вооружение, керамику, украшения, китайские импорты (зеркала, монеты, колокольчики и пр.), что находит аналогии в классических памятниках хунну Забайкалья, Монголии и Северного Китая. В захоронениях улуг-хемской культуры отсутствуют предметы, характерные для предшествующего

¹² Раскопки могильников проводятся при поддержке «Общества по изучению Евразии» (Society for the Exploration of EurAsia) (Швейцария), а также, начиная с 2018 года, Русского Географического Общества.

скифского времени. В тоже время в позднескифских захоронениях могут встречаться вещи, относящиеся к материальной культуре хунну [Килуновская Леус, 2017. С. 87-104].

Могильник Ала-Тей 1 расположен у подножия небольшой одноимённой горы, отдельно стоящей на левом берегу Улуг-Хема (Верхнего Енисея). Вокруг этой горы находится несколько могильников различных исторических эпох, от скифского времени до средневековья. Могильник Ала-Тей 1 грунтовый, т.е. у него отсутствуют какие-либо внешние признаки на поверхности земли, и найти его в обычной ситуации было бы практически невозможно. Саяно-Шушенское водохранилище смыло верхний слой песка и стали видны каменные плиты некоторых внутримогильных сооружений. Первые раскопки показали, что перед нами уникальный, неразграбленный могильник эпохи хунну, в культурном и хронологическом плане идентичный найденному чуть ранее могильнику Терезин, но расположенный более компактно. Раскопки Ала-Тей проходят в особых условиях - с середины 1980-х гг. он находится на дне Саяно-Шушенского водохранилища и работы здесь возможны только в короткий промежуток времени – обычно в течение 3-4 недель в году, в мае-июне. Это период между уходом талой воды с территории могильника и её новым набором в водохранилище. В это время вся долина представляет собой пустыню, но вскоре затопливается и весь год могильник находится на глубине 16-17 метров под водой, а гора Ала-Тей становится маленьким островом.

Могильник Терезин расположен на песчаном, сильно разрушающемся берегу водохранилища, к которому вода подступает вплотную в августе. Целых захоронений здесь пока найдено меньше чем на Ала-Тее, так как многие из них, из-за абразии берега, рухнули с обрыва на пляж водохранилища. Тем не менее, последние раскопки на разрушающихся обрывах позволили выявить здесь определённую структуру могильника, а также выйти на скопление целых погребений как эпохи хунну, так и более поздних.

На могильнике Ала-Тей 1 к настоящему времени открыто более 90 погребений, на Терезине более 30 (часть из которых разрушена водохранилищем, а часть относится к более поздней кокзельской культуре). Раскопки могильников продолжаются, и точное количество захоронений в них пока неизвестно, вероятно, их будет много больше. Сохранение могильников от ограбления в древности вызвано, вероятно, отсутствием на них каких-либо надмогильных сооружений и слабозадернованной песчаной почвой, которая, под воздействием ветра, довольно быстро скрыла все видимые следы захоронений.

Историческая информация о социальной структуре общества хунну известна нам, в первую очередь, из китайских письменных источников. Важным дополнением к ним становятся материалы археологических раскопок с территорий распространения культуры хунну, в первую очередь, элитные и неразграбленные рядовые погребальные памятники. Ряд сведений китайских историографов о культуре хунну уже нашёл подтверждение при раскопках ярких погребальных комплексов хуннской знати в Монголии – Ноин-Ула [Руденко, 1962. С. 6-10; Козлов, 1925. С. 11-15; Полосьмак, Богданов, 2015; 2016], Гол-Мод [Miller et al., 2006. P. 1-16] и в Забайкалье [Коновалов, 2008; Миняев, Сахаровская, 2007. С. 194-201; Николаев, Миняев, 2017. С. 143-158]. Суда же относятся и раскопки курганов хуннской знати в Центральной Туве на могильнике Бай-Даг II, к сожалению, сильно пострадавших от древних грабителей [Мандельштам, Стамбульник, 1992. С. 197-198].

Попытки анализа социальной структуры общества хунну на основании археологических находок в Забайкалье предпринимались [Крадин, 2001. С. 171-181; Крадин, Данилов, Коновалов, 2004. С. 81-85; Миняев, 2007. С. 77-80; Brosseder, 2007. P. 883-893], но авторами подчёркивался недостаток материалов для более серьёзных выводов.

База данных по этой проблематике регулярно пополняется новыми находками как из районов исторического распространения хунну, так и с периферии их государства, куда входила и территория Тувы. Благодаря тому, что могильники Ала-Тей 1 и Терезин непоколеблены грабителями, материалы их исследований можно в полной мере привлечь для реконструкции социальной структуры оставившего их населения, что в большинстве других случаев невозможно совсем или возможно лишь частично.

Раскопки могильников продолжаются, и полная картина будет получена лишь после их окончательного завершения. Но уже сейчас можно сделать некоторые предварительные выводы относительно ряда вопросов археологии хунну в Туве, в том числе и в таком интересном, как социальный статус женщины.

Большинство мужских захоронений на могильниках Ала-Тей 1 и Терезин выглядят, в плане представленных в них предметов материальной культуры, довольно бедно, в то же время целый ряд женских погребений кажется богаче, в первую очередь, из-за находящихся в них украшений, поясных наборов с гагатовыми или бронзовыми пряжками, китайских зеркал и пр. Это различие усугубляется также довольно редкими случаями обнаружения предметов вооружения у мужчин – на обоих могильниках лишь в единичных случаях найдены наконечники стрел и костяные накладки на сложносоставной лук.

Погребальный инвентарь из женских захоронений, как правило, не имеет аналогий в мужских погребениях, за исключением некоторых общих предметов хозяйственно-бытового назначения, таких как керамическая посуда, железные ножи и т.д.

Главным элементом женского погребального убранства, несомненно, является пояс, центральная деталь которого, во многих случаях, это большая ажурная пряжка или пластина-пряжка из бронзы с зооморфным и геометрическим орнаментом или же пластина-пряжка из гагата, украшенного гравировками или инкрустациями из полудрагоценных камней. Также встречаются и костяные пластины-пряжки с гравировками. Сами пояса, имевшие основу из кожи или текстиля, украшались ажурными бляшками из бронзы, большими и маленькими бронзовыми кольцами или каменными дисками, раковинами каури или же, чаще, их бронзовыми имитациями, бронзовыми китайскими монетами и колокольчиками, подвесками из различных материалов, расшивались бусами и бисером. Пояса во всех случаях находились *in situ* именно в районе пояса, т.е. были надеты и являлись непосредственно деталью погребального одеяния. В некоторых могилах хунну в Забайкалье [Миняев, 2007. Табл. 36. Табл.90] или Северном Китае [Kost, 2014. Pl. 97, 99-100] подобные пряжки иногда находят в ногах или сбоку от погребенного, т.е. пояс там был не надет, а положен в могилу в качестве отдельного элемента погребального инвентаря.

Пояса с большими пластинами-пряжками являлись, скорее всего, частью парадного женского наряда, возможно изначально, свадебного, и носились далее лишь в особых торжественных случаях, впоследствии сопровождая свою хозяйку в загробный мир. Пряжки из гагата, к примеру, являются менее прочными, чем бронзовые или костяные, их частое

ношение быстро привело бы к порче изделия, практически не поддающегося ремонту. Об этом говорят встречающиеся иногда обломки таких пряжек, как в захоронениях, так и на поселениях хунну. На гагатовых пряжках из Ала-Тей 1 и Терезина встречаются, тем не менее, следы ношения.

Бронзовые китайские зеркала встречены пока исключительно в женских захоронениях, обычно они расположены слева или справа на груди, иногда возле плеча или черепа. Например, в погребении Т/21¹³ зеркало лежало справа около черепа в специальной сумочке или коробе из дерева, а в погребении Т/27 в кожаной сумочке на правом плече. Большинство зеркал составляют экземпляры, датируемые временем династии Западная Хань (II-I вв. до н.э.) – в основном это не оригинальные китайские зеркала, а их местные копии. В трёх случаях встречены зеркала, относящиеся к более раннему, предханьскому периоду истории Китая, к концу эпохи Сражающихся царств, что для территории Тувы соответствует позднескифскому времени. В основном, зеркала встречены в богатых погребениях с ажурными пряжками, но иногда в погребении с богатым поясным набором зеркало отсутствует. Важной деталью для хронологии памятников является отсутствие здесь зеркал, относящихся ко времени династии Восточная Хань, т.е. I-II вв. н.э.

Мужские пояса сохраняются, обычно, в виде круглых или четырёхугольных железных рамчатых пряжек, иногда довольно большого размера, а также железных колец. Характерной деталью мужского пояса также являются орнаментированные бронзовые ложечковидные наконечники ремней, отсутствующие в женских погребениях. В могилах мужчин почти не встречаются предметы вооружения – на Терезине лишь в трёх случаях найдены накладки на сложносоставной лук и наконечники стрел (Т/2, Т/8 и случайные находки), на Ала-Тее накладки на лук найдены в пяти могилах, а наконечники стрел только в одной из них (АТ1/96).

Основные типы керамических сосудов – баночный сосуд одиночный, или в паре с вазовидным, встречаются во всех погребениях – мужских, женских, детских. То же самое относится и к уникальному для Тувы типу керамических сосудов, впервые открытому на могильнике Ала-Тей 1 – это небольшие сосуды с перегородкой внутри, внизу которой часто имеется круглое отверстие. Все эти сосуды обнаруживаются практически на уровне древней дневной поверхности, в центре или на краю могильной ямы. Они имеют разнообразную форму – квадратные, круглые, овальные или прямоугольные. Предположительно, это были светильники, зажигаемые над могилой или на её краю в конце или после погребальной церемонии.

Определённые типы погребальных сооружений на обоих могильниках также не соотносятся с полом погребённых. Мужские и женские захоронения могли быть совершены как в каменных ящиках или деревянных гробах, обложенных по периметру камнями, так и в простых грунтовых ямах. Глубина могил также бывает самая разная, от буквально 30 см до 2 м. Захоронения на боку или на спине с подогнутыми ногами, а также вытянутые бывают как мужские, так и женские и детские. При этом, на могильнике Ала-Тей 1, большинство погребений совершено вытянуто на спине (более 90%), а на Терезине наоборот, все

¹³ Здесь и далее приводятся сокращённые названия памятников: АТ1 – Ала-Тей 1; Т – Терезин, далее через черту дроби номер объекта/погребения.

обнаруженные к настоящему времени целые захоронения были с подогнутыми ногами. Отличительной особенностью мужских и женских погребений на Ала-Тее является положение рук - у мужчин руки вытянуты вдоль тела, у женщин согнуты в локтях и лежат на поясе или подогнуты к груди, иногда одна рука на поясе, вторая подогнута к груди или плечу.

Итак, в Туве приход хунну, или каких-то родственников им в культурном плане племён, находит отражение в смене уюкско-саглынской культуры скифского типа улуг-хемской культурой. В результате здесь исчезает такой характерный для скифского времени тип погребальных памятников как коллективные захоронения в деревянных срубках, а также соответствующая им материальная культура. Появляются погребальные памятники других типов: бескурганые индивидуальные захоронения в каменных ящиках, деревянных гробах или рамах, простых грунтовых ямах, а также большие элитные курганы с дромосами (могильник Бай-Даг II). Большинство погребённых лежит вытянуто на спине, хотя иногда встречаются и скорченные захоронения. Материальная культура полностью соответствует культуре хунну, включая ярчайшие образцы декоративно-прикладного искусства, предметы вооружения, керамику, украшения и китайские импорты.

Очень показательны также изменения в распределении погребального инвентаря по гендерному признаку – если в скифское время в Туве наиболее ценные предметы находятся, обычно, в мужских захоронениях, то в улуг-хемской культуре в женских. Это может свидетельствовать о более высоком статусе женщины в обществе хунну, чем в предшествующем скифском обществе. При этом, более богатый погребальный инвентарь женских захоронений, возможно, лишь говорит нам о традиционно более красивом парадном одеянии женщин, что вполне естественно для большинства кочевых и земледельческих обществ Евразии. Здесь же, вероятно, играло важную роль и социальное положение погребённой женщины в обществе — замужняя или нет, происходит из богатой, влиятельной семьи или же из бедной и т. д. На обоих могильниках встречаются как богатые, так и бедные женские захоронения. Это же касается и детских могил — некоторые из них обладают скромным погребальным инвентарём, а некоторые довольно богатым, включая разные типы керамических сосудов, бусы и другие украшения, китайские подвески-колокольчики и пр., характерные именно для женских погребений. Тем не менее, пока ещё рано делать окончательные выводы по этому вопросу.

Кто были люди захороненные на Ала-Тее и Терезине? Пока можно предположить, что это была какая то группа кочевников, входивших в многонациональную конфедерацию хунну, и пришедших в Туву в ходе их северной экспансии. Вероятно, до этого они могли жить где-то на северных границах Китая, где имели доступ к китайским изделиям, таким как зеркала, монеты, украшения и пр., после чего отправились в далёкий поход и оказались на территории Тувы. Здесь, не имея более поступления оригинальных китайских предметов, они были вынуждены изготавливать их копии своими силами – большинство копий китайских зеркал и ажурные поясные пряжки сделаны из бронзы, имеющей местное происхождение, что подтверждается результатами металлографического анализа [Хаврин, 2016. С. 105-107]. Время их исхода в сторону Тувы можно пока отнести к началу династии Западная Хань, т.е. II в. до н.э. Об этом говорят, в том числе, китайские зеркала именно этого

или же предшествующего времени, при отсутствии более поздних экземпляров. AMS датировка некоторых погребений Ала-Тей и Терезина также соответствует II-I вв. до н.э. [Леус 2017. С. 183-184]. Исторически это как раз время северного похода хунну на Саяно-Алтай и последующего вхождения этого региона в сферу их культурного влияния. Неудивительно и само нахождение основной массы известных сейчас археологических памятников эпохи хунну именно в Центральной Туве, в ключевом и геополитически важном месте у входа Енисея в Саянский каньон – традиционном пути отсюда на север, в Минусинскую котловину, также вошедшую в это время в состав империи хунну. Пришедшие сюда люди могли быть военной силой или лояльными переселенцами, заменившими собой местное скифское население, и ассимилировавшими его остатки. Со скифской погребальной традицией могут быть связаны как раз захоронения с подогнутыми ногами, встречающиеся на обоих могильниках. Возможно, более точный ответ на вопрос происхождения населения улуг-хемской культуры нам дадут результаты палеогенетического анализа.

Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: №0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тысячелетие до н. э. – I тысячелетие до н. э.)»

Список литературы

- Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.-Л.:Наука, 1962. 205 с.
- Килуновская М.Е., Леус П.М. Искусство конца первого тысячелетия до н.э. в Туве //КСИА. 2017а вып.247. С. 86-104.
- Козлов П.К. Северная Монголия – Ноинулинские памятники // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К.Козлова. Л., 1925.
- Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи. Ильмовая падь, Забайкалье. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008. 96 с.
- Крадин Н.Н. Империя Хунну. М.: Логос, 2001. 312 с.
- Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хуннов Забайкалья. Владивосток: Дальнаука, 2004. 106 с.
- Леус П.М. Радиоуглеродные даты из хуннских могильников Ала-Тей и Терезин в Туве // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири. Красноярск, 2017. С. 181-184.
- Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 196-205.
- Миняев С.С. Дырестуйский могильник (2-е изд., доп.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007 (Археологические памятники сюнну. Вып. 3). 233 с.

Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Элитный комплекс захоронений хунну в пади Царам // РА. №1, 2007. С. 159-166.

Николаев Н.Н., Миняев С.С. Работы Центрально-Азиатской археологической экспедиции на могильнике Оргойтон // АСГЭ. Вып.41. Материалы и исследования по археологии Евразии. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017. С. 143-158.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). Новосибирск: «Инфолио», 2015. 136 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Ноин-Улинская коллекция. Результаты работ российско-монгольской экспедиции 2006-2012 гг. Новосибирск: «Инфолио», 2016. 176 с.

Хаврин С.В. Металл эпохи хунну могильника Терезин I (Тува) (Приложение к статье П. М. Леуса и С. В. Бельского) // Археологические вести, Вып. 22. СПб., 2016. С. 105-107.

Brosseder U. Fremde Frauen in Ivolga? // Scripta praehistorica in honorem Biba Tarzan. Ljubljana: Narodni muzej Slovenije, 2007. P. 883-893

Kost C. The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th–1st centuries BCE). Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität 2014 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 6). 400 s.

Miller B., Allard F., Erdenebaatar D., Lee Ch., A Xiongnu Tomb Complex: Excavations at Gol Mod 2 cemetery, Mongolia (2002-05) // Mongolian journal of archaeology, anthropology and ethnology. Vol.2, №2 (271). Ulaanbaatar, 2006. С.1-16.

NEW EVIDENCE ON THE SOCIAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF TUVA AT THE END OF
1st MILLENIUM BC.

M.Kilunovskaya, P.Leus

Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg

Abstract: In the end the 1st millennium BC archaeological cultures in the Altai-Sayan region were replaced indicating the arrival of the new population. The Uyük-Saglyñ culture of Scythian times characterized by burials in wooden chamber tombs was replaced by the Ulug-Khem culture with its individual ground burials. The distribution of grave goods by gender had gone through changes. In Scythian times the most valuable goods were mainly placed in men's burials (belt decoration, weapons) while in Xiongnu period they're located in women's graves (large bronze or jet belt buckles, bronze Chinese mirrors, coins and other prestige goods). This may serve as an evidence of higher status of a woman in Xiongnu society comparing to Scythian times.

Keywords: Tuva, Scythian population, Uyük-Saglyñ culture, Xiongnu, Uyük culture, collective burials in wooden chamber tombs, ground graves cemeteries

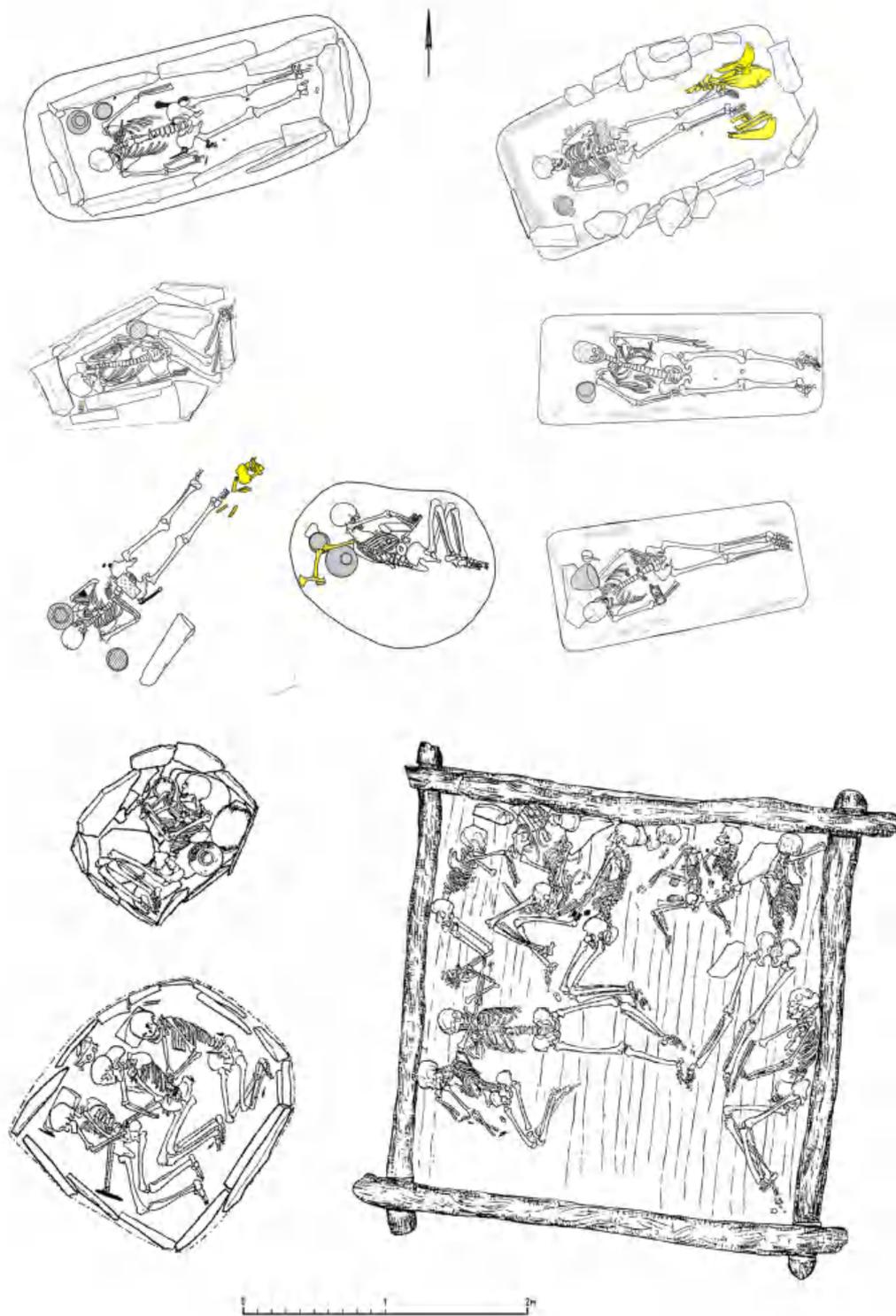

Рис. 1 Типы погребений:

1-8 - улуг-хемская культура (могильники Терезин и Ала-Тей); 9-11 - поздний этап уюкско-саглынской культуры (могильники Хайыракан и Суглуг-Хем)

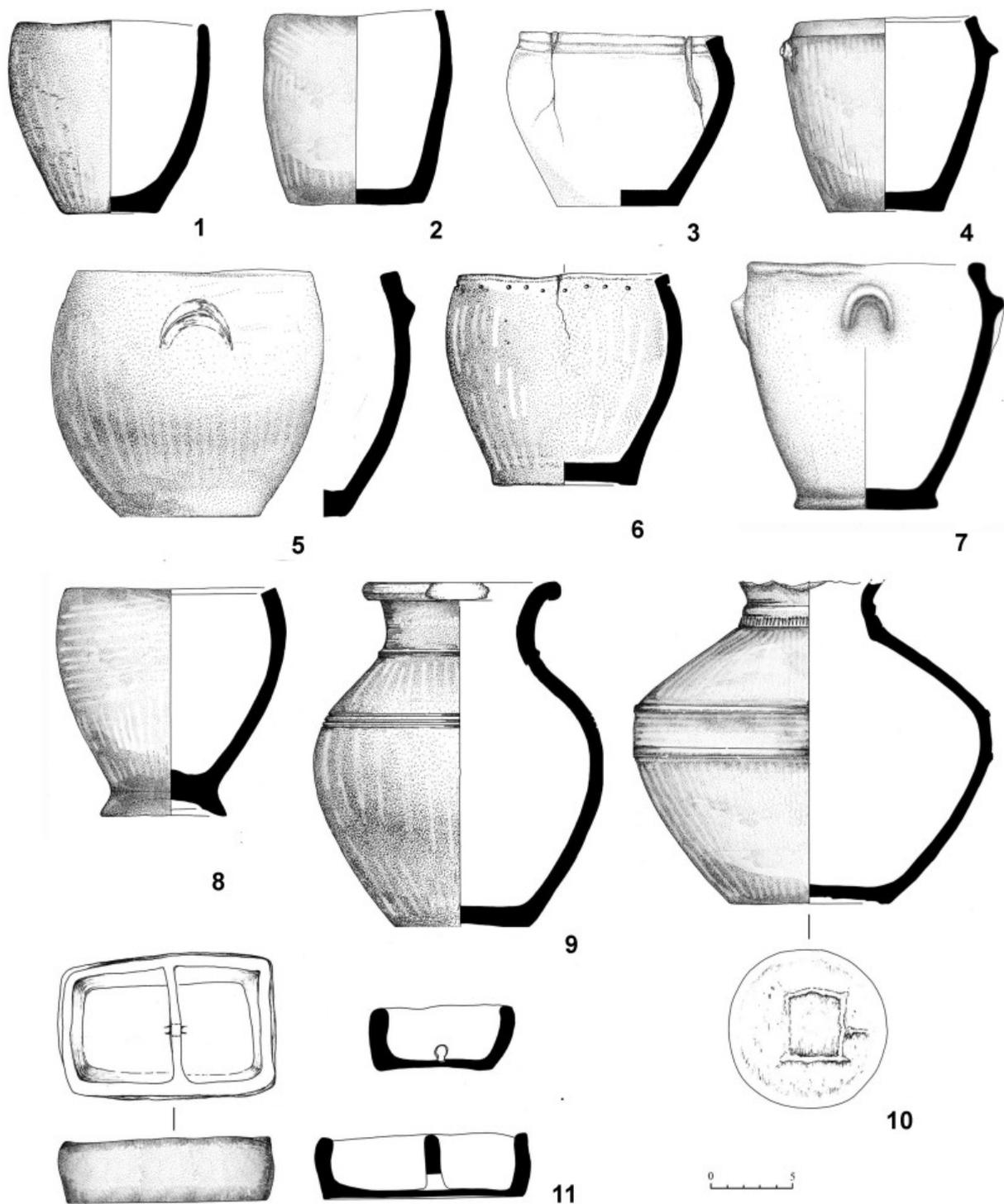
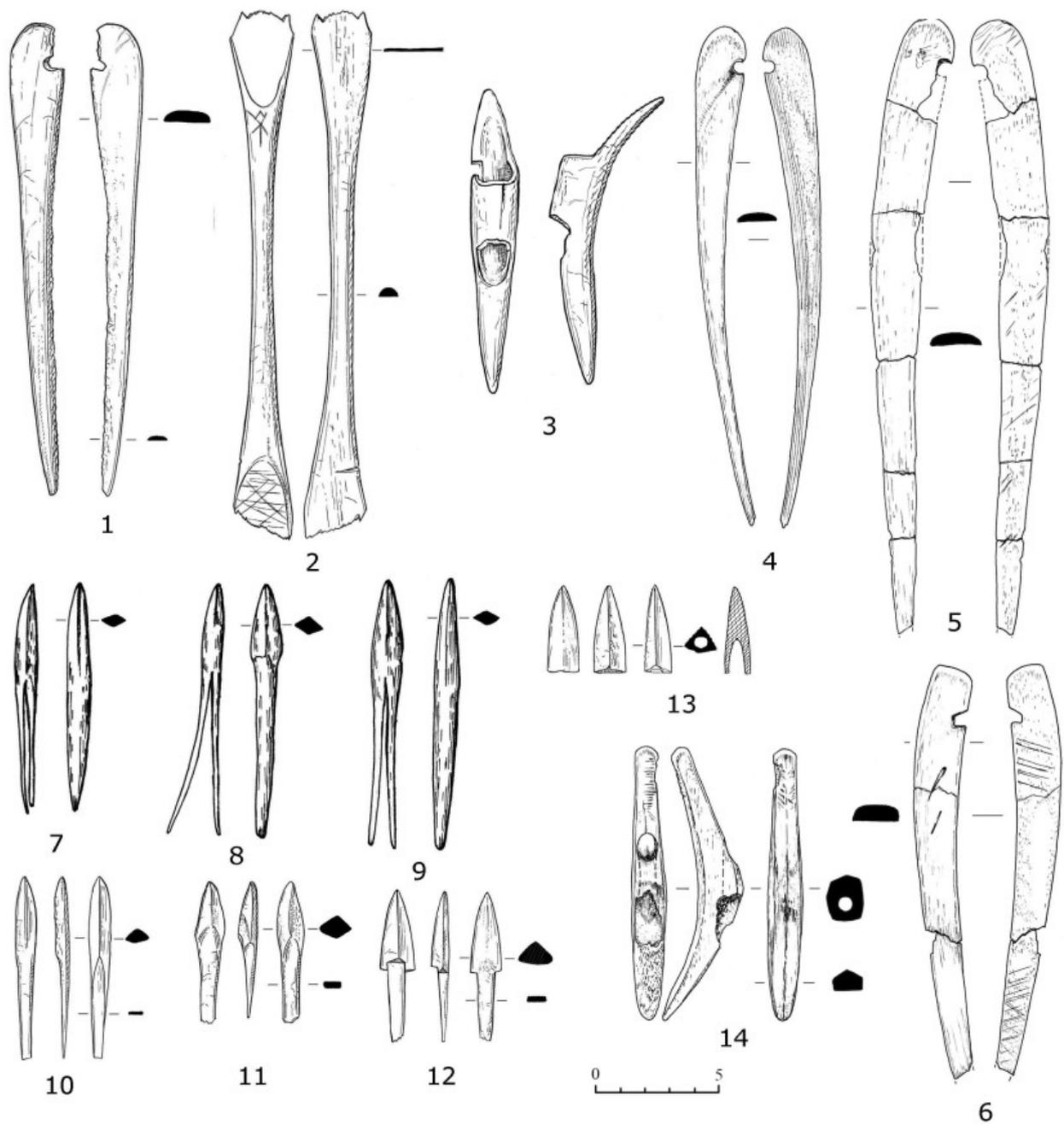

Рис. 2 Керамика. Могильник Ала-Тей 1

**Рис. 3 Костяные накладки на лук (1, 2, 4-6), наконечники стрел (7-13) и приспособления для натягивания тетивы (3, 14).
1-3, 7-12 - Терезин; 4, 5, 6, 14 - Ала-Тей 1.**

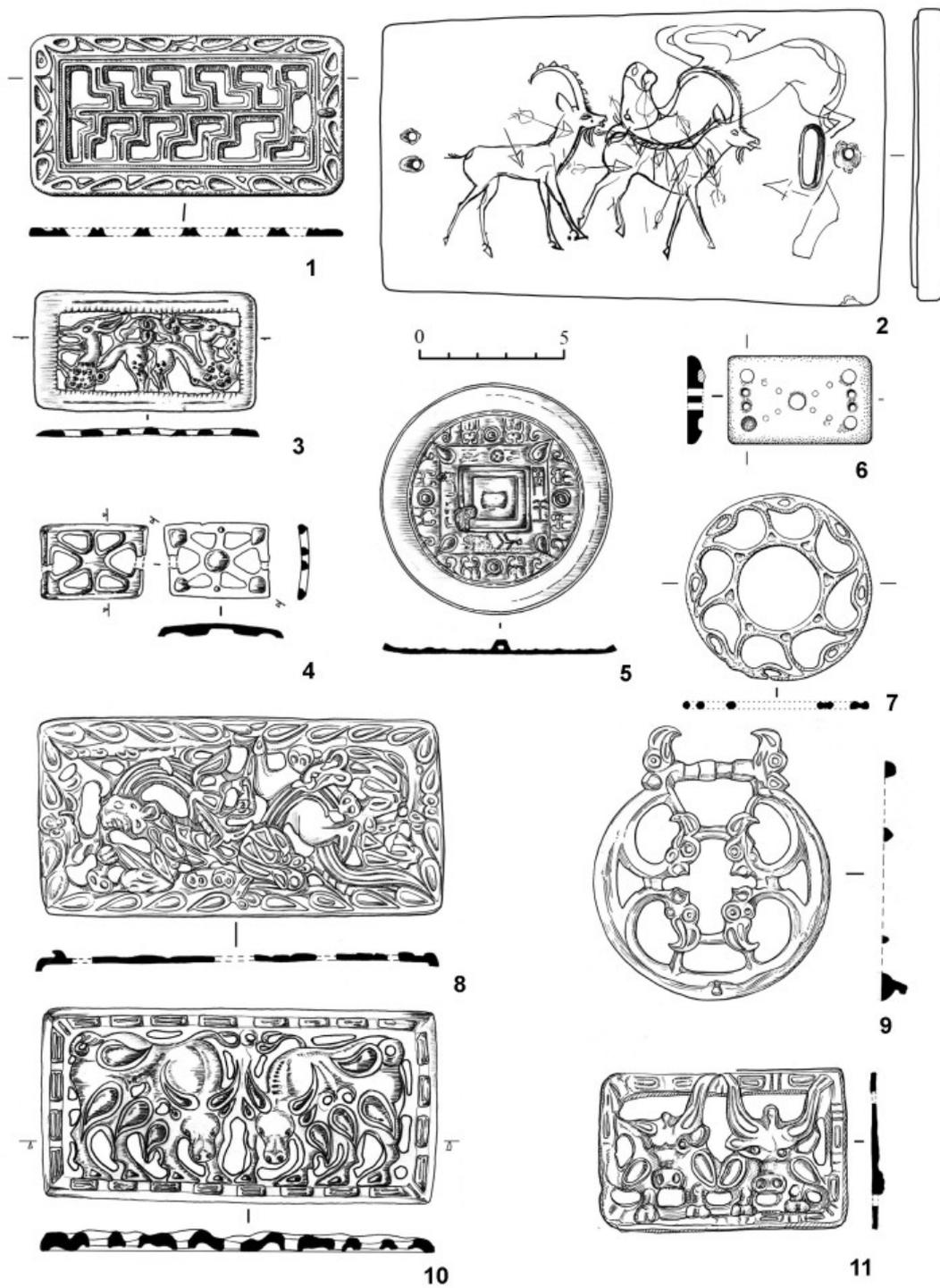

Рис. 4 Погребальный инвентарь из женских погребений:

1, 3, 8, 9, 10 – бронзовые пряжки; 4, 7, 11 – бронзовые бляшки; 2, 6 – гагатовые пряжка и бляшка, 5 – бронзовое зеркало. 8, 9, 11 – Терезин, остальное – Ала-Тей 1.

УНИКАЛЬНЫЕ НАБОРЫ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ЭПОХИ ХУННУ
НА МОГИЛЬНИКЕ ТЕРЕЗИН (ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТУВА)

© 2018 г. *Килуновская Марина Евгеньевна (kilunmar@mail.ru)*

Институт Истории Материальной Культуры РАН,

Санкт-Петербург, Россия

Леус Павел Михайлович (leuss@mail.ru)

независимый исследователь, Германия

Бусова Варвара Сергеевна (kulturnijkarman@gmail.com)

Всероссийский Художественный Научно-Реставрационный Центр

им.ак. И.Э. Грабаря, Москва, Россия

Аннотация: В данной статье рассмотрены уникальные наборы предметов из женских погребений № 21 и 27 на могильнике Терезин в Центральной Туве. Уникальность данных находок обусловлена условиями сохранности оказавшимися благоприятными для изделий из дерева, кожи и войлока. На основе обобщенной характеристики содержимого деревянного туеска-шкатулки и кожаной сумки эпохи хунну сделаны некоторые предварительные выводы о прижизненной деятельности погребенных.

Ключевые слова: эпоха хунну, Центральная Тува, женское погребение, рубеж эр

С 2007 года Тувинская Археологическая Экспедиция ИИМК РАН проводит исследования на могильнике Терезин, расположенном в 9 км к северо-востоку от села Чаа-Холь (Республика Тыва). Грунтовые захоронения могильника находятся на высокой песчаной надпойменной террасе, на берегу Саяно-Шушенского водохранилища, часть из них полностью или частично разрушена в процессе береговой абразии [Леус, Бельский, 2016]. На сегодняшний день здесь обнаружено 31 погребение, большинство из которых относится к эпохе хунну. Погребальный обряд и предметы материальной культуры из могильника Терезин находят прямые параллели на могильнике Ала-Тей 1, в 4,5 км отсюда, а также в археологических памятниках хунну на сопредельных территориях [Kilunovskaya, Leus, 2018]. Оба могильника синхронны и относятся к II-I вв. до н.э., что подтверждается вещевым комплексом из погребений, а также радиоуглеродными датировками [Леус, 2017].

В 2018 году на могильнике Терезин было раскопано два женских погребения в каменных ящиках с уникальными наборами предметов. Песчаный грунт и стабильный температурно-влажностный режим позволили сохраниться здесь изделиям из органических материалов, что является уникальной ситуацией для данного могильника.

Объект 21 – захоронение молодой женщины в каменном ящике: погребенная лежала на правом боку с подогнутыми ногами, головой на северо-запад. Благодаря тщательной подгонке плит перекрытия каменного ящика, в могиле образовалось безвоздушное пространство в районе тазовых костей и ног, что привело к частичной естественной мумификации мягких тканей. Около головы, перед лицом погребенной (в западном углу каменного ящика), лежала деревянная сумка-туесок (короб, шкатулка?). Предмет стоял вертикально на боку, и был прислонен к стенке ящика. В процессе расчистки выяснилось, что два «полукружия» стенок оказались вложенными друг в друга, а фрагментированное

круглое донце из дерева (толщиной около 2 см) было прислонено вертикально к каменной стенке.

Борта короба скреплены между собой внахлест с помощью берестяных ремешков и имеют различную орнаментацию. На дне фиксируются множественные следы засечек и «порезов» – так называемые следы бытования. У изделия есть характерное расширение к основе и утончение к венчику. На той стороне короба, которая в процессе археологизации оказалась внутри, был нанесен сплошной прорезной геометрический орнамент с острыми, расходящимися в разные стороны углами, чередующимися с изображениями тамгаобразного символа, состоящего из двух треугольников, соединенных длинной вертикальной линией. Второй борт украшен сплошным волютообразным прорезным орнаментом. Похожие «берестяные туески-шкатулки, содержащие в себе своего рода туалетные наборы — ножички, пинцеты, обломки зеркал (последние обычно в шёлковых чехольчиках)» известны по материалам могильника Аймырлыг XXXI [Стамбульник, 1983, С. 39-40].

Внутри находилась копия китайского ханьского зеркала из медного сплава, на кожаной петле. Изначально зеркало было помещено в круглый войлочный чехол, простеганный сухожильными нитями. Вместе с ним найден фрагмент цельного деревянного гребня, предназначенного, вероятно, для чесания волокна, маленький кожаный мешочек-амулетница, моток частично расщепленных сухожильных нитей и около двух десятков фрагментов тонкой кожи. Эти кожаные заготовки имеют множественные отверстия разных диаметров и, возможно, служили поделочным материалом, так как лежали хаотично и имели четкие срезы по краям.

Объект 27 – захоронение женщины средних лет в каменном ящике: погребенная лежала на правом боку с подогнутыми ногами, головой на север. В северо-западном углу каменного ящика, на правом плече погребенной, лежала кожаная сумка. Сохранность этого предмета стала возможной благодаря сухому плотному песку, не пропускавшему воздух, и находившемуся внутри зеркалу из медного сплава. Изделие было сшито шерстяными нитями и судя по остаткам волос на поверхности изначально было меховым.

В процессе консервации удалось аккуратно раскрыть кожаную сумку в полевых условиях и последовательно разобрать её содержимое. В верхней части лежал цельный деревянный гребень с редкими зубцами, типологически схожий с гребнем из объекта 21. Его рукоять имеет округлую форму и следы бытования. Судя по залоченности, гребень был обломан еще в древности, но продолжал находиться в эксплуатации.

На дне сумки находился маленький мешочек, затянутый веревочкой из сухожильной нити. Вероятнее всего, он использовался в качестве амулетницы. Подобной формы кожаные кошельки-амулетницы с локонами волос, ногтями и зубами внутри, встречаются в погребениях скифского времени на территории Алтая. С помощью метода рентгенографии удалось выяснить, что кожаные мешочки из обоих погребений не содержат внутри металлических изделий, зубов или срезанных ногтей. Также внутри кожаной сумки лежало пряслице из эпифиза кости, насаженное на деревянное веретено и обмотанное тончайшей шерстяной нитью. В верхней части заполнения сумки лежал фрагмент китайского зеркала из медного сплава в подквадратном войлочном чехле и сильно корродированный железный предмет (нож или шило).

Традиция размещения в погребениях женщин и подростков (возможно, молодых девушек) сумок и кошельков с зеркалами, гребнями и предметами для рукоделия характерна для кочевых народов Саяно-Алтая. Особенно интересна традиция помещения в них небольших кожаных мешочков-амулетниц, находящая параллели в материалах из курганов Пазырыка (Руденко, 1953) и Уландрыка [Кубарев, 1987] на Алтае, на могильниках Аймырлыг и Белое Озеро в Туве [Семенов и др., 2014]. В основном, эти находки датируются VII-IV вв. до н.э. и содержат внутри обрешанные локоны волос, ногтей, зубы или красящие пигменты [Busova, 2016].

На данном этапе объекты № 21 и № 27 выделяются из всего ряда женских захоронений могильников Терезин и Ала-Тей 1 именно наличием таких специфических предметов погребального инвентаря как гребни для прочесывания, мешочки-амулетницы, кожаные заготовки для рукоделия, мотки сухожильных нитей и пряслице с веретеном. Общим также является наличие в обоих наборах китайского зеркала в войлочном чехле и общее компактное расположение всех этих предметов в погребении. При этом, в одном случае (погребение № 21), зеркало было целым и заготовки (моток сухожильных нитей и кусочки кожи) скорее относились к кожевенному делу, а в другом (погребение № 27) в подквадратном войлочном чехле находился фрагмент зеркала, а также пряслице с веретеном, связанные, скорее, с производством текстиля.

В настоящий момент рано говорить о том, что такие детали инвентаря однозначно характеризуют род деятельности погребенных при жизни, хотя, предположить это вполне возможно. Двух подобных находок явно недостаточно и для каких то значимых выводов относительно производства текстиля и выделке кожи на территории Тувы на рубеже эр. Тем не менее, подобные погребения и находки из них существенно расширяют нашу базу данных по данным вопросам. Так же необходимо учитывать, что все эти предметы были изготовлены из органических материалов и, возможно, просто не сохранились в большинстве других женских захоронений на Терезине и Ала-Тее 1. И если на первом могильнике большинство погребений разрушено абразией и материала там сохраняется в принципе немного, то на Ала-Тее 1 органика сохраняется редко из-за постоянного воздействия воды в последние 30 лет – большую часть года этот могильник находится на глубине порядка 15 метров под водами Саяно-Шушенского водохранилища.

Возможно, недостающую информацию по вопросам взаимосвязи между некоторыми характерными деталями погребального инвентаря и родом деятельности погребенных нам даст изучение материалов эпохи хунну с сопредельных территорий, а также новые результаты продолжающихся раскопок на Терезине и Ала-Тее 1.

Список литературы

- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с
- Леус П.М., Бельский С.В. Терезин I – могильник эпохи хунну в Центральной Туве. Археологические вести. 22 (2016): 93-104. СПб. 2016
- Леус П.М. Радиоуглеродные даты из хуннских могильников Ала-Тей и Терезин в Туве // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: С. 181-184. Красноярск, 2017.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953. 402 с. + 120 табл.

Семенов Вл.А., Килуновская М.Е., Глухов В.О., Завьялов В.А., Садыков Т.Р., Смирнов Н.Ю. Предварительные итоги исследований Тувинской археологической экспедиции в 2013 г. // Бюллетень Института Истории Материальной Культуры РАН (Охранная археология). Санкт-Петербург, 2014. С. 327-366

Стамбульник Э.У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (Некоторые итоги работ). // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 34-41.

Busova V., 2016. Purses-amulets from territory of Tuva in I mill. BC as a phenomenon of cultural symbolization // 22th EAA Annual Meeting (Vilnius, 2016) – Abstract Book, p. 85

Kilunovskaya M., Leus P., 2018. Archaeological discoveries in Tuva: excavations of the Ala-Tey and Terezin cemeteries of the Xiongnu period in 2015–2016 // Asian Archaeology (2018), Vol. 1: P.45-62. (online) <https://doi.org/10.1007/s41826-018-0004-5>

Рис. 1. Терезин, об. № 27.
«Верхняя» половина кожаной сумки с деревянным гребнем внутри (до реставрации).

Рис. 2. Терезин, об. № 27.

«Нижняя» половина кожаной сумки с зеркалом в войлочном чехле, костяным пряслицем, веретеном, ножом (шилом?) и кожаной амулетницей внутри (до реставрации).

ВЕЩИ «ЦАРСКОЙ» ЧЕТЫ ИЗ КУРГАНА АРЖАН-2 В ТУВЕ
(СТИЛИСТИКА И АВТОРСТВО)

© 2018 г. Кисель Владимир Антониевич (kisel@kunstkamera.ru)

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Курган Аржан-2 – памятник второй половины VII в. до н.э. с уникальным набором «царских» вещей. Большинство этих предметов украшено изображениями животных, выполненными в зверином стиле, но отличающимися друг от друга художественными особенностями. Они разделяются на 3 условные группы. I группа – вещи с изображениями в «безыскусственном» зверином стиле, то есть с крайне ограниченным bestiарием, изолированными фигурами животных, малым количеством поз. II группа – предметы, декорированные в «изысканном» зверином стиле, изображения которого обычно составляют сложные композиции, фигуры сочетают экспрессию и декоративность и представлены в разнообразных позах. III группа – изделия, украшенные в «имитационном» зверином стиле, изготовленные не кочевническими мастерами.

По-видимому, у племенного объединения, соорудившего Аржан-2, имелась мастерская, которая работала на высшую знать. Мастерская была создана около середины VII в. до н.э. и состояла из представителей разных культур. Она могла находиться при ставке вождя либо в оседлом поселении, подконтрольном кочевникам.

Ключевые слова: курган Аржан-2, Тува, звериный стиль, древние мастера

Курган Аржан-2 – интереснейший погребально-поминальный комплекс второй половины VII в. до н.э. Обнаруженные в нем предметы являются ценнейшим источником для исследования культуры и искусства древних кочевников. Особое внимание привлекают находки из «царского» погребения (мог. 5). Большинство из них украшено изображениями животных, выполненными в русле звериного стиля, причем фигуры отличаются друг от друга художественными особенностями.

К.В. Чугунов, проведя анализ находок, разделил их на 4 группы. В одну он включил вещи с образами раннескифского искусства казахстанско-центральноазиатского региона, в другую – фигуры, напоминающие архаическую скифо-сибирскую петроглифику, в третью – изображения зверей, украшенные «запятювидными знаками», а в четвертую – изделия с орнаментальными мотивами, «которые подчиняют себе образы животных» [Чугунов, 2011. С. 39-44]. При этом в разных группах оказались стилистически близкие изображения на обруче гривны и стержнях шпилек.

Представляется более продуктивным сгруппировать предметы иным способом, строго опираясь на стилистическую специфику. **I группу** составят вещи с изображениями в «безыскусственном» зверином стиле: бляшки в виде кошачьих хищников и кабанов, костылек-застежка и шило с фигурами архаров [Чугунов и др., 2017. Табл. 2, 4, 5, 6, 16, 17, 32, 16, 33, 4, 37, 38, 42, 6, 7, 52, 1, 54, 3, 59, 62, 1, 71, 1, 75, 77, 6]. Сюда же частично относится гривну, поскольку только ее брусочек с фигурами кошачьих хищников оформлен в «безыскусственном» стиле [Чугунов и др., 2017. Табл. 3, 4, 2, 4, 35, 36, 2].

Отличительные черты этой группы – крайняя ограниченность бестиария (кошачий хищник, кабан, архар), изолированность фигур животных, малое количество поз.

Во **II группу** войдут предметы, декорированные в «изысканном» зверином стиле. Эти изображения редко представлены изолированно, обычно они составляют сложные композиции, а иногда – «загадочные картинки». Фигуры выделяются разнообразием поз [Чугунов, и др., 2017. Табл. 1, 2, 1-3, 3, 4, 12, 1, 13, 14, 1, 2, 4, 9, 10, 19, 14, 32, 1-14, 33, 1, 5, 35, 36, 3-12, 39, 4-8, 45, 4, 51, 1, 7, 54, 1, 2, 55, 56, 61, 62, 3-10, 63, 1, 73, 1-3, 74, 76, 1, 78, 5-7]. Возможно, к группе относится и наконечник стрелы с аппликацией в виде птицы и головы антилопы [Чугунов и др., 2017. Табл. 24, 3, 46, 1].

Большинство «изысканных» изображений сочетается с декоративными элементами – изогнутой каплей, завитком из трех сходящихся штрихов, «сложным завитком» – фигурой в форме изогнутой капли или буквы «S», дополненной закругленными или заостренными выступами. Образцы «изысканного» стиля сочетают в себе одновременно экспрессию и декоративность. Очевидно, здесь сказалось использование кочевниками художественных достижений других культур.

III группу сформируют изделия, украшенные в «имитационном» зверином стиле. Это – кинжал и один из ножей «царя», пектораль, шпилька с оленем-навершием [Чугунов и др., 2017. Табл. 8, 9, 10, 1, 11, 1, 40, 41, 1, 56, 1, 2, 65, 2, 3, 74, 2, 79, 2].

Кинжал, как было установлено К.В. Чугуновым, украсил торевт, воспитанный в китайских художественных традициях. На это указывает характерный «облачный» орнамент на ребре клинка, обычный для памятников Китая [Чугунов, 2004. С. 74; Чугунов, 2011. С. 55]. Пектораль и нож, по-видимому, декорировал представитель скотоводческой культуры Синьцзяна. Именно с данной территории происходят вещи, орнаментированные аналогичными волнистыми фигурами и завитками [Кисель, 2017. С. 123].

Определить культурную принадлежность автора оленя на шпильке пока не удастся. Фигура стилистически отличается от изображений, покрывающих стержень изделия. В целом она передает древнекочевнический образ животного, стоящего на кончиках копыт, но является его относительным подобием с явными нарушениями традиционной иконографии. Главные черты, чуждые искусству древних кочевников, – «полосатая» шкура и выделенные анус, тестикулы.

Проводя разбор предметов из Аржана-2, следует привлечь находки из кургана Аржан-1. Выполненные на них изображения тоже разделяются на «безыскусственные» и «изысканные». К первой группе относятся бляха-пантера, навершия со скульптурами архаров, фигура кабана на рукояти кинжала, гравировка кабана на клыке, скульптурная голова взнузданной лошади [Грязнов, 1980. Рис. 11, 3-4, 15, 24, 1, 25, 26], то есть практически все те образы, которые представлены в I группе Аржана-2. А в «изысканном» стиле выдержаны рисунки оленей и кабанов на оленном камне [Грязнов, 1980. Рис. 29, 2]. Должно быть, «безыскусственный» звериный стиль Аржана-2 продолжил изобразительную традицию Аржана-1¹⁴. «Изысканный» же стиль Аржана-2 стал источником формирования уюкско-саглынской и пазырыкской художественных школ, в которых нашли отражение

¹⁴ Сходное мнение высказал К.В. Чугунов, опираясь на анализ петроглифов с плит Аржана-2 [Чугунов, 2008. С. 68].

сложные композиции, декоративность, образы животных с вывернутым крупом. По-видимому, наличие в искусстве древних кочевников двух направлений имело ту же природу, что и распространенное явление мировых культур – сосуществование «народного», традиционного и «аристократического», эклектичного стилей.

«Безыскусственные» и «изысканные» изображения восходят к единой художественной основе. Это отражается в наличии у тех и других особых черт раннего звериного стиля. Например, у всех оленей обеих групп представлены извивающиеся рога, а у кошачьих хищников – крупные когти, оскаленная пасть и закрученный конец хвоста. В тот же хронологический период на других произведениях древних кочевников рога оленей часто изображались с S- или дуговидными отростками, а у кошачьих хищников стопы и окончания хвостов передавались в форме кружков или колец. Такая особенность позволяет очертить исходную территорию формирования обоих аржанских стилей. К.В. Чугуновым было отмечено, что параллели для многих изображений Аржана-2 отыскиваются среди памятников Казахстана и Северо-Западного Пакистана. Именно там встречаются фигуры полусвернутых кошачьих хищников, продольное разделение голов копытных линией рта, доходящей до глаза, узор изогнутой капли. К перечню можно добавить мотив завитка из трех сходящихся штрихов. Согласно К.В. Чугунову, изобразительная традиция Аржана-2, а с ней и вся древнекочевническая культура Тувы сложились в Казахстане либо в каком-то центре Северной Индии, Пакистана. [Чугунов, 2011. С. 52-53, 55-57].

Действительно, большинство аржанских фигур близко произведениям звериного стиля Казахстана. Однако перечисленные признаки распространены среди казахстанских находок не повсеместно, а составляют достаточно ограниченную группу. Вместе с тем продольное разделение голов копытных встречается на памятниках Внутренней Монголии и Северного Китая [Миняев, 2012. Рис. 1-4]. Мотив изогнутой капли зафиксирован на изображениях животных в Туве и Хакасско-Минусинской котловине [Дэвлет, 1982. Табл. 14; Завитухина, 1983. Кат. 184]¹⁵. А завитки из трех сходящихся штрихов присутствуют на вещах раннескифского времени из Синьцзяна [Шульга, 2010. Рис. 29, 13, 38, 4, 5, 50, 26, 72, 3, 73, 8, 11]. Более того, если в Казахстане этот мотив украшает сравнительно немного изделий, то в Синьцзяне он практически является «визитной карточкой» местной художественной школы.

На сегодняшний день декоративное оформление предметов из Аржана-2 нельзя уверенно сопоставить с какой-либо конкретной изобразительной традицией. Основной причиной служит уникальная черта «изысканного» стиля – фигуры зверей с вывернутым крупом. В VII в. до н.э. животные в такой позе не изображались ни в Казахстане, ни в Синьцзяне, ни во Внутренней Монголии, ни в Северном Китае. Можно высказать осторожное предположение, что создатели Аржана-2 входили в политическое образование, родственное древним кочевническим культурам Казахстана, но вполне самостоятельное и имевшее собственный вариант звериного стиля. Кочевые маршруты этого племенного объединения, должно быть, охватывали громадную территорию, но основное место стоянок тяготело к району Синьцзяна.

¹⁵ В этот перечень следует включить петроглиф оленя с переиспользованной плиты из Аржана-2 [Чугунов, 2008. С. 66, 68; Чугунов и др., 2017. Рис. 114, 1, 121].

Значительную трудность представляет восстановление процесса изготовления и определение авторства «царских» предметов. Согласно К.В. Чугунову, некоторые аржанские мастера могли быть выходцами из Чжоуского Китая и городищ архаического Хорезма, привезенными к месту сооружения Аржана-2, где они и изготовили драгоценные вещи [Чугунов, 2011. С. 55-57]. Однако в «царский» набор входят изделия, сделанные заранее и доставленные к месту захоронения издалека. На гривне, пекторали, портупейных бляшках, рукояти кинжала «царицы» фиксируются потертости, которые доказывают продолжительную «жизнь» вещей [Минасян, 2004. С. 44; Чугунов и др., 2017. С. 39, 68, 187]¹⁶. Часть вещей была сделана путем переиспользования других предметов. Так, пектораль вырубил из нагрудного пластинчатого украшения, возможно, ассиро-урартского типа [Кисель, 2017. С. 116, 182]. Для дужек женских серег, спаянных из проволочек, наверное, использовалось какое-то трубчатое ювелирное изделие [Минасян, 2004. С. 43]. Кинжал «царицы» мог быть скомпонован из старой рукояти и нового клинка, на который непосредственно перед захоронением наклеили золотую аппликацию с завитками [Минасян, 2014. С. 269].

Многое не понятно в процессе изготовления кинжала «царя». Согласно Б. Армбрустер, предмет был декорирован рельефными изображениями, вырезанными или вырубленными и прочеканенными по раскаленному металлу, после чего их инкрустировали золотом [Чугунов и др., 2017. С. 45, 190-191, 199, 201]. Для такой работы требуются высочайшие профессиональные навыки и специальные инструменты. По мнению Р.С. Минасяна, кинжал был отлит, на рельефы наклеены пластины, по которым ножом прорезаны мелкие детали [Минасян, 2014. С. 97-98, 266; Минасян, 2016. С. 182].

Изображения на золотых пластинах кинжала выполнены в специфической художественной манере и дополнены характерным китайским узором. Украшение же торцевой стороны рукояти и бляшка на окончании ребра клинка выдержаны в «изысканном» зверином стиле. Различия в оформлении показывают, что наиболее заметные, выигрышные части изделия орнаментировал китайский ювелир, а второстепенные – подмастерье-кочевник. Судя по всему, рельефы лишь в общих чертах передавали фигуры зверей, а их стилистические особенности выявились только после проработки золотого покрытия. Вряд ли такой сложный технологический процесс был осуществим рядом с сооружаемым курганом, скорее всего, целиком изготовленную вещь специально доставили для погребения.

Также до конца не ясно, как сделана пара шпилек. Б. Армбрустер и Р.С. Минасян уверены, что обе вещи изготовил один мастер. Но первый исследователь восстанавливает украшение предметов как литье по восковой модели, второй же настаивает на рельефной резьбе [Минасян, 2004. С. 40-41; Чугунов и др., 2017. С. 58]. Удивляет сама орнаментация стержней шпилек, которые должны были находиться внутри прически «царицы» и скрыты от зрителей. К тому же древние кочевники украшали только навершия подобных изделий. Вероятно, аржанские шпильки были где-то отлиты, доставлены к месту захоронения и отделаны резьбой перед самыми похоронами.

¹⁶ На бруске гривны даже утрачена одна из бляшек в виде кошачьего хищника. Впрочем, нельзя исключить, что брусочек гривны, украшенный в «безыскусственном» зверином стиле, оформлялся непосредственно перед захоронением, поскольку в древнекочевническом мире бытовали подобные предметы с гладким брусочком [Чугунов и др., 2017. С. 310. Рис. 284].

Не исключено, что аналогично шпилькам была изготовлена подвеска-модель котла. Косвенным подтверждением может служить одинаковый технический прием, использованный при изготовлении этих вещей, – маскировка зернью паечных швов. Как правило, в древнекочевнической среде тулово подобных изделий не украшалось. Поэтому, скорее всего, резные рисунки на подвеске появились непосредственно перед захоронением.

Вероятно, иначе был декорирован обруч гривны. Как считает Б. Армбрустер, он вместе с рисунком отливался по восковой модели, после чего дорабатывался резцом, штихелем, шабером и заглаживался пуансоном [Чугунов и др., 2017. С. 39]. Р.С. Минасян затруднился точно определить, отливали их, или резали [Минасян, 2004. С. 41]. В любом случае гривна, покрытая рельефными изображениями, использовалась длительное время, как свидетельствуют потертости на ней.

Производство ножа, у которого рукоять и кольцевидное навершие украшены волнистыми фигурами и изображениями архаров, потребовало значительных усилий и профессиональных навыков мастера. Орнаменты, выполненные в низком рельефе, скорее всего, были вырезаны прямо на железе, обложены золотыми пластинами, после чего на них выдавили узор [Минасян, 2004. С. 43; Минасян, 2014. С. 269; Чугунов и др., 2017. С. 46, 199]. Изображения на ноже стилистически совпадают с декором пекторали. Видимо, их сделал один и тот же мастер. Если оба предмета были созданы приблизительно в одно время, то их привезли, а не изготовили возле погребения.

По причине плохой сохранности остается не понятным, когда были сделаны лук, чекан и стрелы. Однако не вызывает сомнений, что аппликациями украсили их во время подготовки похорон. Как установил Р.С. Минасян, кочевники декорировали резными золотыми пластинами только то оружие, которое предназначалось знатному покойному. Все аппликации наклеивались, а «каким бы ни был крепким клей, оружием с наклеенным декором невозможно пользоваться повседневно или даже иногда, тем более не оставив следов использования вещей на золоте» [Минасян, 2014. С. 272].

Таким образом, перед захоронением многие «царские» вещи подверглись разным техническим операциям. Важнейшей из них стала отделка золотом погребальных костюмов, то есть покрытие бляшками верхней одежды и головных уборов, вышивание бисером штанов, обкладка пластинами и украшение расплюснутыми трубочками обуви. Параллельно шло наклеивание золотых пластин на оружие с последующим вырезанием на них рисунков, а также декорирование фигурной резьбой литых вещей. Судя по тому, что аппликации и резьба в основном выполнялись в «изысканном» зверином стиле, эту работу осуществляли сами кочевники. Впрочем, нельзя исключить и участие мастера из Синьцзяна, так как чекан, один из ножей «царя», клинок кинжала «царицы» и наконечники стрел покрыты исключительно декоративными завитками.

Стоит отметить, что не все «царские» вещи были золотыми или покрыты золотом¹⁷. Так, в погребении находились кожаные сумки и фляги с деревянными пробками, каменные блюда, деревянные блюдо и ковш, бронзовые котлы, чашечка, зеркала, шило и булавка, каменные и стеклянные бусы, роговой и бронзовый наконечники стрел, какие-то войлочные

¹⁷ На наконечниках стрел аппликации сделаны не только золотом, но и серебром [Чугунов и др., 2017. С. 52].

и тканые изделия. Часть этих предметов, несомненно, была сделана специально для погребения, другая же могла служить владельцам при их жизни и иметь особое значение.

Драгоценные изделия, привезенные издалека, представляли собой статусные вещи – гривна, пектораль, кинжалы, шпильки, нож, подвеска-котел, серьги. Думается, что знаковыми изделиями являлись также наборные пояса. Но от их первоначального комплекта остались только портупейные бляшки. «Родные» же обоймы, наконечники и пряжки, отлитые, видимо, из бронзы, были заменены на золотые¹⁸.

Некоторые «царские» предметы, выдержанные в «изысканном» и «имитационном» зверином стиле, имеют сходный декоративный мотив – завиток из трех сходящихся штрихов. Такое совпадение указывает на создание вещей в одном месте, где мастера разных школ, работая бок о бок, могли перенимать изобразительные приемы друг друга. Должно быть, завиток, усиливая декоративный эффект оформления и одновременно неся символическую нагрузку, невольно стал своеобразным производственным знаком «царской» мастерской. Его отсутствие на изделиях «безыскусственного» стиля показывает, что их создатели работали независимо от своих коллег. Видимо, эти мастера проживали в кочевьях и ненадолго были привлечены к устройству «царских» похорон.

Как следует из проведенного исследования, предметы с изображениями животных из кургана Аржан-2 отличаются различной стилистикой. Выделяются три группы, условно обозначенные как «безыскусственный», «изысканный» и «имитационный» звериный стиль. Можно высказать предположение о наличии у племенного объединения, создавшего Аржан-2, мастерской, обеспечивавшей драгоценными вещами высшую кочевническую знать. Мастерская была создана около середины VII в. до н.э. и укомплектована представителями древнекочевнического мира, Синьцзяна и Китая. Вероятно, она находилась при ставке вождя либо в оседлом поселении, подконтрольном кочевникам.

Список литературы

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.

Дэвлет М.А. Петроглифы на кочевой тропе. М.: Наука, 1982. 128 с.

Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство. 191 с.

Кисель В.А. Аржанская пектораль: происхождение, стилистика, символика // «И музою его была наука»: Сборник памяти В.А. Коренько. Азов: Азовский музей-заповедник, 2017. С. 115-126.

Минасян Р.С. Секреты скифских ювелиров // Аржан. Источник в Долине царей. СПб.: Славия, 2004. С. 40-44.

Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: ГЭ, 2014. 472 с.

Минасян Р.С. Ранние скифские и сарматские железные акинаки (VII-V вв. до н. э.) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии:

¹⁸ Например, подобные аржанским бронзовые поясные обоймы найдены в Туве и Северном Китае [Семенов, 2001. Рис. 2, 13; Шульга, 2015. Рис. 29Д, 5, 35А, 14, 100, 20, 28]. Трудно представить, что они не использовались в быту.

Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 178-183.

Миняев С.С. К интерпретации некоторых изображений на оленных камнях // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 262-267.

Семенов Вл.А. Сыпучий Яр – могильник алды-бельской культуры в Туве // Евразия сквозь века. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 167-172.

Чугунов К.В. Кинжал-акинак из кургана Аржан-2 // Сообщения ГЭ. 2004. Вып. LXII. С. 72-74.

Чугунов К.В. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля) // Тропую тысячелетий: К юбилею М.А. Дэвлет. – Труды САИПИ. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. Вып. IV. С. 53-69.

Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 39-60.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII-III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: АлтГТУ, 2010. 238 с.

Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII-VI века до нашей эры). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. 304 с.

THINGS OF AN “IMPERIAL” COUPLE FROM A BARROW OF ARZHAN-2 IN TUVA (STYLISTICS AND AUTHORSHIP)

Kisel V.A.
Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, St. Petersburg
senior curator

Abstract: The barrow Arzhan-2 is a monument of the second half of the 7th century B.C. with a unique set of «imperial» things. Most of these objects are decorated with the images of animals, made in animal style, but differing from each other in art features. They are divided into 3 conditional groups. The I group - things with images in «unaffected» animal style, that is, with extremely limited bestiary, the isolated animal figures, small quantity of poses. The II group - objects decorated in «refined» animal style, which images usually make complex compositions of a figures combine expression and decorative effect and are presented in various poses. The III group - the products decorated in «imitating» animal style, made by non-nomadic masters.

Apparently, the tribal association that built Arzhan-2 had a workshop that worked for the highest nobility. The workshop was created around the middle of 7th century B.C. and consisted of representatives of different cultures. She could be at the rate of the leader or in a settled settlement, controlled by the nomads.

Keywords: Arzhan-2 mound, Tuva, animal style, ancient masters

О ДВУХ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ IV В. ДО Н.Э. ИЗ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2018 г. *Купцов Евгений Александрович (e-kuptsov@mail.ru)*

© 2018 г. *Купцова Лидия Владимировна (orelin.84@mail.ru)*

ОГПУ, г. Оренбург, Российская Федерация

Аннотация: в статье рассматривается погребальный обряд и инвентарь двух женских парных захоронений IV в. до н.э., выявленных в 2017 г. в ходе исследования 8 кургана II курганного могильника у с. Имангулово 2-е в Октябрьском районе Оренбургской области.

Ключевые слова: женские погребения, сарматская культура, жертвенные комплексы, вооружение, украшения, конская упряжь.

Летом 2017 г. отрядом Оренбургской археологической экспедиции Оренбургского государственного педагогического университета были продолжены исследования II курганного могильника у с. Имангулово 2-е в Октябрьском районе Оренбургской области.

Памятник, изначально насчитывавший 16 курганных насыпей, располагается на возвышенной площадке I надпойменной террасы в левобережье р. Салмыш (правобережный приток р. Сакмара, бассейн р. Урал), в 3,5 км к юго-западу от с. Имангулово 2-е.

В 2017 г. были раскопаны курганные насыпи №№ 3, 8, 10, 12, сооруженные, как выяснилось в ходе исследования, кочевым населением различных этапов сарматской культуры Южного Приуралья.

Курган 8 находился в центральной части могильника. Диаметр кургана по современной поверхности составлял 16 м, а его высота (вследствие частичного повреждения насыпи арыками) варьировалась от 0,18 до 0,32 м. Курган был сооружен на ровной площадке, ровики вокруг площадки не прослеживались.

В процессе исследования кургана было выявлено, что центральное погребение 1 было перекрыто каменной панцирной кладкой, погребения 2, 3, 4 также сопровождалось хаотичными по расположению скоплениями камней. Отдельные скопления камней были зафиксированы в восточной, северо-западной и юго-западной части насыпи. Признаков погребений под ними не выявлено.

В ходе вскрытия насыпи было обнаружено два инвентарных жертвенных комплекса.

Жертвенный комплекс №1, выявленный среди камней каменного перекрытия погребения 1, включал в себя скопление фрагментов бронзового зеркала с деревянной рукоятью, 5 фрагментов железных стержневых браслетов, две височные подвески с цилиндрическим блоком из желтого металла, два фрагмента круглого плоского каменного жертвенника без ножек, с вырезанным по бортику арочным орнаментом (жертвенник №1).

Жертвенный комплекс №2 был обнаружен между каменным перекрытием погребения 1 и «погребением 4», на глубине -32 см от 0. Он представлял собой детали конской упряжи, состоящие из железного С-видного псалия, одного звена железных удил и бронзовых обойм – украшений уздечки.

Помимо этого, в насыпи кургана и на уровне погребенной почвы были обнаружены кости животных (КРС, МРС), фрагменты керамики и обломок второго каменного жертвенника.

Каменный жертвенник №2 – относится к тому же типу, что и жертвенник из жертвенного комплекса №1, но отличается от него орнаментом, представляющим собой геометрический рисунок в виде чередующихся незамкнутых тупоугольных и остроугольных отрезков, обращенных вершинами углов вниз и вверх соответственно.

Погребение 1 обнаружено в центральной части кургана, между отметками 2 м к северу и 4 м к югу от условного центра и было перекрыто каменной панцирной кладкой на глубине от -1 до -128 см от 0. Захоронение было совершено в простой подпрямоугольной яме с закругленными углами, размеры ямы по меридиональному и широтному направлениям 3х2,4 м, дно зафиксировано на глубине -156 см от 0. На дне ямы вытянуто на спине, головой на юг, располагались два костяка – взрослого человека (костяк 1) и ребенка (костяк 2).

По всей площади погребения располагались скопления костей МРС, лошади, зайца (палеозоологические определения выполнены к.и.н. Н.В. Росляковой, г. Самара).

Скелет №1 – принадлежал женщине 25–35 лет (антропологические определения выполнены к.и.н. А.А. Хохловым, г. Самара). *In situ* располагались кости левой руки, ног, отчасти кости плечевого пояса и тазовые. Ребра и позвонки, а также кости правой руки находились вне анатомического порядка. Череп был раздавлен, справа от него было найдено два фрагмента бронзовой серьги. На фалангах пальцев левой руки было обнаружено бронзовое кольцо в 3,5 оборота. У шеи погребенной найдено 5 бусин из мягких пород камня.

В 78 см к востоку от костей правой руки костяка 1 в стенке могилы был найден фрагмент (верхняя часть, включая венчик, шейку и часть плеча) сосуда №1. Других фрагментов сосуда в погребении не было обнаружено. Возле правой ноги костяка находился развал сосуда №2, внутри которого была обнаружена глазчатая бусина из стекловидной пасты. К востоку от сосуда 2 располагалось скопление костей животных №5 (см. выше), среди которых были обнаружены фрагменты железного предмета. Здесь же располагался колчан №1 с наборным корпусом, содержащий 44 бронзовых втульчатых наконечника стрел [Купцов, 2018. С. 279-280].

В ногах погребенной, к востоку от колена правой ноги и к северу от сосуда №2, находился комплекс вещей, включавший низку бус, костяное пряслице, раковину *gryphaea*, костяную трубочку, костяную проколку, фрагмент органики.

Скелет №2 – ребенок 6 лет. Сохранность костей неудовлетворительная, череп раздавлен, ребра, тазовые кости, кости правой руки и ноги находились *in situ*. Ноги погребенного находились в характерном положении «позы всадника», т.е. разведены коленями в противоположные стороны. За головой погребенного, в 20 см к юго-западу от черепа, находился круглодонный сосуд №3. Слева от погребенного, параллельно линии расположения его тела, лежал железный меч-акинак с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием, рядом с которым был обнаружен мелкий фрагмент сосуда.

На груди покойного выявлено скопление бронзовых втульчатых наконечников стрел, вероятно, находившихся в не сохранившемся колчане. Между ребрами и тазовыми костями погребенного, т.е. в районе пояса, была найдена бронзовая ворворка.

«Погребение 2» обнаружено в восточной части кургана, под бровкой, между отметками 3,5 и 5,3 м к востоку от условного центра. Вскрытие погребения было произведено после разбора бровки. На глубине от -45 до -56 см от 0 погребение было перекрыто несколькими камнями и каменными плитками, не образывавшими систему. Камни также находились в заполнении ямы и на ее дне, на глубине от -68 до -89 см от 0. Могильная яма имела подпрямоугольную форму с закругленными углами, размеры ямы 2,1x1,8 м. Глубина ямы от уровня фиксации – 35 см, дно зафиксировано на глубине -96 см от 0. Ни костей, ни артефактов в яме не обнаружено.

Погребение 3 выявлено в юго-восточном секторе кургана, в 3,5 м к юго-востоку от условного центра. На глубине от -31 до -51 см от 0 юго-восточный угол погребения был перекрыт несколькими камнями и каменными плитками, не образывавшими систему. Между камнями в южной части могильной ямы на глубине от -49 до -61 см от 0 был обнаружен череп КРС. На глубине -74 см от 0 под черепом была найдена челюсть животного, еще одна челюсть находилась в юго-восточном углу ямы на глубине от -92 до -111 см от 0. Рядом с костями были обнаружен плоский, треугольной формы камень, со сторонами 7x7x6,5 см, толщиной 0,7 – 0,8 см.

Могильная яма подбойного типа, состояла из подпрямоугольной входной ямы в восточной части и овального подбоя в западной части. Свод подбоя в древности просел до глубины от -74 до -95 см от 0. Мощность свода составляла около 50 см. На глубине от -90 до -121 см от 0 были выявлены фрагменты деревянного перекрытия, состоявшего из плах длиной от 20 до 90 см, расположенных по оси север – юг. Входная камера имела глубину от уровня фиксации 120 см (дно зафиксировано на глубине -194 см от 0), в северо-восточной части отмечена небольшая ступенька (на глубине -174 см от 0). Размеры входной камеры восстанавливаются как 230x90 см.

Вход в подбой зафиксирован на глубине от -144 до -194 см от 0. Вход был закрыт деревянными плахами, располагавшимися наклонно, на глубине от -133 до -180 см от 0. Подбой имел размеры 250x120 см, ориентирован длинной осью по линии ССВ – ЮЮЗ, дно зафиксировано на глубине -206 см от 0. На дне подбоя располагались два костяка – взрослого человека (скелет № 1) и ребенка (скелет № 2), при этом последний находился между ребрами и правой рукой костяка 1.

Скелет № 2 – принадлежавший ребенку в возрасте около 6 месяцев, отличался плохой сохранностью. Сохранились кости черепа, ребра, кости рук и ног, находившиеся, преимущественно, вне анатомического порядка. Судя по сохранившимся *in situ* костям скелета, ребенок был ориентирован головой на ЮЮЗ. Инвентаря при костяке 2 не было.

Скелет №1 – принадлежал женщине в возрасте 25–35 лет. Он располагался в положении вытянуто на спине головой на ЮЮЗ. Руки вытянуты вдоль тела, колени обращены друг к другу, ступня правой ноги касалась левой ноги. Справа и слева от черепа найдены бронзовые височные подвески в полтора оборота. Справа от черепа и под нижней челюстью обнаружены сердоликовая и стеклянные бусы. На руках покойной зафиксированы железные в полтора оборота браслеты. В 15 см к востоку от кисти правой руки костяка, у входа в подбой, находился круглодонный сосуд с примесью талька в тесте. У северо-западной стенки подбоя, в 20 см к западу от ступни левой ноги погребенной, обнаружено

скопление костей МРС. В заполнении норы, разрушившей стенку подбоя в северо-западной части, были найдены фрагменты железного предмета и бронзовый амулет-колесико. В юго-западном углу подбоя, у стенки был обнаружен комплекс вещей, включавший фрагмент бронзового зеркала, набор для татуажа, состоящий из кожаного мешочка с красителем и деревянной иглы, а также панцирь черепахи, вероятно, использовавшийся в качестве чашечки.

«Погребение 4» обнаружено в юго-западном секторе кургана, под бровкой, в 3,5 м к западу-юго-западу от условного центра. На глубине от -36 до -56 см от 0 погребение было перекрыто несколькими камнями и каменными плитками, не образующими систему. Могильная яма имела подпрямоугольную форму с закругленными углами, размеры ямы 2 x 1,3 м. Глубина ямы от уровня фиксации – 25 см, дно зафиксировано на глубине -85 см от 0. В яме были обнаружены кости двух особей КРС – в северной части ямы находились в сочленении кости ног, в восточной половине могилы располагались ребра и позвонки одной особи КРС, в западной половине – ребра, позвонки, конечности и челюсти другой особи КРС. Человеческих костей в «погребении» обнаружено не было.

Судя по стратиграфическим наблюдениям, центральное погребение 1, «погребения 2 и 4», жертвенные инвентарные наборы №№1 и 2 представляют собой единый погребально-поминальный комплекс. По погребальному обряду и инвентарю, сочетающему в себе признаки характерные для савроматского и прохоровского этапов культуры ранних кочевников Южного Приуралья (южная ориентировка, обилие мясной напутственной пищи, круглодонные сосуды, С-видный псалий и т.д.) его возможно датировать в пределах первой половины IV в. до н.э. [Мошкова, 1963. С. 20, 24, 27; Васильев, 2004. С. 155-156, Рис.2, 1-3].

Погребение 3 впущено в насыпь несколько позднее. Керамический сосуд с примесью талька и железные браслеты в полтора оборота, позволяют датировать его в пределах IV в. до н.э. [Клепиков, 1998. С. 30-31; Краева, 2011. С. 58].

Несмотря на существующий между этими погребениями определенный хронологический интервал, их погребальный обряд имеет целый ряд общих черт:

1. В обоих случаях под единой насыпью погребены женщины 25-35 лет в сопровождении детей;

2. В первом случае погребение сопровождается жертвенным комплексом туш КРС и перекрыто каменным панцирем, во втором – череп КРС с челюстями помещен во входную яму подбоя, которая частично перекрывается каменной выкладкой.

3. Встреченные в насыпи кургана фрагменты двух однотипных, но отличающихся орнаментом каменных жертвенников, также, вероятнее всего, соотносятся не с одним, а с обоими погребениями, что, очевидно, подтверждает и достаточно специфичный погребальный инвентарь. В первом случае это раковина *gypsaea*, костяная трубочка, костяная проколка. Во втором – бронзовый амулет-колесико и набор для татуажа, состоящий из кожаного мешочка с красителем и деревянной иглы.

Исходя из вышесказанного, очевидно, что данные погребения сооружены членами единой группы кочевников для захоронения представительниц единого социального статуса – жриц-шаманок [Яблонский, 2016. С. 16-18].

В то же время в центральном погребении 1 и связанном с ним жертвенном комплексе № 2 присутствуют такие категории инвентаря как предметы вооружения (акинак, колчаны, бронзовые втульчатые наконечники стрел) и элементы конской упряжи, полностью отсутствующие во впускном погребении 3. Особенно интересно, что предметы вооружения сопровождают не только погребенную женщину, но и ребенка в возрасте 6 лет.

Присутствие предметов вооружения в погребении 1, возможно, объясняется сразу несколькими факторами.

В настоящее время, степень изученности II курганного могильника у с. Имангулово 2-е позволяет уверенно говорить о том, что сарматские погребения этого памятника, датируемые в пределах IV в. до н.э., оставлены кочевым коллективом, пришедшим сюда из районов расположенных к востоку от Уральских гор.

К таким погребениям относится ярусное коллективное захоронение 1 кургана 3, женское погребение 4 кургана 5 (с предметами вооружения), и женские парные погребения кургана 8. Для всех этих погребений характерно наличие разнообразных каменных конструкций. В насыпях курганов 5 и 8 зафиксировано наличие связанных с женскими погребениями жертвенных комплексов. В курганах 3 и 8 выявлены керамика с примесью талька, плетенные и наборные колчаны и т.д. [Моргунова, 2011. С. 20-24; Купцов, 2018. С. 278-280].

В то же время, очевидно, что жизнь пришедшей сюда группы кочевников спокойной отнюдь не была. Ярким примером этого предположения является центральное ярусное погребение 1 кургана 3, вероятно, представляющее собой своеобразную «братскую» могилу. Нижний ярус представлен захоронением двух убитых в бою воинов, о чем свидетельствуют деформированные наконечники бронзовых стрел среди костей их скелетов. Верхний ярус, содержащий захоронение двух мужчин и женщины – разрушен. Подобные разрушения также могут являться своеобразным свидетельством вооруженных конфликтов [Купцов, 2018. С. 278; Моргунова, Купцов, 2016. С. 199-200].

Учитывая эти обстоятельства, находка предметов вооружения в женском погребении 1 кургана 8 не выглядит удивительной. По устному сообщению А.А. Хохлова, кости позвоночника погребенной здесь женщины испытывали специфические нагрузки, характерные для профессиональных всадников. Данный факт, очевидно, объясняет наличие элементов конской упряжи в жертвенном комплексе № 2 и доказывает его непосредственную связь с образом жизни покойной.

Очевидно, постоянной угрозой военного столкновения следует объяснять и наличие вооружения, сопровождавшего 6 летнего ребенка из погребения 1. Детские захоронения с оружием в памятниках кочевников региона явление относительно редкое, обусловленное, вероятней всего, исключительными обстоятельствами [Берсенева, Гильмитдинова, 2013. С. 42-43]. В данном случае, исходя из состояния и типологии оружия, его следует рассматривать, скорее, как маркер гендерной принадлежности покойного, или же – в качестве своеобразного, связанного с последствиями военных действий, символа.

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта Министерства образования и науки РФ №33.1389.2017/ПЧ

Список литературы

Берсенева Н.В., Гильмитдинова А.Х. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV – II вв. до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №2 (21). 2013. С.36-44.

Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Вып.5. «Гилем» АН РБ, 2004. С.153-172.

Клепиков В.М. Железные браслеты как хронологический показатель раннесарматских памятников IV в. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып.1. Волгоград: ВолГУ, 1998. С. 29-32.

Краева Л.А. Технология изготовления керамики из погребений раннесарматской культуры Южного Приуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (48). 2011. С.51-58.

Купцов Е.А. Гориты и колчаны кочевников Южного Урала V – IV вв. до н.э. с наборным и плетеным корпусом // Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие. Алматы – Актобе, 2018. С.277-281.

Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках II курганного могильника у с. Имангулово 2-е в Октябрьском районе Оренбургской области по Открытому листу № 579 в 2010 г. // Архив АЛ ОГПУ II-138/2011.

Моргунова Н.Л., Купцов Е.А. Исследования курганного могильника Аюба V в 2005 году // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. № 2 (18). 2016. С.187-204.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. Свод археологических источников. Д 1–10. М.: АН СССР, 1963. 56 с.

Яблонский Л.Т. Об одном аспекте социальной роли женщины в раннекочевом сообществе Южного Приуралья (по материалам могильника Филипповка I) // Кадырбаевские чтения – 2016. Актобе, 2016. С. 15-19.

ABOUT TWO WOMEN'S BURIALS OF THE IV BC. FROM THE ORENBURG REGION

Kuptsov E.A.

**Orenburg, Russian Federation, Orenburg State Pedagogical University
Engineer of the Archaeological laboratory**

Kuptsova L.V.

**Orenburg, Russian Federation, Orenburg State Pedagogical University
Candidate of Historical Sciences, Head of the Archaeological laboratory**

Abstract: The article is devoted to the funeral ceremony and inventory of two women's pair burials of the 4th century BC, revealed in 2017 during the study of the barrow № 8 of the II mound burial ground at the village Imangulovo the 2nd in Oktyabrsky district of the Orenburg region.

Keywords: women's burials, Sarmatian culture, sacrificial complexes, weapons, jewelry, horse harness.

МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ПО МАТЕРИАЛАМ ОХЛЕБИНИНСКОГО МОГИЛЬНИКА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ДАННЫЕ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОСТЮМ

© 2018 г. Нечвалода Алексей Иванович (striwolf@mail.ru)

Ордена Знак Почета Институт истории,
языка и литературы УФИЦ РАН,

© 2018 г. Воробьева Светлана Леонидовна (sveta_legion@mail.ru)
ГБУКИ РБ Национальный музей Республики Башкортостан,
г.Уфа, Российская Федерация

Аннотация: В статье представлены результаты краниометрического анализа 29 черепов из Охлебнинского могильника кара-абызской культуры эпохи раннего железа. Черепа происходят из погребений нескольких хронологических групп: III-II вв. до н. э., II в. до н. э. – II в. н. э. и II-III вв. н.э. Серия черепов из Охлебнинского могильника демонстрирует европеоидные краниологические характеристики, в женской части серии присутствует небольшая монголоидная примесь. На основе анализа комплексов Охлебнинского могильника и данных антропологии, реконструированы мужские и женские костюмные комплексы из наибольших по выборке погребений II в. до н.э. – II в. н.э., а также были выделены возрастные особенности для женских погребений II в. до н.э. – II в. н.э.

Ключевые слова: Охлебнинский могильник, кара-абызская культура, краниология, антропология, костюмный комплекс

Среди погребальных памятников оседлого населения Приуралья, Прикамья и Среднего Поволжья Охлебнинский могильник по праву занимает особое место. По количеству захоронений (ориентировочно 15-20 тыс.), продолжительности функционирования с IV в. до н.э. по IV в. н.э. (8 столетий), хорошей сохранности остеологического материала, богатству сопровождающего инвентаря, большой информативности в области относительной и абсолютной хронологии ему нет равных в регионе.

Могильник находится в 5 км восточнее с. Охлебино Иглинского района Республики Башкортостан. Памятник открыт в 1964 г. разведочным отрядом Башкирского госуниверситета под руководством Г.И. Матвеевой. В 1965 г. экспедицией Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (ныне Уфимский научный центр РАН) под руководством А.Х. Пшеничнюка были произведены раскопки. В разных частях могильника заложено 6 раскопов и выявлено 115 погребений. Раскопки 1965 г. показали, что могильник относится к кара-абызской культуре эпохи раннего железа и занимает площадь не менее 40000 м². Черепа из раскопок 1965 года были переданы автором раскопок М.С. Акимовой, которая не успела их обработать в связи с болезнью.

В 1980 г. раскопки были возобновлены А.Х. Пшеничнюком. В трех раскопах вскрыто 189 погребений. В полевой сезон 1981 г. было выявлено 241 погребение, в 1982 г. – 90 погребений.

Таким образом, в течение четырех полевых сезонов (1965, 1980-1982 гг.) на Охлебининском могильнике исследовано 635 погребений [Пшеничнюк, 1968. С. 59-104; Он же, 1993. С. 32-61], что составляет не более 4–5% от общего количества предполагаемых могил.

Половозрастная характеристика Охлебининского могильника впервые дана А.Х. Пшеничнюком в 1968 г. Среди женских украшений автор выделяет 3 типа височных подвесок, 3 типа поясов, многообразие типов бус. Среди элементов мужского костюма он выделяет поясные наборы и пряжки [Пшеничнюк, 1968. С. 59-104].

Краниологический материал (11 мужских и 9 женских черепов) исследован С.Г. Ефимовой. По мнению автора, черепа в основном имеют «европеоидный» облик и не исключена небольшая монголоидная примесь [Ефимова, 1991б. С. 13-14].

В 1973 г. была опубликована кандидатская диссертация А.Х. Пшеничнюка, посвященная проблеме выделения кара-абызской археологической культуры, памятники которой расположены на территории среднего течения р. Белая протяженностью около 250 км, от г. Бирск на севере до с. Табынское на юге [Пшеничнюк, 1973. С. 62]. В публикации А.Х. Пшеничнюк, на основе анализа женских и мужских погребений выделяет 3 этапа в развитии кара-абызской культуры: 1 – IV-III вв. до н. э., 2 – III-II вв. до н. э., 3 – II в. до н. э. – II в. н. э. Им была предложена типология элементов убранства мужского и женского костюма, основанная на принципах морфологического различия предметов, погребения на «мужские» и «женские» разделены по наличию соответствующего «типичного для мужских или женских погребений» инвентаря. В этой работе А.Х. Пшеничнюк приводит графические реконструкции женского костюма по погребению 21 Охлебининского могильника (раскоп 1965 г.) [Пшеничнюк, 1973. С. 186. Рис. 13: 14].

В 1993 г. А.Х. Пшеничнюк пересматривает выделенные им ранее хронологические периоды развития кара-абызской культуры. Он обращает внимание на IV этап, датируемый II-III вв. н. э. Анализируя материалы Охлебининского могильника из раскопок 1980-82 годы, автор подробно распределяет погребальный инвентарь по четырем хронологическим группам. К числу датирующих элементов убранства костюма, характерных для последнего этапа, А.Х. Пшеничнюк относит бронзовые поясные накладки ромбической формы, бронзовые поясные пластинчатые пряжки круглой формы, пластинчатые пряжки овальной формы с боковой трубочкой, служившие, видимо, для пристегивания меча [Пшеничнюк, 1993].

Публикация краниологических материалов из Охлебининского некрополя впервые была осуществлена в 1981 году С.Г. Ефимовой [Ефимова, 1991а. С. 66, 67. Табл. 2]. Ею же были опубликованы средние размеры Охлебининской серии состоявшей из 11 мужских и 9 женских черепов, из погребальных комплексов датированных II в. до н. э. – I в. н. э. Сейчас они находятся на хранении в краниологическом собрании Научно-исследовательского института и Музея антропологии имени Д.Н. Анучина МГУ им. М.В. Ломоносова.

В связи с отсутствием в предыдущих исследованиях сравнений мужского и женского погребального костюма в зависимости от возраста погребенных из Охлебининского могильника, одним из авторов данной работы А.И. Нечвалодой был проведен анализ

краниологических материалов из раскопок А.Х. Пшеничнюка 1980-1982 гг. И на основе этих данных представлена краткая характеристика погребального костюма.

Исследованные материалы из Охлебининского могильника составили серию из 14 мужских и 15 женских черепов¹⁹. По археологическим материалам черепа происходят из погребений следующих хронологических этапов: III-II вв. до н. э. (пп. 455, 520), II в. до н. э. – II в. н. э. (пп. 38, 39, 194, 205, 210, 220, 243, 306, 326, 344, 357, 476, 479, 514), II-III вв. н.э. (пп. 204, 291, 318, 478, 485)²⁰.

Р.М. Юсуповым публиковались ранее средние размеры некоторых краниометрических показателей 8 мужских черепов из раскопок Охлебининского могильника 80-х годов в сравнительном аспекте [Юсупов, 1992. С. 55. Табл.1]. А.И. Нечвалодой черепа были измерены заново по расширенной краниометрической программе (Табл. 1-2).

Табл. 1.

**Средние краниометрические показатели черепов из грунтового некрополя кара-
абызской культуры Охлебинино. Мужчины**

№ по Мартину	Признак по Мартину, Абиндеру, Гохману	N	X	s	min	max
1	Продольный диаметр	12	179.3	07.02.18	164.0	191.0
8	Поперечный диаметр	12	140.1	05.06.18	133.0	149.0
08:01:00	Черепной указатель	12	77.8	04.03.18	72.4	85.7
17	Высотный диаметр от ба.	9	133.7	01.04.00	127.0	139.0
17:01:00	Высотно-продольный указатель	9	74.5	02.07.18	71.3	80.4
17:08:00	Высотно-поперечный указатель	9	96.6	01.03.00	92.3	102.2
5	Длина основания черепа	12	98.4	04.04.18	89.0	107.0
9	Наименьшая ширина лба	9	100.4	03.09.18	94.0	105.0
20	Ушная высота	11	113.4	03.09.18	107.0	120.0
-	УПИЛ. Угол поперечного изгиба лба	12	136.8	04.03.18	132.0	143.5
11	Ширина основания черепа	12	127.9	06.07.18	120.0	144.0
45	Скуловой диаметр	10	131.9	04.03.18	126.0	139.0
40	Длина основания лица	8	96.4	05.01.18	86.0	104.0
40:05:00	Указатель выступания лица	8	96.2	03.01.18	91.5	100.0
48	Верхняя высота лица	12	68.3	4	64.0	79.0

¹⁹ Определения пола погребенных впоследствии были скорректированы в соответствии с наличием инвентаря в могилах.

²⁰ Датировка погребений определена С.Л. Воробьевой на основе относительной хронологии, предложенной А.Х. Пшеничнюком [Пшеничнюк. 1993] и скорректированной С.Л. Воробьевой [Воробьева. 2012].

48:09:00	Фацио-фронтальный указатель	11	69.5	05.01.18	63.7	79.8
48:17:00	Вертикальный фацио-церебральный	8	50.8	04.04.18	42.0	56,8
48:45:00	Верхний лицевой указатель	10	51.8	02.08.18	49.6	57.6
43	Верхняя ширина лица	12	105.7	03.06.18	99.0	112.0
46	Средняя ширина лица	11	99.4	04.07.18	94.0	108.0
55	Высота носа	12	50.0	02.08.18	46.0	56.0
54	Ширина носа	12	25.03.18	01.09.18	23.0	29.0
54:55:00	Носовой указатель	12	51.7	05.04.18	42.6	63.0
51	Ширина орбиты от mf	13	41.5	02.03.18	38.0	46.0
52	Высота орбиты	13	32.2	02.08.18	26.0	38.0
52:51:00	Орбитный указатель от mf	13	78.6	05.07.18	68.5	90.5
MC	Максиллофронтальная ширина	12	19.06.18	03.05.18	16.0	28.4
MS	Максиллофронтальная высота	12	06.05.18	01.02.18	04.04.18	8.6
MC:MS	Максиллофронтальный указатель	12	34.0	07.07.18	22.02.18	44.7
DC	Дакриальная ширина	12	25.02.18	02.02.18	21.0	29.0
DS	Дакриальная высота	12	13.0	02.06.18	09.06.18	18.6
<D	Дакриальный угол	12	88.7°	11.09.18	70.7°	106.0°
DS:DC	Дакриальный указатель	12	52.2	10.08.18	37.6	70.5
SC	Симотическая ширина	12	08.07.18	01.08.18	05.05.18	11.5
SS	Симотическая высота	12	03.08.18	01.01.00	02.07.18	6.5
<S	Симотический угол	12	98.3°	13.04.18	82.9°	127.7°
SS:SC	Симотический указатель	12	44.1	09.06.18	24.05.18	56.5
FC	Глубина клыковой ямки	12	01.05.00	02.01.18	01.01.00	8.4
77	Назомаллярный угол	13	138.9°	04.03.18	134.0°	147.8°
<Zm	Зигомаксиллярный угол	11	130.1°	04.08.18	122.8°	138.1°
32	Угол профиля лба от n	11	83.1	04.06.18	75.0	89.0
72	Общий лицевой угол	11	85.6	04.05.18	74.0	90.0
74	Угол альвеолярной части	10	71.9	04.05.18	66.0	79.0
75(1)	Угол выступания носа	10	27.08.18	08.05.18	14.0	42.0
-	Форма черепа сверху	14	-	-	-	-
	ellipsoides	-	-	-	-	-
	ovoides	8	-	-	-	-
	pentagonoides	4	-	-	-	-
	spheroides	2	-	-	-	-
	sphenoides	-	-	-	-	-

	rhomboides	-	-	-	-	-
-	Надпереносье (1-6)	14	03.05.18	-	-	-
-	Наружный затылочный бугор (0-5)	14	0.6	-	-	-
-	Сосцевидный отросток (1-3)	14	02.08.18	-	-	-
-	Нижн. край грушевидного отверстия	13	-	-	-	-
	anthropina	11	-	-	-	-
	infantilis	-	-	-	-	-
	fossae praenasalis	2	-	-	-	-
	sulcus praenasalis	-	-	-	-	-
-	Передне-носовая ость (1-5)	10	01.03.00	-	-	$\sqrt[3]{1 \times 8 \times 17}$
	Модуль массивности мозг. коробки	9	149.0	01.03.00	143.5	153.7
$\sqrt{1 \times 8}$	Модуль гор. сечения мозг. коробки	11	157.5	03.09.18	150.9	164.5
$\sqrt{45 \times 48}$	Модуль величины лицевого скелета	9	94.9	04.03.18	89.8	104.0
-	УЛС	29.0				
-	ПФЦ	89.2				
-	УДМЭ	25.7				
-	$\frac{\angle fmo + \angle zm}{2}$	134.5°				
-	$\frac{\angle S + \angle D}{2}$	93.5°				

Табл. 2.

Средние краниометрические показатели черепов из грунтового некрополя кара-абызской культуры Охлебинино. Женщины

№ по Мартину	Признак по Мартину, Абиндеру, Гохману	N	X	s	min	max
1	Продольный диаметр	12	169.5	07.06.18	158.0	184.0
8	Поперечный диаметр	11	130.8	01.05.00	124.0	139.0
08:01:00	Черепной указатель	11	77.3	04.08.18	70.6	84.1
17	Высотный диаметр от ва.	9	130.2	03.03.18	124.0	134.0
17:01:00	Высотно-продольный указатель	9	76.9	03.03.18	71.7	82.9

17:08:00	Высотно-поперечный указатель	8	100.2	04.07.1 8	92.7	108.0
5	Длина основания черепа	15	92.9	04.07.1 8	86.0	100.0
9	Наименьшая ширина лба	9	97.0	03.07.1 8	90.0	104.0
20	Ушная высота	10	111.9	02.02.1 8	110.0	117.0
-	УПИЛ. Угол поперечного изгиба лба	14	137.1°	05.02.1 8	128.3°	146.8°
11	Ширина основания черепа	10	117.7	02.04.1 8	113.0	121.0
45	Скуловой диаметр	10	123.7	05.07.1 8	116.0	133.0
40	Длина основания лица	9	93.7	03.02.1 8	90.0	99.0
40:05:00	Указатель выступания лица	9	96.6	01.03.0 0	93.8	102.0
48	Верхняя высота лица	13	65.0	03.07.1 8	58.0	70.0
48:09:00	Фацио-фронтальный указатель	13	70.1	04.03.1 8	63.2	77.3
48:17:00	Вертикальный фацио-церебральный	9	50.1	03.05.1 8	45.0	54.3
48:45:00	Верхний лицевой указатель	10	53.0	03.09.1 8	46.0	58.3
43	Верхняя ширина лица	13	98.7	03.04.1 8	94.0	106.0
46	Средняя ширина лица	11	92.3	04.08.1 8	86.0	101.0
55	Высота носа	13	48.1	2,4	43.0	51,0
54	Ширина носа	13	23.09.18	01.09.1 8	21.0	27.0
54:55:00	Носовой указатель	13	49.8	03.02.1 8	45.8	54.2
51	Ширина орбиты от mf	13	39.8	01.01.0 0	38.0	41.0
52	Высота орбиты	13	32.0	01.02.0 0	28.0	35.0
52:51:00	Орбитный указатель от mf	13	79.2	06.03.1 8	67.3	87.2
MC	Максиллофронтальная ширина	13	17.03.18	03.01.1 8	13.04.18	25.0
MS	Максиллофронтальная высота	13	05.06.18	01.03.1 8	01.04.00	7.5
MC:MS	Максиллофронтальны	13	33.1	01.09.0	16.0	44.0

	й указатель			0		
DC	Дакриальная ширина	12	22.02.18	03.04.18	18.05.18	31,0
DS	Дакриальная высота	12	10.06.18	02.03.18	07.04.18	14.0
< D	Дакриальный угол	12	95.4°	20.04.18	76.2°	145.0°
DS:DC	Дакриальный указатель	12	48.8	12	29.0	63.8
SC	Симотическая ширина	13	08.01.18	02.04.18	4,2	12.5
SS	Симотическая высота	13	03.03.18	01.02.18	01.04.18	5.8
< S	Симотический угол	13	104.9°	18,3	78.8°	143.5°
SS:SC	Симотический указатель	13	42.4	14.07.18	16.05.18	66,6
FC	Глубина клыковой ямки	13	04.02.18	2,1	01.01.18	7.7
77	Назомаллярный угол	13	140.9°	05.02.18	131.2°	148.0°
<Zm	Зигомаксиллярный угол	11	131.6°	03.06.18	125.8°	136.3°
32	Угол профиля лба от n	9	81.2°	05.06.18	73.0°	90.0°
72	Общий лицевой угол	9	86.4°	01.02.00	82.0°	89.0°
74	Угол альвеолярной части	9	69.9°	04.06.18	64.0°	76.0°
75(1)	Угол выступания носа	9	21.3°	07.04.18	9.0°	32.0°
-	Форма черепа сверху	15	-	-	-	-
	ellipsoides	-	-	-	-	-
	ovoides	11	-	-	-	-
	pentagonoides	3	-	-	-	-
	spheroides	-	-	-	-	-
	sphenoides	1	-	-	-	-
	rhomboides	-	-	-	-	-
-	Надпереносье (1-6)	01.09.18	-	-	01.01.00	3.0
-	Наружный затылочный бугор (0-5)	0.2	-	-	0.0	2.0
-	Сосцевидный отросток (1-3)	01.08.18	-	-	01.01.00	3.0
-	Нижн. край грушевидного отверстия	12	-	-	-	-
	anthropina	9	-	-	-	-

	infantilis	2	-	-	-	-
	fossae praenasalis	1	-	-	-	-
	sulcus praenasalis	-	-	-	-	-
-	Передне-носовая ость (1-5)	02.05.18		-	01.01.00	4.0
	Модуль массивности мозг. коробки	8	141.7	03.06.1 8	134.8	146.7
$\sqrt{1 \times 8}$	Модуль гор. сечения мозг. коробки	11	148.8	04.04.1 8	140.5	154.6
$\sqrt{45 \times 48}$	Модуль величины лицевого скелета	9	90.2	03.06.1 8	85.5	96.4
-	УЛС	42.4				
-	ПФЦ	88.2/89.7				
-	УДМЭ	20.6				
-	$\frac{\angle fmo + \angle zm}{2}$	136.9°				
-	$\frac{\angle S + \angle D}{2}$	100.1°				

Анализ основных краниологических признаков. Продольный диаметр на черепах мужчин из Охлебининского могильника варьирует от очень малой (164.0 мм) до очень большой величины (191.0 мм).

У женщин вариационный ряд данного признака также растянут, и захватывает диапазон крайних категорий. Арифметическая средняя у мужчин (179.3 мм) лежит в области средних, у женщин (169.5 мм) – малых значений признака. Величины среднего квадратического отклонения как у мужчин (7.2) так и у женщин (7.6) превышают стандартное значение (6.10). Половой диморфизм по данному признаку составляет 5.4 % (рис. 1, 1).

Табл. 3.

Охлебининский могильник. Основные средние краниометрические размеры и указатели мужских черепов

№ по Мартину	Признак по Мартину, Абиндеру, Гохману	N	X	SD	min	max
1	Продольный диаметр	12	179.3	7.2	164.0	191.0
8	Поперечный диаметр	12	140.1	5.6	133.0	149.0
17	Высотный диаметр от ба.	9	133.7	4.0	127.0	139.0
5	Длина основания черепа	12	98.4	4.4	89.0	107.0
9	Наименьшая ширина лба	9	100.4	3.9	94.0	105.0
20	Ушная высота	11	113.4	3.9	107.0	120.0
-	УПИЛ. Угол поперечного изгиба лба	12	136.8	4.3	132.0	143.5
11	Ширина основания черепа	12	127.9	6.7	120.0	144.0
45	Скуловой диаметр	10	131.9	4.3	126.0	139.0
40	Длина основания лица	8	96.4	5.1	86.0	104.0

48	Верхняя высота лица	11	69.5	5.1	63.7	79.8
43	Верхняя ширина лица	12	105.7	3.6	99.0	112.0
46	Средняя ширина лица	11	99.4	4.7	94.0	108.0
55	Высота носа	12	50.0	2.8	46.0	56.0
54	Ширина носа	12	25.3	1.9	23.0	29.0
51	Ширина орбиты от mf	13	41.5	2.3	38.0	46.0
52	Высота орбиты	13	32.2	2.8	26.0	38.0
MC	Максиллофронтальная ширина	12	19.6	3.5	16.0	28.4
MS	Максиллофронтальная высота	12	6.5	1.2	4.4	8.6
DC	Дакриальная ширина	12	25.2	2.2	21.0	29.0
DS	Дакриальная высота	12	13.0	2.6	9.6	18.6
<D	Дакриальный угол	12	88.7°	11.9	70.7°	106.0°
SC	Симотическая ширина	12	8.7	1.8	5.5	11.5
SS	Симотическая высота	12	3.8	1.0	2.7	6.5
<S	Симотический угол	12	98.3°	13.4	82.9°	127.7°
77	Назомаллярный угол	13	138.9°	4.3	134.0°	147.8°
<Zm	Зигомаксиллярный угол	11	130.1°	4.8	122.8°	138.1°
32	Угол профиля лба от n	11	83.1	4.6	75.0	89.0
72	Общий лицевой угол	11	85.6	4.5	74.0	90.0
75(1)	Угол выступания носа	10	27.8	8.5	14.0	42.0
8:1	Черепной указатель	12	77.8	4.3	72.4	85.7
48:45	Верхний лицевой указатель	10	51.8	2.8	49.6	57.6
40:5	Указатель выступания лица	8	96.2	3.1	91.5	100.0
54:55	Носовой указатель	12	51.7	5.4	42.6	63.0
52:51	Орбитный указатель от mf	13	78.6	5.7	68.5	90.5
MC:MS	Максиллофронтальный указатель	12	34.0	7.7	22.2	44.7
DS:DC	Дакриальный указатель	12	52.2	10.8	37.6	70.5
SS:SC	Симотический указатель	12	44.1	9.6	24.5	56.5

Приведенные в таблице 3 средние краниометрические показатели позволяют нам дать общую краниологическую характеристику мужских черепов из Охлебининского могильника. Она такова.

Черепная коробка мужчин характеризуются средними размерами всех диаметров. Мозговая капсула мезокранная по черепному указателю и преимущественно овоидная по форме. По высотно-продольным пропорциям черепа ортокранные (средние). По высотно-поперечному указателю – метриокранные (средние). Лоб широкий, с хорошо развитым рельефом надпереносья, угол наклона лба средний. Угол лба по линии фронто-темпоральных точек – 136.8°, попадает в категорию европеоидных значений.

Лицо средневысокое, среднеширокое, по верхнелицевому указателю - мезен, в вертикальной плоскости ортогнатное по общему лицевому углу и по указателю выступания лица. Показатель горизонтальной профилировки на орбитальном уровне имеет среднюю величину. На среднем уровне лицевой скелет имеет более резкую профилировку.

Общая профилированность лица – 134.5°; общая профилированность переносья – 93.5°; модуль профилированности лица и переносья -114.0; указатель профилированности – 69.5. Орбиты не высокие и широкие, мезоконхные по орбитному указателю.

Нос невысокий, средний по ширине, хамеринный (широкий) по пропорциям, ширина и высота носовых костей средняя, при большой ширине и значительной высоте области переносья. В связи с этим дакриальный угол не превышает 90°, симотический угол – 98.3°. Угол выступания носа средний. Передненосовая ость имеет среднее развитие. Нижний край грушевидного отверстия преимущественно заостренных форм, на двух черепах зафиксированны передненосовые ямки.

Монголоидная примесь в составе мужских черепов из Охлебинино по УЛС (29.0) составляет 15.0 %, что характеризует их как «чистых» европеоидов, также как и по величине ПФЦ (89.2) демонстрирующем преобладание европеоидных особенностей в группе.

Череп женщины из Охлебинино (см. табл. 4) также характеризуются средними величинами продольного и высотного диаметров при небольшой величине поперечного диаметра мозговой коробки, по черепному указателю мезокранные. По высотным продольным соотношениям диаметров женские черепа гипсикранные (высокие), по высотно-поперечным пропорциям, также как и мужские – акрокранные (высокие). Лоб широкий, угол наклона лба в области малых значений. Угол поперечного изгиба лба – 137.0°

Табл. 4.

Охлебининский могильник. Основные средние краниометрические размеры и указатели женских черепов

№ по Мартину	Признак по Мартину, Абиндеру, Гохману	N	X	SD	min	max
1	Продольный диаметр	12	169.5	7.6	158.0	184.0
8	Поперечный диаметр	11	130.8	5.0	124.0	139.0
17	Высотный диаметр от ba.	9	130.2	3.3	124.0	134.0
5	Длина основания черепа	15	92.9	4.7	86.0	100.0
9	Наименьшая ширина лба	9	97.0	3.7	90.0	104.0
20	Ушная высота	10	111.9	2.2	110.0	117.0
-	УПИЛ. Угол поперечного изгиба лба	14	137.1°	5.2	128.3°	146.8°
11	Ширина основания черепа	10	117.7	2.4	113.0	121.0
45	Скуловой диаметр	10	123.7	5.7	116.0	133.0
40	Длина основания лица	9	93.7	3.2	90.0	99.0
48	Верхняя высота лица	13	65.0	3.7	58.0	70.0
43	Верхняя ширина лица	13	98.7	3.4	94.0	106.0
46	Средняя ширина лица	11	92.3	4.8	86.0	101.0
55	Высота носа	13	48.1	2.4	43.0	51.0
54	Ширина носа	13	23.9	1.9	21.0	27.0
51	Ширина орбиты от mf	13	39.8	1.0	38.0	41.0
52	Высота орбиты	13	32.0	2.0	28.0	35.0
МС	Максиллофронтальная	13	17.3	3.1	13.4	25.0

	ширина					
MS	Максиллофронтальная высота	13	5.6	1.3	4.0	7.5
DC	Дакриальная ширина	12	22.2	3.4	18.5	31,0
DS	Дакриальная высота	12	10.6	2.3	7.4	14.0
< D	Дакриальный угол	12	95.4°	20.4	76.2°	145.0°
SC	Симотическая ширина	13	8.1	2.4	4,2	12.5
SS	Симотическая высота	13	3.3	1.2	1.4	5.8
< S	Симотический угол	13	104.9°	18,3	78.8°	143.5°
77	Назомаллярный угол	13	140.9°	5.2	131.2°	148.0°
< Zm	Зигомаксиллярный угол	11	131.6°	3.6	125.8°	136.3°
32	Угол профиля лба от n	9	81.2°	5.6	73.0°	90.0°
72	Общий лицевой угол	9	86.4°	2.0	82.0°	89.0°
75(1)	Угол выступания носа	9	21.3°	7.4	9.0°	32.0°
8:1	Черепной указатель	11	77.3	4.8	70.6	84.1
48:45	Верхний лицевой указатель	10	53.0	3.9	46.0	58.3
40:5	Указатель выступания лица	9	96.6	3.0	93.8	102.0
54:55	Носовой указатель	13	49.8	3.2	45.8	54.2
52:51	Орбитный указатель от mf	13	79.2	6.3	67.3	87.2
MC:MS	Максиллофронтальный указатель	13	33.1	9.0	16.0	44.0
DS:DC	Дакриальный указатель	12	48.8	12.0	29.0	63.8
SS:SC	Симотический указатель	13	42.4	14.7	16.5	66.6

Лицо средневысокое, среднеширокое, по верхнелицевому указателю – мезен, в вертикальной плоскости ортогнатное по общему лицевому углу и по указателю выступания лица. Показатели горизонтальной профилировки лица как на орбитальном так и на среднем уровне лицевого скелета – в категории средних величин.

Общая профилированность лица – 137.0°; общая профилированность переносья – 100.0°; модуль профилированности лица и переносья – 118.2; указатель профилированности – 73.0. Орбиты не высокие, среднеширокие, мезоконхные по орбитному указателю.

Нос невысокий, средний по ширине, хамеринный (широкий) по пропорциям, ширина и высота носовых костей средняя, при большой ширине и значительной высоте области переносья. Дакриальный угол не превышает 95.4°, симотический угол – 105.0°. Угол выступания носа средний.

Передненосовая ость имеет среднее развитие. Нижний край грушевидного отверстия преимущественно заостренных форм, на двух черепах встретился притупленный край, на одном черепе передненосовые ямки.

Примесь монголоидных особенностей по УЛС (42.4) в составе женских черепов из Охлебининский могильник составляет 37.4% и характеризует их как метисные формы.

В целом серия черепов из Охлебининского могильника демонстрирует европеоидные краниологические характеристики. В женской части серии улавливается небольшая монголоидная примесь.

Погребальный костюм. А.И. Нечвалодой даны поло-возрастные определения для 29 погребений Охлебининского могильника. Определения по полу скорректированы в

дальнейшем по сопровождающему погребальному инвентарю. Возрастные характеристики представлены следующими пределами: юношеский (Juvenis) (12/13-17/18 лет), взрослый (Adultus) (19-34 лет), зрелый (Maturus) (Maturus I – 35-44 лет, Maturus II – 45-55 лет), зрелый/старческий (Maturus/ Senilis) (55 лет и старше). По сопровождающему инвентарю погребения были разделены на хронологические группы, выделенные А.Х. Пшеничнюком и скорректированные С.Л. Воробьевой (см. примечание выше). Безинвентарные погребения и неопределяемые по порядковому номеру были исключены при характеристике погребального костюма. Самая большая выборка представлена погребениями II в. до н. э. – II в. н. э. (см. табл. 5, 7) – 12 женских и 3 мужских комплекса. К II-III вв. н.э. (см. табл. 6, 8) относится 3 женских и 2 мужских комплекса. К III-II вв. до н. э. отнесено 2 мужских комплекса (см. табл. 9).

В предыдущих исследованиях было определено, что во II в. до н.э. – II в. н.э. происходит наибольший демографический всплеск кара-абызского населения и именно в это время кара-абызский костюм наиболее унифицирован [Воробьева, 2012. С. 21]. При всем многообразии, четко выделяются женские и мужские поясные наборы, обувные украшения. Доминирующим этническим признаком становятся пояса и украшения, свернутые в ногах. В качестве родового и социального маркера выступают височные подвески и состав пояса. Выделяются бедные погребения с одной дисковидной бляхой и погребения с золотыми височными подвесками, кореллирующими с двумя дисковидными бляхами в составе богатого поясного набора. Сравнение инвентаря женских погребений Охлебининского могильника этого периода по возрастному критерию (Juvenis – 4 погр., Adultus – 5 погр., Maturus I – 1 погр., Maturus II – 2 погр.) показало, что в погребениях юных женщин (Juvenis) отсутствуют пряслица, а в комплексах зрелых женщин (Maturus) сокращается количество поясных накладок в виде голов грифонов (рис. 3, А-б). Наличие золотых височных подвесок и украшений, уложенных в ногах женщин (поясные наборы и шейно-нагрудные украшения) не зависело от возраста погребенных, а является, скорее всего социальным или родовым маркером.

В мужском погребальном костюме II в. до н.э. – II в. н.э. в основном имеются следующие элементы убранства костюма: умбоновидные пряжки, бронзовые поясные пряжки с неподвижным крючком (рис. 3, Б-5), накладки на пояс из зубов медведей, бронзовые обувные пряжки с неподвижным язычком (рис. 3, Б-11,12), ременные подвески. Так выборка из трех погребений, в которых был определен возраст, мала для сравнения, на данный момент возрастные особенности погребального костюма выделить не представляется возможным.

На основе анализа комплексов Охлебининского могильника и данных антропологии, реконструированы мужские и женские костюмные комплексы из погребений кара-абызской культуры II в. до н.э. – II в. н.э. Как было отмечено выше, серия черепов из Охлебининского могильника демонстрирует европеоидные краниологические характеристики. В женской части серии улавливается небольшая монголоидная примесь.

Табл. 5.

Охлебининский могильник. Женские погребения II в. до н.э. – II в. н.э.

Номер погребения	Возраст	Ориентировка	Кость животного	Сосуд (кол-во)	Пряслице (тип)	Нож	Бусы	Переть	Височные подвески (тип)	Поясной набор		Украшения, уложенные в ногах погребенного	
										диск видная бляха (кол-во)	Накладки с изображением голов грифонов (кол-во)	Нагрудные украшения и подвески	Остатки коры и кожи
38/I	juven adult	СЗ 3	- +	1 2	- каменное дисковидное	+ +	+ -	- -	- Золотые височные подвески в виде кольца с опущенной спиралью	1 1	11 22	+ +	+ +
39/I	adult	ЮЗ	+	1	каменное	-	-	-	Бронзовая височная подвеска петлевидной формы	1	3		
194/IV п.205/ IV	mat II	СЗ	+	1	-	+	+	-	Золотая височная подвеска со спиральной трубицей	2	11	+	+
п.220/ IV	juven	3	-	-	плоское глиняное	-	+	-	одна петлевидная, одна трапециевидная и одна в виде обычного колечка	1	3	-	-
п.246/ IV	adult	3	+	1	плоское из светлого желтого камня	-	+	-	-	1	17	+	+

п.306/ IV	juven	ЮВ	-	1	-	+	-	-	-	2 очковидные и 2 в виде колечка со спиральной трубицей	1	-	-	-
п.326/ IV	mat II	ЗЮЗ	+	1	каменное плоское	+	-	-	-	трапециевидные	1	7	-	-
п.344/ IV	mat I	СЗ	-	-	-	+	+	-	-	-	1	3	-	-
п.357/ IV	adult	СЗ	+	-	Плоское глиняное	+	-	-	-	трапециевидная и кольцевидная	1	5	-	-
п.476/ XI	juven	ССВ	+	-	-	-	+	+	+	-	1	15	+	+
п.514/ XI	adult	ЮВ	-	-	из красного песчаника	-	+	-	-	-	-	-	-	-

Табл. 6.

Охлебнинский могильник. Женские погребения II-III вв. н.э.

Номер погребения	Возраст	Ориентировка	Кость животного	Сосуд (кол-во)	Пряслице (тип)	Нож	Бусы	Гривна	Фибула	Височные подвески (тип)	Поясной набор			Перстень
											дисковидная бляха (кол-во)	Накладки с изображением голов грифонов (кол-во)	Пряжки	
п.204/ IV	mat II	ССЗ	-	-	глиняное биконическое	-	-	-	-	височная бронзовая подвеска со спиральной трубицей	-	-	-	-
п.291/ IV	adult	ЮЮВ	-	1	каменное пряслице с резным сложным	+	+	2 штуки	-	2 очковидные, 2 в виде колечка со спиральной	1	1	-	-

Охлебенинский могильник. Мужские погребения III-II вв. до н.э.

Номер погребения	Возраст	Погребальный обряд	Поясная костяная пряжка	Обувные пряжки	Нож	Сосуд (количество)	Костяные наконечники стрел (количество)	Железные наконечники и стрел (количество)
п.455/X	mat II	СЗ	+	-	-	1	5	1
п. 520/XI	adult	СЗ						20

Список литературы

Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа: IV в. до н.э. – IV в. н.э. Автореферат диссертации на соискание ученой степени. кандидата исторических наук. Ижевск, 2012. 24 с

Ефимова С.Г. К краниологии раннего железного века Волго-Камья // Вопросы антропологии. Вып. 67. 1991а. С. 64-73.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991б. 95 с.

Пшеничнюк А.Х. Охлебенинский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. III. / под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 59-104.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. V. / под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162-243.

Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебенинского могильника // Хронология памятников Южного Урала: Сб. ст. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1993. С. 32-61.

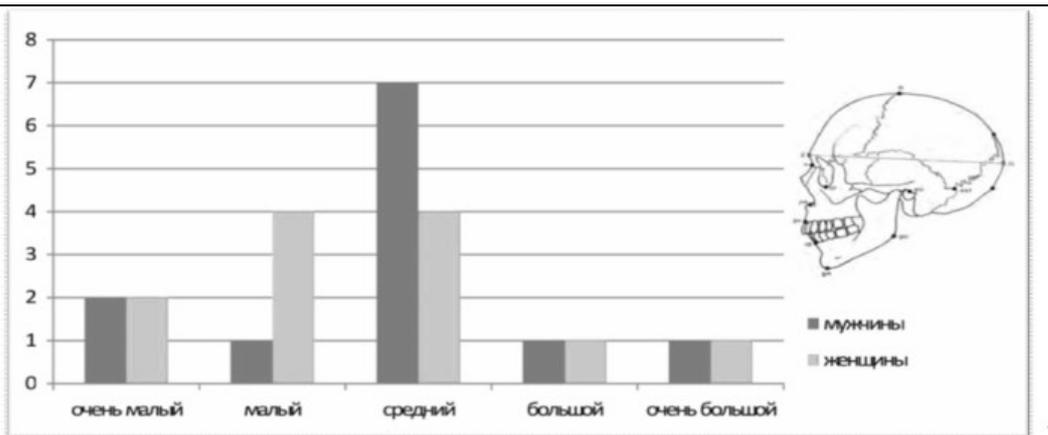
Юсупов Р.М. Об уралоидном компоненте в антропологическом типе башкир // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа, 1992. С. 55.

MALE AND FEMALE BURIALS OF THE REPRESENTATIVES OF THE KARA-ABYZ CULTURE
ACCORDING TO THE MATERIALS FOUND AT THE OKHLEBININO BURIAL SITE:
ANTHROPOLOGICAL EVIDENCE AND BURIAL CLOTHING

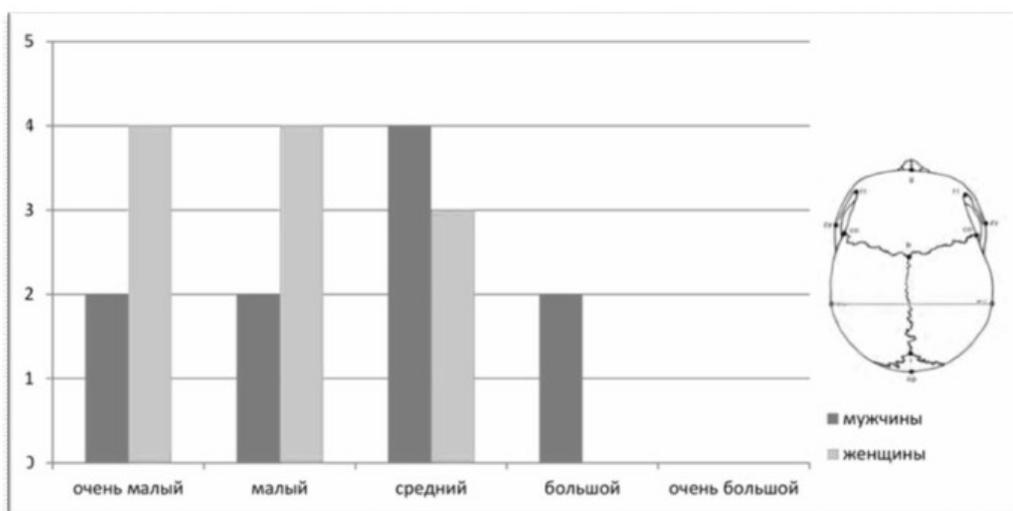
A.I. Nechvaloda
S.L. Vorobyeva

Abstract: The article presents a craniometric analysis of 29 skulls from the Okhlebinino burial site belonging to the Kara-Abyz culture of the Early Iron Age. The skulls are classified into several chronological groups: from the 3rd to the 2nd century BC, from the 2nd century BC to the 2nd century AD and from the 2nd to the 3rd century AD. This skull series from the Okhlebinino burial site reveals Europoid craniological characteristics, with slight Mongoloid traces in its female part. Based on the analysis of the Okhlebinino complexes and anthropological evidence we have reconstructed male and female garment sets from the largest samples of burials dated back to the period between the 2nd century BC and the 2nd century AD and also identified the age-specific features for female burials of the same time.

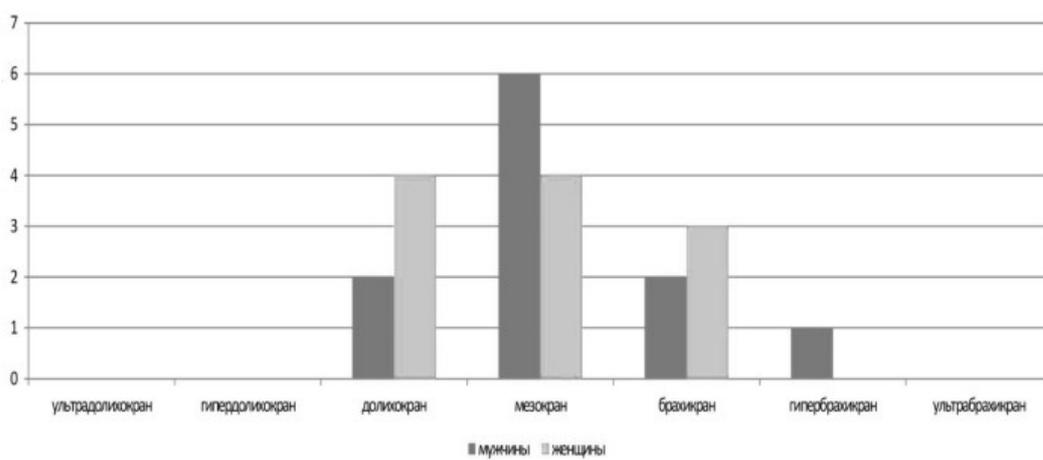
Keywords: Okhlebinino burial site, Kara-Abyz culture, craniology, anthropology, garment complex

1

2

3

Рис. 1. Охлебининский могильник

- 1 – гистограмма изменчивости продольного диаметра мозговой коробки,
- 2 – гистограмма изменчивости поперечного диаметра мозговой коробки,
- 3 – гистограмма изменчивости поперечного черепного указателя

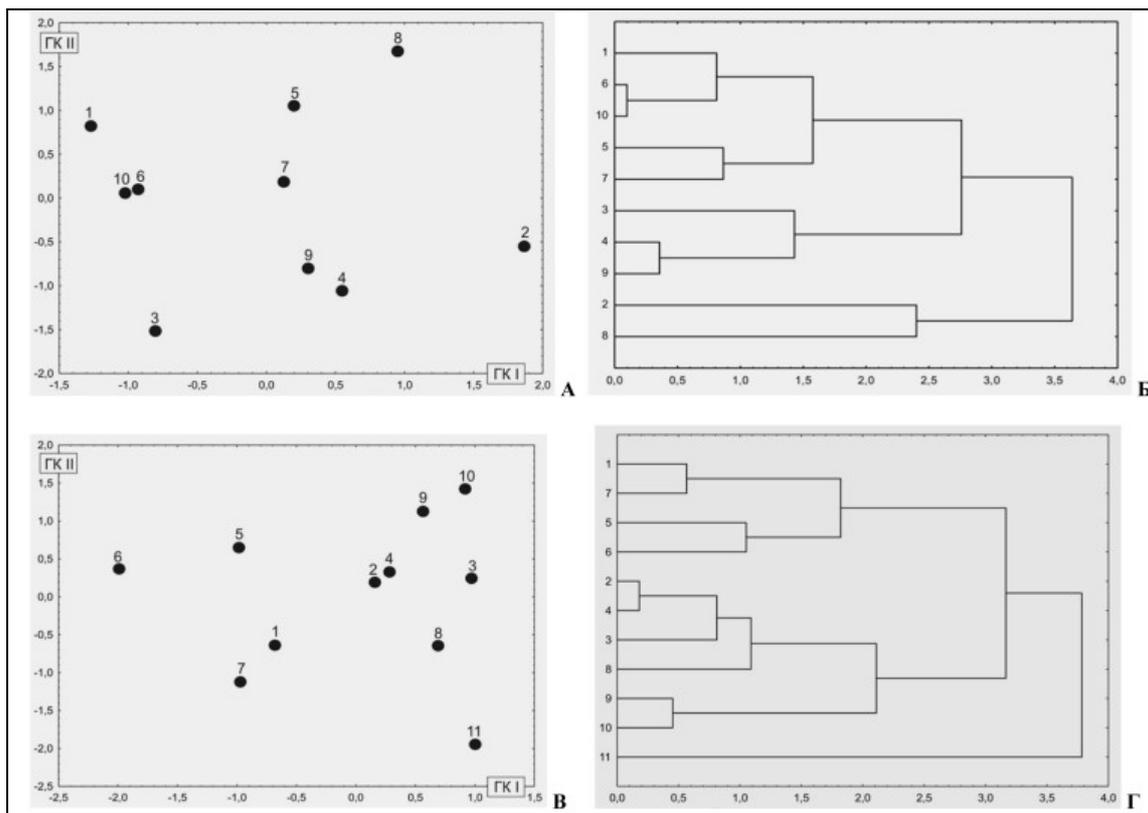

Рис. 2. Охлебнинский могильник.

А – о положение мужских черепов в пространстве первой и второй главных компонент: 1 – № 52; 2 – № 205/4; 3 – № 326/4; 4 – № 344/4; 5 – № 455; 6 – № 478; 7 – № 479; 8 – № 514; 9 – № «Б»; 10 – № «П»;

Б – дендрограмма, построенная по результатам кластеризации анализа главных компонент мужских черепов: 1 – № 52; 2 – № 205/4; 3 – № 326/4; 4 – № 344/4; 5 – № 455; 6 – № 478; 7 – № 479; 8 – № 514; 9 – № «Б»; 10 – № «П»; В – положение женских черепов в пространстве первой и второй главных компонент: 1 – № 38/2; 2 – № 39; 3 – № 129; 4 – № 194/4; 5 – № 204/4; 6 – № 220/4; 7 – № 291/4; 8 – № 306/4; 9 – № 357/4; 10 – № 485; 11 – № 500;

Г – дендрограмма, построенная по результатам кластеризации анализа главных компонент. Женщины: 1 – № 38/2; 2 – № 39; 3 – № 129; 4 – № 194/4; 5 – № 204/4; 6 – № 220/4; 7 – № 291/4; 8 – № 306/4; 9 – № 357/4; 10 – № 485; 11 – № 500

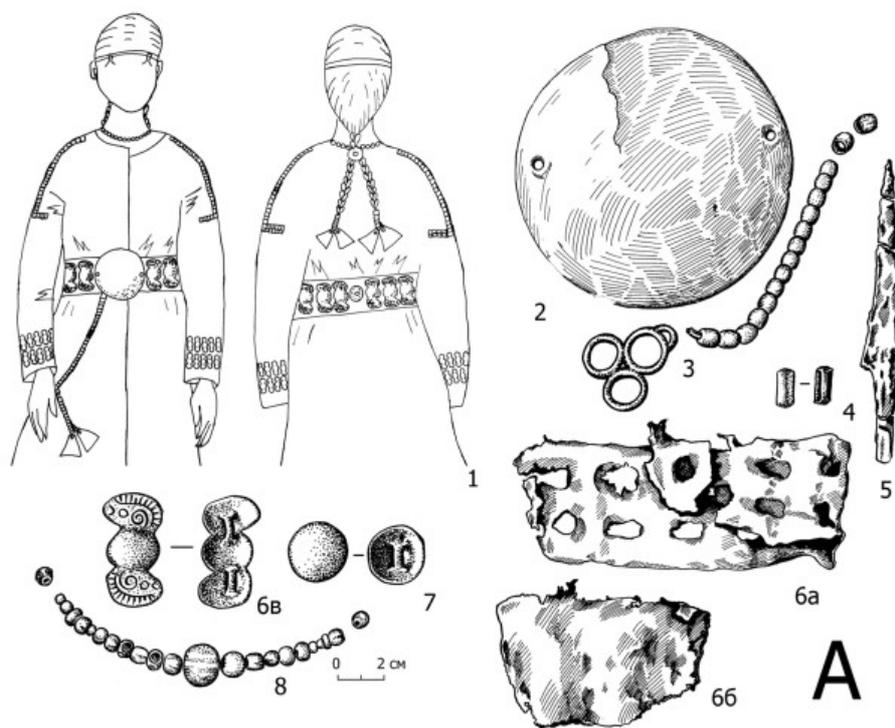

Рис. 3. Охлебининский могильник

Инвентарь и реконструкция женского (А – погр. 38) и мужского (Б – погр. 173) костюмов
II в. до н.э. – II в. н.э.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ДЕТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ШИПОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2018 г. Проценко Антон Сергеевич (anton.procenko@mail.ru)

ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа», г. Уфа, Россия

Заикина Наталья Андреевна (natalizaikina1110@mail.ru)

ФГБОУ ВО БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия

Аннотация: *Статья посвящена анализу погребального обряда детских погребений Шиповского могильника кара-абызской культуры. Носители этой культуры занимали незначительные территории в среднем течении р. Белой, но сумели при этом оставить один из самых крупных могильников в Восточной Европе – Охлебининский, вблизи которого выявлено еще несколько больших некрополей (Шиповский, Биктимировский и др.). В связи с отсутствием антропологического определения возраста детей, определить этапы социализации в кара-абызском обществе, не представляется возможным. Результаты исследования показали, что снабжение детей было, видимо, менее обязательным, чем при погребении взрослых и подростков, которые заметно выделяются более частым присутствием предметов сопроводительного инвентаря, не встречаемых в захоронениях детей.*

Ключевые слова: *кара-абызская культура, Шиповский могильник, погребальный обряд, детские погребения.*

Вводная часть. Категория индивидов возрастом до 15 лет численно заметно превалировала в древности над другими возрастными группами. Древние сообщества, в отличие от современных, были достаточно «молодыми». Следовательно, и значительная часть повседневной деятельности была возложена на тех, кого мы сегодня привыкли считать детьми [Берсенева, Гильмитдинова, 2013.С. 36].

Погребальный обряд является одним из основных определяющих признаков археологической культуры. Высокая информативность материалов погребений признается всеми археологами, но исследователи придают им различное значение с точки зрения возможностей восстановления целостной системы взглядов древнего общества на роль, связи индивидуумов и их социальных групп в реальном и загробном мире [Клейн, 2013.С. 80].

Погребальный обряд кара-абызской культуры. Захоронения на могильниках, как и в ананьинскую эпоху, совершались в простых грунтовых ямах прямоугольной формы. Для мужских погребений кара-абызской культуры характерны предметы вооружения и конского снаряжения, для женских – предметы украшений. В могилах фиксируются сосуды и кости животных (конечности овец и свиней). В женских погребениях с рубежа нашей эры пояса лежат на костяке или рядом с ним, а нагрудные украшения находятся в ногах [История башкирского народа, 2009. С. 227].

Одним из авторов данной работы, погребальный обряд детских захоронений кара-абызской культуры уже рассматривался. На примере материалов грунтовых могильников (Охлебининского, I и III Биктимировского) была сформирована случайная выборка и проведена суммарная характеристика погребального обряда. Результаты показали, что в кара-абызском обществе дети погребались в одной манере с взрослыми, но в сопровождении

более скудного инвентаря [Проценко, 2017. С. 123-124]. Настоящая работа продолжает исследование погребальной обрядности детских погребений на основе анализа захоронений Шиповского некрополя.

Шиповский могильник расположен в 25 км юго-восточнее г. Уфа, на правом высоком и обрывистом берегу р. Белая, на окраине д. Шипово Иглинского района Республики Башкортостан. В результате многолетних исследований А.Х. Пшеничнюка было установлено, что в хронологическом отношении памятник состоит из трех частей – Старший Шиповский могильник содержал погребения ананьинского времени и эпохи средневековья (начало II тыс. н.э.), а Младший Шиповский комплекс IV в. до н.э. – IV в. н.э. Последний делится на две части – курганную и грунтовую, расположенные между Старшим Шиповским могильником и подкурганными погребениями [Овсянников и др., 2007.С. 4].

На могильнике выделены три курганные группы: I группа, которая датируется IV-III вв. до н.э.; II группа – III-I вв. до н.э. [Пшеничнюк, 1976. С. 36; Овсянников и др., 2007. С. 81] и III курганная группа, выявленная в 1999 г. расположенная в 100 м к северу от группы II на узком серповидном мысу [Овсянников и др., 2007. С. 54]. Грунтовые погребения в хронологическом отношении четко делятся на две группы: ранние, рубежа эр (на основании датировки бронзовых пряжек) и поздние, II – первой половины IV в. н.э. [Овсянников и др., 2007.С. 83].

Значительная площадь (около 2 000 кв.м.) вскрытая на грунтовой части могильника позволила исследователям провести анализ планиграфии Шиповского могильника.

По мнению В.В. Овсянникова исследованные погребения довольно четко делятся на участки – родовые или большесемейные. Как правило, родовой участок отделен от соседних пустым безмогильным пространством (от 3 до 10 м). На этой «нейтральной» территории часто встречаются детские захоронения, реже захоронения взрослых, как правило, с бедным инвентарем либо безынвентарные. Внутри участка погребения сгруппированы в ряды. Как правило, время заполнения участка укладывается в одно столетие, т.е. на протяжении 3 поколений. Можно с большой долей вероятности утверждать, что люди, похороненные в одном ряду, были современниками и принадлежали к 2 поколениям.

На основании этого на Шиповском могильнике исследователями, были выделены территориально-хронологические группы погребений. Показательно, что одновременно использовалось не более 2 участков. По мере заполнения захоронения переносились на другие участки. Хронологически близкие погребения не нарушают друг друга.

Состав и количество погребального инвентаря в погребениях примерно одинаковы. Они подчеркивают резкую половозрастную градацию кара-абызского общества. Для мужчин характерно оружие, как правило, охотничье (колчан со стрелами и копье), реже боевое (клинок), и принадлежности костюма. Юноши и пожилые мужчины часто погребались без оружия. Женские погребения различаются в основном по составу украшений. Здесь погребения девочек и пожилых женщин также не отличаются обилием украшений. Наибольшее количество металлических деталей одежды и украшений содержат погребения молодых и зрелых женщин. Это гривны, браслеты, серьги, ожерелья из бус, перстни, кожаный пояс с поясной бляхой-зеркалом и бронзовыми поясными зооморфными

накладками. Количество накладок в погребениях различно, видимо, их число имело сакральное значение [История башкирского народа, 2009. С.242, 245].

В исследовании использованы материалы, полученные в ходе работы экспедиции Института истории, языка и литературы (1965-1967, 1969, 1972 и 1978 гг.) под руководством А.Х. Пшеничнюка и материалы, опубликованные в коллективной монографии [Овсянников и др., 2007] по результатам раскопок рассматриваемого некрополя 1989-1994 гг. Всего было проанализировано 471 погребение (56 подкурганных и 415 грунтовых), из которых 96 (20,4%) (6 подкурганных и 90 грунтовых) захоронений исследователи отнесли к детским.

Прежде чем приступить к характеристике погребального обряда детских захоронений, следует отметить, что половозрастных определений в целом по кара-абызской культуре, несмотря на значительное количество исследованных погребальных комплексов получено незначительно. Тезисно остановимся на результатах антропологов, которые работали с материалами рассматриваемой культуры. Антропологические определения М.С. Акимовой были получены по Биктимировскому могильнику, серия включает 7 мужских, 6 женских и 1 детский череп [Акимова, 1968. С. 20-29]. С.Г. Ефимова оперировала в своем исследовании материалами из двух могильников, антропологические определения были получены по 36 костякам: по Охлебининскому – 11 мужских и 9 женских; по Шиповскому – 11 мужских и 5 женских [Ефимова, 1981]. Р.М. Юсуповым были опубликованы средние данные по 8 мужским черепам из Охлебининского могильника. А.И. Нечвалода опубликовал материалы из могильника Кара-абыз II, серия включает 3 мужских и 4 женских черепа [Нечвалода, 2012. С. 249-250]. Определения пола погребенных из раскопа XIII (исследования 1991, 1993 гг.) были выполнены сотрудником УНЦ РАН А.А. Вильдановым [Овсянников и др., 2007. С. 20].

В связи с отсутствием антропологического определения возраста детей, определить этапы социализации в кара-абызском обществе, к примеру, как это сделано по материалам могильников сарматского населения Нижнего Поволжья [Балабанова и др, 2015; Балабанова, 2017], не представляется возможным.

Результаты исследований. Подкурганная группа захоронений. Из 56 исследованных погребений к детским было отнесено 6 захоронений, которые были обнаружены в I курганной группе: кург. 5, погр. 1; кург. 7, погр.2 и 4; кург. 9, погр. 1; кург. 10, погр. 2 и 3.

Все курганы земляные, сильно оплывшие, небольших размеров, диаметр составляет 7-12 м, высота 0,15-0,35 м. Детские захоронения совершены в простых индивидуальных могильных ямах, глубиной от современной поверхности от 0,45 м до 0,75 м, с углублением в материк 0,15-0,25 м по обряду ингумации, на периферии кургана. Размеры могильной ямы варьируются от 1,05x0,5 до 1,3x0,8 м. Ориентировка погребений северная (2 погр.) с небольшим отклонением к северо-западу (2 погр.), в одном погребении костяк ребенка лежал головой на восток, а в другом случае ориентировка не установлена.

В пяти погребениях сопроводительный инвентарь отсутствовал. Особняком стоит погр.1, кург. 5, которое содержало: 2 трапециевидные подвески, раковина, 18 мелких бронзовых обоймочек, 23 бронзовых полушарных бляшки, височные подвески, бронзовые гофрированные и гладкие обоймочки (5 крупных и 10 мелких), подвески в виде лука, гиревидная подвеска, бронзовый крючок [Пшеничнюк, 1976.С. 80].

Грунтовая группа захоронений. Всего в анализируемой выборке представлено 415 грунтовых погребений, 90 захоронений (содержащие 92 костяка), исследователи отнесли к детским.

Захоронения совершались в простых могильных ямах глубиной от современной поверхности от 0,16 до 0,8 м по обряду ингумации. Размеры могильной ямы не коррелируются с количеством или «качеством» сопроводительного инвентаря. Во всех погребениях, в которых удалось проследить положение костяков, они лежали на спине, вытянуто. Ориентировка в большинстве погребений северная (16,3%) и северо-западная (29,3%) или западная (10,9%), в 23,9% не определяется в связи с плохой сохранностью костных остатков. В качестве ритуальных признаков в трех погребениях находилась керамическая посуда (установленная в изголовье), в семи – кости животных (возможно, остатки сопроводительной пищи), которые были расположены в изголовье.

Выделяется заметная группа безынвентарных погребений – 33 захоронения (36,7%).

Большинство детей были захоронены в индивидуальных могильных ямах. Зафиксированы два тройных погребения, где двое детей были захоронены вместе с женщиной (*Adultus*) (раскоп XIII, погр. 268 и 298).

Вещевой инвентарь не слишком разнообразен. В 19,6% случаев в погребении представлена одна категория инвентаря: бронзовые бляшки (в 5 погр.), обоймы (в 3-х погр.), бляшки с ушком на обороте (в 6 погр.), бусиной и пластиной (1 погр.). Наиболее распространенным являются браслеты (выявлены в 13,4% погребений), украшения в виде бус 10,9% и бронзовые пронизки (9,8%). В двух погребениях найдены астрагалы, в том числе со сквозными отверстиями (раскоп XIII, погр. 268). Пряжки различных форм зафиксированы в пяти погребениях, из которых в трех – бронзовые и по одному экземпляру костяная и железная, в двух – трапециевидная подвеска.

Предметы вооружения и конской упряжи не обнаружены. Предметы быта представлены в трех погребениях – железными ножами, а в одном погребении – глиняным пряслицем и железным шилом. Остальные артефакты из детских погребений представлены единичными экземплярами: кольцо (серьга?), накладки с изображением голов лошадей (5 экз., в одном погр.), дисковидная бляха, ожерелье из бус, бронзовая гривна.

Особняком стоят четыре погребения, которые выделяются богатством сопроводительного инвентаря.

Раскоп VII, погр. 77: дисковидная бляха, 5 накладок с изображением голов лошадей, 2 трапециевидные подвески, 14 обоймочек, бронзовая пряжка с длинным щитком.

Раскоп VII, погр. 80: бронз. плоская бляшка с отверстием в центре, 2 стеклянных зонных бусины, 2 обломка бронзовой спирали, 2 пронизки, 2 проволочных колечка, обломок ажурной пластины, проволочный бронзовый перстень, 3 конусовидные подвески, бронзовая обоймочка, 3 астрагала.

Раскоп XIII, погр. 268, тройное погребение: женский костяк лежал у северной стенки могильной ямы, детские костяки были уложены вдоль южной. К детским костякам относится следующий инвентарь – к западному костяку: глиняное пряслице, железное шило, кости животного (в изголовье), бронзовый браслет; к восточному костяку: бронзовая гривна и детали поясного набора, бронзовая пронизка, бронзовые подвески (одна из которых

изготовлена из зеркала), просверленные астрагалы овцы (над левым плечом). Раскоп XIII, погр. 311: обломки бронзовой височной подвески, ожерелье из бус и бронзовых пластин, бронзовые браслеты и перстни на костях обеих рук, железная пряжка с бронзовым щитком и костяная втулка.

Выводы. Шиповский некрополь функционировал, по крайней мере, не учитывая ананьинской его части, с IV в. до н.э. по IV в. н.э., т.е. около восьми столетий. В его материале ярко отразились этнические, культурные и хронологические изменения, происходившие в Приуралье. Такой длительный срок существования некрополя в целом характерен для большинства памятников кара-абызской культуры, являвшейся самым устойчивым образованием Южного Приуралья на протяжении всей эпохи раннего железа [Овсянников и др., 2007. С. 84].

Детские погребения в погребальном обряде демонстрируют общую ритуальную традицию. Настоящее исследование подтверждает ранее полученные данные, что в кара-абызском обществе дети погребались в одной манере с взрослыми, но в сопровождении более скудного инвентаря, что, скорее всего, обуславливалось имущественным (социальным) положением ребенка.

Степень дифференциации детских погребений кара-абызской культуры значительно ниже той, что зафиксирована при изучении захоронений взрослых членов общества. В то же время выделяется группа погребений, содержащая исключительный для лиц рассматриваемого возраста инвентарь, включавший «престижные» вещи. Вероятно, данная группа принадлежала к наиболее богатым семьям рода, чьи дети и были в ней погребены.

Список литературы

- Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 119 с.
- Балабанова М.А., Клепиков В.М., Коробкова Е.А., Кривошеев М.В., Перерва Е.В., Скрипкин А.С. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 272 с.
- Балабанова М.А. Морфология детских захоронений ранних кочевников Нижнего Поволжья (по материалам могильников раннесарматского времени)// Нижневолжский археологический вестник. 2017. Т. 16. №1. С. 62-82.
- Берсенева Н.А., Гильмитдинова А.Х. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н. э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 36–44.
- Ефимова С.Г. К краниологии раннего железного века Волго-Камья // Вопросы антропологии. 1981. № 68. С. 64-73.
- История башкирского народа. Том 1. М.: Наука, 2009. 400 с.
- Клейн Л.С. Этногенез и археология. Том 2: Арии и *varia*. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2013. 528 с.
- Нечвалода А.И. Новые краниологические материалы кара-абызской культуры из могильника Кара-Абыз II // Этнос. Общество. Цивилизация: Третьи Кузеевские чтения. Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2012. С. 249-251.

Овсянников В.В. Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Проценко А.С. Погребальный обряд детских погребений кара-абызской культуры (по материалам грунтовых могильников) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / ред. кол.: В.И. Богдановский (предс.) и др.; отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск, 2017. С. 123-125.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35-131.

SHIPOV BURIAL GROUND CHILDREN BURIAL OBSEQUIES

Protsenko A.S.

**researcher of the Department OF Archeology of the State Budgetary Institution Republic
Historical and Cultural Preserve Museum «Ancient Ufa», Ufa city, Russia**

Zaikina N. A.

**lab assistant of the Laboratory of Archeological Source Studies and Historiography, FSBEI
HE Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa city, Russia**

Abstract: the article is dedicated to Kara-abyz culture bearers Shipov burial ground children burial obsequies analysis. This culture bearers had not large territories in the middle reaches of Belaya river, but managed to leave one of the largest burial grounds in the Eastern Europe – Okhlebinsky near which more necropolis were found out (Shipovsky, Biktimirovsky etc.) Due to the absence of children's anthropological age determination it is impossible to determine the socialization stages in Kara-abyz society. The research results have shown that children's equipment provision, apparently, was less compulsive than when burying adults and teenagers who outstand with more accompanying equipment which is not seen in children's buries.

Keywords: Kara-abyz culture, Shipov burial ground, obsequies, children's obsequies.

ГЕНДЕРНЫЕ МАРКЕРЫ ПОЛОВЫХ РАЗЛИЧИЙ МОГИЛЬНИКА БАСКИЯ-2
ВНУТРЕННЕГО ТЯНЬ-ШАНЯ, КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ В
ГУННСКОЕ ВРЕМЯ

© 2018 г. *Ташбаева Кадича Искандаровна* (kadichaty@gmail.com)
Институт истории и культурного наследия НАН КР
Кыргызстан, г. Бишкек

Аннотация: В статье автор рассматривает результаты палеоантропологических данных костных остатков из могильника Баския-2 на территории Кыргызстана. В могильнике захоронения совершались в катакомбах, подбоях и грунтовых ямах, содержащих погребальный инвентарь, датирующийся гуннским временем. Среди захороненных преобладают женские захоронения – 19 против 8. На некоторых черепах наблюдалась искусственная деформация, лобно-затылочной и кольцевой формы. Оказалось, что деформация головы была только у женщин. У мужчин она отсутствовала. Наличие деформации у женщин и отсутствие ее у мужчин автором объясняется принадлежностью их к разным этническим группам кочевников и существованием семейных пар, созданных в результате межэтнических контактов во времена великого переселения народов. При этом не исключается вероятность и насильственного захвата женщин другого племени как военный трофей в результате захватнических набегов. Часть женских останков без деформации черепа по антропологическим данным тоже оказалась несколько отличной от антропологических данных мужских особей, что, вероятно, тоже свидетельствует о их происхождении из другого племени, но более родственного.

Ключевые слова: могильник гуннского времени, катакомбы, подбой, грунтовые ямы, палеоантропология, деформация черепа, брахикрания, мезобрахикрания

В 1983 г. в Нарынском районе Внутреннего Тянь-Шаня на территории Кыргызстана автором статьи был раскопан могильник Баския-2. Он располагался в 7 км южнее с. Джергетал, в пойме реки Джергетал, в одноименной местности Баския [Ташбаева, 1985; 1986]. В этой же местности, примерно в 500 м западнее на ровном горном плато располагался раннекочевнический могильник Баския-1, с интересным обрядом погребения. Сопроводительный инвентарь в грунтовых могилах располагался не рядом с погребенными, в яме, как обычно вдоль левого предплечья или в специальных нишах, а на плечиках ям или на специальных высоких приступках. Такой обряд положения погребальных сосудов, тем более изготовленных специально для погребения, позволил автору предположить миграцию группы ранних кочевников, оставивших могильник Баския-1, из Ферганской долины, где также встречается аналогичный способ помещения керамических сосудов в могилах [Горбунова, 1961. С. 97; Ташбаева, 1996; 2011].

В 500-700 м южнее могильника Баския-2 располагалась еще одна группа курганов, также вытянувшаяся вдоль берега реки, сильно разрушенная кладбищем конца XIX – первой половины XX вв., из-за чего трудно подсчитать даже количество курганов здесь. Но по их расположению можно судить, что они составляют другую группу захоронений, которую вернее будет выделить в отдельный могильник Баския-3.

Могильник Баския-2 насчитывал 39 курганов, расположенных компактно, вдоль берега реки, на расстоянии около 400 м. 36 курганов из них были раскопаны. Раскопки трех курганов по разным причинам были затруднены и они не подверглись вскрытию. В 6 из 36 раскопанных курганов следов могильных ям и погребений не было обнаружено. 30 курганов дали могильные устройства в виде катакомб (8), подбоев (11) и грунтовых ям (11), представленные почти в одинаковом процентном соотношении. При этом катакомбы были не кенкольского (с длинными дромосами, расположенными перпендикулярно к катакомбе) или карабулакского типов (с вертикально расположенными входными ямами-дромосами с подбоем), распространенные на территории Кыргызстана, а несколько иного типа. В них дромосы располагались каким-то аппендиксом к катакомбе. Такие типы катакомб встречаются у сарматов Приуралья и Поволжья и К.Ф. Смирнов в своей типологии погребальных сооружений подразделяет их в III тип [Смирнов, 1972; Заднепровский, 1995. С. 63. Рис. 2].

Могильник был разграблен в свое время, поэтому костяки погребенных и положенный им погребальный инвентарь, находились не *in situ*, но оставшийся материал был достаточно интересен и разнообразен. Не редко присутствовали деревянные столики-блюда на низких сосцевидных ножках. Были и деревянные сосуды, сохранившиеся очень плохо. Достаточно было предметов украшений в виде сердоликовых, коралловых бус, различных подвесок, заколок и предметов бытовой утвари. В одном сильно разграбленном женском захоронении сохранилась золотая серьга-колт со вставками из граната, вокруг которых выложена зернь. Погребенным было положено большое количество мяса барана, коровы, козы, сохранившиеся кости которых могут дать информацию об обязательных погребальных обрядах, существовавших у населения, оставившего могильник, то есть, осветить какие-то палеоэтнографические стороны жизни древних кочевых обществ.

Могильник по конструкциям могильных сооружений и характеру сопроводительного инвентаря был датирован концом I тыс. до н.э. и первой половиной I тыс. н.э., то есть временем Великого переселения народов и распространения на территории Кыргызстана подбойно-катакомбных памятников культуры гуннов и родственных им племен.

В 30 курганах, давших могильные сооружения, сохранилось 26 костных останков взрослых людей и шестерых детей, по которым можно было определить половозрастные и антропологические параметры, сделанные в свое время антропологом С.С. Тур. В данной работе мы хотим акцентировать внимание именно на палеоантропологических данных.

Из 26 костных останков взрослых 19 принадлежали женщинам и 8 мужчинам. Из них один случай был парным захоронением взрослых мужчины и женщины и один случай тройного захоронения: взрослых мужчины и женщины, и ребенка вместе с ними.

Детские останки шестерых детей находились вместе с четырьмя женскими останками. В одном случае из четырех в погребении с женщиной было двое детей (4-5 лет и 3-6 месяцев), а в другом – с женщиной был ребенок 3-4 лет и 6-8 месячный плод. И в одном случае, как уже было отмечено, ребенок 5-6 лет был в тройном погребении, где были взрослые мужчина и женщина. Возраст умерших детей был от 3 до 9 лет от роду, в одном случае был еще не родившийся плод, в другом – младенец 3-6 месяцев, и в одном случае, ребенок 7-9 лет, что по тем временам, скорее всего, относилось к разряду юношества.

Имеющиеся костные останки свидетельствуют, что женских погребений почти в 2,5 раза было больше чем мужских, 19 против 8. Конечно, это могут быть не совсем точные данные, ведь в 4 курганах костный материал сохранился в недостаточной степени, чтобы сделать половозрастные определения. Но если бы в этих 4 курганах были захоронены только мужчины, то все равно это не изменило бы ситуацию, мужских захоронений все также было бы меньше чем женских.

Все женщины были возмужалого или зрелого, т.е. детородного возраста, и только в одном случае старческого. Частая смерть женщин молодого возраста, видимо, зависела от социальных условий жизни того времени, т.е. тяжести быта кочевой жизни, частых болезней, скорее всего, кишечных или межсезонных вирусных заболеваний. То, что нередко с женщинами были захоронены дети, на наш взгляд, может также свидетельствовать о последнем, то есть о кишечных или вирусных заболеваниях как причине смерти умерших. Ведь малолетний ребенок чаще находился рядом с матерью, чем с отцом. И если заболела мать, то и ребенок мог легко подхватить эту болезнь или, наоборот, при заболевании ребенка мать могла заразиться той же болезнью. И, конечно, были и другие причины более частой смерти женщин.

Если обратим внимание на возраст умерших детей, то чаще они были 3-6 лет от роду. Поэтому захороненные женщины с малолетними детьми, скорее всего, умирали от кишечных и межсезонных вирусных заболеваний. При крупных эпидемиологических заболеваниях, которые не щадили все общество, процентное соотношение между мужскими и женскими, а также детскими заболеваниями могло быть иным, скорее всего, приблизительно равным.

Среди мужских останков в двух случаях из восьми отсутствовали черепа. По определению антрополога, мужские особи были почти все брахикранные европеоиды с монголоидной примесью. Иногда брахикрания была слишком выражена, то есть по определению антрополога, явствовалась гипербрахикрания. [Тур, 1997]. У мужчин не встречена искусственная деформация черепа, хотя почти во всех случаях отмечается уплощенность затылочной части. Эта уплощенность затылочной части людей антропологами объясняется долгим лежанием в детском возрасте в колыбели. На самом деле, у кочевых народов дети почти до 2-3 летнего возраста, нередко и до 4 лет, могут спать в колыбели, очень удобной при их образе жизни. К колыбели удобным образом приспособляется горшочек, и используется сумак – мочеотводное приспособление, сделанное из трубчатой кости барана (позднее и из дерева). Такую колыбель с туго запеленатым в ней ребенком можно перевозить и на лошади и на верблюде при перекочевках. В ней ребенок пребывает в горизонтальном положении, и долгое время может быть в сухом состоянии, а мать может покормить его грудью, не вынимая ребенка из колыбели.

По археологическим данным во времена, когда был оставлен могильник Баския-2, уже были в ходу такие колыбели, Так в Таласской долине в Кенкольском могильнике этого времени в одном из погребений (курган 6) экспедицией А.Н. Бернштама были обнаружены части такой колыбели, по которым можно было реконструировать саму колыбель [Бернштам, 1997. С. 23, 52. Рис. 15]. В могильнике Баския-2 в погребении 18, где была

женщина и ребенок, был также найден костяной сумак, свидетельствующий об использовании такой колыбели и группой кочевников, оставивших данный могильник.

Возможно, такие колыбели были и в более ранние времена, чему подтверждением являются находимые иногда костяные мочеотводные сумачи в захоронениях эпохи саков или усуней. Эта форма колыбели и удобный способ пеленания в ней ребенка, появившись в гуннское время или даже ранее, бытовала на протяжении почти двух тысячелетий и продолжает использоваться и в сегодняшние дни кыргызами и рядом других тюркоязычных народов Центральной Азии. Эта форма колыбели, возможность и способ использования ее и при перекочевках, особенно на длительные расстояния, был одним из наилучших изобретений кочевников, также как их основное жилище – юрта, со всем внутренним убранством и веками выработанными правилами разделения ее на мужскую и женскую части, и соответственно строгого расположения в юрте мужской и женской хозяйственной утвари.

Как было отмечено, большую часть погребенных составляют женские захоронения. Еще в процессе раскопочных работ было отмечено, что часть именно женских останков имела искусственную деформацию черепа, что подтвердилось антропологическими исследованиями С.С. Тур в камеральных условиях. Из 19 женских останков 9 имели искусственную деформацию черепа, 8 были без деформации, и в двух случаях из-за фрагментарности черепной коробки не было возможности определить наличие или отсутствие деформации. Деформация была двух типов: лобно-затылочного характера (6 черепов) и кольцевого (3 черепа).

Наличие искусственной деформации только на женских черепах особенно обращало на себя внимание в парном и тройном захоронениях, где мужские черепа были не деформированы и антропологический их тип был явно европеоидный (по визуальному определению), а женщины были с сильной деформацией. По определению антрополога, оказалось, что и у мужчин и у деформированных черепов наблюдалась примесь монголоидности, иногда ярко выраженная, но она была разного характера. Поэтому, визуально мужские черепа выглядели европеоидами, а женские монголоидами. Надо отметить, что в захоронениях женщин с детьми и в тройном захоронении, деформация у детей не наблюдалась. И естественно, наличие деформации только у женщин и отсутствие ее у мужчин, не могло не привлечь внимания.

Захоронения в могильнике совершались как в катакомбах, подбоях, так и грунтовых ямах, иногда с нишей. Материальная культура во всех трех видах погребальных сооружений одинаковая. И наличие деформации у женских черепов могильника Баския-2 не имела никакой связи с формой погребального сооружения. Женские погребения с деформацией черепа встречались как в катакомбах (4 случая), подбоях (3 случая), так и грунтовых ямах (2 случая). Значит, это не могло быть особенностью какой-то части населения данной группы кочевников. А существующая разница внутримогильных погребальных сооружений в одном могильнике и в одно и то же время, вопрос иного характера, на котором мы не будем останавливаться в данном случае.

Возникает также вопрос, могла ли искусственная деформация черепа быть признаком особого статуса человека? Если бы в могильнике Баския-2 из 26 сохранившихся останков,

деформация черепа была в 1 или хотя бы 2-3 случаях, то можно было бы принять как одно из предположений, что это были статусные особы. В нашем случае, когда в одном могильнике из 30 погребенных 9 женщин оказались с деформацией головы, этот тезис, кажется, не приемлемым. Не могло же быть, что в определенный отрезок времени, когда одна из групп кочевников проживала в данной местности, то среди них умирали в основном женщины из правящей семьи рода или племени. Значит, деформация черепа не является показателем социального положения женщин в обществе данной группы населения. Она является в данном случае только гендерным показателем.

Тогда возникает вопрос, могла ли такая гендерная маркировка женского пола быть обычаем данной группы кочевников, т.е., что модификация женской головы существовала в племени или роде, оставившего могильник Баския-2, как дань моде того времени, своеобразного эталона красоты только для женщин? Необходимо отметить, что обычай модификации головы, как женской, так и мужской, существовал в разных обществах и на разных территориях и фактически бытовал до последнего времени, а в редких случаях, существует и по сегодняшний день. И науке доподлинно известны методы такой модификации головы, которая начинается с самого раннего возраста. Если бы в племени или роде, оставившем данный могильник, был обычай деформировать женские черепа, то деформация уже должна была бы наблюдаться и у девочек. К сожалению, не определена половая принадлежность детских останков, вероятно, из-за невозможностей таких определений. Но из 6 детских костяков, хоть какая-то часть должна бы принадлежать девочкам, и тогда они уже должны были бы иметь деформацию черепа. Умершим детям в основном было по 3-5-6 лет, то есть они были в возрасте, когда деформация уже должна была выразиться достаточно ярко. Но, ни на одном детском черепе не наблюдается деформация. Значит, в обществе, оставившем могильник Баския-2, не было в обычае деформировать женские черепа.

Скорее всего, в данном случае, модификация головы является привилегией этнического характера. И женщины с деформацией черепа могильника Баския-2 происходят из племени другого этноса, где был распространен обычай модифицировать черепа женщин, возможно, и мужчин. И эти женщины могли попасть в данную группу кочевников в результате межэтнических контактов разных кочевых племен.

Но возможно, что эти женщины, представители племени, где практиковалась деформация черепа, попали в данную группу кочевников и как военный трофей во времена Великого переселения народов, когда племена кочевников были в постоянной конфронтации друг с другом, и нередко были случаи жестоких войн и уничтожения племен. В военных сражениях принимали участие мужчины, а женщины вместе с основным богатством в виде скота и другого добра, доставались победителям.

Обратим внимание на женские черепа без деформации, которых у нас 8 экземпляров. Они в единичных случаях были брахикранные, но в основном мезобрахикранные. Такая некоторая особенность антропологического типа этих женщин также наталкивает на мысль, что они происходили из другого племени, но более родственного, чем племя женщин с деформированными черепами. У этих женских черепов также наблюдалась затылочная уплощенность, как и у мужчин.

Таким образом, очевидно, что женщины с деформированными черепами происходят из этнически другого племени, и они попали в род или племя, где не практиковалась модификация головы ни у женщин, ни у мужчин. Вообще, видимо, уже широко практиковался обычай брать в жены женщин другого племени и рода, судя по некоторым отличительным признакам антропологического типа и у недеформированных женщин. При этом, конечно, никак не исключается форма насильственного захвата женщин в виде военного трофея.

Так, небольшая коллекция костных останков из одного могильника, содержит интересную информацию по палеоантропологии населения, оставившего могильник Баския-2, которая может пролить свет на некоторые конкретные исторические процессы, происходившие в среде кочевых обществ Центральной Азии в первой половине I тыс. до н.э. Отличительные характеристики черепов, включая естественные антропологические типы, а также искусственные маркеры в виде деформации женских голов, дают возможность реконструировать некоторые вопросы семейно-брачных отношений, принятых обычаях в среде кочевых обществ, которые в целом могут способствовать реконструкции каких-то аспектов культурного, палеэтнографического и исторического характера.

В данном случае, рассмотренный материал свидетельствует о том, что общества кочевников уже соблюдали гигиенические нормы семейно-брачных связей и старались заключать браки вне своих близких родственников, чтобы иметь здоровое потомство для сохранения и продолжения рода или племени. Одновременно, эти данные свидетельствуют и о том, что существовали тесные контакты между некоторыми этнически разными группами кочевников, если не малая часть мужского населения рода или племени могла заключать браки, беря в жены женщин из другого этноса, внешность которых значительно отличалась от них самих. Ведь мужчины могильника Баския-2 были больше европеоиды и брахикранны, хотя отмечается и примесь монголоидности. в отличие от женщин мезокранных или с деформированными черепами, более монголоидных.

Эти данные также демонстрируют один из процессов распространения монголоидности среди населения Центральной Азии и Кыргызстана в том числе, в период массовых передвижений кочевых племен по евразийским просторам. Применение же современных технологических достижений по исследованию костных останков древних кочевых обществ, когда уже можно определить ДНК каждого индивида, родственные отношения между родами и племенами, конкретные болезни, бытовавшие среди них и многое другое, может значительно повысить информативность этих материалов.

Список литературы

- Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. Ленинград, 1940.
- Горбунова Н.Г. Кунгайский могильник // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 171-209
- Заднепровский Ю.А. Номады древней Ферганы: типология памятников, районирование, историческое истолкование // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995. С. 53-74.
- Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1.

Ташбаева К.И. Раскопки и разведки во Внутреннем Тянь-Шане // АО-1983. Москва, 1985. С. 578-579.

Ташбаева К.И. Исследования Тянь-Шанского археологического отряда в зонах мелиоративного строительства // Археол. исслед. в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации. ТНК АН СССР. ЛОИА. Ленинград, 1986. С. 70-71.

Ташбаева К.И. Новые аспекты в культуре ранних кочевников Тянь-Шаня // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995. С. 30-43

Ташбаева К.И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая – Бишкек, 2011. 273 с.

Тур С.С. Кочевники Кыргызстана сако-усуньского времени (по материалам палеоантропологического исследования) // АҚД. Барнаул, 1997. 26 с.

GENDER MARKERS OF SEXUAL DIFFERENCES IN BURIAL GROUND BASKIJA-2 OF INTERNAL TIAN SHAN AS REFLECTION OF INTERETHNIC CONTACTS IN HUN PERIOD

Tashbaeva Kadicha
Bishkek, Kyrgyz Republic
Institute of History and Cultural Heritage of the National Academy of Science
Chief of Archeological Department

Abstract: In the article, the author examines the results of these bone residues from the burial-site Baskija-2 paleoanthropic pals in Kyrgyzstan. In the Baskija-2 burials were made in catacombs, lining and ground pits containing sub-standard inventory which dating Hun period. Among the buried prevailed women's burial - 19 against 8 of man. On some skulls there are It was found that the deformity was only in women. For men it was absent. The author's deformation in women and her absence in men is explained by their belonging to different ethnic groups of nomads and the existence of married couples as a result of interethnic contacts at the time of great migration of the peoples, and the likelihood of the violent seizure of women of another tribe as a military trophy as a result of invasive of races According to anthropological data, part of the female remains without deformation of the skull also turned out to be somewhat different from the anthropological data of males, which probably also testifies to their origin from another tribe, but more related.

Keywords: Hun burial ground, catacombs, lining, ground pits, paleoanthropology, cranial deformity, brachyranic and mesobrachyrania etc.

ПАРНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ У РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА
V-IV ВВ. ДО Н.Э.

© 2018 г. *Фёдоров Виталий Кимович (syuri@yandex.ru)*
Академия ВЭГУ, г.Уфа, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматривается 20 погребений ранних кочевников Южного Урала, в которых захоронены человеческие пары — взрослые мужчина и женщина. Расположение покойных в них можно отнести к двум основным типам — «нейтральному» по отношению друг к другу, и демонстрирующим «отношения близости». К каждому отнесено по 10 захоронений. В погребениях первого типа покойные лежат вытянуто на спине параллельно друг другу, иногда на значительном расстоянии друг от друга. Погребения второго типа показывают несколько способов демонстрации «отношения близости» — теснейшее расположение покойных, положение «рука в руке», положение «один сверху на другом», а также подхоронение женщины к ранее захороненному мужчине. Изучение парных погребений ранних кочевников позволяет прийти к выводу, что это захоронения семейных пар.

Ключевые слова: ранние кочевники, Южный Урал, погребальный обряд, парные погребения, семейно-брачные отношения

Парные погребения, то есть те, в которых захоронены два разнополых субъекта, издавна привлекали внимание исследователей, прежде всего тех, кто занимается эпохой бронзы. Вопросы, которые неизбежно возникают при осмыслении феномена этих погребений — кем приходились друг другу захороненные совместно мужчина и женщина? каковы причины погребения их вместе в одной могиле? каковы обстоятельства смерти каждого из них? — занимали умы многих ученых, чьи работы вошли в золотой фонд отечественной науки — В.А. Городцова, М.И. Артамонова, А.М. Мандельштама, В.С. Сорокина, Е.Е. Кузьминой, М.А. Итиной [библиографию см. в работах Я.В. Рафиковой, 2008а, 2008б, 2014]. Им представлялось, что получение убедительных ответов на эти частные вопросы приведет их к решению более глобальных проблем, таких, как реконструкция социальной структуры древних обществ и семейно-брачных отношений в них. Нельзя сказать, что это им удалось в полной мере. Поэтому позже исследователи стали искать в парных погребениях отражение мировоззрения, идеологии, религии древнего населения, таковы работы Л.С. Клейна, Е.В. Куприяновой, С.В. Сотниковой, Н.А. Берсеновой [библиографию см. в работе Рафикова, Фёдоров, 2017].

Среди раннекочевнических погребений также неоднократно встречены такие, в которых захоронены два примерно равных по возрасту разнополых индивида. И они, как будто, не привлекали до сих пор особого внимания археологов-«сарматчиков». Мы, во всяком случае, не можем назвать специальных исследований по этой теме, кроме нескольких отрывочных наблюдений²¹.

²¹Ранее нами была опубликована статья, в которой затрагивался этот вопрос, но только в контексте парного погребения из кургана 3 могильника Сара, исследованного нами в 1993 году [Фёдоров, Васильев, 2014].

Так, в «Савроматах» К.Ф. Смирновым было уделено некоторое внимание парным погребениям, и, хотя он понимал под ними все погребения с двумя костяками — «парные погребения мужчин, мужчины и женщины, женщины и ребенка» [Смирнов, 1964. С. 206], два погребения, в которых захоронены мужчина и женщина, оба из Поволжья, были им рассмотрены отдельно. В кургане 35 могильника Калиновка мужчина и женщина «лежали вплотную друг к другу; в левой кисти руки мужчины находилась правая кисть женщины, что символизировало тесную связь обоих погребенных, вероятно, супружеской пары», в кургане 31 у г. Энгельс находилось погребение двух человек в позе «антитезы», т. е. головами в разные стороны, что было объяснено К.Ф. Смирновым их принадлежностью к разным родам [Там же. С. 207], т. е. как свидетельство экзогамии.

На основании наблюдений над планиграфией захоронений в курганах, К.Ф. Смирнов предположил, что «в савроматском обществе VI-V вв. до н.э. существовали большие и малые семьи, основанные на парном браке» [Там же. С. 206]. Казалось бы, парные погребения могут быть хорошим подтверждением этому предположению, но К.Ф. Смирнов не стал развивать эту тему. Его увлек совсем другой аспект захоронения мужчины и женщины в одной могиле. Сразу после описания парных погребений он отметил, что неправомерно связывать одновременные захоронения с «возникновением эпидемий», и не исключил «возможность насильственного умерщвления одного или нескольких погребенных — рабынь-наложниц, рабов, служителей, дружинников...» [Там же. С. 207]. Поскольку основной пафос главы, в которой обсуждался данный вопрос («Особенности общественного строя савроматов») был посвящен «пережиткам матриархата» и «гинекократии» у «савроматов» Поволжья и Приуралья, К.Ф. Смирнов предположил, что при погребении женщин приносить в жертву могли именно мужчин — «стражей или воинственных служителей, может быть, даже родственников погребенной богатой женщины» [Там же. С. 204].

Вскоре после появления «Савроматов» К.Ф. Смирнова в «Советской археологии» вышла статья И.П. Берхин-Засецкой и Л.Я. Маловицкой, в которой публиковалось богатое парное погребение из кургана 2 могильника «Сазонкин бугор» в Астраханской области. Авторы явно в пику К.Ф. Смирнову выражали сомнение в том, что «савроматское общество было еще отягощено тяжкими пережитками матриархата», а в публикуемом ими погребении видели захоронение савроматского воина вместе с женой, основной же вывод звучал так: «Парные захоронения мужчины и женщины в ряде савроматских могил позволяют предполагать наличие у савроматских племен патриархата» [Берхин-Засецкая, Маловицкая, 1965. С. 153]. Исследовательницы прямо не пишут о том, что женщина там была насильственно умерщвлена при погребении мужчины, но контекст их предположения о наличии патриархата «у савроматских племен», несомненно, именно таков.

К.Ф. Смирнов, однако, остался при своём мнении. «В данной могиле, — пишет он о погребении в «Сазонкином бугре» в книге «Сарматы на Илеке», — богатая женщина с золотыми украшениями не имеет признаков «подчиненного» по отношению к мужчине состояния. Наоборот, по аналогии с другими случаями совместных погребений, можно думать, что мужчина-воин здесь был погребен (может быть, насильственно умерщвлен) как телохранитель знатной женщины» [Смирнов, 1975. С. 155].

Как видим, в итоге дискуссия приобрела очень узкую направленность, основным ее вопросом стал – кто кому приносился в жертву, мужчина женщине или женщина мужчине? Любопытно, что исследователь-мужчина (К.Ф. Смирнов) выступал за приношение в жертву мужчины, а исследовательницы-женщины (И.П. Засецкая и Л.П. Маловицкая) — женщины. После этой не принесшей результата «странной дискуссии» какие-либо соображения о сущности парных погребений у ранних кочевников в печати уже не появлялись. Во времена К.Ф. Смирнова парные погребения у ранних кочевников исчислялись единицами, и требовать от их изучения большего было просто нельзя. Сегодня положение изменилось и о «гинекократии» у ранних кочевников Поволжья и Южного Урала пишут (иногда) только по инерции, а понятия «матриархат» и «патриархат» давно исчезли из научной литературы на русском языке.

С течением времени корпус парных раннекочевнических погребений расширялся, они регулярно исследовались и публиковались, но в изучение связанных с ними проблем никаких подвижек не происходило. В первую очередь потому, что исследователи не проявляли к ним интереса. Интригующий когда-то вопрос: кто кому приносился в жертву? – никого уже не интриговал, а вопросом: приносился ли вообще кто-то в жертву? – никто и не задавался. Может быть это объясняется тем, что многие погребения были сравнительно скромны по инвентарю. Только богатому парному погребению в кургане 4 Филипповки, его исследователь Л.Т. Яблонский посвятил небольшой этюд «Супруги или вождь с наложницей?», который заканчивался так: «Остается только гадать о прижизненных взаимоотношениях этой пары и обстоятельствах смерти молодой женщины» [Яблонский, 2013. С. 48-49].

Весьма характерно, что вопросом об обстоятельствах смерти мужчины исследователь не задавался. Волновавшее К.Ф. Смирнова предположение о возможности принесения в жертву мужчин при погребении знатных женщин можно, по-видимому, считать не подтвердившимся. «Никаких определенных археологических следов человеческих жертвоприношений савроматкам пока нет» – к такому выводу пришла Т.В. Мирошина в работе «Амазонки у сарматов и проблема матриархата» [Мирошина, 1990. С. 173]. Добавим, что не появились они и к сегодняшнему дню. Но то, что женщины всё же могли приноситься в жертву при погребении мужчины, судя по всему, Л.Т. Яблонским допускалось. Сам факт существование парных погребений не может, конечно, являться априорным доказательством того, что женщина принесена в жертву. Нужны какие-то другие критерии, например — признаки насильственного умерщвления женщины. Очевидно, что выявить их не всегда возможно.

Чтобы попытаться прояснить вопрос о характере парных погребений у ранних кочевников, нужно рассмотреть более или менее представительную их выборку. В данной работе мы используем 20 парных погребений из 17 могильников (рис. 1) с территории Южного Урала²².

²² Мы привлекаем только захоронения человеческой пары (взрослых мужчины и женщины) в одной могиле. Погребения двух однополых индивидов, или тех, чей пол нельзя установить хотя бы косвенным путем (например, по инвентарю), мы не привлекаем. Также, мы не берем коллективные погребения, в которых некоторые из захороненных образуют разнополую пару.

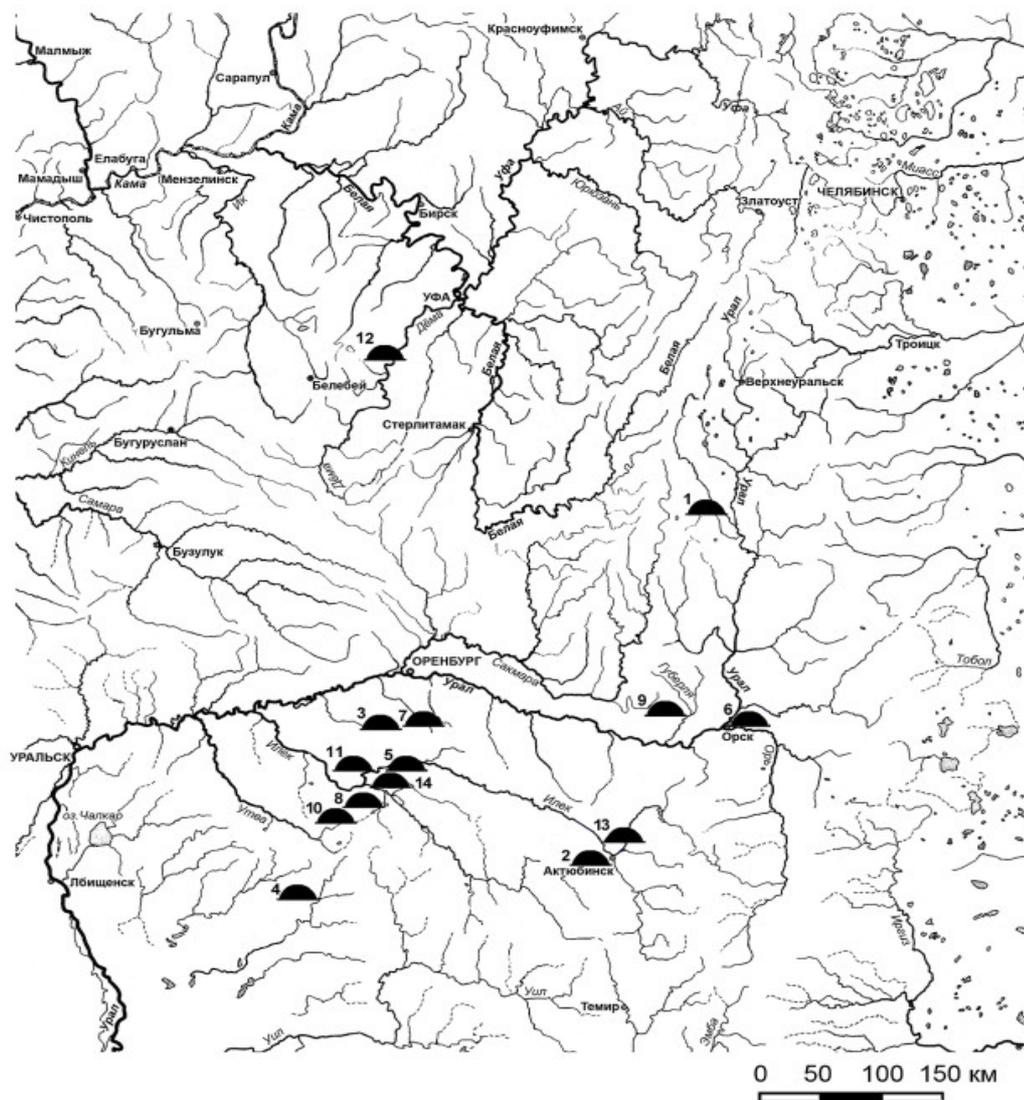

Рис. 1. Могильники ранних кочевников Южного Урала V-IV вв. до н.э., в которых имеются парные погребения.

- 1 — Альмухаметово, 2 — Бесоба, 3 — Казачий Кordon-1, 4 — Лебедевский комплекс памятников, 5 — Мечетсай, 6 — Новый Кумак, 7 — Обилькин Луг-1, 8 — Покровка, 9 — Сара, 10 — Ульгули, 11 — Филипповка, 12 — Чукраклы, 13 — Имангазы-Карасу, 14 — Пятимары I.

Табл. 1

Парные погребения у ранних кочевников Южного Урала V-IV вв. до н.э.

Комплекс	Лежит слева	Возраст	Лежит справа	Возраст	Релюк	Источник
Одновременные						
Альмухаметово к.9 п.4	мужчина	?	женщина	?	-	Пшеничнюк, 1983. Табл. XXXV, 1
Бесоба к.7 п.2	мужчина	?	женщина	?	-	Кадырбаев, Курманкулов, 1977. Рис. 5, 2.
Казачий Кордон-1 к.5	женщина?	?	мужчина?	?	-	Исмагил, Сунгатов, 2013. Рис. 17, 2
Лебедевка IV к.22 п.2	женщина	45-55 лет	мужчина	45-55 лет	-	Железчиков, Клепиков, Сергацков, 2006. Рис. 11, 1
Лебедевка V к.9 п.2	мужчина	старше 55 лет	женщина	35-45 лет	+ 5-7 лет	Там же. Рис. 15, 3
Лебедевка V к.9 п.4	мужчина	35-45 лет	женщина	35-45 лет	-	Там же. Рис. 23, 2
Лебедевка VI к.25 п.2	мужчина	45-50 лет	?	?	+	Там же. Рис. 54, 1
Лебедевка VII к.1 п.4	мужчина	35-45 лет	женщина	?	-	Там же. Рис. 59, 9
Мечетсай к.8 п.1	мужчина	?	женщина	?	-	Смирнов, 1975. Рис.51, 1
Новый Кумак к.5 п.3	мужчина	?	женщина	?	-	Смирнов, 1977. Рис. 2, 2
Новый Кумак к.11 п.2	женщина	?	мужчина	?	+	Там же. Рис. 6, 6
Обилькин Луг-1 к.1 п.2	мужчина	«старый»	женщина	«молодая»		Исмагил, Сунгатов, 2013. Рис. 18, 4
Покровка 8 к.6 п.3	мужчина	40-45 лет	женщина	30-35 лет	-	Веддер, Егоров, Дэвис-Кимболл и др., 1993. Рис. 49
Сара к.3 п.2	мужчина	30-40 лет	женщина	20-25 лет	-	Фёдоров, Васильев, 2014. Рис. 1
Сара к.4 п.1	мужчина	Mat.	женщина	?	-	Фёдоров, Васильев, 2017. Рис. 1

Ульгули I к.3 п.2	мужчина	?	женщина	?	-	Бисембаев, Гуцалов, Марыксин, Тулегенова, 2005. Рис. 110-116
Филипповка I к.4 п.4	мужчина	«молодой»	женщина	18-20 лет	-	Балахванцев, Яблонский, 2008. Рис. 1
Чукраклы	мужчина?	?	женщина ?	?	-	Матвеева, 1972. Рис. 2.
Неодновременные						
Имангазы-Карасу к.3 п.2	мужчина	?	женщина	?	-	Родионов, Гуцалов, 2000. Рис. 4, I
Особый вид погребения						
Комплекс	лежит снизу	возраст	лежит сверху	возраст	ре бе но к	Источник
Пятимары I к.7 п.3	женщина?	?	мужчина	20-25 лет	-	Смирнов, 1975. Рис.9, I

Мы не рассматриваем сведения о расположении парных погребений на подкурганной площадке, о типе, размерах и форме могильных ям, так как эти данные не столь существенны для проблемы обряда парного захоронения у ранних кочевников Южного Урала. Отметим лишь, что среди них есть занимающие центральную позицию в кургане (Альмухаметово, Новый Кумак, Ульгули), но большинство являются впускными. Большинство пар захоронено в простых могильных ямах, размер которых может быть как небольшим, вмещающих покойных лишь впритык (таковы 3 из 5 погребений Лебедевских могильников), так и намного превышающим «потребность» в площади для двух человек (оба захоронения из Нового Кумака), и даже огромным (погребение из кургана 4 Сары). Есть парные погребения в подбоях (Казачий Кордон, погребение 2 кургана 9 Лебедевки V, погребение 2 кургана 3 Сары). Есть погребение в яме с длинным дромосом (Лебедевка VI курган 25, погребение 2). Имеется и погребение в насыпи кургана, т. е. в яме, глубина которой не достигла материка (Обилькин Луг-1). Этот краткий обзор показывает, что парные захоронения совершались в кочевнических коллективах с разными погребальными традициями.

Данные по парным погребениям ранних кочевников, привлеченные нами для этой работы, сведены в таблицу, в которой основное внимание уделено сведениям о поле и возрасте погребенных, причем сразу же приходится оговорить, что они далеко не всегда точны и полны. Между тем, в исследовании парных погребений точность и полнота этих данных имеет первостепенное значение. К сожалению, только в отношении материалов 2-х памятников были проведены специальные антропологические исследования — Лебедевки и Сары [Ефимова, 2006; Нечвалода, в печати]. Также имеются достоверные данные о поле и возрасте погребенных из Покровки и Филипповки, раскопками которых руководил Л.Т.

Яблонский. В остальных случаях приходится руководствоваться «определениями» археологов-неспециалистов, например, согласно И.В. Денисову в кургане 1 могильника Обилькин Луг-1 мужчина был «старым», а женщина «молодой» [Исмагил, Сунгатов, 2013. С. 47], либо довольствоваться определением пола по инвентарю. Причем это не всегда делают публикаторы погребений, и в ряде случаев предположение о поле погребенных по инвентарю пришлось сделать нам. Такой подход нельзя признать вполне корректным и не во всех случаях этот вопрос удастся разрешить. Так, в погребении из Чукраклинского кургана колчан со стрелами находится у головы костяка, лежащего слева, к тому же слева в парных погребениях ранних кочевников уложены (за редчайшими исключениями) мужчины, и, следовательно, мы имеем основания определить левый костяк здесь как мужской. Но правый костяк принадлежит покойнику, уложенному в «позе всадника», а в других парных погребениях в этой позе лежат мужчины (Сара курган 4 и Обилькин Луг-1). Мы можем предположить здесь как погребение однополых субъектов, так и парное, но в котором женщине придана поза «всадника». В погребении 3 кургана 7 могильника Пятимары I «лежал костяк, кажется, женщины, на спине, головой на запад; ноги расставлены ромбом, согнуты в коленях, пятки сближены» [Смирнов, 1975. С. 28. Рис. 9, I]. Ключевое слово здесь «кажется». Правильнее будет признать, что в Чукраклах половая принадлежность обоих покойных, а в Пятимарах I нижнего погребенного нам не известна и мы включаем эти погребения в число парных с большими оговорками.

Вернемся к данным о возрасте погребенных. Из тех сведений, которыми мы располагаем, видно, что в 3 погребениях мужчина старше женщины и в 2 их возраст одинаков. В большинстве случаев оба погребенных имеют зрелый возраст — 30-55 лет, только в кургане 3 Сары женщина моложе (20-25 лет). Молодая девушка (18-20 лет) погребена в Филипповке, но там неизвестен точный возраст мужчины, указано только, что он тоже «молодой». Молодой мужчина (20-25 лет) находился в могиле в Пятимарах, но возраст (и пол) второго погребенного неизвестны.

Расположение покойных в могиле относительно друг друга подчиняется достаточно строгим правилам. Только в 3-х случаях слева лежит женщина, в остальных левая позиция принадлежит мужчине.

При первом же взгляде на парные погребения ранних кочевников бросается в глаза, что расположение в них мужчин и женщин организовано с соблюдением двух разных принципов «отношений»:

1) «нейтральное», когда оба покойных лежат вытянуто на спине параллельно друг другу, их положение не показывает того, состоят ли погребенные в близких отношениях (рис. 2).

Впечатление индифферентности покойных друг другу как будто нарушают случаи, когда один покойник «смотрит» на другого — мужчины «смотрят» на женщин в погребениях из курганов 11 Нового Кумака и 3 Сары (рис. 2, 7, 9). Нельзя, конечно, быть уверенным в том, что это не постмортальное смещение черепа. Во второй группе также есть подобные случаи, производящие большее впечатление намеренности придания головам покойных такого положения.

Положение рук и ног обоих погребенных из захоронений этой группы почти всегда одинаково — прямое, вытянутое. Лишь иногда руки слегка отведены в сторону. Одна погребенная женщина — из кургана 3 Сары по положению рук и ног заметно отличается от прочих (рис. 2, 9). Ее колени и, особенно, стопы ног, расположены в теснейшей близости, как если бы были связаны. Стопы даже перекрещены. Положение рук тоже, как будто указывает на связывание. Локти прижаты к бокам, а кисти несколько отведены в сторону. Это очень похоже на то, что руки были сильно притянуты к туловищу веревкой чуть выше локтей.

Это единственный в данной группе случай, который может указывать на насильственное умерщвление женщины.

2) «отношение близости», выраженные особенностями взаиморасположения покойных (рис. 3);

Их можно разделить на подгруппы:

2.1) погребения, в которых покойные лежат в теснейшей близости, хотя размер могилы позволяет расположить их свободно, с вытянутым положением костяков — Бесоба и Филипповка I (рис. 3, 1-2);

Помимо того, что погребенные лежат вплотную друг к другу, «отношения» показаны тем, что один из них «смотрит» на другого — в Бесобе женщина на мужчину, в Филипповке — мужчина на женщину. В Бесобе женщина расположена несколько ниже мужчины, что, может быть показывает ее «подчиненность».

2.2) с положением одного из погребенных в «позе всадника» — Сара курган 4, Обилькин Луг-1, Чукраклы, Пятимары I (рис. 3, 3-6).

В кургане 4 Сары расположение мужчины в «позе всадника» заставило придать телу женщины необычное положение — оно изогнуто в поясе под углом примерно 145° (рис. 3, 3). В Чукраклах ноги левого покойника (мужчины?) близко придвинуты к правой голени правого (женщины?) (рис. 3, 5), так что его тело приняло такую же неестественную позу, как в к.4 Сары. В Обилькинском Луге-1 женщина лежит вытянуто, вплотную к мужчине, но ее поза не выказывает какой-либо «подчиненности» (рис. 3, 4). Погребение из Пятимаров I входит в особую группу захоронений, где один покойник лежит сверху на другом²³. Положение мужчины сверху на теле женщины (?) не имеет, по-видимому никакой сексуальной подоплеки, оба покойных лежат на спине (рис. 3, 6). Но всё же в этом погребении можно увидеть некоторую «приниженность» женщины.

2.3) с положением погребенных «рука в руке» — Лебедевка V курган 9 погребения 2 и 4, Лебедевка VII курган 1 погребение 4 (рис. 3, 7-9).

Здесь оба погребенных лежат вытянуто в практически одинаковых позах и при этом «держат» друг друга за руки. В этом варианте нет никаких признаков «главенствования» и «подчиненности», полное «равноправие». Напомним, что еще К.Ф. Смирнов обратил особое внимание на такое же положение мужчины и женщины в кургане 35 могильника Калиновка, предположив, что это супружеская пара. В погребении 2 кургана 9 Лебедевки V близость

²³ Мы не включили в нашу выборку подобные погребения из могильника Увак (курган 2 погребения 2-3; курган 6 погребения 1-2) поскольку в каждом из них известен пол только одного погребенного [Смирнов, 1964. Рис. 46, 2; 1975. Рис. 21, 1].

покойных друг другу подчеркнута еще тем, оба погребенных «смотрят» друг на друга (рис. 3, 7).

Рис. 2. Парные погребения ранних кочевников Южного Урала с «нейтральным» расположением покойных.

- 1 — Альмухаметово к.9 п.4; 2 — Казачий Кордон-1 к.5; 3 — Лебедевка IV к.22 п.2; 4 — Лебедевка VI к.25 п.2; 5 — Мечетсай к.8 п.1; 6 — Новый кумак к.5 п.3; 7 — Новый Кумак к.11 п.2; 8 — Покровка 8 к.6 п.3; 9 — Сара к.3 п.2; 10 — Ульгули I к.3 п.2.

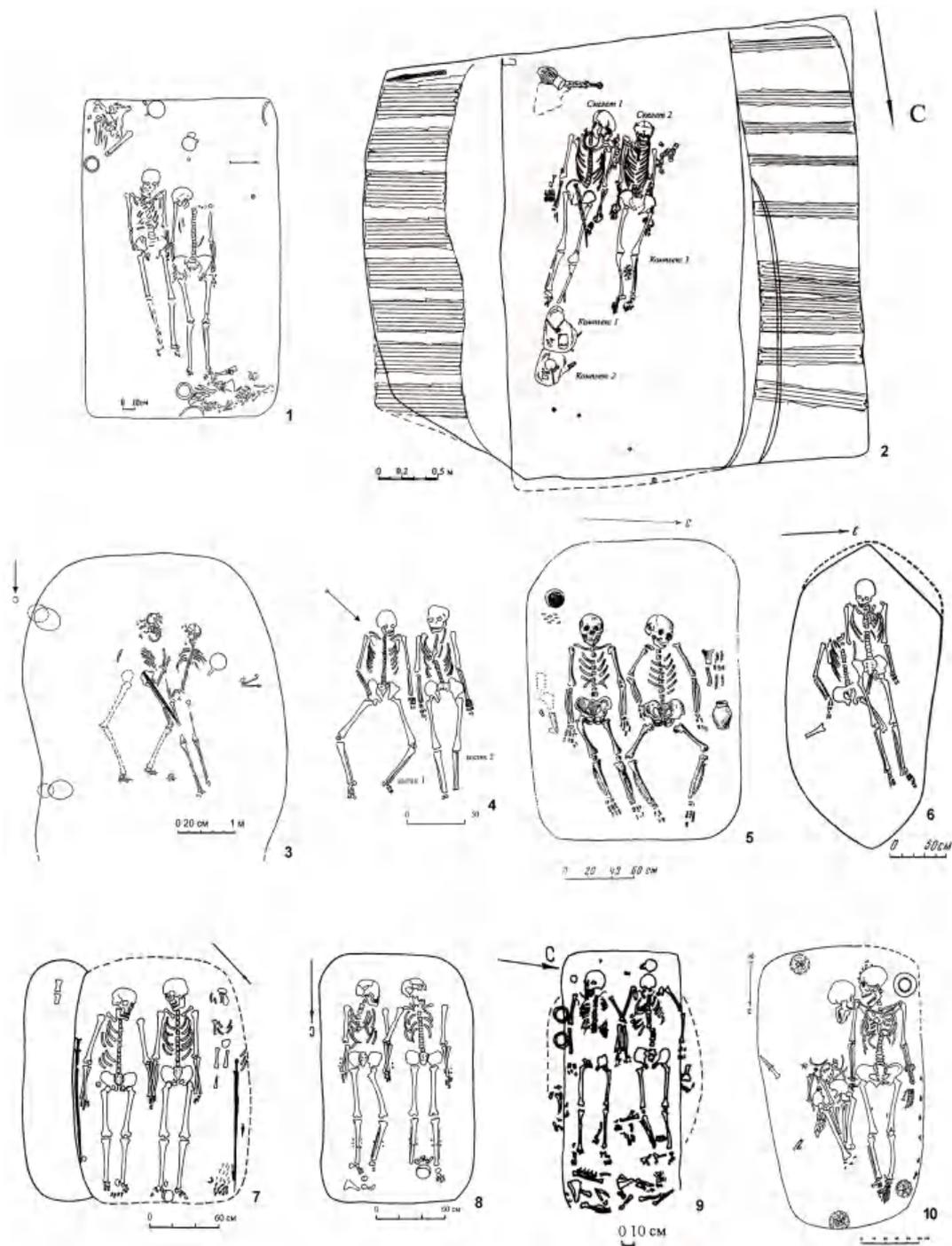

Рис. 3. Парные погребения ранних кочевников Южного Урала с демонстрацией «отношений близости» в расположении покойных.
 1 — Бесобак.7 п.2; 2 — Филипповка I к.4 п.2; 3 — Сарак.4 п.1; 4 — Обилькин Луг-1 к.1 п.2;
 5 — Чукраклы, 6 — Пятимары I к.7 п.3; 7 — Лебедевка V к.9 п.2; 8 — Лебедевка V к.9 п.4;
 9 — Лебедевка VII к.1 п.4; 10 — Имангазы-Карасу к.3 п.2

2.4) одновременное погребение в Имангазы-Карасу (рис. 3, 10).

Кости погребенного мужчины уже освободились от мягких тканей, когда могила была раскопана и в нее, справа от мужчины была положена женщина. При этом костяк мужчины был сильно нарушен и к моменту раскопок представлял собой «мешанину костей» напротив таза и бедер женщины. Череп мужчины был уложен напротив черепа женщины, так, чтобы он «смотрел» на нее. Женщина также «смотрит» «в лицо» мужчине. Ее стопы сильно сближены, и авторы публикации предполагают связывание ног в момент захоронения [Родионов, Гуцалов, 2000. С. 130].

В этом погребении, как и в погребении кургана 3 Сары можно усмотреть свидетельство насильственного умерщвления женщины. Впрочем, связывание могло быть и посмертным, и этот ритуал мог отражать, например, «обезвреживание» «опасных» покойниц. Смерть же их могла проистекать и от естественных причин.

В целом, надо признать, что парные погребения ранних кочевников гораздо больше напоминают захоронения семейных пар, чем «сопровождения» мужчин-покойников умерщвленными женщинами. На семьи указывают и захоронения вместе с мужчиной и женщиной маленьких детей (Новый Кумак курган 11 погребение 2, Лебедевка V курган 9 погребение 2, Лебедевка VI курган 25 погребение 2) (рис. 1, 4, 7; рис. 2, 7).

В работах, посвященных парным погребениям эпохи бронзы обсуждались ситуации, которые могли привести к появлению парных захоронений мужчины и женщины без жертвоприношения женщин — одномоментная смерть супругов в результате быстрой остро протекающей болезни, единовременная гибель во время военных столкновений, нападений врагов, сохранение трупов умерших в холодное время года, обычай самоубийства вдовы (по типу индийского ритуала «сати»), ситуативное самоубийство под влиянием личной привязанности (причем, как женщин, так и мужчин) [Сорокин, 1962. С. 119; Кузьмина, 1964. С. 48; Епимахов, 2002. С. 44; Рафикова, 2008б. С. 81-82].

Если сопоставить парные погребения ранних кочевников с парными погребениями бронзовой эпохи, можно найти и сходства и отличия. Начнем с последних:

1) парные погребения ранних кочевников встречаются sporadически, и никогда не образуют заметных в количественном отношении групп внутри отдельных могильников, как, например парные погребения эпохи бронзы в могильнике Тасты-Бутах 1, не говоря уже об отдельных курганах. Ничего похожего на курган 2 могильника Ташла-1 — с семью парными погребениями под насыпью или курган 1 Селивановского II могильника с пятью [Рафикова, Савельев, 2015. Рис. 2-4; Рафикова, Фёдоров, 2017. Рис. 114], в раннекочевнических древностях нет²⁴;

2) люди, захороненные парами в курганах ранних кочевников, практически всегда — взрослые, детских парных погребений нет, подростковые — крайне редки, в то время, как среди парных погребений эпохи бронзы детские и подростковые составляют не менее половины;

3) положение погребенных в парных захоронениях ничем не отличается от тех, где захоронены однополые субъекты, как мужчины, так и женщины, — те и другие чаще всего лежат вытянуто на спине параллельно друг другу, тогда как в парных погребениях эпохи

²⁴ Два парных погребения открыты в кургане 9 Лебедевки V (пп.2 и 4).

бронзы разнополые субъекты уложены на разные бока лицом друг к другу, а однополые на один бок;

К сходствам можно отнести следующее:

1) как и в эпоху бронзы, у ранних кочевников слева в погребении чаще всего лежит мужчина, но положение слева женщины тоже иногда встречается;

2) в тех немногих случаях, когда возраст мужчины и женщины определен, мужчина старше женщины, либо они имеют одинаковый возраст;

3) погребенные в парных захоронениях обеих хронологических групп бывают уложены таким образом, что их положение демонстрирует близкое отношение покойных друг к другу; в эпоху бронзы это так называемая «поза объятия», а у ранних кочевников встречается столь же красноречивое положение «рука в руке»;

4) среди погребений ранних кочевников есть случай подхоронения покойника другого пола в могилу к ранее захороненному покойнику, подобные разновременные погребения, совершенные в эпоху бронзы, встречаются также нечасто, но всё же образуют заметную группу.

Отличия парных погребений ранних кочевников от парных погребений эпохи бронзы частично определяются особенностями их культуры. Так, положение покойных в могиле у ранних кочевников коренным образом отличается от такового в эпоху бронзы. Оно вытянутое на спине, и смоделировать с его помощью какой-то специальный «посыл» невозможно, в то время как в эпоху бронзы положение покойного на левом или правом боку имеет очевидную зависимость от пола или социального положения. Моделирование «посыла» в раннекочевнических погребениях возможно с помощью места, занимаемого покойным в могиле (и мужчина чаще всего получает место слева от женщины). Что касается отсутствия парных погребений детей у ранних кочевников, то это не удивительно, поскольку у них детских погребений вообще очень мало, в то время, как в эпоху бронзы дети составляют большинство погребенных.

Парные погребения в курганах и могильниках ранних кочевников не образуют скоплений, это объясняется тем, что они, в отличие от населения эпохи бронзы, находились в районе своих «родовых кладбищ» лишь ограниченное время в году. Гибель семейной пары в сезон, когда происходило кочевье в южно-уральских степях, вероятно, не было частым явлением. Большая часть смертей у ранних кочевников, скорее всего, происходила зимой, вдали от Южного Урала. Сохранение покойников в зимнее время (когда, допустим, в декабре умирает жена, а в январе — муж, или наоборот), с последующим одновременным захоронением супругов, при кочевом образе жизни (особенно с далёкими сезонными перекочевками), вероятно, было затруднительно.

Погребения семей с детьми, вероятнее всего, можно объяснить единовременной смертью ее членов в результате стремительного течения какого-либо острозаразного заболевания (чума, сибирская язва). Нет сомнений, что так же легко могли погибнуть и бездетные семьи (или семьи, в которых дети уже взрослые).

Среди двойных погребений ранних кочевников имеется некоторое количество мужских захоронений. По крайней мере, в двух случаях можно говорить, что причиной единовременного погребения двух мужчин в одной могиле могла быть их одномоментная

гибель в результате боевых столкновений, так как в их телах найдены наконечники стрел: Шумаево II курган 9 погребение 17 [Моргунова, Гольева, Краева и др., 2003. С. 166-167. Рис. 99] и Кеньш-3 курган 1 [Базарбаева, Подзюбан, 1997]. Среди парных погребений мужчины и женщины таких, как кажется, нет. И причина их одномоментной смерти не столь самоочевидна.

Побудительным моментом для захоронения семейной пары ранних кочевников в одной могиле может быть являлось обоюдное желание супругов в случае смерти покоем в одной могиле. При кочевом образе жизни это, вероятно не всегда было возможно, так как смерть могла настичь супругов одновременно лишь в немногих случаях. При оседлом образе жизни таких случаев могло быть больше. Именно этим, скорее всего, объясняется относительная редкость парных погребений у ранних кочевников, и то обстоятельство, что они никогда не встречаются в заметном количестве в одном могильнике, и практически никогда — в одном кургане, как это нередко бывает в памятниках эпохи бронзы.

Посетители современных кладбищ, несомненно, обращают внимание на общие для двух супругов памятники. Явление это нельзя назвать редким, но и всеобщим его признать нельзя. Очевидно, что главной мотивацией для появления таких совместных захоронений, является желание любящих супругов покоем вместе²⁵. Впрочем, в некоторых обществах это было просто нормой. В викторианской Англии «в средних классах всегда считалось приличным и просто требовалось хоронить супругов рядом, даже если их смерти разделялись годами и сотнями миль» [Цимбаева, 2005. С. 340].

У ранних кочевников смерть супругов могла разделяться и годами и «сотнями миль», но возможностей для «соединения» умерших супругов в одной могиле у них было существенно меньше.

Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований президиума РАН проект №255

Список литературы

Базарбаева Г.А., Подзюбан Е.В. Курганная группа Кеньш-3 // Топорковские чтения: Региональное рабочее горно-геологическое совещание. Вып. III. Рудный, 1997.

Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Серебряная амфора из Филипповки // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Мат. междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» 21-25 апр. 2008 г. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. С. 29-38.

Берхин-Засецкая И.П., Маловицкая Л.Я. Богатое савроматское погребение в Астраханской области // СА. 1965. №3. С. 143-153.

Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Марыксин Д.В., Тулегенова Н.И. Отчет об археологических раскопках курганных могильников в районе аула Ульгули в 2004 году // Архив ЦИА ЗКО. Уральск, 2004.

Веддер Дж., Егоров В., Дэвис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л. Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году // Курганы левобережного

²⁵ Не чужды этому и археологи, чему свидетельством, например, совместная могила С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой на Новодевичьем кладбище.

Илека. Вып. 1. М.: ИА РАН, 1993. С.18-55, 69-128.

Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы: Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. 172 с.

Ефимова С.Г. «Савроматы» и ранние сарматы по антропологическим материалам из Лебедевского курганного комплекса // Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М.: Изд.фирма «Восточная литература» РАН, 2006. С. 133-148.

Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М.: Изд.фирма «Восточная литература» РАН, 2006. 160 с.

Исмагил Р., Сунгатов Ф.А. Памятники яйцкой культуры последней четверти V - IV вв. до н.э. на Южном Урале. Уфа: Белая река, 2013. 224 с.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре / Отв.ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: «Наука» Каз. ССР, 1977. С. 103-115.

Кузьмина Е.Е. Андроновские могильники на р. Байту (о некоторых деталях андроновского погребального обряда) // КСИА. 1964. № 97. С. 39-49.

Матвеева Г.И. Новые савроматские памятники в Башкирии // СА. 1972. №1. С. 259-261.

Мирошина Т.В. Амазонки у сарматов и проблема матриархата // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.: ИА РАН, 1990. С. 159-176.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы / Отв.ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. 392 с.

Нечвалода А.И. Палеоантропологические материалы ранних кочевников из курганного могильника Сара: Краниология и антропологическая реконструкция // Фёдоров В.К., Васильев В.Н. Сара: некрополь кочевой знати середины I тысячелетия до н.э. В печати.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала / Отв.ред. В.А. Могильников. М.: Наука, 1983. 200 с.

Рафикова Я.В., 2008а. Совместные погребения эпохи поздней бронзы на Южном Урале: Автореф. ... дисс. канд.ист.наук. Ижевск, 2008. 22 с.

Рафикова Я.В., 2008б. Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных захоронений эпохи бронзы // РА. 2008. № 4. С. 72–83.

Рафикова Я.В. Парные погребения алакульской культуры на Южном Урале // Арии степей Евразии: Эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 228-243.

Рафикова Я.В., Савельев Н.С. Парные погребения могильника эпохи поздней бронзы Ташла-I в Башкирском Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Мат. VI Всерос. науч. конф / Отв.ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Чел.ГКМ, 2015. С. 151-159.

Рафикова Я.В., Фёдоров В.К. Курганы Южного Зауралья: Кн.1. Кчалинский и Абзелиловский районы. Уфа: «Китап», 2017. 244 с.

Родионов В.В., Гуцалов С.Ю. Материалы погребений и случайных находок савромато-сарматского времени из фондов Актюбинского краеведческого музея // УАВ. 2000. Вып.2. С. 129-144.

Смирнов К.Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов / Отв.ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1964. 380 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.

Смирнов К.Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала / Отв.ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 3-51.

Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. 1960. № 120. 208 с.

Фёдоров В.К., Васильев В.Н. Впускное погребение из кургана №3 могильника Сара и парные погребения ранних кочевников Южного Урала // Арии степей Евразии: Эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 378-390.

Фёдоров В.К., Васильев В.Н. Уздечный набор с бляхами в виде рыб из кургана №4 могильника Сара в Восточном Оренбуржье // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2017. Т.17. №1. С. 54-62.

Цимбаева Е.Н. Исторические ключи к литературным загадкам: «Тайна Эдвина Друда» // Вопросы литературы. 2005. №3. С. 305-343.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей: Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004-2009 гг.). Каталог колл. Кн. I / Отв.ред. М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.

PAIRED BURIALS OF EARLY SOUTH URALS NOMADS OF
THE Vth - IVth CENTURIES B.C.

Fedorov V.K.

Academy of Economics, Law and Humanities (Academy VEGU), Ufa, Russian Federation

Abstract: The article deals with 20 burials of early South Urals nomads. The burials contain pairs of humans – adult men and women. The disposition of the deceased can be attributed to two types – “neutral” in relation to each other and showing “close relations”. Each type includes 10 graves. In the burials of the first type the deceased lie straight on their backs parallel to each other, sometimes at a considerable distance from each other. The burials of the second type demonstrate various means of showing “close relations” – the deceased are placed very close to each other, a “hand-in-hand” position, a “one-on-top-of-another” position, and also a woman buried to the already existing grave of a man. The study of paired burials of early nomads leads to the conclusion that these are burials of family couples.

Key words: early nomads, South Urals, funeral rite, paired burials, marital relations.

ЖЕНСКИЕ СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ
ОКРАИН СКИФСКОГО МИРА
(НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКОВ ЛИНШОУ И САРЫ-СУ-1)

Шульга Даниил Петрович (alkaddafa@gmail.com)
СИУ РАНХиГС, г. Новосибирск

Аннотация: в настоящее время в русскоязычной археологии крайне малое внимание уделяется исследованию материалов северокитайского царства Чжуншань (количество публикаций по данным *elibrary* не превышает и пяти). Тем более не проводилось никакого исследования женских погребений данного государства. А между тем, учитывая явно скифоидный характер элиты Чжуншань, подобная ситуация недопустима. В данной статье автор анализирует сопроводительные погребения женщин на полюсах скифского мира – в Крыму и Северном Китае. Тем самым в научный оборот вводятся новые данные. В качестве предварительного вывода можно сказать, что право на существования имеют и точка зрения о принесении девушек в жертву в момент захоронения, и противоположная, гласящая о неединовременности захоронения в центральной и сопроводительной могилах.

Ключевые слова: Чжуншань, скифы, Крым, женские погребения, Линшоу, Сары-Су.

В настоящей работе мы рассмотрим два погребения, находящихся на самых крайних концах ареала скифоидных культур. Оба они содержат женские подхоронения к центральной могиле мужчине, и, несмотря на разделяющие их 6500 км, имеют немало сходств. Также мы вводим в научный оборот ранее не публиковавшиеся материалы.

Городище Линшоу, бывшее административным центром царства Чжуншань (нач. V до н.э. – 295 г. до н.э.), которое было создано пришедшими еще в VII–VI вв. до н.э. в этот район (совр. пров. Хэбэй в КНР) «белыми ди» (эти ранние кочевники культурно относились к скифо-сибирскому миру). В Линшоу и за его пределами имеется около десятка захоронений, которые относятся к более раннему периоду, чем само городище. Среди них большое количество могил полностью разграблены.

Интересующее нас погребение M8002 находится на севере современной деревни Фанцзячжуан. Могилы представлены вертикальными ямами, заполнение внутри могилы утрамбовано. Длина могильной ямы с запада на восток – 4,35 м., ширина с севера на юг – 2,9 м., глубина – 3,8 м. Очевидно, имелись внутримогильные деревянные конструкции центральной погребальной камеры, но они прослеживаются лишь по древесному тлену. Тем не менее, размеры примерно восстанавливаются. Длина – 2,2 м., ширина – 1,4 м., высота около метра. Центральная могила была очень сильно разграблена, так что костных останков практически нет. По находкам раковин, которые, вероятно, находились в районе черепа, ориентация была на северо-восток.

Остальное пространство могильной ямы представляет из себя своеобразные «уступы». Длина южного – 4,35 м., ширина – 0,8 м; длина западного – 1,43 м., ширина – 1,5 м., длина северного – 4,35 м., ширина – 0,77 м.; длина восточного – 1,43 м., ширина – 0,6 м. В северной, западной и южной частях «уступа» есть сопроводительные погребения (авторами раскопок трактуются как жертвенные), где у каждого умершего прослеживаются следы

деревянного гроба. Все усопшие обращены вверх лицом, конечности выпрямлены. Погребальный инвентарь не обнаружен (ввиду ограбления мы не можем утверждать, что такового не было), лишь в южной могиле, сбоку от шеи найдено агатовое кольцо. Головы похороненных к северу и югу от центральной погребальной камеры обращены на восток, у похороненного на западной стороне — на север. Сохранность костяков далека от идеала, но в результате предварительной оценки установлено, что все усопшие в сопроводительных захоронениях – женщины. Возраст усопших в южной и западной могилах, составляет около 20 лет. Возраст усопшей в северной яме установить затруднительно, так как грабительский шурф уничтожил верхнюю часть костяка [Хэбэйский институт..., 2005/ С. 253–255].

В центральном погребении, как уже говорилось, обнаружена куча морских ракушек с полированными тыльными сторонами (101 шт.) и монеты-раковины (177 шт.). Также обнаружена одна бронзовая чека оси повозки, два фрагмента бронзовых удила и металлический предмет, который авторами раскопок трактуется как долото, хотя скорее всего это чекан. На основании устройства гробницы и сделанных находок, М8002 относится к середине периода Весен и Осеней (рис. 1).

Теперь поговорим о погребении под курганом в Сары-Су-1 (окрестности г. Белогорск, Крым). Основным погребением по центру кургана является склеп, который состоял из широтно ориентированной погребальной камеры глубиной ок. 1,5 м, перекрытой цельной плитой, к которой с восточной стороны примыкал заложённый камнями дромос. Стенки камеры устроены с отрицательным углом. На дне каменной камеры расчищено захоронение мужчины, уложенного на спину вытянуто, головой на юго-запад. Рядом обнаружены железные наконечник и вток копья, по которым восстанавливается его длина (ок. 180 см). В придонной части могилы найдено 10 бронзовых втульчатых наконечников стрел. На правой руке умершего находился железный браслет. В ногах обнаружены ребра и кости ноги лошади, а также целая гераклейская амфора с клеймом. В западном углу могилы были компактно и в определенном порядке сложены кости второго мужчины. Предварительно захоронение датируется IV – началом III в. до н.э.

Особенно важно, что вокруг склепа было расположено шесть подбойных одиночных погребений с западной ориентацией. Среди них имеется только одно захоронение мужчины с бронзовыми наконечниками стрел и пять могил с костяками женщин, сопровождаемые пряслицами и лепными сосудами. Там же в западной части кургана зафиксированы погребения младенцев, а также следы тризны с фрагментами битых амфор. Подобная компоновка под насыпью не очень типична для Крыма [Шульга П.И. и др., 2017. С. 528].

Теперь сопоставим два погребальных многомогильных памятника. Важно, что оба объекта принадлежат к скифоидным общностям, но время их создания не синхронно (V в. до н.э. в случае с Чжуншань и IV – нач. III в. до н.э. в Крыму). В обоих случаях перед нами в рамках одного комплекса центральная могила мужчины с ценными артефактами и крупной внутримогильной конструкцией и несколько более бедных сопроводительных, где по преимуществу покоятся женщины. В Линшоу происходит "обрамление" центральной могилы периферийными с частичным совпадением ориентации (в двух случаях из трёх), в Сары-Су практически все погребения широтные.

Важно ответить на вопрос, были ли вышеупомянутые женщины убиты в связи с погребальным обрядом или же они дозахоранивались по мере собственной смерти. Китайские исследователи однозначно говорят об усопших девушках как о жертвах. Это косвенно подтверждается весьма юным возрастом последних. С другой стороны, явных следов насильственной смерти на костях нет, исследования остеологического материала на предмет болезней не проводились. В Сары-Су–1 один из авторов раскопок, П.И. Шульга, склонялся к точке зрения о не одновременном захоронении всех умерших, которые, вероятно, могли дохораниваться продолжительное время. Естественно, что два памятника не могут дать почвы для далеко идущих выводов, но даже начальное исследование дало немало информации.

Список литературы

Хэбэйский институт культурного наследия. Город Линшоу царства Чжуншань периода Сражающихся царств. [河北省文物研究所. 战国中山国灵寿城 文物. 2005.] Пекин: Вэньу, 2005. 393 с.

Шульга П.И., Рукавишников И.В., Присекайло А.А., Чертыков В.А., Орозбекова Ж., Выборнов А.В. Археологические раскопки в предгорьях Крыма (предварительное сообщение) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 526–531.

WOMEN'S ACCOMPANYING BURIALS OF THE EASTERN AND WESTERN FRONTIER OF THE SCYTHIAN WORLD (ON THE EXAMPLE OF LINSHOW AND SARY-SU-1)

Shulga D.P.

Siberian Institute of Management — the branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk (Russia)

Abstract: Currently, in Russian-speaking archeology very little attention is paid to the North Chinese Zhongshan kingdom materials study (according to elibrary, the number of publications does not exceed five). Moreover, no research was conducted on the female burials of this state. Meanwhile, given the clearly Scythoid character of the Zhongshan elite such a situation is unacceptable. In this article, the author analyzes the accompanying women burials at the poles of the Scythian world - in the Crimea and North China. Thus, new data is introduced into scientific circulation. As a preliminary conclusion, it can be said that the point of view that girls were sacrificed at the time of burial and the opposite which states the central and accompanying graves non-simultaneity have the right to exist.

Keywords: Zhongshan, Scythians, Crimea, women's burials, Linshou, Sary-Su.

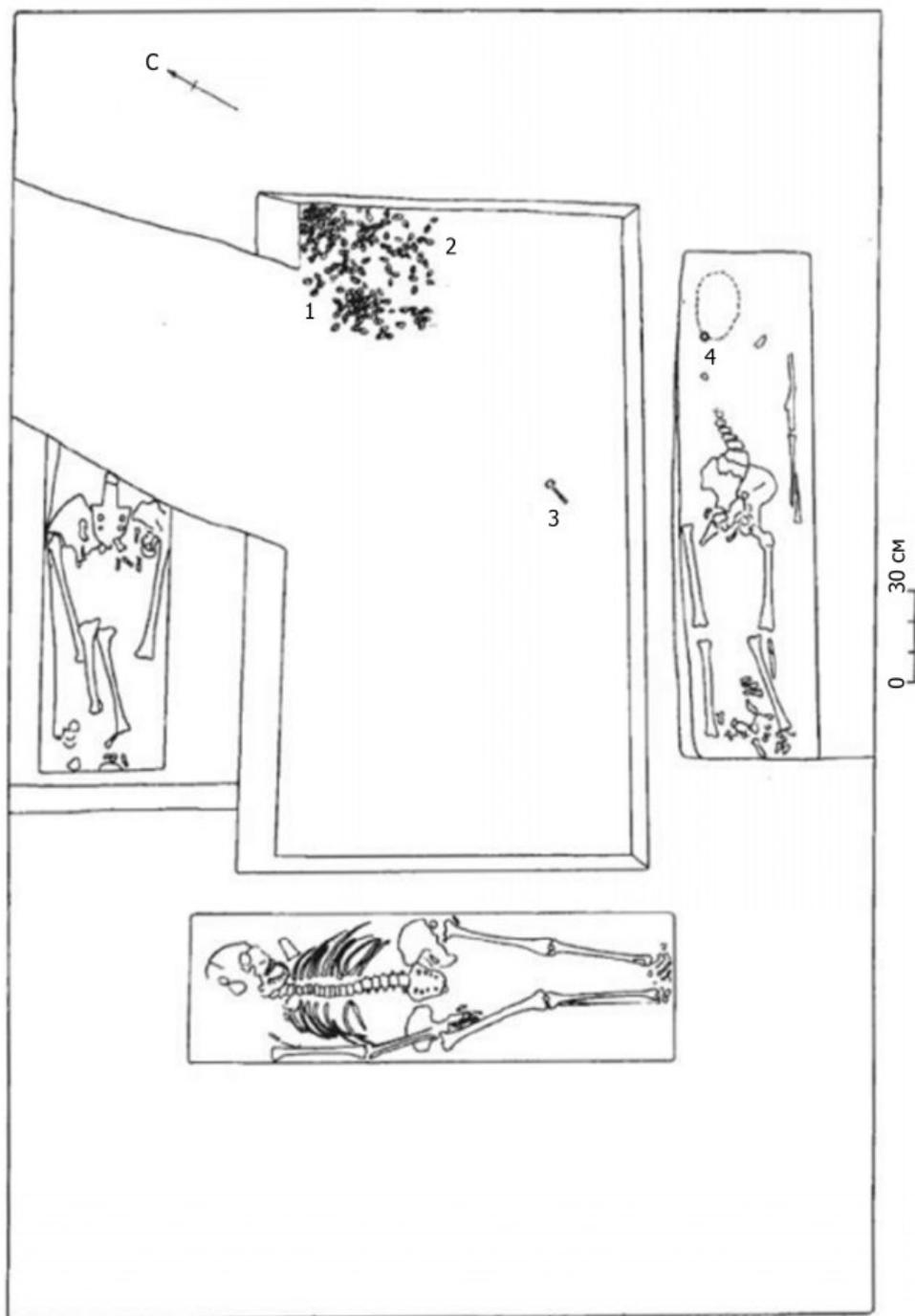

Рис. 1. План погребения M8002.

1 – около сотни морских ракушек; 2 – более полутора сотен раковинных монет; 3 – бронзовая чека оси повозки; 4 – агатовый перстень.

ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ У РАННИХ КОЧЕВНИКОВ: СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС, ЭКИПИРОВКА И КОСТЮМ

© 2018 г. Яценко Сергей Александрович (*sergey_yatsenko@mail.ru*)
РГГУ, Москва, Россия

Аннотация: Перспективно изучение не единичных могил воительниц в небольших некрополях, а их серий на крупных кладбищах (Мамай-Гора, Новый, Скельки). Их материалы отражают особенности военно-политической ситуации, иерархию кланов и семей, детали разных аспектов личного статуса женщины (семейного, ритуального, заслуг) и обстоятельств смерти. Набор помещаемого оружия отличается от мужского. «Дополнительное» оружие, кроме стрел, частично зависело от возрастной группы (Мамай-Гора) или от типа могил (Новый). В восточных регионах Степи воительниц почти не выявлено. На западе, в ключевых зонах Скифии (Низовья Днестра и С-З Приазовье) и Сарматии (низовья Дона), с их наилучшими пастбищами и обилием серьезных оседлых врагов, их было больше (и, видимо, гораздо больший процент, чем представлен в сохранившихся на сегодня могилах).

Ключевые слова: воительницы ранних кочевников, трудности интерпретации статуса, крупные серии в больших курганных и грунтовых могильниках, Мамай-Гора, Новый и Скельки, экипировка и обрядность, различие социального статуса в разных общинах.

Археологическому изучению женщин-воительниц технически серьезно мешают разновременные ограбления многих их могил и отсутствие для большинства изученных памятников достоверных *половозрастных определений* (последние нередко делались выборочно, для элитных погребений; но и антропологов часто не интересуют возможные следы «всаднического стресса», боевых травм и т.п.). Другим серьезным препятствием была и остается сумятица в головах коллег по поводу социальной интерпретации обычно весьма редких выявленных могил воительниц (обычно по одной, редко – две на некрополь), например – того, насколько они отражают реальную картину «народа-войска» номадов, о чем именно нам говорит преобладающий возраст умерших, было ли это их реальным оружием на войне и т.п. И сегодня даже основные специалисты по воительницам у ранних кочевников рассматривают, в первую очередь, *единичные* изолированные погребения, подчас – без антропологических определений [Фиалко, 2015. С. 60-79], а также *принимают за «вооруженных женщин» умерших с положенным им единственным наконечником стрелы*²⁶ (который еще в XX в. был у номадов обычным амулетом для матерей) и т.п. [Там же. С. 62, 63, 66-67, 72-73; Богаченко, 2017. С. 197, 199-200, 202-204, 208-211]. Материал, собранный в названных обширных сводках, еще предстоит интерпретировать. Иногда оружие, помещенное в могилу погибшей женщине, могло принадлежать не ей самой, а хоронившим ее людям²⁷. Как, ни странно, часть коллег поныне *de facto* оперирует переосмысленными греческими мифами об амазонках, заблуждениями Геродота и Псевдо-Гиппократа по поводу

²⁶ Так, Е.Е. Фиалко убеждена: скифская девочка из к. 13 в Буторах 1 (Молдова) с серебряными серьгами (!) и с одним наконечником стрелы была из-за этого магической «охранницей» своей, похороненной здесь же матери (?) [Там же. С. 62]. Ниже сокращения типа «к. 18/3» и т.п. означают номера кургана и погребения.

сюжетов варварского фольклора, учеными фантазиями гуманитариев начала XIX о былом «матриархате» савроматов и ранних сарматов и якобы небывалом обилии «жриц» в их могилах [см. об этой позиции и ее истоках: Мирошина, 1990; Яценко, 2007; 2015а. С. 7-10].

При этом исследователи избегают детального системного анализа крупных некрополей с *серией* таких, изученных антропологами, могил и их *сопоставления*, хотя их материалы неоднократно публиковались и предварительно специально рассматривались (см. Мамай-Гора у скифов с 367 могилами: Фиалко, 2010; Новый у «средних» сарматов со 184 могилами и 228 умершими: Вдовченков, 2013), такие серии могил рассматриваются не полностью (так, Е.В. Вдовченков привлек 9 из 14 могил, а Е.Е. Фиалко – 12 из 15). В целом даже у ведущих специалистов по проблеме преобладает не вполне оправданный скептицизм насчет социокультурной информативности погребений женщин с оружием, смущает их малочисленность и т.п. [Богаченко, 2011. С. 153–156, 185–187]. Действительно, во многих кочевых культурах в наличном материале курганных некрополей трудно искать достоверный демографический или социальный срез эпохи (например, «исчезновение» воительниц в могилах сарматов с рубежа II–III вв. н.э. противоречит надежным данным письменных источников [Яценко, Вдовченков, 2015. С. 177]). Однако их данные при корректном подходе открывают специфические возможности социокультурных интерпретаций статуса этих, судя по возрасту, почти всегда уже *замужних* в традиционном обществе женщин.

Думается, для понимания сути явления наиболее продуктивен анализ не единичных погребений воительниц, а материалов именно *самых крупных в Степи некрополей* (обычно располагавшихся, видимо, у «святых мест») с самыми обширными их сериями. Их у ранних кочевников Европы всего два: Мамай-Гора: [Андрух, Тошев, 1999-2009] и Новый [Ильюков, Власкин, 1992. С. 30-142; Батиева, 2011. С. 100-103]. Я тоже уже частично рассматривал их «амазонские» материалы [Яценко, Вдовченков, 2015. С. 177; Яценко, 2016а. С. 313-317. Рис. 2; 2017, с. 262-263. Рис. 7]. Однако многие «мелочи» в этих сериях еще не привлекали внимания.

В скифской *Мамай-Горе* (в основном относящейся к IV в. до н.э.) таких погребений всего **15**: 1) к. 5/3; 2) к.10/6; 3) к. 13/2; 4) к. 15/2; 5) к. 16/1; 6) к. 20/4; 7) к. 36/3; 8) к. 45/1; 9) к. 54/3; 10) к. 85/6; 11) к. 100; 12) к. 118/2; 13) к. 121/1; 14) к. 138/1; 15) к. 139/6. Они относятся ко всем трем типам могил (отражающим, вероятно, наличные группы кланов): в основном – к преобладающим в некрополе подбоям (№№ 2-3, 8-9, 12-15), к катакомбам (№№ 1, 4-6, 10-11) и ямам (№ 7) (рис. 1). Композиция погребений «воительниц» в сложной и плотной структуре этого кладбища создает впечатление вполне *продуманной*: подбои размещаются скоплениями в западной и восточной частях по 3 или 5 могил; пять катакомб в центральной части расположены рядом по 2 или 3 вдоль края могильного поля; единственная яма находится на дальнем восточном краю. При этом девушек 16-20 лет (которые, казалось бы, и должны были у кочевников активно воевать), как и погребенных с ребенком, *здесь нет вовсе*. В подбоях господствуют женщины 25-30 лет (2/3 из 6 «узких» определений, ср. из всех определений – 8 из 11), а в катакомбах – еще старше (30-35 лет, 3/4 из 4 определений, то

²⁷ Такая ситуация вероятна для сарматской могилы в к. 12/3 у с. Александровка (Луганская обл.), где женщину, убитую стрелой в грудь, поместили в сидячем положении, а в один из углов могилы воткнули вертикально три наконечника копий [ср. Фиалко, 2015. С. 75].

есть при тогдашней продолжительности жизни – весьма «пожилые»); лишь умершей № 3 из подбоя было за 35. К сожалению, вероятные травмы военного времени в Мамай-Горе, хотя они и отмечены, антропологом Л.В. Литвиновой до сих пор не описаны. Чаще всего могила с оружием – одна из многих среди 3-10 предполагаемых родственников в кургане (№№ 1-2, 4-7, 9-10, 12, 14-15). Три могилы (№№ 8, 11, 13) были одиночными в кургане, но по другим параметрам они не имеют заметных отличий от многих прочих (женщины 25-35 лет, с колчанами, сдержавшими более 20 стрел). Достоверные парные захоронения со взрослым мужчиной немногочисленны, но представлены во всех типах могил (№№ 3, 6-7) в разных вариациях (№№ 3, 6 – с мужем (?) – сверстником, причем в первом случае его впустили позже в могилу супруги (в этих случаях у умершей были серьги или перстень); с отцом (?) старше примерно на 20 лет (№ 7).

Из вооружения чаще всего помещали *только стрелы*. В тех случаях, когда могилы не ограблены (в частности – все 5 подбоев восточной группы), здесь были колчаны обычно более чем с 20 стрелами (21-52 экз.) у женщин 25-35 лет (у единственной более молодой – 17 экз.). В не ограбленных катакомбах встречены как наборы менее 20 экз. (не менее 3, 13, 16 экз.), так и более солидные (24, 45 экз.). На деле же это зависело *от возраста*: все наборы более 20 экз. известны только у лиц 25-35 лет; у лиц до 25 лет и старше 25 их число меньше. В комплектах неоднократно встречено по 21 и 45 стрел, и это, надо думать, не случайно. Дважды в подбоях отмечены обряды со стрелами из колчана: в одном случае (№ 12) большую часть наконечников разбросали при заполнении могилы, а два положили у головы; в другом (№ 8) все древки были явно обломаны. *Дополнительное*, кроме стрел оружие (в первую очередь – 1-2 копья) встречено у двух дам *старшей возрастной группы* (30-35 лет) на краях некрополя (№№ 1, 9); в первом случае оно у ограбленной (наиболее социально выделенной в данном сообществе) [Яценко, 2017. С. 258]) дополнено, как минимум, чешуйчатым панцирем и парой боласов. *Меч* в Мамай-Горе был чисто мужским атрибутом. Изделия из золота и серебра в этом бедном некрополе встречены *только в катакомбах*, почти всегда – у женщин [Там же. С. 260]. Единственное такое не ограбленное погребение воительницы (№ 5) содержит серебряную гривну, золотой перстень, несколько ожерелий, колчан с 45 стрелами и т.п. Соответственно, ограблений в катакомбах – 1/3 (№№ 1, 4), в подбоях – 1/8 (№ 13), единственная яма не тронута. Ограблена всего 1/5 часть воительниц; этот процент ниже среднего. Многие аксессуары их костюма (в отличие от «мирных» женщин [Там же. С. 260-261]) не зависели от типа могил и определялись *возрастом*. Так, с 25 до 35 лет отмечены 1-3 серьги (№№ 8, 10, 15), не выявленные в элитном погребении сверстницы (№ 5); в этом же возрасте использовали пряжки и пуговицы (№№ 11-12, 15). С 30-35 лет носили 1-2 перстня (№№ 3, 11).

Интересен бедный скифский грунтовый могильник Скульки [Попандопуло, 2011] с его 9 воительницами, где оружие чаще встречено у женщин 20-25 лет. С такими женщинами здесь связаны 2 из 3 известных ритуальных комплексов – тризны и жертвенники (могилы 15, 44). Чаще они принадлежали малым «семейным группам» вне основной восточной зоны. Единственная могила (24) с оружием, отличным от обычных стрел (копье), тоже принадлежит пожилой даме.

В других некрополях европейской Скифии достоверных (определенных антропологом) погребений женщин с оружием заметно меньше. Могильников, где воительниц выявлено более двух [см. Богаченко, 2017. С. 183-184, 194-197, 199-200; Фиалко, 2015. С. 68-70] вне городов известно, помимо названных, всего пять (!). Их нет почти во всей Лесостепи, в Крыму и на западе Скифии. Обычно такие могильники расположены вдоль низовий Днепра и в Северо-Западном Приазовье – именно там, где выявлена на сегодня концентрация боевых ранений в скифских некрополях [Ср. Дараган, 2016. С. 46. Рис. 9]. В Днепропетровской обл. это некрополи у с. Кут и Верхнетарасовка. В первом случае это меч и колчан с 36-87 стрелами (к. 7/9а; к. 21/4) или только небольшое число стрел в колчане (14: к. 5/4). Во втором случае мы встречаем (у лиц не моложе 25-30 лет) это одно копьё плюс меч (фрагмент) или стрелы (к. 14/2; к. 27/1), в других – только стрелы (от 4 до 30: к. 82/3; 84/2). В Северном Приазовье это некрополи у с. Акимовка и Новое. Для первого отмечены либо набор из двух копий (или их втоков) и несколько символических стрел (к. 2/2; к. 3/6), либо только пучок стрел у лица умершей (к. 13/6); стрел всегда не более 10. Во втором случае это всегда 2-3 копьё (точнее – их части) + колчан со стрелами (24, 82, 130 экз.) (к. 5/1; к. 6/2; к. 8/1). В верховьях Дона в ограбленных комплексах Колбино I (к. 5, 6, 12) у четырех женщин старше 30 лет были копьё и колчан, а в последнем комплексе и панцирь. В городском курганном некрополе Елизаветовского городища в устье Дона мы наблюдаем более богатый набор в парных погребениях, где возраст женщин от 25 до 40 лет: меч, копьё и стрелы в колчане (не менее 20 экз.) (к. 14/2; к. 27/1; к. 51/2). Итак, в степях Скифии вне близости от городских центров (Каменского и Елизаветовского) в таких сериях видим два «типовых» набора у воительниц внутри каждого могильника – с 1-2 копиями и колчаном, или же только с колчаном. В позднескифском некрополе Глиное (Молдова) III-II вв. до н.э. из 181 катакомбной могилы [Тельнов, Четвериков, Синика, 2016] в 9 предполагаются «воительницы» (обычно с 1(?)–4 стрелами). Выделяются два погребения особого статуса с нестандартным вооружением (к. 14/2, к. 31/2): в одном из них найден топор, в другом – 2 копьё, 2 стрелы, булава и щит [Фиалко, 2015. С. 62]. Для выяснения статуса воительниц в отдельных кочевых общинах интересен также некрополь Рядовые Могилы всего с двумя их погребениями [Полин, 2014]. Здесь в каждом из трех скоплений курганов выделяется один высокий, причем в двух группах такие высокие курганы (15, 22) содержали основные, наиболее ранние могилы именно воительниц с набором копий и колчаном, с обильным золотым декором костюма и с убитой служанкой у каждой.

Вторым важным объектом рассмотрения является сарматский **Новый** в Сальских степях, с его преобладанием мужчин и высокой (25%) долей детей. Он в основном датируется в пределах I в. н.э., в функционировании которого выделяются два хронологических этапа (рис. 2). Это 14 погребений (20,5% общего числа женщин): 1) к. 14/1; 2) к. 17; 3) к. 61/3; 4) к. 71; 5) к. 74/4; 6) к. 75/1; 7) к. 84/1; 8) к. 85/4; 9) к. 91; 10) к. 92/2; 11) к. 95/2; 12) к. 96/1; 13) 99/1; 14) к. 124. Большинство могил здесь (как и воительниц: 11 из 14) относится к раннему этапу, который по многим признакам был стрессовым и сопровождался конфликтами с соседями [Яценко, 2016а. С. 317]. Как и в Мамай-Горе, здесь воительницы представлены во всех трех типах погребений: в преобладающих ямах (№№ 1-2, 4, 6, 11-12, 14), ямах с заплечиками (№№ 7-8, 10) и подбоях (№№ 3, 5, 9, 13). В ранний период (рис. 2:

слева) ямы и подбои встречены на разных участках, а ямы с заплечиками концентрируются на небольшом участке на границе с поймой р. Сал. В поздний период (рис. 2: справа) мы видим только ямы (по одной в каждом из основных скоплениях). Результаты их ограблений таковы: если ям уцелели лишь две (№№ 2, 12) или около 29%, то подбоев – 25% (№ 5), а ям с заплечиками – 2/3 (№№ 7, 10).

У большинства воительниц сохранились в могилах всех типов *только стрелы* (8 из 14: №№ 1-2, 6, 9-11, 13-14), однако 3/4 их было ограблено, и в этом нет уверенности. Три из четырех единичных погребений в курганах относятся к этой группе. Даже у ограбленных найдено от 10 до 46 стрел; в уцелевшем колчане (№ 10) их было 31 экз. Особую группу образуют могилы женщин от 18 до 30 лет, где как в целых (№ 2), таких и в ограбленных могилах (№№ 6, 9, 11) обнаружено *по 3 стрелы* (наиболее простое священное число). Видимо, и грабители не трогали такой сакральный набор²⁸. Такую же картину наблюдаем, например, у обеих скифских воительниц (в ограбленной и целой могилах 48 и 54) в Николаевке V Одесской обл. [Богаченко, 2017. С. 201]. Еще в 6 погребениях (от 18 до 55 лет всех типов могил) вооружение было иным, и в нём царил полный разнобой, производя впечатление случайности. Однако это не совсем так: в обеих ямах с заплечиками присутствовал меч, в обеих ямах – топор. Известны комплекты: меч и кинжал (№ 8), меч и боевой нож (№ 3), меч (№ 7), кинжал и стрелы (№ 5), топор и боевой нож (№ 4), топор (№ 12).

От Мамай-Горы Новый отличается, кроме прочего, наличием воительниц *до 20 лет* (№№ 2, 5, каждая с 1-2 маленькими детьми; № 8 – с двумя братьями в одной могиле, у всех троих – по мечу и кинжалу), присутствием среди оружия мечей, топоров и боевых ножей, а также наличием умерших *с 1-2 маленькими детьми* (№№ 2, 5, 7, 9); специальных могил детей в ранний период тут не было. Женщина до 20 лет в № 8 похоронена с новорожденным, т.е. умерла от родов, ее сверстницы в трех других случаях, видимо, от эпидемии или голодовки, а погребенная с братьями (?) № 8 – от скальпирования врагами. От местных *мужчин-воинов* (у которых обычной была комбинация меч + стрелы) воительницы Нового отличались отсутствием панциря, копий, парных комплектов экипировки (мечи, узда), наборных поясов или поясов с золотыми / серебряными / с золотой плакировкой пряжками. У женщин Нового отсутствуют и частая у мужчин (7 случаев) единственная символическая стрела-амулет. Как и мужчин, у воительниц отмечены аналогичные обряды с оружием (помещение стрел в двух местах могилы – № 6). Большинство явно было из бедных семей; однако обе женщины *с топорами* из простых ям входили в местную элиту, их костюм включал золотые бляшки одежды, серебряный перстень (В.Е. Вдовченков считает преимущественно элитными ямы с заплечиками)²⁹. Сравнительно высокий статус хозяек

²⁸ Е.Е. Фиалко сомневается в моей «сакральной» трактовке 3 стрел (хотя ясно, что их число не соответствуют реальному колчанному набору и имеет символический характер), однако при этом приводит как пример противоположного (рационального?) использования девочку из к. 5 в Зеленом, Одесской обл. (дочку (?) взрослой воительницы) с тремя стрелами как магическую «охранницу» [Фиалко, 2015. С. 77].

²⁹ У № 4 высота кургана, насыпанного в сарматское время, а не, как обычно, еще в бронзовом веке, была *более 0,5 м*, что известно еще лишь для мужчины в к. 118. Для этой женщины (а также для трех рядовых воительниц №№ 2, 9, 14) насыпали персональный курган, куда позже новые могилы не впускались.

топоров у «средних сарматов» подтверждается многими фактами [Яценко, 2016б. С. 201-203. Рис. 5]. Как уже отмечалось, для четырех женщин насыпали отдельный курган. Иногда под насыпью всего две могилы (кроме воительницы, это ее вероятный муж - №№ 3, 6-7, 10-11 или сын - № 12); одном случае рядом были две отдельных могилы детей (№ 13), в другом – в двойном подбое (№ 3) были две женщины, каждая – с ребенком, одна из них - воительница.

В целом наличный материал свидетельствует скорее о том, что помещение предметов оружия (часто – явно символического: несколько стрел, топорик и т.п.) в могилы части женщин отражает их весьма разнообразный статус в зависимости от военно-политической ситуации в конкретном регионе, влияния их семьи до и после замужества, личных заслуг, семейного и ритуального статуса женщины на момент смерти и обстоятельств последней [см., например: Яценко, 2015, с. 13]. Я пока не могу поддержать предположение коллег, что доля женщин с оружием в некрополе *выявляет реальный состав женщин – участниц военных конфликтов* в разные периоды из жизни, свидетельствует об их «воинской повинности» и т.п. [ср. по Мамай-Горе: Фиалко, 2010. С. 196]. Думается, реальное участие женщин в военных акциях было иным и *гораздо более широким*, чем это видится на основании серий полуразрушенных могил с плохой сохранностью не только органики (это относится к районам, где погребения воительниц хоть и редки, но довольно плотно заполняют территорию). Реальная востребованность «вооруженных» женщин в могилах была очень различной в разных частях мира античных кочевников. В Центральной Азии мы знаем лишь единичные, крайне малочисленные погребения, в отличие от более западных ключевых районов Скифии (низовья Днестра и СЗ Приазовье) и Сарматии (низовья Дона), с их наилучшими пастбищами и обилием серьезных оседлых врагов. Характерно, что в таком огромном позднесарматском некрополе как Каратума в Семиречье, воительниц не обнаружено [Байпаков, Воякин, Захаров, 2016]. Подлинный их статус отражен и в том, что они не удостоились изображений в искусстве номадов (собственном и заказном у оседлых соседей). Единственное исключение – несколько статуй в двух святилищах III-I вв. до н.э. в почти безлюдных и тогда районах плато Устюрт – только подтверждает это правило [Яценко, 2015б. С. 47-48] (рис. 4: 1-2). У одной женщины изображены одновременно три меча, что известно на синхронных сарматских изображениях (Сапогово) [Яценко, 2000. Рис. 3: 2]. Вероятно, в этих поминальных комплексах представлены обычно не реальные умершие, а легендарные, фольклорные персонажи.

У воительниц были два основных комплекта костюма: женский, но с рядом дополнений (глубокие разрезы подола, особый головной убор) и аналогичный мужскому [Яценко, 2006. С. 144, 340-341]. Как в сако-скифскую, так и сунну-сарматскую (рис. 4: 5) эпохи у номадов Центральной Азии костюм по письменным и археологическим источникам был в целом близок к мужскому (юбки у женщин в Аржане-2 и Иссыке (рис. 3: 1-2) являются лишь гипотетическим конструктом «по аналогии», не подтверждаемым материалами из погребений). Другой особенностью Центральной Азии являлись парные захоронения (в одной могиле или в двух могилах в одном кургане) «золотых людей» (в костюме с участками сплошь покрытой золотом поверхности), где оба супруга были с оружием (Аржан-2 и, вероятно, Иссык). У европейских номадов (кроме самых восточных савроматов) явно преобладал в античное время костюм женского облика (рис. 4: 6-7). Возможно, что женщин с

комплектом вооружения хоронили именно в их *воинском* костюме. Любопытно, что после эпохи эллинизма кое-что из греческой символики мифических амазонок оказалось заимствовано в костюме реальных воительниц иранских народов. Так, мотив двулезвийной секиры-labrys (главного атрибута амазонок в греческом искусстве [см. Шауб, 2007. С. 109]) оказался на бляшках платьев умерших, как и изображения богини-воительницы Афины - на перстнях и брошках (рис. 4: 3-4) [Яценко, 2015б. С. 53].

Список литературы

- Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Кн. I-IV. Запорожье: Изд-во ЗНУ, 1999-2001-2004-2009.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы: Археологическая экспертиза, 2016. 672 с.
- Батиева, Е. Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. — IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011. 160 с.
- Богаченко Т. Н. Женщины-воительницы южнорусских степей: Исторические основы сказаний. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publ., 2011. 256 с.
- Богаченко Т.В. Исторические основы сказаний о женщинах воительницах южнорусских степей. Ростов-на-Дону, Таганрог: Южный федеральный ун-т, 2017. 267 с.
- Вдовченков Е.В. «Мужское» и «женское» в погребальном обряде и обществе сарматов Подонья (по материалам курганного могильника Новый) // Учитель. 2013. № 4. С. 287-294.
- Дараган М.Н. Скифские междоусобицы // ВДИ. 2016. № 1. С. 22-62.
- Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1992. 288 с.
- Мирошина Т.В. Амазонки у сарматов и проблемы матриархата // Проблемы скифо-сарматской археологии / ред. А.И. Милюкова. М.: Наука, 1990. С. 159-176.
- Полин С.В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V-IV вв. до н.э. на Херсонщине. Киев: Видавець Олег Філюк, 2014. 776 с.
- Попандопуло З.Х. Скифский грунтовый могильник Скельки. Запорожье: Запорожский обл. краеведческий музей, 2011. 116 с.
- Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь: ПГУ, 2016. 1096 с.
- Фиалко Е.Е. Погребения амазонок из могильника Мамай-Гора // Stratum plus. 2010. № 3. С. 187-196.
- Фиалко Е.Е. Амазонки во времени и пространстве // Археологія і давня історія України. 2015. Вип. 4. С. 46-99.
- Шауб И.Ю. Миф, культ и ритуал в Северном Причерноморье VII-IV вв. до н.э. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2007. 484 с.
- Яценко С.А. Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II-I вв. до н.э. // Stratum plus. 2000. № 4. С. 251-272.
- Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 661 с.

Яценко С.А. О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматов I в. до н.э. – II в. н.э.) // Мировоззрение народов Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. 1 / отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: АлГУ, 2007. С. 58-66.

Яценко С.А. Сарматские женщины-воительницы: историографический миф и археологическая реальность // Высшее образование для XXI века. XII Международная научная конференция. Доклады и материалы. Секция 7. Проблемы исторического образования / ред. С.В. Алексеев. М.: Изд-во МосГУ, 2015а. С. 6-15.

Яценко С.А. Костюм женщин-воительниц у ранних кочевников // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. Материалы XVIII-й международной научной конференции / ред. Н.М. Калашникова. СПб.: СПГУТД, 2015б. С. 47-56.

Яценко С.А. К изучению планиграфии крупных сарматских некрополей // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / ред. Яблонский Л.Т., Краева Л.А. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016а. С. 311-319.

Яценко С.А. Сарматский могильник 2-й половины I - начала II вв. н.э. у с. Усть-Каменка: особенности планиграфии // Старожитності степового Причорномор'я і Криму 2016б. Т. XIX. - С. 196-212.

Яценко С.А. Планиграфия скифского могильника Мамай-Гора // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. 2017. Т. XX. С. 248-268.

Яценко С.А., Вдовченков Е.В. О некоторых сторонах военной организации древних кочевников европейской Степи // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. – С. 171-182.

WOMEN-WARRIORS OF THE EARLY STEPPE NOMADS: THE SOCIAL STATUS, EQUIPMENT AND COSTUME

Yatsenko S.A.

Russian State University for the Humanities, Moscow, professor

Abstract: The study of series of women-warriors graves in big necropolises (Mamai-Gora, Novyi, Skelki) not their single graves is the most promising. Their materials reflect the specificity of the military and political situation, the clans and families' hierarchy, the details of woman personal status in family, in rituals and after her personal merit and the circumstances of death. The weapon types are different from men's. The "additional" weapons (except the arrows) placed into a grave was different in various age groups (Mamai-Gora) or in the various types of graves (Novyi). In the eastern Steppe regions the women-warriors were very rare and single. In the west of Steppe, in the most important regions of Scythia (Lower Dnepr and SW Azov Sea coast) and Sarmatia (Lower Don), with the best pasturelands and with many strong sedentary enemies, their number was the greater. But their number was, probably, was much higher than it was presented in the preserved graves.

Key words: Women-warriors of the early nomads, problems of status interpretation, series in the big barrow and ground necropolises, Mamai-Gora, Novyi and Skelki, equipment and rituals, different social status in various nomadic communities

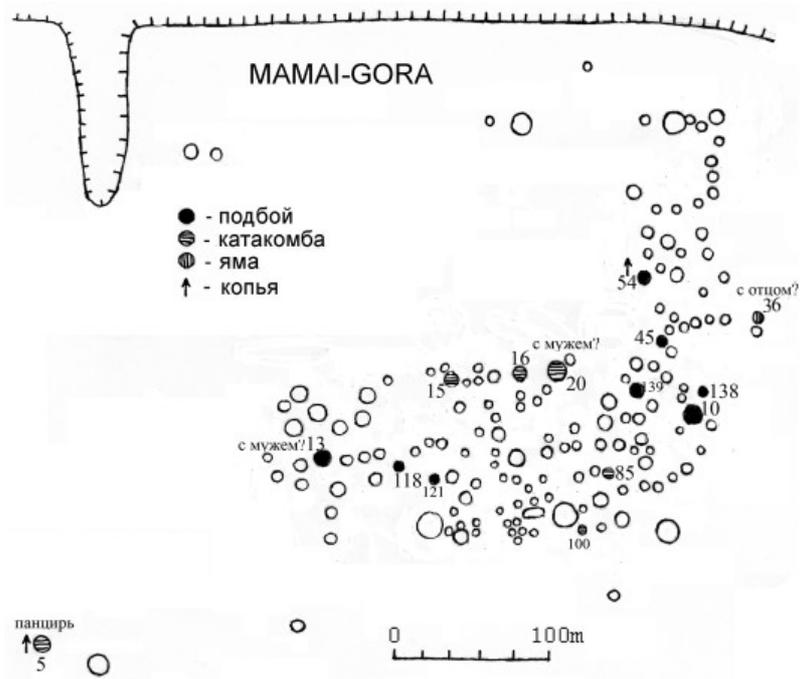

Рис. 1. Скифские воительницы Мамай-Горы.

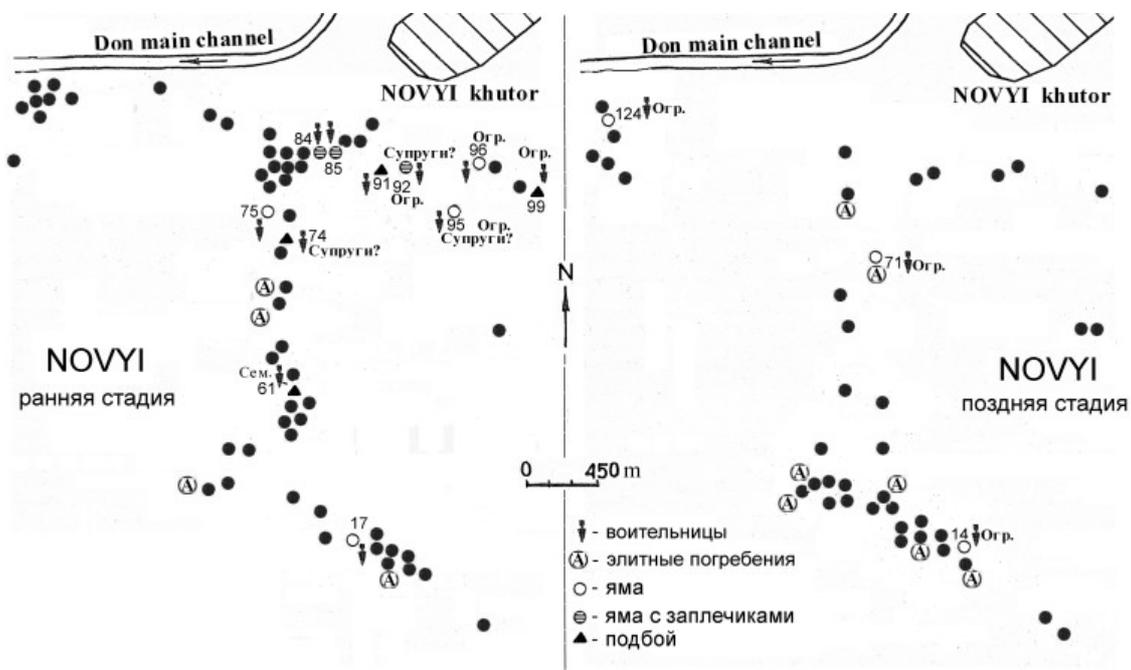

Рис. 2. Воительницы среднесарматской культуры в Новом.

Рис.3. Костюм кочевых воителей сако-скифского времени.

1 – Аржан-2 (по В.К. Чугунову и В.Г. Ефимову и пелерина); 2 – Иссык (по К. Алтынбекову и Т. Терекулову); 3 – Ак-Алаха I, к. 1 (по Н.В. Полосьмак и Д.В. Позднякову).

Рис. 4. Костюм и его детали у кочевых воительниц сюнну-сарматской эпохи.
 1 – святилища Тасастану и Акуйик; 2 – Акуйик; 3, 5 – Тилля-тепе, могила 2; 4 (1-2),
 7 – Высочино V, к. 18; 4 (3) – Усть-Лабинская, к. 32; 6 – Высочино I, к. 10.
Реконструкции: 2, 6-7 – Яценко С.А., Цогоев Б.Т.; 6 – Яценко С.А., Куркина Е.А.

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ В XVII в.

2018 г. Боброва Анна Ивановна (a_bobrova@bk.ru)
Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова,
Томск, Россия

Аннотация: Проблема половозрастной стратификации палеопопуляций в Западносибирском регионе актуальна. В работе использован комплекс археологических и антропологических источников, отражающих обряд погребения двух диалектно-локальных групп одного этноса – южных селькупов, расселившихся в XVII в. по рекам Обь и Тым. Выявлены особенности обряда взрослой и детской, женской и мужской части популяции. Зафиксированы различия на уровне возрастных групп: дети – взрослые. В детской группе отсутствуют погребения детей внутриутробного развития (выкидыши, смерть при родах) и новорожденных. Присутствие предметов быта и оружия (нож, наконечники стрел, копье и пр.) с детьми 1–5 лет позволяет соотносить их с мужской частью популяции. Выявлена зависимость размеров, типов конструкций, инвентаря, количества и разнообразия украшений от возраста покойного. Различия в инвентаре мужской и женской части палеопопуляции обусловлены прижизненными гендерными различиями. Они проявляются в декорировании одежды, наличии головных и других видов украшений и несут на себе налет индивидуальных занятий конкретных лиц.

Ключевые слова: Нарымское Приобье, палеопопуляция, южные селькупы, половозрастная идентификация, гендерные различия.

Погребальная обрядность позволяет по данным костных останков и вещественных комплексов реконструировать процессы стратификации социума, включающие в себя группы и классы, в основе выделения которых лежат различия по полу и возрасту [Бутинов, 1982. С. 63; Попов, 1982. С. 68-79; Тишкин, Дашковский, 2003. С. 51-55]. Возрастная стратификация предполагает деление индивидов на группы – детскую, взрослую (мужскую и женскую) и на жизненные периоды – младенчество, детство, подростковый, юношеский возраст, зрелость, старость [Краниологические коллекции..., 1979. С. 15; Чикишева, 2000. С. 132-133; Алексеева и др., 2003. С. 23-24]. Проблемы, связанные с половозрастными особенностями и социальной стратификацией традиционных обществ Западной Сибири актуализировались с появлением новых методов в начале XXI в. [Пилипенко и др., 2008. С. 57-67].

В статье использованы археологические и антропологические источники XVII в. грунтового могильника Бедеревский Бор II – р. Тым (правый приток р. Обь) [Боброва и др., 2011. С. 215-216] и курганного могильника на Остяцкой Горе – р. Обь [Дульзон, 1957. С. 443-488]. Территория входила в зону расселения южно-селькупского населения, что подтверждается данными топонимики [Дульзон, 1950. С. 175-187] и антропологии [Багашев,

2002. С. 90-103]. Исследователи различают северный, центральный и южный диалектные ареалы их расселения.

Состояние здоровья, демография и половозрастной состав этого населения освещались в литературе [Боброва и др., 2011. С. 215-216; Боброва, Торощина, 2013. С. 18-21].

Определения пола, возраста и краниологические исследования выполнены сотрудниками кабинета антропологии Томского государственного университета (к.и.н. В.А. Дрёмовым, д.и.н. А.Н. Багашевым, к.и.н. М.П. Рыкун). Наличие комплексной источниковой базы позволяет охарактеризовать взрослую и детскую, женскую и мужскую группы палеопопуляции и соотнести полученные данные с этнографическими. Недостаточная разработанность проблем половозрастной стратификации по погребальным комплексам XVII в., делает обращение к этой теме актуальным.

Цель исследования – выявление специфики обряда погребения в разных диалектных группах одного этноса на завершающем этапе позднего Средневековья.

Задачи исследования: характеристика источниковой базы, реконструкция обряда тымской и обской групп южных селькупов, анализ половозрастных особенностей палеопопуляций.

Грунтовый могильник Бедеревский Бор II расположен в правобережье р. Тым. Селькупов, расселявшихся по берегам этой реки, относят к тымскому диалекту центрального ареала, к диалектной группе «чумылькуп» [Глушков и др., 2011. С. 52-53]. В XVII в. здесь была образована инородческая волость, административно относившаяся к Сургутскому уезду; с 1701 г. – к Нарымскому [Долгих, 1960. С. 84-85]. Объекты различаются на поверхности в виде овальных и подпрямоугольных впадин. Всего их около 60, автором исследованы 51. Датировка памятника – XV–XVIII вв. Пол и возраст идентифицированы для 46 индивидов: 33 взрослых (16 мужчин, 12 женщин, 4 юношей и 1 девушка), 13 детских.

По размерам различаются малые и большие могилы. Последние соотносятся с взрослыми членами популяции. Максимальные – с погребениями мужчин, минимальные – детей в возрасте *Infantilis I* – от прорезывания зубов до 6–7 лет. Глубина могильных ям (0,2–1,5 м) зависела от возраста и пола индивида: максимальная – у взрослых мужчин, минимальная – у детей.

Практиковался обряд повторных похорон, при наличии небольшого числа не потревоженных захоронений. В обоих случаях покойного клали головой вниз по течению р. Тым. Захоронения носили индивидуальный характер, но есть и погребения по два человека (мужчина 18 лет и ребенок до года; женщина 50-60 и ребенок 10-12 лет). Отмечено 3 случая подхоранивания. Погребальные конструкции (простые и сложные) из дерева и бересты. Первые (ящики из плах/жердей, берестяные тиски) использовали при погребении детей (*Infantilis I*). Сложные состояли из двух камер: внешней (сруб в два венца, рама-обкладка) и внутренней (долбленая колода, лодка, ящик из плах). В них хоронили взрослую часть палеопопуляции. Мужчин – в долбленых лодках и колодах, женщин в бревенчатых рамах, иногда – в ½ лодки. Для обеих возрастных групп отмечено обертывание тела в берестяное полотно, застиланье дна и перекрытия берестой. Лиц в возрасте *Infantilis II* хоронили в ½ лодки, долбленых колодах.

Материалы могильника позволяют проследить эволюцию обряда погребения. Традиционными были такие структурные элементы: пространственная организация некрополей (приуроченность к краю террасы малой реки); рядность расположения могил; ориентация покойных головой на юг, вниз по течению р. Тым; использование общего могильного поля для разновозрастных групп; одинаковые типы внешних камер (бревенчатые рамы-обкладки); использование бересты; снабжение инвентарем; отсутствие христианских символов веры. Эти признаки характерны для селькупского этноса XV–XVIII вв.

Наряду с общими чертами, заметны различия, связанные с хронологией конкретных погребений. К началу XVII в. в обряде проявляются новации: выделение специального места для детских захоронений; преобладание обряда повторных похорон; появление жердевых перекрытий над могилами и новых типов внутренних камер (лодок-долбленок). По этим признакам обряд находит аналоги в Сургутском Приобье (притымское население территориально включалось до 1701 г. в Сургутский уезд).

Специфика инвентаря, его количественный и качественный состав являются важными маркерами статусности покойного и могут определяться существовавшими в средневековом обществе гендерными стереотипами. По возрастным характеристикам различаются детская и взрослая группы палеопопуляции. Детей в раннем возрастном периоде (последние месяцы внутриутробного развития и новорожденные), которых относят к группе «новорожденных» или «ребенок до года» в могильнике не зафиксировано. С XVII в. для детей был отведен специальный участок к северу от основной части могильника.

Однако в селькупских могильниках Нарымского Приобья этого времени существовала традиция при единовременной смерти матери и мертворожденного ребенка хоронить их вместе в общем погребальном сооружении [Чиндина, 1995. С. 186]. С введением христианской обрядности таких детей стали хоронить в отдельных могилах на общих кладбищах. Особый статус этой категории социума подтверждается этнографическими данными. Известно, что селькупы хоронили мертворожденных и детей, умерших до появления зубов, в дуплах деревьев/пнях, далеко от мест поселений. И. Н. Гемуев наблюдал такие захоронения у тазовских селькупов [Гемуев, 1980. С. 127, 133-135]. Ненцы и манси поступали аналогично. У северных манси для них существовали отдельные кладбища. Восточные ханты хоронили и на отдельном кладбище, и в одной могиле с взрослыми [Хомич, 1988. С. 75; Федорова, 1988. С. 92-93; Кулемзин, 1976. С. 28]. У кетов наличие зубов у ребенка являлось дифференцирующим признаком двух способов погребения: выкидыши и новорожденные – в пне срубленного дерева, с появлением зубов хоронили, как взрослых, в земле [Алексеев, 1988. С. 13-14]. Не исключено, что и селькупы Притымья до появления христианской обрядности, хоронили детей раннего возраста, иначе, чем детей старшего возраста и взрослых.

Таким образом, появление зубов маркировало переход ребенка в очередную возрастную группу (группа *Infantilis I*). С этого времени они становились полноправными членами коллектива и их хоронили на общем кладбище. Погребения детей в возрасте 1–5–7 лет объединены в общую подгруппу *Infantilis I* – нейтрального детства. В ней наблюдается зависимость инвентаря от возраста. Детей этой подгруппы хоронили, в основном, с украшениями, но иногда им клали нож, посуду, наконечники стрел. Возможно, имел особый

прижизненный социальный статус. Погребения в возрасте второго детства и подростковый 8 – 13-14 лет по размерам конструкций, разнообразию в обряде и инвентаре приближаются к взрослым. Некоторые из них похоронены в ½ лодки-долбенки. Из украшений отмечены: серьги «знак вопроса», пояса с медными накладками, подвески; в инвентаре присутствуют железные наконечники стрел, копье, клинок пальмы [Боброва, Торощина, 2016. С. 284-289].

К 13–14 годам селькупская девочка самостоятельно могла вести дом, а юноши могли вступать в брак [Гемуев, 1984. С. 107, 113-114]. К 15–16 годам они усваивали основные нормы общественной и семейной жизни, необходимые для самостоятельной жизни. Обряд захоронения подтверждает прижизненные установки и отношение к лицам этого возраста.

Погребения индивидов юношеского возраста (15 – 21-22 года) [Краниологические коллекции..., 1979. С. 15]. По конструкциям, инвентарю и обряду отличаются от группы детских и приближаются к группе взрослых.

Большую часть палеопопуляции составляет взрослое население 22–60 лет (16 индивидов). Погребальный обряд характеризуется наличием жердевых перекрытий над могилами, разнообразием внутримогильных конструкций, причем, мужчин чаще хоронили в лодках и колодах, поэтому их внешние камеры имели большие размеры. Преобладал обряд повторных похорон. Инвентарный комплекс мужских захоронений беден, за исключением нескольких статусных. Стандартный набор: ножи и орудия охоты. Судя по остаткам фурнитуры, мужчин хоронили в повседневной одежде. Украшения почти не встречаются. Лиц старческого, и близкого к этому рубежу (50-60 лет), возраста хоронили с минимумом инвентаря. Специфические признаки обряда мужской части популяции: погребение в сопровождении собаки, с шаманскими подвесками, с антропоморфными личинами и куклой [Боброва, Торощина, 2013. С. 18-21; Боброва, Торощина, 2014. С. 89-98].

Женская часть популяции в возрасте 20–60 лет представлена 12 могилами. Треть могил, как и у мужчин, перекрыта жердевыми настилами. Внутримогильные конструкции представлены: ящиками из плах, срубами, ½ долбленной лодки, нижней частью колоды. Среди инвентаря – предметы быта (нож, иногда железные наконечники стрел) и украшения. Погребения женщин отличались количеством и многообразием украшений одежды, волос и головы (головной убор, серьги, подвески), шейные и нагрудные, наручные и поясные. Судя по этим материалам, селькупы р. Тым хоронили женщин в праздничной или специальной погребальной одежде

На площади могильника на Остяцкой Горе зафиксировано около 60 курганных насыпей, 18 из них раскопано в 1954 г. [Дульзон, 1957. С. 443-488]. Под этими курганами похоронены 56 человек: 26 – детей; 25 взрослых (15 – мужчин; 10 – женщин); н/о – 5.

Захоронения выполнены наземным способом (в насыпи, на погребенной почве), грунтовые тоже имели место, но хоронили, преимущественно в мелких могильных ямах (глубина 0,2–0,3 м), лишь два человека похоронены могилах глубиной 0,9–1 м. Погребения, в основном, индивидуальные. В тех случаях, когда в погребальном сооружении было одновременно похоронено по 2 индивида, как правило, это были женщина и ребенок. Подчеркивается их одинаковая ориентация и наличие, хотя бы минимального, инвентаря. Таким образом, в отличие от Притымья, на Оби для детей отводили специального участка под захоронение. Возведение погребальных конструкций было обязательным. Для взрослых

и детей она была стандартной – рама-обкладка из полубревен, плах/досок. Использовали берестяные полотнища для покрытия, подстилки, обертывания покойного. По размерам различаются малые и большие конструкции.

Набор инвентаря представлен предметами быта (ножи, костяные и железные наконечники стрел, топоры) и украшения. Погребения женщин и детей отличались многообразием украшений на одежде, в области головы (головной убор, серьги, подвески), наручные и поясные. Женщин и, возможно, девочек, хоронили с наконечными украшениями, включавшими низки разноцветных бус, вплетенных в косы, заканчивающиеся пронизьями и подвесками. Из предметов массового русского привоза на Остяцкой Горе отмечено значительно больше изделий, чем на р. Тым (присутствуют щитковые перстни, серьги, позумент, серебряные монеты-чешуйки).

Могильник располагался на землях селькупов Шепецкой волости южного (чулымского) диалекта, по этнонимической классификации население относилось к диалектной группе туюкумов [Глушков и др., 2011. С. 53-54].

Таким образом, основные различия в обряде погребения обеих диалектных групп селькупов XVII в. зафиксированы на уровне возрастных групп: дети – взрослые. Среди детской части палеопопуляций отмечено отсутствие останков новорожденных и последних месяцев внутриутробного развития. В зависимости от возраста, на р. Тым в группе детских отмечается варибельность по размерам и типам погребальных конструкций, по глубине могил, сопроводительному инвентарю. Отличия проявляются на уровне количества и разнообразия украшений. Присутствие некоторых категорий взрослого инвентаря (нож, наконечники стрел, копье, клинок пальмы) в погребениях детей позволяет соотнести их с мужской частью популяции. Обские селькупы старались хоронить детей, либо вместе с матерью, либо подхоранивали в насыпь к взрослым членам коллектива.

Различия в инвентаре между мужской и женской частью палеопопуляций обеих диалектных групп обусловлены прижизненными гендерными различиями, и проявляются в декорировании одежды, наличии головных, наручных, поясных украшений. Они нашли отражение в погребальной обрядности и несут на себе налет индивидуальных занятий конкретных лиц мужской и женской части популяции.

Список литературы

Алексеева Т.И., Богатенко Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антрополого-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный Мир, 2003. 132 с.

Алексеев Е.А. Ребенок и детство в культуре кетов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.: Наука, 1988. С. 9–37.

Багашев А.Н. Генезис южных самодийцев по данным антропологии // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2002. С. 90–103.

Боброва А.И., Березовская Н.В., Торощина Н.В. Обряд погребения средневекового населения Притымья (XII–XVII вв.) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб. – Москва–Великий Новгород, 2011. Т. 2. С. 215–216.

Боброва А.И., Торощина Н.В. Антропоморфные личины из могильника Бедеревский Бор II // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2013. № 2 (22). Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 18–21.

Боброва А.И., Торощина Н.В. Половозрастные особенности обряда погребения населения Притымья в XV–XVIII веках (по материалам могильников урочища Бедеревский Бор) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Том 13, вып. 7: Археология и этнография. С 89–98

Боброва А.И., Торощина Н.В. Гендерные и социальные различия у населения Притымья в XV–XVIII вв. (по материалам могильников) Евразия в кайнозойе. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. Вып. 5. С. 284–289.

Бутинов Н.А. Половозрастная организация. Советская этнография. № 1. М.: Наука, 1982. С. 63–68.

Гемуев И.Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 86–138.

Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX - начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 155 с.

Глушков С.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Диалекты селькупского языка // Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка / Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 318 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 624 с.

Дульзон А.П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики. Ученые записки ТГПИ. Томск, 1950. Т. 6. С. 175–187.

Дульзон А.П. Остяцкий курганный могильник XVII века у села Молчаново на Оби // Уч.Зап. Том. гос. пед. ин-та. Т. 16. Томск, 1957. С.423–488.

Краниологические коллекции Кабинета антропологии Томского университета. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 118 с.

Кулемзин В.М. Шаманство васюганско-ваховских хантов (Конец XIX – начало XX в.) // Из истории шаманства. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. 189 с.

Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Молодин В. И., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Поздняков Д.В., Новикова О.И. Особенности захоронения младенцев в жилищах городища Чича-1 в Барабинской лесостепи по данным анализа структуры ДНК // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2. С. 57–67.

Попов В.А. Половая стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности. (Вместо ответа оппонентам). Советская этнография. М.: Наука, 1982. № 1. С. 68–79.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Возможности проведения палеосоциальных исследований на основе археологических данных // Археология Южной Сибири. Новосибирск, 2003. С. 51–55.

Глушков С.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Диалекты селькупского языка // Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка / Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 318 с.

Федорова Е.Г. Ребенок в традиционной мансийской семье // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.: Наука, 1988. С. 80–95.

Хомич Л.В. Обычаи и обряды, связанные с детьми, у ненцев // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.: Наука, 1988. С. 63–79.

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад в Центральной Барабе) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Наука, 2000. 2 (2). С. 131–147.

Чиндина Л.А. О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить». Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. С. 179–187.

REFLECTION OF GENDER DIFFERENCES IN THE BURIAL PRACTICE OF THE POPULATION OF THE NARYM OB REGION IN THE 17TH CENTURY

Bobrova A.I.

**Candidate of Historical Sciences, Senior Research, Tomsk Regional Museum of M.B. Shatilov
Tomsk, Russia**

Abstract: Age and sex stratification of the ancient populations in the West Siberian region is a relevant problem. This study uses a range of archaeological and anthropological sources that reflect burial rites of two dialect local groups belonging to a single ethnic group – the Southern Selkups who settled in the 17th century along the Ob and Tym rivers. Some features of the rites for adult, children, female and male groups have been revealed. Age-related differences (children – adults) have been identified. In the children's group, there are no burials of babies after miscarriage, stillbirth or neonatal death. Household items and weapons (a knife, arrowheads, a spear, etc.) buried along with bodies of children of 1–5 years old suggest that these children belong to the male group of the population. A dependence of sizes, designs, grave goods, quantity and variety of jewelry on the age of the deceased has been identified. The differences in grave goods of the male and female groups of the ancient population are gender-related. They are reflected in decoration of clothes, headpieces and other types of jewelry, and bear the impress of occupations of buried individuals.

Keywords: Narym Ob, ancient population, Southern Selkups, sex and age identification, gender differences.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЗАХОРОНЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ГРОБНИЦЕ КУРГАНА ХВАННАМ ДЭЧХОН (КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ)

© 2018 г. *Нестеркина Анастасия Леонидовна (a.l.subbotina@yandex.ru)*
ИАЭТ СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация: *Курган Хваннам дэчхон (V-VI вв.) – погребальный комплекс правителей корейского средневекового царства Силла. Памятник локализуется на юго-востоке Корейского полуострова, в г. Кёнджу, где располагалась столица этого царства. Объект состоит из двух земляных насыпей с каменным фундаментом. Под насыпями выявлены 2 деревянные гробницы. Анализ антропологических останков из Южного захоронения показал, что здесь был погребен мужчина. В Северной гробнице пригодных для половозрастных определений антропологических материалов не выявлено. На основании находок погребального инвентаря установлено, что это захоронение принадлежало женщине. На это указывает поясной наконечник с иероглифической надписью «пояс супруги», два скопления стеклянных бусин в головной части захоронения (остатки украшений парика-шиньона), темно-коричневая глазированная бутылочка для хранения ароматического масла, каменные украшения в форме пряслиц с солярным геометрическим орнаментом, а также малое, по сравнению с синхронными мужскими захоронениями, количество предметов вооружения.*

Ключевые слова: *Силла, курган Хваннам дэчхон, Северная гробница, погребальный инвентарь, женское захоронение.*

Расположенный в черте г. Кёнджу на юго-востоке Корейского полуострова курган *Хваннам дэчхон* (Хваннамдон № 98) исследован Государственным научно-исследовательским Институтом культурного наследия Республики Корея в 1973-1975 гг. Объект представляет собой грандиозное погребальное сооружение, состоящее из двух слившихся друг с другом насыпей. Он подовальной в плане формы, вытянут по линии север-юг на 114 м. Диаметр каждой насыпи в основании составляет примерно по 82 м, высота от уровня современной дневной поверхности – около 23 м. Курган входит в состав могильника Хваннамдон — группы из 23 курганных захоронений правителей корейского средневекового царства Силла и датирован V-VI вв. [Хваннам дэчхон I, 1985. С. 4-5].

Обе насыпи кургана *Хваннам дэчхон* земляные, с каменным основанием. В каменной засыпке основания насыпей расположены деревянные погребальные комнаты — гробницы. Каждая гробница содержит деревянный саркофаг, разделенный на 2 части перегородкой. В большей части саркофага находился гроб с телом погребенного, в меньшей — сопровождающий инвентарь [Хваннам дэчхон I, 1985. Рис. 1-6. Хваннам дэчхон II, 1994. С. 38. Хваннам дэчхон II, 1993. Рис. 11].

В обеих гробницах кургана *Хваннам дэчхон* обнаружены короны. Корона из Северной гробницы роскошная, изготовлена из золота и богато украшена многочисленными нефритовыми подвесками *когок* (*магатама*). Корона из Южного захоронения не отличается особым великолепием, выполнена из серебра [Хваннам дэчхон I, 1985. С. 75-78. Табл. 6.

Хваннам дэчхон II, 1994. С. 70-74]. Анализ антропологических останков из Южной гробницы показал, что в ней был погребен мужчина возрастом около 60 лет [Хваннам дэчхон II, 1994. С. 226]. В Северной гробнице пригодных для половозрастных определений антропологических останков не содержалось, но здесь была найден металлический наконечник пояса с эпиграфической надписью «пояс супруги», выполненной иероглификой [Ким Сонтхэ, 2016, С. 75, 93]. Это обстоятельство дало исследователям повод предположить, что захоронение в Южной гробнице принадлежало мужчине, а в Северной — женщине, возможно, его супруге. Однако это утверждение противоречило сложившимся в корейской исторической науке представлениям о царских захоронениях Силла. Дело в том, что золотые короны считались атрибутом правителей царства Силла, а письменные источники по истории этого государства не содержат сведений о правителях-женщинах [Ким Бусик, 2001]. В связи с этим гипотеза о том, что захоронение в Северной гробнице кургана *Хваннам дэчхон* принадлежало женщине, требует дополнительных подтверждений.

В погребальном инвентаре Северной гробницы кургана *Хваннам дэчхон* присутствует ряд предметов, которые позволяют отнести его к категории женских.

К таким предметам можно причислить, в первую очередь, стеклянные бусины. В захоронении обнаружено большое количество бусин, в основном, бисера и пронизей. Они образуют несколько скоплений. Два наиболее крупных из них расположено в районе головы погребенного, над золотой короной. Скопления бусин в головах погребенного в мужских захоронениях (Южная гробница кургана *Хваннам дэчхон*, погребение в кургане *Чхонмачхон*) не выявлены. Высказывались предположения, что эти скопления бусин представляют собой остатки украшения типа ожерелья или монисто. С другой стороны, представляется вполне вероятным, что это детали какого-то головного украшения. К сожалению, в настоящее время восстановить его первоначальный облик только по археологическим материалам не представляется возможным. Однако существует целый ряд косвенных указаний на то, что это мог быть богато украшенный бусинами парик или шиньон. Записи, повествующие о том, что знатные женщины в средневековой Корее носили парики, сохранились в письменных источниках [Ким Сонтхэ, 2016. С. 77]. Кроме того, на стенах гробниц знати синхронного с Силла царства Когурё Анак №3 и Токхынни также изображены женщины с высокими прическами-париками, что говорит об их популярности во всех трех царствах средневековой Кореи [Глухарева, 1982. С. 31, 37. Ким Гиун, 1991. С. 104, 107]. Украшенные самоцветами, золотом, серебром, шелком, нефритом, кораллами и другими драгоценностями большие тяжелые парики-шиньоны *качхе*, примерный вес которых составлял 3-4 кг, были популярны среди куртизанок *кисэн* и знатных корейских женщин в качестве свадебного и парадного головного украшения вплоть до нового времени. Парики *качхе* иногда были настолько громоздкими, что их ношение могло привести к печальным последствиям. Благодаря сочинению ученого времени династии Чосон Ли Донму «*Чхонджангван чонсо* — Полное собрание записей цинского генерала» (1795 г.) известна история о том, как 13-летняя женщина сломала себе шею, когда надев *качхе*, попыталась встать на ноги, чтобы поприветствовать внезапно вошедшего в комнату свекра. В 1756 г. королем Ёнджо династии Чосон был издан указ, запрещающий знатым дамам носить *качхе*, однако среди куртизанок мода на *качхе* продолжала существовать и после введения этого запрета.

Другим атрибутом «женской» культуры может считаться фарфоровая бутылочка, покрытая темно-коричневой глазурью. Бутылочка представляет собой достаточно редкий для культуры Силла предмет китайского импорта. Более того, это своеобразная родовая реликвия, поскольку время ее производства относится к раннему периоду династии Восточная Цзинь (316-420 гг.), т. е. к началу IV в. Такие бутылочки считаются емкостями для хранения ароматических масел, т. к. подобные изделия широко использовались для этого в более позднее время — в эпоху объединенного Силла (VII-X вв.) и Корё (X-XIV вв.). Обнаруженная в Северной гробнице кургана *Хваннам дэчхон* бутылочка по форме и размерам полностью аналогична типичным средневековым сосудам для хранения ароматических масел: она имеет слегка уплощенное округлое тулово и низкое горлышко при общей высоте изделия 9,1 см [Ким Сонтхэ, 2016. С. 83-85]. Бутылочки для хранения ароматических масел обычно находят в женских захоронениях. В погребениях эпохи Корё и Чосон находки таких сосудов часто сопровождаются другими атрибутами женского будуара — заколками, зеркалами, железными щипцами (например, погребение в деревянном гробу Мундандон-I №125) [Пак Чонхва, Ли Джонхва, 2008. 104-110]. Бронзовый флакон для ароматического масла находился вместе со щипцами, иголками, игольниками и разнообразными женскими украшениями в каменном ящике для шарире из пагоды храма Бунхванса (634 г.) [Бунхванса ... , 1992. С. 30-31]. Еще одним подтверждением популярности ароматических масел среди благородных женщин в средневековой Корее являются сообщения письменных источников. В «Исторических записях Трех государств — *Самгук Саги*», в кн. 45 «Биографии — *Ёльджон*» имеется следующая запись, повествующая о встрече принцессы с матерью бедняка Ондаля: «Тогда принцесса надела (привязала) на руку по локоть несколько десятков драгоценных браслетов, вышла из дворца и одна отправилась в дорогу. У одного встречного она спросила, где дом Ондаля, и направилась к его дому. Увидев [его] старую слепую мать, она приблизилась и поклонилась ей, а потом спросила, где ее сын. Старая мать ответила: «Мой сын беден и низкого [звания], он не может стать близким благородным людям, а я сейчас почувствовала от Вас запах необыкновенного аромата, потрогала Ваши руки - они мягкие, как шелк, значит, Вы — из благородных (аристократов) в этом мире...»» [Ким Бусик, 2002. С. 163]. Таким образом, все указывает на то, что покрытая темно-коричневой глазурью фарфоровая бутылочка из Северной гробнице кургана *Хваннам дэчхон* принадлежала благородной женщине и использовалась ей при жизни для хранения ароматического масла.

Еще одним женским атрибутом являются каменные украшения в форме пряслиц с орнаментом в виде концентрических окружностей и треугольников на лицевой стороне. В Северной гробнице кургана *Хваннам дэчхон* обнаружено 11 подобных изделий: 7 экз. с орнаментом находились в отсеке для погребального инвентаря саркофага, остальные 4 экз. без орнамента — в каменном основании курганный насыпи. Данные ритуальные предметы считаются женскими атрибутами по ряду причин. Во-первых, на могильниках они встречаются только в женских захоронениях, на других типах памятников — в сочетании с женской атрибутикой. К примеру, на могильнике Йеанни у г. Кимхэ, где был обнаружен богатый антропологический материал, дающий информацию о поле и возрасте погребенных, изделия в виде пряслиц присутствовали только в женских захоронениях №9, 130 и 138. В

мужских захоронениях эпохи Силла (Южной гробнице кургана *Хваннам дэчхон* и в кургане *Чхонмачхон*) подобные предметы отсутствовали [Ким Сонтхэ, 2016. С. 86-87]. Аналогичное украшение в форме пряслица с орнаментом в виде спирали, но изготовленное из серебра, найдено вместе с женскими предметами инвентаря в каменном ящике для шарире из пагоды храма Бунхванса [Бунхванса... , 1992. С. 30-31]. Во-вторых, со времени существования царства Силла прядение и ткачество были одними из главных женских занятий и играли основную роль в женской календарной обрядности корейцев. Об этом свидетельствуют как письменные источники, так и данные этнографии. В летописи «Исторические записи Трех государств — *Самгук Саги*» в кн. 1 «Летописи Силла – *Силла понги*» говорится, что во время правления Юри-исагыма «В девятом году (32 г.) после установления [названий] шести общин *ван* разделил их на две части и приказал двум своим дочерям, чтобы, собрав девушек в каждой из них, образовали с подругами две группы, которые со дня *кэман* (16-го числа) седьмого месяца осени должны были каждый день собираться во дворах шести общин и ткать с раннего утра до второй части ночи (т. е. около 10 часов вечера). 15-го числа восьмого месяца подсчитывали, кто из них сделал больше, и потерпевшие поражение устраивали для победителей угощение вином и едой, сопровождая его песнями, танцами и всевозможными играми. Это называлось увеселительным представлением *кабэ*» [Ким Бусик, 2001. С. 78]. Традиция собираться группами для совместного прядения и ткачества сохранялась среди корейских женщин вплоть до XIX – начала XX вв. [Календарные обычаи, 1989. С. 145-146]. Дополнительным доказательством связи ткачества с календарной обрядностью может служить геометрический орнамент изделия в виде концентрических окружностей и лучевидных треугольных выступов, который явно имеет отношение к соляной символике.

Кроме того, косвенным подтверждением тому, что захоронение в Северной гробнице кургана *Хваннам дэчхон* принадлежит женщине, является малое количество предметов вооружения по сравнению с мужскими захоронениями в Южной гробнице кургана *Хваннам дэчхон* и *Чхонмачхон*. Комплекс предметов вооружения из Северной гробницы представлен только 8 наконечниками копий, причем 3 из них сильно коррозированы и отнесены к данной категории условно, и 38 наконечниками стрел. Находки предметов вооружения в Южной гробнице кургана *Хваннам дэчхон* и кургане *Чхонмачхон* более многочисленны и разнообразны. Кроме того, в этих захоронениях найдены фрагменты доспехов, а в Северной гробнице кургана *Хваннам дэчхон* панцирные пластины не обнаружены [Ким Сонтхэ, 2016. С. 90-91].

Таким образом, в данной статье представлены археологические данные, позволяющие уточнить половую принадлежность захоронения в Северной гробнице кургана *Хваннам дэчхон*. Это скопления бусин, расположенное выше золотой короны (предположительно, остатки украшений парика-шиньона), покрытая темно-коричневой глазурью фарфоровая бутылочка для хранения ароматического масла и несущие ритуальную функцию украшения в форме пряслиц. Наряду с наконечником пояса с эпиграфической надписью «пояс супруги» и сравнительно малым количеством и слабой вариативностью предметов вооружения, эти находки позволяют утверждать, что захоронение в Северной гробнице кургана *Хваннам дэчхон* принадлежало знатной женщине.

Список литературы

Бунхванса сильчхык чоса погосо (Отчет о зарисовке планов храма Бунхванса). Сеул: Управление по культурному наследию Республики Корея. 1992. 103 с. (на кор. яз.).

Глухарева О.Н. Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX в. М.: Искусство, 1982. 256 с.

Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой Цикл. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 360 с.

Ким Бусик. Самгук саги (Исторические записи трех государств). Летопись Силла. Т. 1. Изд. текста, пер., вступ. ст. и коммент. М.Н. Пака. М.: Восточная литература, 2001. 384 с.

Ким Бусик. Самгук саги. (Исторические записи трех государств). Разные описания. Биографии. Т. 3. Изд. текста, пер., вступ. ст., коммент., прил. под общ. ред. М.Н. Пака и Л.Р. Концевича. — М.: Восточная литература, 2002. 444 с.

Ким Гиун. Кобун (Курганы). Сеул: Тэвонса, 1991. 120 с.

Ким Сонтхэ. Новый подход к определению половой принадлежности захоронения в Северной гробнице кургана *Хваннам дэчхон* // Чунам кого ёнгу (Археологические исследования в Центральном Институте культурного наследия). 2016. №20. С. 73-103 (на кор. яз.).

Пак Чонхва, Ли Джонхва. Кимчхон Мундандон юджок (Памятник Мундандон в г. Кимчхон). Йончхон: Ин-т культурного наследия пров. Кёнсан-пукто, 2008. 681 с. (на кор. яз.).

Хваннам дэчхон I (пугбун) пальгуль чоса погосо (Отчет о раскопках кургана *Хваннам дэчхон* (северная гробница) I). Сеул: Гос. ин-т культурного наследия Республики Корея, 1985. 442 с. (на кор. яз.).

Хваннам дэчхон II (намбун) пальгуль чоса погосо (понмунпхён) (Отчет о раскопках кургана *Хваннам дэчхон* (южная гробница) (текст)). Сеул: Гос. ин-т культурного наследия Республики Корея, 1994. 398 с. (на кор. яз.).

Хваннам дэчхон II (намбун) пальгуль чоса погосо (топхан, томён) (Отчет о раскопках кургана *Хваннам дэчхон* (южная гробница) (таблицы, иллюстрации)). Сеул: Гос. ин-т культурного наследия Республики Корея, 1993. 598 с. (на кор. яз.).

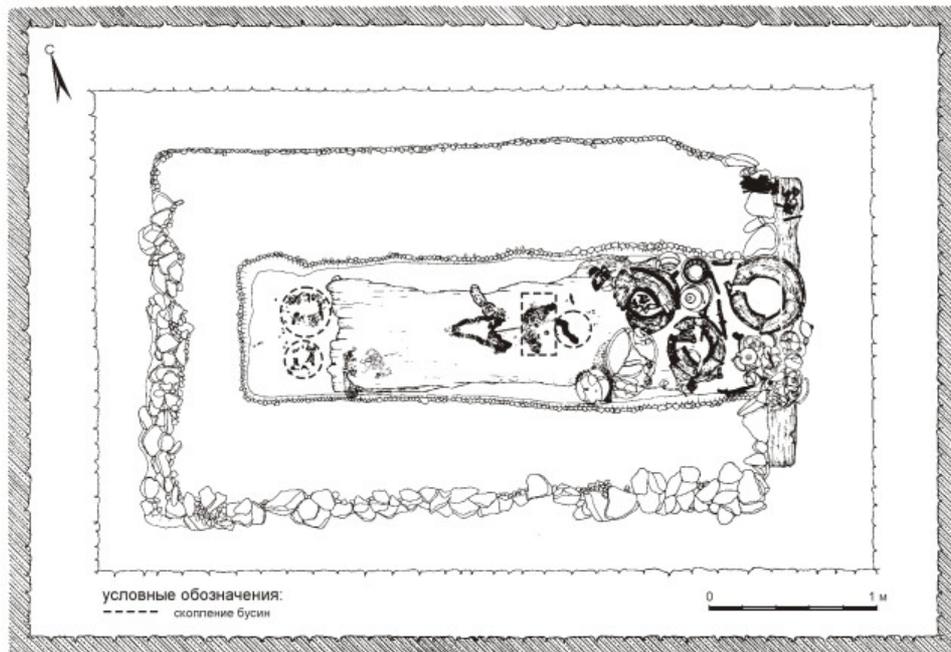
THE PROBLEM OF DETERMINING THE SEX OF THE BURIED PERSON IN THE HWANGNAMDAECHONG NORTH MOUND

Nesterkina A.L.

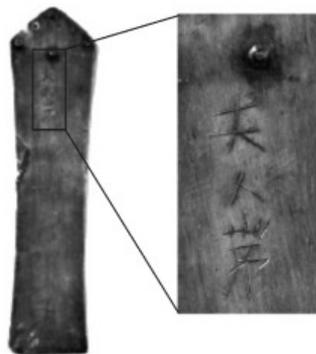
Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IAET SB RAS), Novosibirsk

Abstract. The Hwangnamdae chong Mound (5th-6th centuries) is the burial complex of the rulers of the Korean medieval kingdom of Silla. The monument is located in the south-east of the Korean Peninsula, in the city of Gyeongju, where the capital of this kingdom was located. The object consists of two earthen mounds with a stone foundation. Under the embankments revealed 2 wooden tombs. An analysis of the anthropological remains from the Southern burial revealed that a man was buried here. In the Northern Tomb, no suitable for age and sex definitions anthropological materials were found. Based on the finds of the grave goods, it was established that this burial belonged to a woman. This is indicated by the belt tip with the hieroglyphic inscription “wife’s belt”, two clusters of glass beads in the head part of the burial (remnants of a wig-chignon), a dark brown glazed bottle for storing aromatic oil, stone spindle whorls with a solar geometric pattern in the shape of sprigs, and also the number of weapons which is smaller than in synchronous male graves.

Keywords. Silla, Hwangnamdae chong Mound, North Mound, grave goods, female burial.

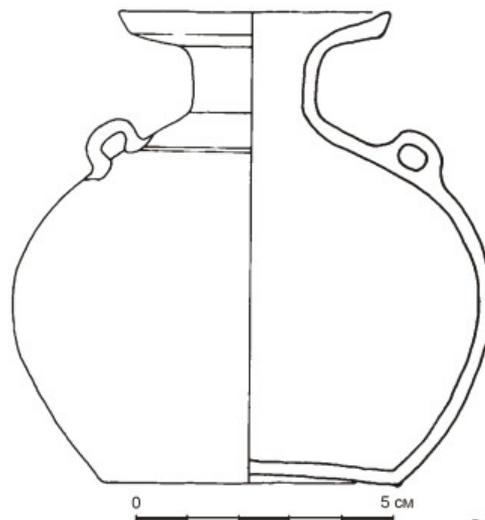
1

2

4

3

Республика Корея, г. Кёнджу. Курган *Хваннам дэчхон*. Северная гробница (по: [Хваннам дэчхон I, 1985, Ким Сонтхэ, 2016]).

1 – скопления стеклянных бусин в захоронении; 2 – металлический наконечник пояса с надписью «пояс супруги»; 3 – темно-коричневый глазированный сосуд; 4 – каменное украшение в форме пряслица.

ЗАХОРОНЕНИЯ ЖЕНЩИН-«ЛИТЕЙЩИЦ» ВЫЖУМСКОГО МОГИЛЬНИКА XI–XIII ВВ.

© 2018 г. *Никитина Татьяна Багисhevна (tshikaeva@yandex.ru)*

*ГБНУ «Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы, истории Г. Йошкар-Ола, Россия*

***Аннотация.** В могильниках Ветлужско-Вятского междуречья, связанных с марийской культурой, с яркой отчетливостью выделяются погребения с литейными принадлежностями, которые традиционно связывались с производственной деятельностью захороненных в них женщин. На материалах марийских захоронений неоднократно подчеркивалось, что их функции не ограничивались литейным производством, затрагивали не только производственную, но и духовную сферу.*

В статье опубликован новый материал, полученный при раскопках Выжумского могильника, позволяющий проверить и дополнить высказанные ранее наблюдения об особом статусе женщин-«литейщиц». Находки представляют особый интерес, так как среди них обнаружены погребения, отнесенные к XIII в. и замыкающие хронологический ряд известных на сегодняшний день захоронений с литейными принадлежностями.

***Ключевые слова:** марийская культура, средневековье, Ветлужско-Вятское междуречье, литейщицы, ремесло, культовая практика*

В могильниках Ветлужско-Вятского междуречья, связанных с марийской культурой, с яркой отчетливостью выделяются женские погребения с литейными принадлежностями. Термин женщины-литейщицы был введен в научный оборот Б.А.Рыбаковым [Рыбаков, 1948] и впоследствии поддержан Л.А. Голубевой [Голубева, 1984]. Эти же исследователи достаточно полно раскрыли роль женщин, захороненных с орудиями литья, в хозяйственной деятельности и поставили вопрос о развитии женского литейного ремесла.

С накоплением материала появилась возможность по-новому взглянуть на роль этих женщин в жизни средневекового общества. Термин «литейщицы» следует признать условным. Очевидно, что их функции не ограничивались литейным производством, затрагивали не только производственную, но и духовную сферу.

На материалах марийских средневековых могильников подготовлено несколько работ, посвященных роли женщин-«литейщиц» в качестве хранительниц этнических традиций, имеющих особый социальный статус и исполняющих определенные ритуалы в культовой практике [Никитина, Ефремова, 2012б. С. 146–165]. Основная масса погребальных комплексов с орудиями литья, выявленных на памятниках Ветлужско-Вятского междуречья и Марийского Поволжья, отнесена к периоду с IX до рубежа XI/XII вв. К XII в. отнесены погребения 7 Починковского и 24 Выжумского III могильников, остальные захоронения из могильников, имеющих общую хронологическую дату XII–XIII вв., не выходили за рубеж XI–XII вв.

При раскопках Выжумского могильника был получен новый материал, позволяющий проверить и дополнить высказанные ранее наблюдения об особом статусе женщин-«литейщиц». Находки представляют особый интерес, так как среди них обнаружены

погребения, замыкающие хронологический ряд захоронений с литейными принадлежностями, известных на сегодняшний день.

На Выжумском могильнике изучено 55 погребальных комплексов (33 погребения и 22 жертвенных комплекса), орудия литья обнаружены в 6 погребениях (пп. 6, 9, 20, 24, 30, 31) и одном жертвенном комплексе (жк 15) в межмогильном пространстве. К сожалению, неразрушенными оказались только два погребения (пп. 6 и 9) и жк 15. Остальные погребения нарушены кладоискательскими вкопами, что является косвенным подтверждением богатства этих захоронений; погребения с обильным содержанием украшений из металла являются первоочередной и легкой добычей черных копателей.

Судя по антропологическому материалу и составу погребального инвентаря, все комплексы связаны с женской субкультурой.

Особый интерес представляет погребение 6 (рис. 1). Могильная яма имела отвесные, слегка закругленные у дна, стенки, ровное с уклоном в сторону ног дно. Размеры заполнения: длина – 240 см, ширина в северной стороне – 65 см, в южной – 70 см. В засыпи могилы зафиксированы гумусные включения и редкие кусочки угля. В области шеи, локтевых суставов и на поясе сохранились фрагменты древесного покрытия, под которым отмечен слой войлока. Под костяком также заметны следы древесной подстилки. Украшения крепились на одежду из меха.

Костяк лежал в вытянутом положении головой на север (аз. 24): череп завален на правую сторону, руки согнуты в локтях и кистями уложены в районе живота. Положение кистей рук неестественное; хорошо видно, что пальцы правой руки фиксируются под прямым углом к лучевой кости. От ног сохранились лишь фрагменты бедренных костей. В изголовье в восточном углу обнаружено скопление вещей: костяное пряслице (№ 1), керамическая льячка с одним сливным носиком (№ 2), железное шило с деревянной рукояткой (№ 3), пронизка из металлической проволоки (№ 4). С левой стороны от черепа расчищено маленькое височное кольцо из цветного металла (№ 5), а за черепом – бронзовая цепочка (№ 6). В области шеи найдена круглая подвеска с ушком и фрагментами бронзовой пронизки от шейного ожерелья (№ 7). На костях грудной клетки с правой стороны обнаружена литая подвеска из цветного металла (№ 8) повернутая тыльной стороной вверх. Такая же подвеска обнаружена с левой стороны у локтевого сгиба левой руки (№ 10). Рядом с подвеской на правой стороне на этой же глубине лежала костяная орнаментированная пронизка (№ 9). На костях обеих рук обнаружено по звериноголового браслету из цветного металла (№№ 11, 12), на одном пальце спиральный перстень из цветного металла (№ 13). С правой стороны у пояса расчищена кольцевая ажурная застежка с цепочками (№ 14); украшение повернуто лицевой стороной вниз. С левой стороны у бедра располагалось скопление вещей (№ 15): железное прямоугольное кресало, а под ним фрагмент железного ножа и проволочный крючок из бронзовой проволоки с петлей для крепления, у острия которого находился кремешок (№ 16). В ногах стоял слегка повернутый набок железный клепанный котел (№ 18). Котел имел заплатку из медной пластины. С восточной стороны от котла обнаружен железный топор (№ 19), а под ним железный нож (№ 17).

Погребение по отношению к большинству других захоронений с орудиями литья имеет достаточно поздний облик. В контексте датировки интерес представляет кресало

прямоугольной формы (рис. 3, 4). На территории Владимиро-Суздальской Руси, у русского населения верхней Оки прямоугольные кресала датируются не ранее XIII в. [Железные кресала, 2010. С. 33–35; Ступан, 2011. С. 198; Никольская, 1981. С. 263. Рис. 100, 38]. Аналогичное изделие в погребении 171 Ыджидьельского могильника на р. Выми также датировано XIII в. [Савельева, Зеленский, 1986. Рис. 5, 86], в Волжской Болгарии – XIII–XVI вв. [Культура Биляра, 1985. С. 126]. Этой дате не противоречит находка поясной кольцевой застежки с шумящими привесками (рис. 2, 1). При рассмотрении близкой подвески из погребения 109 Рождественского могильника в Пермском Предуралье исследователи [Белавин, Крыласова, 2008. С. 367] обращаются к более ранним аналогиям в булгарских памятниках [Казаков, 1992. Рис. 64, 10], но внешнее сходство в данном случае является скорее результатом нечеткой прорисовки. Более достоверна датировка, основанная на заключении А.М. Белавина о совместном (едином) славяно-финском потоке и как следствие проникновении вещей волжскофинского облика (в число которых вошла рассмотренная подвеска из п. 109 Рождественского могильника) в Северное Предуралье в XII–XIV вв. [Белавин, 2000. С. 142]. В этот диапазон укладываются и подвески из марийских Починковского (п. 6) и Выжумского III (п. 5) могильников [Архипов, 1986. Рис. 24, 18; 25, 5]. В погребении 3 Починковского могильника найдена также зерневая треугольная подвеска с солярным символом на вершине, близкая украшению из рассматриваемого п. 6 Выжумского могильника (рис. 2, 8). Указанные погребения Починковского могильника по совокупности других украшений (браслеты с завернутыми концами, лунницы рубчатые перстни т.д.) имеют твердую дату не ранее XII–XIII вв.

Несмотря на относительно поздний облик рассмотренного захоронения по сравнению с ранее известными погребальными комплексами с литейными принадлежностями, очевидно сохранение архаичных элементов в погребальном обряде и типов вещей, подчеркивающих своеобразие погребенной в них женщины.

В целом, украшения, найденные в погребении 6 Выжумского могильника (головной убор, парные нагрудные подвески), отражают этнографический облик марийского костюма. Более того, бронзовые цепочки от головного убора, столь характерные для марийского периода IX–XI вв., в XII веке, как правило, не встречаются. Они обнаружены только в захоронениях женщин-«литейщиц», как основных хранительниц этнической традиции, что в первую очередь выражается через костюм и особенно через головной убор. Большинство украшений (рис. 2, 1, 7, 8) имеют ярко выраженную солярную символику.

В этнографической литературе неоднократно подчеркивалось, что «погребальные обряды сильно различаются по характеру и степени сложности в зависимости от того, кого именно хоронят. Обряды были обычно тем сложнее, чем более влиятельное положение в общине занимал покойник... При этом самое интересное для нас то, что обряды обезвреживания покойника, обряды, в которых проявляется страх перед ним, имели место по преимуществу как раз при погребении таких влиятельных лиц» [Токарев, 1990. С. 182]. В связи с этим обращает внимание неестественное положение кистей рук женщины из рассмотренного нами погребения. Известно, что одной из причин антропологического нарушения костяка является стремление обезвредить умершего. С эти же обрядом, вероятно, связано и переворачивание отдельных вещей (нагрудные и поясные украшения) в

погребении. Переворачивание предметов у многих народов традиционно практиковалось с целью обезопасить себя и своих близких от воздействия сверхъестественных сил [Толстой, 1990], в круг которых и входила деятельность женщин-«литейщиц». Аналогичные черты для обряда захоронений «литейщиц» были ранее отмечены неоднократно у муромы: п. 53 Чулковского и п. 93 Малышевского могильников [Никитина, Ефремова, 2012а. С. 343].

Стремление дистанцироваться от захороненной женщины, обладающей непонятной силой, выражается и через другие вещи. Железный топор (атрибут присущий не каждой женщине) положен под котел таким образом, что лезвие под уклоном воткнуто в землю и является, очевидно, отражением обряда запираания.

Интерес представляют находки пряслица (рис. 3, 1). Учитывая, что основным занятием этих мастериц было производство металлической нити (вышитые металлической нитью изделия обнаружены в изобилие в большинстве захоронений литейщиц) для украшения костюма [Никитина, Алибеков, 2012. С. 140-147], пряслице хорошо соответствует характеру производственной деятельности погребенных. В контексте марийских верований предметы, совершающее периодическое вращение, используются для возврата зла, что отражается в марийских заговорах [Калиев, 2003. С. 2003; Глухова, 1996. С. 27-28], и их наличие подчеркивает нестандартность захоронения. Прядение и вышивание в марийском мифотворчестве наделены сакральными свойствами и связаны с образами марийской богини «Юмынұдыр» как девы-пряжи и девы-вышивальщицы» (Калиев, 2003. С. 85-102).

Список литературы

Архипов Г.А. Марийцы XII–XIII веков (к этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1986. 115 с. ил.

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековой Предуралья в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ, 2008. 603 с.

Глухова Н.Н. Структура и стиль текстов марийских заговоров. Йошкар-Ола: б/и, 1996. 112 с.

Голубева Л.А. Женщины–литейщицы (Из истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. 1984. № 4. С. 75–89.

Железные кресала X–XIX вв. из коллекции Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир: Издание Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. 2010. С. 33–35.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

Калиев Ю.А. Мифологическое сознание мари. Феноменология традиционного мировосприятия. Йошка-Ола: МарГУ, 2003. 216 с.

Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. 216 с.

Никитина Т.Б., Алибеков С.Я. Древнемарийская вышивка по материалам Русенихинского могильника X–XI вв. (Междисциплинарный подход к изучению) // VIII

исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: (к 110-летию со дня рождения) /отв. ред. И.В.Толпеко. Омск: Амфора, 2012. С. 140–147.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Женщины-«литейщицы» из марийских захоронений X–XI вв. как носители этнической традиции //Труды Камской археолого-этнографической экспедиции /под общ. ред. А.М.Белавина. Вып. VIII. Пермь: ПГПУ, 2012а. С. 336–344.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Погребальный обряд комплексов с литейными принадлежностями из средневековых могильников IX–XII вв. Ветлужско-Вятского междуречья // ПА. 2012б. № 2. С. 146–165.

Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука, 1981. 296 с.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: Академия наук СССР, 1948. 803 с.

Савельева Э.А., Зеленский В.С. Хронология погребальных комплексов Бджыдьельского могильника // Памятники материальной культуры на Европейском северо-востоке. МАЕСВ. Вып. 10. Сыктывкар, 1986. С. 99–118.

Ступан Ю.С. Железные кресала из археологических коллекций Владимирского-Суздальского музея //Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 3. М.-СПБ, 2011. С. 193–200.

Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Издательство политической литературы, 1990. 622 с.

Толстой Н.И. Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балтославянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 119–127.

BURIAL OF WOMEN-"CASTLERS" OF THE VYZHUMSK CEMETERY OF XI – XIII CENTURY

Nikitina T.B.

Chief Researcher, State budget scientific institution "Mari Research Institute of language, literature, history, Yoshkar-Ola

Abstract: In the burials of the Vetluga and Vyatka interfluvium, associated with the Mari culture, burials with foundry accessories, which traditionally have been associated with the production activities of the women buried in them, stand out with distinct clarity. On the materials of Mari burials, the author of this article has repeatedly stressed that their functions were not limited to foundry, affecting not only the production, but also the spiritual sphere. The article published a new material which obtained during the excavations of the Vyzhumsk burial ground, allowing checking and supplementing the previously expressed observations about the special status of women "foundry women." The finds are of particular interest, since among them burials related to the 13th century and the closing chronological series of currently known burials with foundry accessories, were discovered.

Keywords: the Mari culture, Middle Ages, Vetluga and Vyatka interfluvium, foundrychitsy, craft, religious practice.

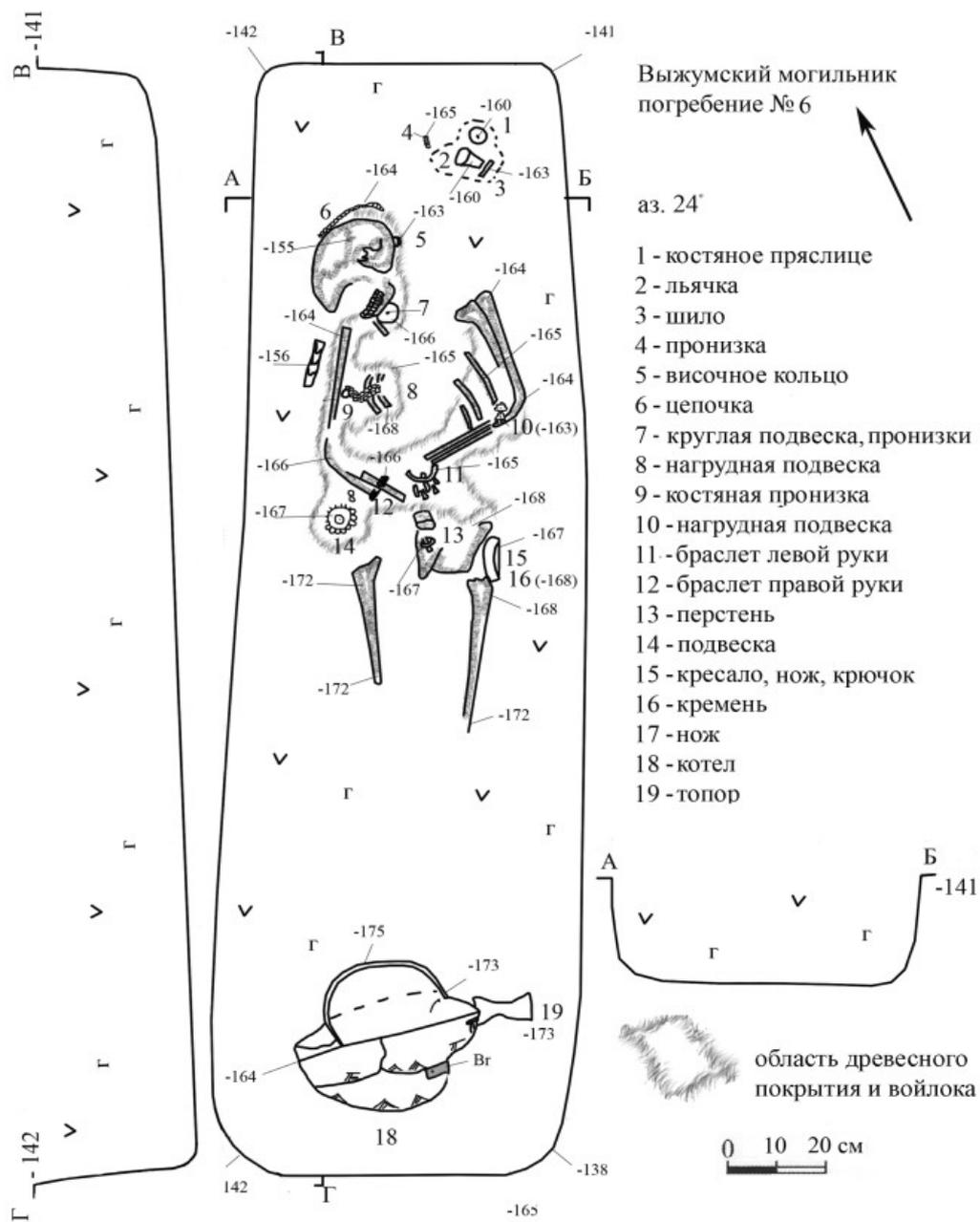

Рис. 1. План погребения 6 Выжумского могильника

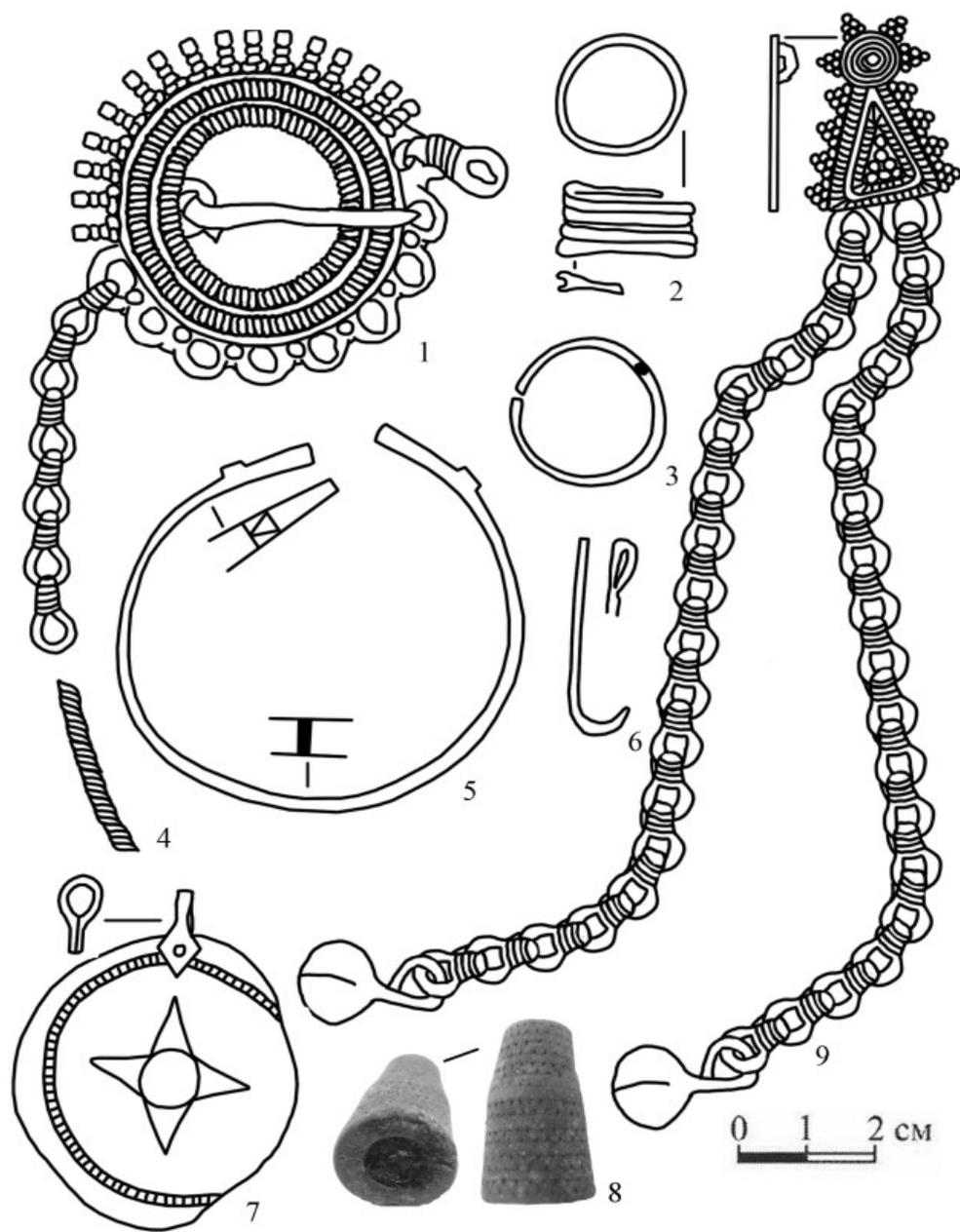

Рис. 2. Украшения из погребения 6 Выжумского могильника
1-7, 9 – цветной металл; 8 – кость.

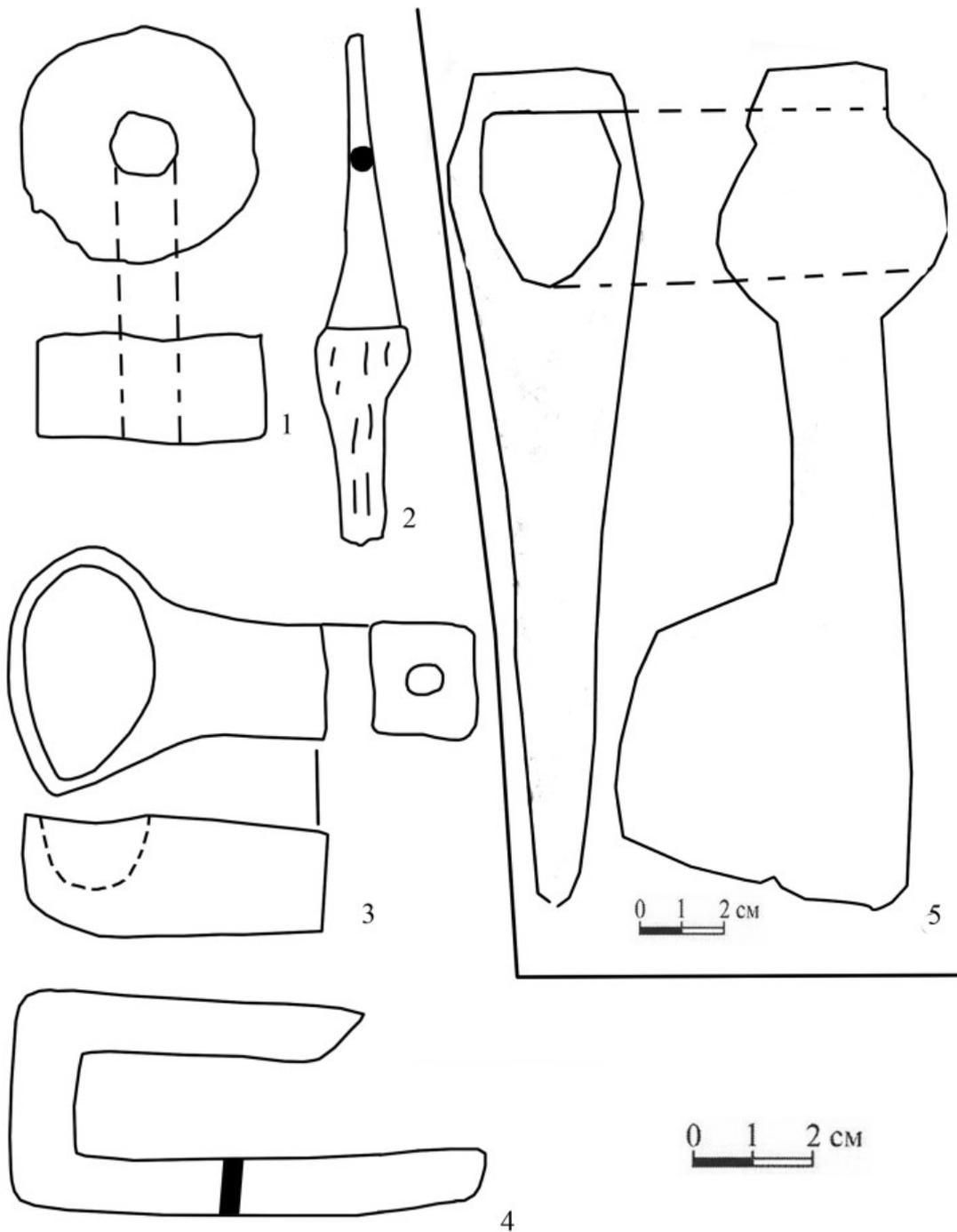

Рис. 3. Орудия труда из погребения 6 Выжумского могильника.
 1 – кость, 2 – дерево, железо; 3 – керамика, 4,5 – железо

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ДВУХ ТРАДИЦИЙ В ОФОРМЛЕНИИ
ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ ВЕНЦОВ
(НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ
КАРПАТО-БАЛКАНСКОГО РЕГИОНА)

© 2018 г. *Рябцева Светлана Станиславовна (sveta_earing@mail.ru)*
Институт культурного наследия АН Молдовы, Кишинев, Молдова

Аннотация: Для женских захоронений XII–XV вв., исследованных на территории Карпато-Подунавья, характерны находки венчиков, состоявших из тисненых серебряных или бронзовых пластинок, украшенных штампованным орнаментом, иногда в сочетании с эмалью. Тисненные бляшки комбинировались в венцах с металлическими пронизками, а также пастовыми бусинами. Бляшки от венцов, находимые Банате и Олтении заметно отличаются от происходящих из Румынской Молдовы и с территории Республики Молдова. Первая группа находок имеет аналогии в Хорватии, Боснии и Сербии. Вторая — в древностях юго-западных земель Древней Руси и Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: Карпато-Балканский регион, женские захоронения, венцы из тисненых бляшек

Важной деталью женского и девичьего средневекового головного убора являлись венцы, состоявшие из отдельных металлических деталей. В XII–XV вв. для женских захоронений, исследованных на территории Карпато-Подунавья характерны находки венчиков, состоявших из тисненых серебряных или бронзовых пластинок, украшенных штампованным орнаментом, иногда в сочетании с эмалью. Тисненные бляшки комбинировались в венцах с металлическими пронизками, а также пастовыми бусинами. При этом, бляшки от венцов, находимые Банате и Олтении заметно отличаются от таковых, происходящих из Румынской Молдовы и с территории Республики Молдова.

Для женских и детских погребений Баната и Олтении характерны венцы с квадратными или прямоугольными бляшками, декорированными одной или несколькими тисненными полусферами, расположенными в центре пластинки [Оța, 2007. Р. 117-156]. Рассмотрим данные находки.

В могильнике XII–XV вв. Куптоаре (жудец Караш-Северин, Румыния) в погребении 214 был обнаружен венец, составленный из двух рядов серебряных позолоченных полусферических бляшек (всего 16 экз.) и двух низок цилиндрических бляшек-пронизок [Teucu, 1998. Р. 267, 272; Оța, 2007. Р. 134]. В погребении 225 в налобной части черепа погребенной была расчищена фрагментированная диадема (5-6 серебряных позолоченных квадратных бляшек с выпуклой полусферой в средней части) (рис. 1, 1-3). В комплект головного убора кроме диадемы входили однобусинные серьги. По фрагменту диадемы было найдено и в погребениях 232 и 327 данного некрополя. Эти прямоугольные бляшки были декорированы двумя полусферическими выступами.

Несколько квадратных пластинок от венцов были обнаружены при раскопках некрополя, в Араче (Сербия), причем одна из них, весьма близка к бляшкам из Куптоаре. Эта

накладка украшена выпуклой полусферой в центре и пояском подпрямоугольных тисненых «ложных перлов» по краю. Две другие бляшки дополнительно декорированы стилизованным растительным орнаментом, крестообразно отходящим от центральной полусферы [Минић, 1996, С. 121, Т. I, 7,8; Оџа, 2007. Р.119] (рис. 1,6-8).

Кроме бляшек с одной полусферой, на территории Баната представлены изделия, декорированные несколькими полусферами или розетками. Так в погребении 4 могильника Николинц (жудец Караш-Северин, Румыния) 16 прямоугольных пластинок от диадемы были найдены совместно с фрагментами тканой основы украшения (рис.1,10-16). Причем 14 бляшек более крупные и декорированы тремя розетками, две, вероятно, концевые – двумя. Бляшки дополнительно украшены «ложными перлами». Узор расположен по краю, а также разделяет собой розетки [Оџа, 2007. Р.120].

В Румынии на территории Олтении фрагменты от венцов найдены в нескольких пунктах. Неподалеку от места находки клада 1929 г. в Гогошу (жудец Мехединци) была обнаружен венец, составленный из бляшек, выполненных в технике тиснения (эта находка, возможно, происходила из погребения) [Оџа, 2007. Р. 121]. Две бронзовые пластинки от венца были найдены при раскопках могильника Изымша (жудец Мехединци) [Dumitriu, 2001. Р. 126-127, taf. 11/3, fig. 92/3] Здесь в погребении XII–XIII вв. были найдены штампованные пластинки двух видов – квадратная, декорированная крестовидным орнаментом, располагавшаяся в основной части диадемы, и трапециевидная концевая. Обе пластинки объединены мотивами бордюра из «ложных перлов» по краю и линий аналогичных «перлов» по центру изделия, а также использованием округлых отверстий, подчеркивающих элемент крестообразного орнамента.

В погребении 3, относящемся к XIV в. могильника Островул Маре (жудец Мехединци) в захоронении девушки 16-18 лет на черепе погребенной были найдены тканые остатки от венца и семь прямоугольных серебряных позолоченных бляшек [Dumitriu, 2001. Taf. 37/27-33; Оџа, 2007. Р. 122, fig.2]. Бляшки декорированы тиснеными изображениями сдвоенных розеток и каймой из округлых «ложных перлов» по краю (рис. 1,17).

Фрагменты венцов наиболее часто находят в погребальных памятниках, где, найденные при костяках, они легко поддаются функциональной идентификации. Находки подобных пластинок на поселениях встречаются реже, атрибуция их затруднена, сходные изделия могут быть как деталями венчиков, так и одежными нашивками, ряд находок интерпретируется исследователями как поясные накладки.

Основной круг аналогий подобным венцам с выпуклыми полусферами и криновидным декором происходит с Балкан, в основном с территории Югославянских республик. Причем здесь найден и целый ряд матриц для тиснения пластинок, предназначенных для декорировки диадем, венцов и других типов одеяний. По всей видимости, для этого региона мы можем говорить о популярности использования в costume металлических пластинчатых нашивок. Подобные детали, нашитые на полоску ткани или кожи, носились в качестве налобных венчиков. Аналогичные накладки использовались для декорировки ворота и рукавов одеяния [Минић, 1996. С. 113]. Костюм с таким декором нашел свое отражение и в художественных произведениях. Изображение девушки в венце, собранном из отдельных прямоугольных пластин, нанесено на серебряную чашу XIV–XV

вв., найденную недалеко от Пирота (Сербия) [Ђоровић-Љубинковић, Милошевић, Татић-Ђуровић, 1969. С. 84, кат. 132]. В Сербии, в зоне Вршац в Капелин Брег были обнаружена двусторонняя матрица, предназначенная для тиснения пластинок для декорировки одежды и головного убора [Ђоровић-Љубинковић, Милошевић, Татић-Ђуровић, 1969. С. 84, кат. 132; Минић, 1996. С. 116, fig.2, 3]. Ряд негативов близок к бляшкам, обнаруженным в захоронениях могильников Куптоаре-Сфордеа, Шопоту Веке и Николинц в Румынии.

Рис. 1. Венцы XII–XIV вв.

1-3 – Куптоаре; 4 – Пятра Няц - Дэрмэнешть; 5 – Изымша (Румыния); 6-8 – Арача (Сербия); 9 – Дойна Гиров; 10-16 – Николинц – Рыпа Галбенаэ; 17 – Островул Маре; 18 – Жидосица (România); 19 – Любечевак (Сербия); 20-22 – Носа-Хинда (Воиволина); 23 – Республика Молдова; 24-26 – Хайдучка Воденица (Сербия) (1-18 по: [Oța/ 2007]; 19 по: [Radoslavliević-Krunic, 1986]; 20-22 по:[Станојев, 1989]; 23 – desenul autorului; 24-26 по: [Ерцеговић Павловић, 1986]).
Масштабы разные.

На территории Сербии найдено довольно большое количество прямоугольных и квадратных пластинок, декорированных полусферами в центре и псевдожемчужником по краю. Подобные пластинки найдены в Мирийво, Винча, Брестовике, Брзде Паланке, в Любичевац. На бляшках из Печи, Сибнице, Старее Павловца нанесены рельефные изображения кринов, птиц, грифонов [Минић, 1996. С. 115]. Одной из ранних является находка нескольких простых квадратных бляшек с одной полусферой в центре, происходящих из некрополя XII в. Брестовик [Ćorović-Ljblinković, 1956. S. 131 – 137, fig.4]. В погребении 63 некрополя Бело Брдо в окрестности Винча, существовавшего на протяжении XII–XIV вв., был обнаружен венчик, состоявший из 29 подобных квадратных бляшек с одной выпуклостью в центральной части. В состав головного убора входили также два однобусинных кольца с крупными круглыми бусинами с выделенной пояском скани средней частью [Ерцеговић Павловић, 1979. С. 279-282; Marjanović-Vujović, 1979. S. 211; Marjanović-Vujović, Tomić 1982. S. 59]. Сходные бляшки происходят из некрополя Кашич-Мастирини [Jelovina, 1963. T. LXIII/12]. Эти бляшки имеют аналогии среди найденных на территории Румынии в погребении 225 могильника Куптоаре.

Бляшки с несколькими объемными розетками, аналогичные найденным в Шопоту Веке, Николинц и Куптоаре (Румыния), были обнаружены в Сербии в окрестностях Винчи в Вайуга-Пешак (погр. 7), в Любичевац (погр. 27). В могильнике XII–XIII вв. Любичевац прямоугольные серебряные и серебряные с позолотой пластинки с двумя полусферами происходят из целого ряда погребений (№7, 22, 27) [Radossavljević-Kunic, 1986. S. 329-345]. Эти изделия могут быть датированы по сопутствующим инвентарю и монетам концом XII – началом XIII в.

В женских захоронениях некрополя XII – начала XV в. в Хайдучке Воденице под Текийе были найдены бляшки двух типов [Ерцеговић Павловић, 1979. С. 279-285; Ерцеговић Павловић, 1986. С.89, таб. IV]. В погребении 15, относящегося к XII–XIV вв. найдено 8 бляшек декорированных двумя полусферами [Vukmanović-Krunić, 1986. S. 328-341; Ерцеговић Павловић, 1979. С. 280, сл. 4]. Из погребения 2 происходит набор из 10 серебряных позолоченных тисненых пластинок, декорированных тремя полусферами и ложным жемчужником по краю (рис. 1, 24,25). Бляшки имеют по углам отверстия для нашивания. В этом захоронении пластинки с тремя выпуклостями использованы как украшение рукавов одеяния. По всей видимости, рукав в нижней части был достаточно широким, бляшки расположены длинной стороной параллельно его нижней кромке, в ряду по 3 нашивки. Бляшки той же формы в могильнике Брестовик служили для украшения огорлицы [Ерцеговић Павловић, 1979. С. 281, сл.2]. В погребении 11 был обнаружен серебряный позолоченный венец, составленный из квадратных пластинок, декорированных стилизованными растительными побегами. Вещи с подобным листом аканта относятся к XIV–XV в. [Ерцеговић Павловић, 1979. С. 280, сл. 3] (рис. 1, 26).

Бляшки с полусферой, обрамленной растительными побегами, аналогичные найденным в Араче, происходят из Носа-Хинда в Воеводине [Stanojev, 1989. S. 79- 83, fig. 427; 85, 86, fig. 448; Оџа, 2007. P.135] (рис. 1, 21,22). В Боснии известно три местонахождения фрагментов венцов XIII–XIV вв., происходящие из Грбореза, Арнаутовича, Бихача [Минић, 1996. С. 115]. Из Бикач в Воеводине происходит венец, относящийся предположительно к

XIII в., прямоугольные пластинки которого украшены тисненными изображениями крина, обрамленного у подножья розетками. По краю бляшек – кайма из жемчужника, крайние бляшки декорированы по центру изображением ромбов [Čremošnik, 1951. S. 256, tab. III, 7,8].

В Румынской Молдове только в 4 захоронениях могильника XIII–XIV вв. Дойна-Гиров (жудец Нямец) найдены венчики, составленные из пластинок с выпуклой средней частью [Spinei, Alexianu, Butnariu, 1985. P. 227-260; Oța, 2007. P. 222]. В других памятниках этого региона бляшки от венцов не имеют подобных выпуклостей в средней части. Здесь были распространены венцы других типов.

Прямоугольные бляшки от венцов с тисненым орнаментом найдены на этой территории в памятниках XIII–XIV вв. – в некрополях Худум, Извоаре и Трифешть, кроме того, сходные венцы находят и в захоронениях XIV–XV вв. – в Хлинча-Яссы, Нетези, Пятра Нямец [Vulpe, 1957. P. 324, fig. 341,3,4; Ionița, 1962. P. 737, fig.6; Spinei, Popovic, 1988. P. 243, fig. 4; Dumitriu, 2001. P. 23; Oța, 2007. P. 123-126]. Бляшки этих венцов украшены геометрическим, растительным или зооморфным орнаментом (рис. 2).

В могильнике Хлинча-Яссы в женском захоронении на черепе погребенной было найдено большое количество мелких бусин из кости и стекла, а также две серебряные позолоченные бляшки с изображением шагающего льва. Хвост животного оканчивается крином [Popescu, 1970. P. 20, 22, fig. 14].

На пяти серебряных позолоченных бляшках из погребения 35, раскопанного в могильнике Трифешть, изображена целая серия фантастических животных. В этом захоронении сохранилась и бусинная обнизь венца. В том же могильнике Трифешть (погребение 12), были найдены бляшки с декором в виде S-видных завитков [Spinei, 1986. P. 464, fig. 30/16-20] (рис. 2, 11-13,17,18). Из некрополя Извоаре (погребение 3) происходят бляшки с растительно-геометрическим узором [Vulpe, 1957. P. 324] (рис. 2,2).

Наибольшее количество деталей венцов известно из некрополей Худум. В могильнике Худум I фрагменты диадем были обнаружены в 10 захоронениях [Spinei, 1994. P. 464, fig. 30/24-29; Spinei, Popovic, 1988. P. 243, fig. 1, 4, 5; Oța, 2007. P. 123-126]. Как правило, в погребениях представлено по 2-4 экземпляра прямоугольных пластинок, выполненных из медного сплава, декорированных геометризованным S-видным орнаментом. В ряде случаев совместно с бляшками были найдены и бусы. Наиболее хорошо сохранился венчик из погребения 144. В этом захоронении присутствуют восемь серебряных пластинок от венца и фрагменты тканой основы (рис. 2, 1). В этом головном уборе бляшки, украшенные по центру изображением геометризованной розетки, перемежались с нитями бус, изготовленных из стеклянной пасты (сероватого, зеленого, желтого и голубого цвета). В некрополе Худум II бляшки от венцов были найдены в трех погребениях. В этом могильнике накладки находят в погребениях всего по несколько экземпляров. В захоронениях №150 и 169 представлены бронзовые бляшки с геометризованным и нечитаемым узором. В погребении 112 этого же некрополя было найдено 4 серебряных позолоченных бляшки с зооморфными изображениями.

В могильнике Нетези в погребении 58 был обнаружен венец из восьми серебряных пластинок, декорированных пальметообразным орнаментом [Bătrâna, Bătrâna, 1985. P. 309, 310, fig. 3-5; Oța, 2007. P. 125] (рис. 2,4). Четыре медные тисненные бляшки от венца были

обнаружены в погребении 5 могильника Вэрмынешть совместно с монетой эмиссии Петра Мушата (1375-1391) [Dumitriu, 2001. P. 23; Oța, 2007. P. 126].

С территории Республики Молдова нам пока не известны детали венцов, найденные в захоронениях. Две бляшки с профильными изображениями животных происходят из клада XV в. Кухурештий де Сус [Маркевич, Полевой, Финн, 1961. С. 75-111] (рис. 2, 35). Можно предположить подобное назначение и для недавно найденной бронзовой бляшки с тисненными розетками по углам, происходящей с позднесредневекового поселения, расположенного у с. Тарасова (район Резина) [Бурян, Дергачева, Рабинович, Тельнов, 2009. С. 204, рис.5] (рис. 2, 36).

Круг аналогий венцам, найденным на территории средневекового Молдавского княжества, происходит из памятников Восточной Европы. Причем здесь такие украшения встречены и в более ранних памятниках. Сходные венцы были типичны для верхнеднестровских грунтовых могильников, принадлежавших, вероятно, летописным хорватам. Эти находки датируются XI–XII вв. Три бронзовые бляшки от венца были найдены в Дровлянах, в Михалкове – 10 бляшек с тисненым орнаментом и отверстиями для крепления к материи. Возможно, служили для декорировки венца, а не пояса, и бляшки из Калиновщины [Седов, 1982. С. 128, табл. XXXI]. По размеру, характеру декора и способу крепления к основе они весьма близки к бляшкам венцов из Извоаре и Худума (рис.2, 19-25).

Венок из серебряных позолоченных тисненых бляшек с геометризованным узором был найден в погребении 13 практически безынвентарного христианского некрополя Новогрудка (рис. 2, 27,28). Матрицы для тиснения подобных бляшек были обнаружены на детинце Новогрудка в слое XII в. [Гуревич, 1983. С. 48-54, рис. 1]. Венцы из отдельных бляшек зачастую встречаются и в ятвяжских памятниках Белоруссии [Квятковская, 1998] (рис. 2, 29-31).

Сходные украшения известны и из древностей Литвы. Ценные сведения о составе и способах ношения подобных венцов предоставляют материалы из могильника конца XIII – конца XIV вв., раскопанного в Кернаве [Velius, 2001. S. 383-389]. Из 253 захоронений этого некрополя 29 погребений содержали головные венцы, собранные из тисненых бляшек. Бляшки крепились к тканым или кожаным основам, в четырех случаях основа венков была выполнена из металлизированных ниток (рис. 2, 26,33,34,38).

В погребениях этого могильника были найдены бляшки различной формы – прямоугольные (3 венка), квадратные (8 венков), треугольные (2 венка), пятиугольные (11 венков). Находка подобных украшений *in situ* дает представление об их размерах и способах ношения в уборе. Головные венцы прикрывали лоб и виски примерно на 1 см выше глазниц. Пластинки были обрамлены по краю мелким бисером, создавался эффект, близкий к тому, который был представлен, по всей видимости, на венце из Худум I. Как правило, пластинки располагались в венце в один ряд, в 5 случаях – в 2 ряда, в 1 – более чем в два. Наиболее часто подобные украшения встречены в захоронениях девочек и женщин. Возрастной диапазон погребенных с венцами колеблется в пределах 10 – 29 лет. Таким образом, эти сведения идут в разрез с весьма распространенным в исследовательской среде представлением о том, что венок – в основном девичий атрибут. В отдельных случаях венцы встречались и в захоронениях пожилых женщин.

Рис. 2. Венцы XII–XIV вв.

1, 11-15 – Худум; 2-3 – Извоаре; 4-6 – Нетези; 7, 17-18 – Трифешть (Румыния); 8-9 – Костешть (Республика Молдова); 10 – Сфыту Георге – Бедехаз; 16 – Хлинча – Яссы (Румыния); 19-25 – Калиновщина (Украина); 27-28 – Новогрудок; 29-31 – Вендовщина; 32 – Дворчаны (Белоруссия); 26, 33, 34, 38-39 – Кернава (Литва); 35 – Кухурештий де Сус; 36 – Тарасова (Республика Молдова); 37, 41 – Василев; 40 – Недобоивцы (Украина) (1 по: [Spinei, Popovici 1988]; 2-3 по: [Vulpe 1957]; 4-6 по: [L. Bătrâna, A. Bătrâna 1985]; 7, 11-13, 17-18 по: [Spinei 1984]; 15-16 по: [Popescu 1970]; 19-25 по: [Седов 1982]; 27-28 по: [Гуревич 1983]; 32 по: [Барвенова 2008]; 35 по: [Маркевич, Полевой, Финн 1961]; 26, 33, 38-39 по: [Velius 2001]; 29-31 по: [Квятковская 1998]; 37, 41 по: [Пивоваров 2006]; 40 по: [Мисько 2006]). Масштабы разные.

Все бляшки были изготовлены в технике тиснения, причем выделяются экземпляры, оттиснутые в одной матрице. Большинство встреченных изделий были выполнены из серебра и покрыты позолотой. Представлены также бляшки, изготовленные из серебра, бронзовые и бронзовые, покрытые оловом. В ряде случаев бляшки дополнительно украшали цветными вставками. Основным мотивом орнамента служил растительно-геометрический узор. Весьма популярен был сюжет древа и крина (в том числе и крина с перехватом). Интересна находка нескольких бляшек, украшенных изображением коронованного фантастического хищника кошачьей породы с процветшим хвостом [Velius, 2001. S. 383-389, fig.1-4) (рис. 2, 38). Эти бляшки имеют самые близкие аналогии среди находок из Трифешть, Ясс и Кухурештий.

В качестве наиболее близкой аналогии пластинке от венца из Тарасова в Молдове можно предложить квадратные пластинки из Василева (Украина), датируемые XII–XIII вв. На этих пластинках по пять выступающих розеток – четыре по углам и одна в центре (рис. 2, 37.41). На некоторых розетках сохранились пластинчатые подвески с окончанием «ласточкин хвост». Край пластинок гладкий или декорированный каймой из ложных перлов или рубчатым бортиком, по углам расположены отверстия для нашивания [Spinei, 1994. P. 454. fig. 20,12; Пивоваров, 2006. С. 224, рис. 47.1-3]. Подобная пластинка была открыта при раскопках Недоборовского городища в Хотинской обл. Украины [Мисько, 2006. С. 233, рис.1] (рис. 2, 40). Таким образом, в днестровском регионе существовал, по всей видимости, специфический тип венчиков, декорированных выступающими розетками, украшенными пластинчатыми подвесочками. Хотя момент декорировки этих пластинок тисненными розетками сближает их с находками из Олтении и Баната, однако схема размещения розеток здесь иная.

Таким образом, можно констатировать, что для памятников XII–XIV вв. регионов Олтении, Баната, Трансильвании, Хорватии, Боснии, Сербии характерны специфические типы женских головных венцов. Венцы составлялись из прямоугольных пластинок, декорированных одной, двумя или тремя тиснеными полусферами. В ряде случаев, композиция из трех выпуклостей повторена на одной бляшке трижды. Аналогичными выпуклыми полусферами зачастую украшают и более роскошные диадемы, происходящие здесь из кладов.

Другой тип венцов, характерный для этого региона, декорировался тисненым изображением кринов. Как правило, крины имеют перехваты в нижней части. Подобный орнамент имеет самые близкие аналогии на нашивных бляшках других форм, а также в декоре перстней этого периода [Stanojev, 1989. S. 83, fig. 425; Dumitriu, 2001. Taf. 87]. Подобный криновидный орнамент является, по всей видимости, достоянием интернационального европейского искусства эпохи готики. В целом можно говорить о своеобразном типе костюма, в котором сходные типы бляшек использовались для декорировки венцов, ворота, полочки и рукавов одеяния.

Бляшки от венцов, находимые на территории Молдавского княжества (Румынская Молдова и территория Республики Молдова) составляют другую типологическую группу, для которой характерен специфический растительно-геометрический и зооморфный узор,

они наиболее близки к изделиям, представленным в древностях юго-западных земель Древней Руси и материалах с территории Великого княжества Литовского.

Список литературы

- Барвенова Г.А. Тэкстыль сярэднявечча на землях Беларусі, Мінск, 2008.
- Бурян А.Н., Дергачева Л.В., Рабинович Р.А., Тельнов Н.П. Первые археологические исследования на поселении Тарасова (Молдова) // *Stratum plus*. 2009. №5. С. 199-215.
- Гуревич Ф.Д. Погребальные памятники жителей Новогрудка (конец X - 70-е годы XIII вв.) // *КСИА* 1983 № 175. С. 48-54.
- Ерцеговић Павловић С. Средњшвјековни накит од украсних плочица // *Зборник народног музеја Београд* 1979 № 9-10. С. 279-285.
- Ерцеговић Павловић С. Средњовјуковна насеља и некрополе у Бољетину и Хајдучкој Воденици. // *Ђердапске свеске I (Cahiers des Portes de Fer I)*, Београд, 1986.
- Квятковская А.В. Ятвяжские могильники Белоруссии (конец IX-XVII вв.), Вильнюс, 1998
- Маркевич В.И., Полевой Л.Л., Финн Ш.Р. Когурештский монетно-вещевой клад XV в. // *Труды ГИКМ*. 1961 № 1. С. 75-111.
- Минић Д. Украсне плочице из Врцалове Воденице код Руме // *Рад музеја Војводине*. Нови Сад 1995/1996. № 37-38 С. 113-121.
- Мисько Ю. Давньоруські прикраси з Недобоївського городища // *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. Львів 2006. Вип. 10. С. 233-236.
- Пивоваров С., *Середньовічне населення мижиріччя Верхнього Пруту та Середнього Дністра*. Чернівці: Зелена Буковина. 2006.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв., *Археология СССР*. Москва: Наука, 1982.
- Ђоровић-Љубинковић М., Милошевић Д., Татић-Ђуровић М. Средњшвјековна уметност у Србији. Београд, 1969.
- Bătrâna L., Bătrâna A. Reședința feudală de la Netezi (Jud. Neamț) // *SCIVA* 1985. №36, 4. P. 297-316.
- Ćorović-Ljebinković La nécropole slave de Brestovik // *Archeologia Jugoslavica* 1956. № 2. P. 131-137.
- Čremošnik I. Nalazi nakita u srednjevjekovnoj zbirci Zemlejskog muzeja u Sarajevu // *Glasnik Zemlejskog muzeja u Sarajevu* Sarajevo, 1951. №6. P. 241-270.
- Dumitriu L. *Der Mittelalterliche Schmuck des unteren Donaugebietes im 11-15. Jahrhundert*, București: MNIR, 2001.
- Ioniță I. Săpăturile de salvare de la Trifești // *MCA* 1962 №8. P. 733-739.
- Jelovina D. *Starorohrvatske nekropole*, Split, 1963.
- Marjanović-Vujović G. *Necropole médiévale Vinča*. Belgrad, 1979.
- Marjanović-Vujović G., Tomić G. *Jewellery on the Territory of Serbia. From Medieval Necropolises from 9th to the 15th Centuries*, Beograd, 1982,
- Oța S. Plăcuțe de diademă de pe teritoriul României (secolele XII-XV) // *SCIVA*. 2007. № 58, 1-2. P. 117-156.
- Popescu M. *Podoabe medievale în Țările Române*. București, 1970.

Radoslavliević-Krunić S. Une nécropole médiévale à Ljbičevac // Тердапске свеске III (Cahiers des Portes de Fer III), Beograd, 1986. P. 329-345.

Spinei V. Săpăturile de la Trifești (jud. Iași) // MCA, a XVI-a sesiune anuală de rapoarte, Vaslui, 1982, București, 1986. P. 237-242.

Spinei V. Moldova în secolele XI-XIV, Chișinău, 1994.

Spinei V., Alexianu M., Butnariu V. Săpăturile arheologice de la Doina - Girov din 1982-1983 // MemAntiq 1985. № 9-11. P. 227-260.

Spinei, Popovic, Spinei V., Popovici R. 1988, Săpăturile arheologice din necropola medievală de la Hudum (1987) // ArhMold 1988. №12. P. 233-247.

Stanojev N. Nekropolen aus dem 10-15. Jahrhundert in der Vojvodina. Katalog 1, Novi Sad, 1989.

Țeicu D. Banatul montan în evul mediu, Timișoara, 1998.

Velius G. XIII-XIV A. kernaves kapinyno apgalviai, Lietuvos archeologija, Vilnius, 2001. P. 383-389.

Vukmanović-Krunić M. Une nécropole médiévale à Ljubičenac // Cahiers des Portes de Fer 3. 1986. P. 328-341.

Vulpe R. Izvoarele, București, 1957.

THE TWO TRADITIONS IN THE DECORATION OF LATE MEDIEVAL WOMEN DIADEMS
(ON THE BASIS OF MATERIALS OF FUNERAL MONUMENTS OF THE CARPATHIAN-BALKAN
REGION)

Riabtceva S.S.

Chisinau, The Institute of cultural heritage, coordinator researcher

Abstract: For the female burials of the XII-XV centuries, investigated in the territory of the Carpathian-Danube region, are characteristic findings of diadems, consisting of embossed silver or bronze plates, decorated with stamped ornament, sometimes in combination with enamels. Embossed plaques can be used together with metal tubules, as well as paste beads. The plaques from the diadems, founded in Banate and Oltenia have a substantially different with the items from Romanian Moldova and the Republic of Moldova. The first group of finds has its analogies in Croatia, Bosnia and Serbia. The second is similar to the antiquities of the south-western lands of Ancient Russia and the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: Carpathian-Balkan region, women's burials, diadems made of embossed plaques.

ДЕТСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА-IV ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© 2018 г. Сенотрсова Полина Олеговна (Pollina1987@rambler.ru)
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Аннотация. Могильник Проспихинская Шивера-IV – опорный памятник развитого Средневековья для западной части южнотаежной зоны Средней Сибири. На памятнике зафиксированы костные останки как минимум 29 детей, которые отмечены как в индивидуальных, так и в коллективных погребениях. Детские захоронения располагались в одном могильном пространстве, вместе со взрослыми. Разницы в деталях погребального обряда, таких как особенности кремации, форма и размеры могильных ям, наличие надмогильных сооружений, между взрослыми и детскими захоронениями не выявлено. Предметы характерные только для детских погребений не выявлены, напротив, инвентарь в них имеет универсальный характер. В четырех погребениях этой группы вместе располагались нож, тесло, пронизки и нашивки, в трех отмечены разнотипные подвески. В исследуемом социуме дети достаточно рано социализировались, но не занимали в обществе какого-либо особого положения. На это указывает отсутствие ярко выраженных особенностей обрядности детских комплексов. Универсальный характер инвентаря, и характер погребального обряда (кремация) не позволяют выявить какие-либо гендерные маркеры для захоронений детей.

Ключевые слова: Сибирь, Нижнее Приангарье, Средневековье, антропология, погребальный обряд, половозрастная дифференциация.

Ввиду отсутствия письменных сведений погребальные памятники являются единственным источником для реконструкции половозрастной структуры средневековых обществ лесной полосы Сибири. Для обширной территории Нижнего Приангарья и бассейна Среднего Енисея исследование социальной структуры населения эпохи Средневековья долгое время было осложнено незначительным количеством выявленных погребений, большая часть из которых совершена по обряду трупосожжения на стороне. В ходе работ (2008–2012 гг.) Богучанской археологической экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН число погребальных комплексов начала II тыс. н.э. значительно возросло, что позволяет на новом уровне подойти к вопросам социальной организации аборигенного населения региона.

Реконструкция социальной структуры древних и средневековых обществ на основании археологических источников часто носит гипотетический и фрагментарный характер. Ограниченный характер могильников, как основы социологических построений, отмечался в отечественной науке неоднократно [Ольховский, 1995; Смирнов, Тендрякова, 1990]. Еще большие трудности возникают при работе с кремированными погребениями, для которых характерны плохая сохранность костных останков, а также деформация или даже фрагментарность сопроводительного инвентаря. На сегодняшний день общепринятая методика социологического анализа погребений с полным сожжением отсутствует [Бобров и

др., 2010. С. 7]. Данное обстоятельство дополнительно осложняется отсутствием информации об уровне культурно-исторического развития средневекового населения нижней Ангары. По сути дела, приходится сталкиваться с «уравнением с двумя неизвестными».

На сегодня Проспихинская Шивера-IV самый крупный известный некрополь эпохи развитого Средневековья в южнотаежной зоне Средней Сибири. Памятник располагался на правом берегу Ангары в 1 км выше устья р. Коды, сейчас это место затоплено водами Богучанского водохранилища. Здесь выявлено 87 погребений, содержащих около трех тысяч единиц предметов сопроводительного инвентаря [Мандрыка, Сенотрусова, 2018]. Все погребения некрополя типологически единообразны: это кремация на стороне с последующим помещением уже остывшего праха и инвентаря в неглубокие грунтовые ямы. Места сжигания тел не выявлены, но установлено, что кремация происходила на открытом огне, при этом тела находились на разных стадиях разложения. Проспихинская Шивера-IV это единственный некрополь региона, для которого были получены детальные антропологические определения.

Реконструкция типов социальных структур по материалам могильника Проспихинская Шивера-IV затруднена из-за плохой сохранности костных останков, наличия в одно могильной яме костей от нескольких индивидов, нарушения части погребений. Тем не менее, по имеющимся данным возможна характеристика как горизонтальных, так и вертикальных социальных структур. Определение места детей является важнейшей частью реконструируемой половозрастной структуры.

В результате антропологических исследований было установлено, что на могильнике Проспихинская Шивера-IV в 87 погребениях были захоронены останки как минимум 116 человек, среди которых 29 детей разного возраста (0–15 лет). Только 10 из них захоронены отдельно, в остальных случаях детские кости найдены вместе с останками взрослых в коллективных погребениях. Пол погребенных детей установить не удалось. Таким образом, к детским отнесено 25 % погребений могильника [Сенотрусова и др., 2014. С. 105].

Данная цифра не отражает реального соотношения детей и взрослых в исследуемом социуме, вероятно уровень детской смертности был выше. Можно предположить, что часть детей не хоронили на общем кладбище, или же похороны проходили по другому обряду, который не получил отражения в археологических материалах.

Планиграфический анализ размещения детских погребений в пространстве могильника показывает, что они не были обособлены от могил взрослых (рис. 1). Индивидуальные погребения детей тяготеют к северо-западной части некрополя, тогда как коллективные – к юго-восточной, что полностью соответствует размещению одиночных и коллективных захоронений взрослых индивидов. Эта особенность отражает скорее хронологические группы захоронений, в целом коллективные погребения более характерны для раннего этапа формирования могильника (XI–XII вв.) [Мандрыка, Сенотрусова, 2018].

Разницы в деталях погребального обряда, таких как особенности кремации, форма и размеры могильных ям, наличие надмогильных сооружений, между взрослыми и детскими захоронениями не выявлено. Следует отметить, что данное обстоятельство не согласуется с этнографическими данными по культуре коренных сибирских этносов, для которых

характерно особое отношение к умершим детям. У большинства из них эта категория мертвых воспринималась по-особому [Алексеевко, 1967, 1980; Лебедев, 1980; Грачев, 2010; Пелих, 1972; Грачева, 1983], что было связано с неопределенным статусом детей (особенно младенцев) и с не включенностью детей в жизнь общества.

Предметы характерные исключительно для детских погребений не выявлены, напротив, инвентарь в них имеет универсальный характер и он аналогичен находкам из «взрослых» захоронений. Разницы в составе сопроводительного инвентаря между индивидуальными погребениями детей группы *infantilis I* и *infantilis II* не выявлено. Характер костных останков не позволяет получить более точные результаты о возрасте погребенных на некрополе детей.

Чаще всего в детских погребениях отмечены орудия труда (ножи, тесла, кресала) и украшения (трубчатые пронизки, подвески, нашивки, детали поясной гарнитуры). Единичными находками представлены: застёжки, серьги, бусы, роговые ложки, миниатюрные керамические сосуды, пряжки, иглы, скребок, антропоморфное изображение, скоба. В четырех погребениях этой группы вместе располагались нож, тесло, пронизки и нашивки, в трех отмечены разнотипные подвески. Можно предположить, что это наиболее типичный для детских погребений набор инвентаря. Количество сопроводительного инвентаря в детских погребениях относительно невелико, реже встречаются дорогие и «престижные» изделия.

Исключения составляют погребение № 60, где отмечены детали поясного набора с серебряными элементами, и погребение № 10 и №28, где найдено оружие. В погребении № 10, в котором похоронен ребенок 9–10 лет, найдены две стрелы, две концевые накладки на кибить лука и Y-образный предмет. В другом погребении (№ 28) вместе с костями ребенка 4–5 лет были найдены наконечник копья, тесак, Y-образный предмет, концевые накладки на лук, а также оселок. Наличие в могилах оружия может быть связано с половой принадлежностью умерших детей (это мальчики?), либо с особым статусом их семей.

Особенностью могильника Проспихинская Шивера-IV является наличие коллективных захоронений взрослых и детей. Зафиксировано только одно погребение женщины и ребенка и восемь парных захоронений мужчины и ребенка. Среди последних выделяется четыре могилы, содержащие самые «престижные» и выразительные предметы сопроводительного инвентаря (поясные наборы, в том числе серебряные, оружие, украшения) среди всех погребений некрополя. Вопрос об особом статусе этой группы погребенных пока остается открытым.

Размещение могил детей и взрослых в одном пространстве и отсутствие специфических маркеров детских погребений сближают исследуемый могильник с западносибирскими памятниками начала II тыс. н.э. [Беликова, 1996. С. 112; Плетнева, 1997. С. 78; Молодин, Соловьев, 2004], и отличает от комплексов енисейских кыргызов, которые не кремировали тела детей и подростков [Худяков, 1992. С. 46].

По всей видимости, в развитом Средневековье в обществе южнотаежного населения Средней Сибири дети достаточно рано социализировались, и не занимали в социуме какого-либо особого положения. На это указывает отсутствие ярко выраженных особенностей обрядности детских погребений. Предметы инвентаря характерные исключительно для детей

на могильнике отсутствуют, возможно, что подобные маркеры были отражены в одежде или причёске, но характер представленных материалов не позволяет их проследить. Выявить гендерные особенности захоронений детей пока также нельзя.

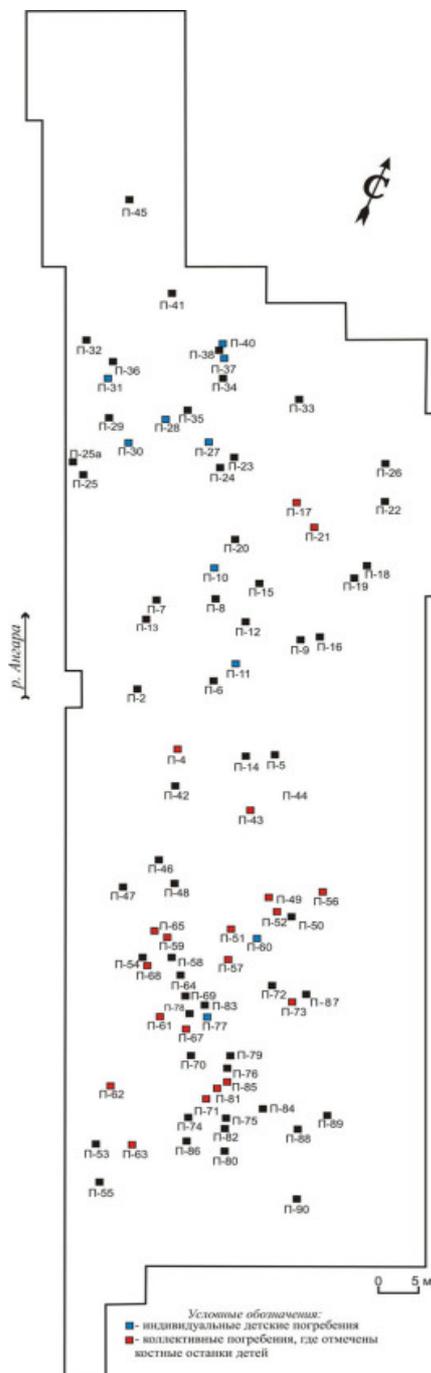

Рис. 1. План раскопа могильника Проспихинская Шивера-IV с указанием детских погребений.

В этой связи нужно сказать, что выделение детских погребений из общего массива захоронений по обряду трупосожжения наиболее обосновано с привлечением результатов

антропологических исследований. Без них какие-либо предположения о поле, возрасте погребенных и их количестве не правомерны.

Отсутствие антропологических определений для других погребальных комплексов и некрополей Нижнего Приангарья не дает возможности выявить на них погребения детей и проанализировать их особенности. В этой связи вопрос о том, насколько выводы, полученные по результатам анализа материалов с Проспихинской Шиверы-IV, характерны для региона в целом остается открытым.

Список литературы

Алексеев Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967. 262 с.

Алексеев Е.А. Кеты (похоронная обрядность) // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). М.: Наука, 1980. С. 159-165.

Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Том. ун-та., 1996. 272 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. Кемерово: ИНТ, 2010. 276 с.

Грачев И.А. Похоронные обряды хакасов в XVII – начале XX вв. // От бытия к инобытию: Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 302-331.

Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – начала XX в.). Л.: Наука, 1983. 176 с.

Лебедев В.В. Селькупы (похоронная обрядность) // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). М.: Наука, 1980. С. 154-158.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Культурная принадлежность памятников развитого средневековья Южно-таежной зоны Средней Сибири // Российская археология. 2018. № 2. С. 98-112.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т.2. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 184 с.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Советская археология. 1995. № 2. С. 85–98.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. 424 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Пошехонова О.Е. Особенности погребальной обрядности средневекового населения Северного Приангарья (по материалам могильника Проспихинская Шивера-IV) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1. С. 103-114.

Смирнов Ю.А., Тендрякова М.А. О роли обыденного сознания в археологической реконструкции: погребальный обряд. // КСИА. Вып. 201. С. 68-73.

Худяков Ю.С. Кыргызские могильники как объекты палеодемографического исследования // Историческая демография Сибири. Новосибирск: Наука, 1992. С. 41-56.

ЖЕНСКАЯ СУБКУЛЬТУРА В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА

© 2018 г. *СерEGIN Николай Николаевич (nikolay-seregin@mail.ru)*
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Аннотация: В статье представлены основные аспекты изучения женской субкультуры тюрок Алтае-Саянского региона. Основным источником стали женские захоронения раннесредневековых кочевников, изученные на обозначенной территории. В связи с высокой степенью унификации погребального обряда наиболее четким показателем, отличающим мужские и женские погребения, является состав сопроводительного инвентаря. Проведенный анализ имеющихся материалов позволил выделить четыре комплекса предметов, встречающихся в женских погребениях. Установлено, что погребальные памятники раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона демонстрируют наличие устойчивых гендерных стереотипов. Заключение об общем высоком статусе женщин в тюркском обществе, основанное на изучении археологических комплексов, подтверждено сведениями письменных источников.

Ключевые слова: женская субкультура, тюрки, Алтае-Саянский регион, раннее средневековье, погребальные комплексы, письменные источники

Традиционно считается, что центральной фигурой в социумах номадов раннего железного века и средневековья являлся мужчина-воин. Данное утверждение выглядит вполне логичным и подкреплено сведениями многочисленных археологических, этнографических, письменных, иконографических и других источников. Вместе с тем, в последние десятилетия стали появляться материалы, в свете которых такая картина гендерной истории представляется не столь однозначной. Введены в научный оборот и интерпретированы результаты раскопок целого ряда памятников скифо-сарматского периода, включавшие захоронения «выдающихся» женщин, которые, очевидно, занимали достаточно высокое место в обществе, а их социальная роль явно не ограничивалась ведением домашнего хозяйства [Полосьмак, 2001. С. 275–276, 279; Петренко, Маслов, Канторович, 2004; и др.]. Отмечено, что женские погребения этнографического времени, исследованные в различных районах Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, по составу сопроводительного инвентаря значительно «богаче» мужских [Дьяконова, 1975. С. 129; Кубарев, 2007. С. 296–297]. Имеются и другие примеры, свидетельствующие о гораздо более сложной картине социальных отношений в обществах номадов различных исторических периодов [Кильдюшева, 2005; Китова, 2005; Тутаркова, 2007; Белинская, 2009; Берсенева, 2011; и др.]. Решение многих дискуссионных вопросов в этом направлении связано с детальным исследованием конкретных социумов. При реконструкции особенностей гендерной истории раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона большое значение имеет анализ погребальных комплексов, весьма информативных для определения статуса представительниц слабого пола в кочевом обществе.

Отечественными археологами представлен ряд ценных наблюдений, связанных с изучением и интерпретацией женских захоронений тюрок Алтае-Саянского региона. При этом многими исследователями подчеркивалась высокая степень сходства погребений лиц обоих полов, различающихся лишь составом сопроводительного инвентаря [Евтюхова, Киселев, 1941. С. 100; Гаврилова, 1965. С. 28; Кубарев, 2005. С. 23; и др.]. Анализ наборов вещей из могил номадов второй половины I тыс. н.э. позволил Г.В. Длужневской [1976] обозначить категории находок, характерных для женских и мужских захоронений.

В связи с немногочисленностью женских погребений раннесредневековых тюрок, большое внимание исследователей привлекло изучение показателей, характерных для данных объектов. Д.Г. Савинов [1994. С. 148] обратил внимание на такую этнографическую особенность ряда женских погребений кочевников, как наличие в них устойчивого набора предметов, включающего зеркало, гребень и маленький ножик. В.Н. Третьякова [2000. С. 55] отметила, что на некоторых раннесредневековых некрополях, раскопанных в Минусинской котловине, могилы представительниц слабого пола определенным образом приурочены к курганам мужчин. Исследовательница подчеркнула однотипность погребений женщин и отсутствие ярких признаков подобных объектов. Схожие наблюдения приведены в совместной статье Ю.С. Худякова и К.Ы. Белинской [2006. С. 498–499]. Авторы публикации на материалах трех охарактеризованных женских захоронений раннесредневековых тюрок, обнаруженных в Монголии, пришли к выводу о том, что рассматриваемые объекты, по сравнению с мужскими могилами, отличаются меньшим разнообразием черт обряда.

Перспективы изучения женских погребений раннесредневековых тюрок Алтая обозначены в ряде публикаций К.Ы. Белинской [2007а–б, 2009]. По ее мнению, в материалах захоронений представительниц слабого пола не наблюдается социальной градации, и все объекты принадлежат рядовым членам общества номадов раннего средневековья [Белинская, 2007а. С. 147]. Подобную слабую дифференцированность обряда К.Ы. Белинская [2009. С. 10] объяснила отсутствием резкого противопоставления между представителями элиты и рядовыми кочевниками. В работах исследовательницы представлена характеристика женской погребальной обрядности на основе анализа материалов раскопок раннесредневековых памятников Алтая [Белинская, 2007б, 2009]. Судя по приведенным описаниям, всего ей было учтено более 20 захоронений. При этом остался неясным принцип определения половой принадлежности умерших из рассмотренных комплексов. К примеру, среди прочих объектов, к женским погребениям отнесена могила 12 некрополя Кудыргэ, в составе сопроводительного инвентаря которой зафиксированы остатки меча и колчана [Гаврилова, 1965. С. 25–26. Табл. XX]³⁰, а также несколько других захоронений, однозначное определение которых вызывает вопросы.

В целом, многие вопросы, связанные с изучением гендерных отношений в обществе раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона, остаются открытыми. Возможности их решения связаны, главным образом, с осуществлением системного анализа материалов раскопок погребальных комплексов.

³⁰ Самой А.А. Гавриловой [1965] могила 12 определена в одном месте как женская (С. 28), в другом – как мужская (С. 25).

В связи с высокой степенью унификации погребального обряда раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона, наиболее четким показателем, отличающим мужские и женские погребения, является состав сопроводительного инвентаря. Для выявления и конкретизации закономерностей в этом плане был проведен статистический анализ, который позволил обозначить степень распространения конкретных находок в могилах представительниц слабого пола [Серегин, 2013]. Выделены четыре комплекса предметов сопроводительного инвентаря, встречающихся в женских погребениях.

Первый комплекс составили вещи, характерные только для захоронений представительниц слабого пола. Показателями исключительно женских погребений являлись металлическое зеркало, обнаруженное в 13 (32,5%) могилах³¹, игольник – 5 (12,5%) и пряслице – 7 (17,5%). Предметы сопроводительного инвентаря, включенные во **второй комплекс**, характерны, преимущественно, для захоронений представительниц слабого пола, однако зафиксированы и в мужских могилах. К ним относятся серьги, обнаруженные в 20 (50%) погребениях женщин, другие украшения (бусы, подвески, кольца и др.) – 9 (22,5%), гребень – 7 (17,5%), а также украшения конского снаряжения – 13 (32,5%). **Третий комплекс** составили находки, встреченные в равной степени в мужских и женских захоронениях: фрагменты шелковой одежды, найденные в 8 (20%) захоронениях представительниц слабого пола, нож – 21 (52,5%), удила и псалии – 25 (62,5%), стремяна – 22 (55%), плеть или стек – 4 (10%). **Четвертый комплекс** предметов сопроводительного инвентаря представлен вещами, не характерными для погребений женщин. Главным образом, это предметы вооружения, маркирующие мужские могилы. Исключение представляют два захоронения представительниц слабого пола (5%) в которых обнаружены небольшие кинжалы. Кроме того, к четвертой группе находок относятся наборный пояс, встреченный в двух (5%) женских погребениях, а также металлический сосуд, китайские монеты и оселок, встреченные по одному разу (2,5%). Помимо предметов вооружения в могилах представительниц слабого пола не встречены тесло, котел и кочедык.

Таким образом, погребальные памятники раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона демонстрируют наличие устойчивых гендерных стереотипов. Отличие мужских и женских захоронений нашло отражение, в меньшей степени, в размерах погребальных сооружений, количестве сопровождавших человека лошадей, и, главным образом – в качественном составе сопроводительного инвентаря. Наиболее распространенными находками в погребениях представительниц слабого пола были украшения и предметы быта. Практически полностью отсутствовали изделия, связанные с демонстрацией власти в обществе номадов (вооружение, наборный пояс, котел). Не встречены также предметы, связанные с реализацией определенных хозяйственных занятий и отражающие, вероятно, существовавшую трудовую специализацию (тесло, кочедык, оселок).

Интерес представляют редкие отклонения от обозначенных гендерных стереотипов, зафиксированные в материалах некоторых женских погребений. В отдельных захоронениях

³¹ В одном из погребений тюркской культуры умерший, рядом с которым находилось металлическое зеркало, определен антропологом как мужчина [Грач, 1958; Алексеев, 1960. Табл. 3]. В этом случае возможна неточность из-за плохой сохранности черепа [Нестеров, 1999. С. 95]. С другой стороны, на принадлежность погребения мужчине указывает наличие таких предметов, как котел и тесло.

представительниц слабого пола обнаружены «мужские» предметы. Правдоподобным выглядит предположение о том, что такие вещи помещались в могилу для последующей передачи ранее умершему владельцу [Нестеров, 1999. С. 97]. Подтверждение данной интерпретации находим в этнографических материалах. Известно, что у многих кочевых народов Саяно-Алтая существовали представления о встрече родственников в загробном мире. Поэтому, к примеру, в ряде случаев в могилу вдовы клали кисет, предназначенный для передачи ее мужу [Дьяконова, 1975. С. 23, 44–45, 130–131]. Вероятно, похожие традиции были и у раннесредневековых тюрков. Именно так можно объяснить нетипичное расположение в женской могиле «мужского» наборного пояса, помещенного не на привычном месте, а у головы умершей [Гаврилова, 1965. С. 61].³²

Весьма вероятен и другой вариант интерпретации присутствия «мужских» предметов в женских погребениях. Имеющиеся материалы позволяют предположить, что такие вещи могли демонстрировать высокий прижизненный социальный статус умерших. В ряде случаев захоронения женщин, в составе инвентаря которых обнаружены нетипичные для представительниц слабого пола серебряный сосуд [Савинов, 1994. С. 118. Рис. 108–110], китайские монеты [Евтюхова, 1957. С. 212. Рис. 8], кинжал [Длужневская, 2000. С. 180. Рис. IV. 4], включали и другие «престижные» категории предметов. Таким образом, нарушение гендерных стереотипов при создании рассмотренных погребений было призвано подчеркнуть особое положение погребенных.

Дополнительные сведения об особенностях статуса женщин в тюркском обществе содержатся в письменных источниках. Справедливым представляется утверждение турецкого историка С. Максуди [2002. С. 276] о том, что положение женщин во многих социуме, в том числе и тюркском, находило отражение в статусе жен правителей. В письменных источниках неоднократно указывается на уважение и почтение, которым пользовались катун, а также мать кагана [Лю Маоцай, 2002. С. 70]. В надписи в честь Тоньюкука описана ситуация, в которой каган, находясь в военном походе, оставил войско чтобы вернуться домой и совершить «погребальные церемонии» над умершей женой [Малов, 1959. С. 68]. В другом памятнике рунической письменности «мать-катун» названа первой по знатности из женщин, находящихся в орде, спасенной Кюль-Тегинем от врагов [Малов, 1959. С. 42]. Имеется упоминание о том, что жена правителя державы тюрков принимала участие в «военных предприятиях» [Лю Маоцай, 2002. С. 40]. Судя по всему, весьма значимой была власть катун после смерти ее мужа и в периоды малолетства сына, выбранного каганом [Бичурин, 1950. С. 277].³³ В династических хрониках, в силу вполне понятных причин, неоднократно подчеркивается участие в политическом процессе китайских «царевен», выданных замуж за тюркских правителей [Бичурин, 1950. С. 240–241, 247; Лю Маоцай, 2002. С. 64; и др.].

Анализ письменных источников позволяет обозначить свидетельства различного социального статуса представительниц слабого пола в обществе кочевников. Согласно

³² Судя по всему, такие представления нашли отражение и в материалах детского погребения, исследованного на могильнике Мойгун-Тайга. В этом захоронении наборный пояс, никак не подходивший по размеру ребенку, был положен в стороне, сбоку от умершего [Грач, 1960. С. 32].

³³ Подобная ситуация отмечена при изучении политической истории кочевников монгольского времени [Крадин, Скрыникова, 2006. С. 84] и в целом является весьма распространенной.

сведениям китайских хроник, тюркские женщины могли относиться к конкретным рангам, что определяло их положение [Лю Маоцай, 2002. С. 70]. Порядок перечисления спасенных Кюль-Тегином родственниц в ситуации, описанной выше, также, судя по всему, был обусловлен их знатностью [Малов, 1959. С. 42].

Особый интерес представляют упоминания в династийных хрониках о женщинах, выполнявших определенные культовые функции. Описывая обычаи раннесредневековых тюрков, китайские авторы отметили, что «они почитают богов и духов и верят в заклинательниц и заклинателей злых духов» [Лю Маоцай, 2002. С. 23]. В биографии тюркского политического деятеля Аньлушаня имеется упоминание о его матери, которая «была волшебницей и жила предсказаниями» [Лю Маоцай, 2002. С. 97]. В частности, указывается на то, что женщина обращалась к богу войны, моля его о сыне [Лю Маоцай, 2002. С. 99]. Реконструкция культовой практики у центрально-азиатских тюрков раннего средневековья затруднена целым рядом обстоятельств и требует проведения специального исследования. Вместе с тем, из приведенных свидетельств письменных источников очевидно, что религиозная деятельность осуществлялась не только мужчинами, но и женщинами.

Представленные заключения согласуются с наблюдениями исследователей, изучавших различные общества кочевников Евразии и пришедших к выводу о высоком статусе женщин в кочевом социуме [Хазанов, 1975. С. 85–86; Китова, 2005; и др.]. Судя по всему, это отражает общие тенденции, характерные для скотоводов рассматриваемого региона в древности и раннем средневековье. Дальнейшее изучение социальной истории тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии второй половины I тыс. н.э. с привлечением письменных, этнографических и изобразительных материалов позволит более детально реконструировать различные аспекты гендерных отношений в обществе кочевников.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ («Алтай в эпоху Великого переселения народов и раннем средневековье: комплексное историко-археологическое исследование»), МК-6555.2018.6).

Список литературы

Алексеев В.П. Материалы к палеоантропологии Западной Тувы // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I. Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 284–312.

Белинская К.Ы. Археологические памятники древнетюркских женских захоронений Саяно-Алтая // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Новосибирск: НГПУ, 2007а. С. 146–148.

Белинская К.Ы. Классификация древнетюркских женских захоронений Горного Алтая // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2007б. Т. 6. Вып. 3: Археология и этнография. С. 199–204.

Белинская К.Ы. Изучение гендерных отношений и женской субкультуры древних тюрков Горного Алтая (по памятникам археологии) // Мир Евразии. 2009. №4(7). С. 6–11.

Берсенева Н.А. Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности? (по материалам саргатской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. №1 (14). С. 72–79.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 380 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Грач А.Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве // Советская этнография. 1958. №4. С. 18–34.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. I. С. 7–72.

Длужневская Г.В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. 1976. Вып. 21. С. 193–200.

Длужневская Г.В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк-II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 178–188.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. 1957. №2. С. 207–217.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып. 16. С. 75–117.

Кильдюшева А.А. К вопросу об интерпретации некоторых женских захоронений // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. I. С. 254–258.

Китова Л.Ю. К вопросу о семье и положении женщины у древних кочевников (диахронный срез) // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. I. С. 258–263.

Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 557 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В. Теленгитские погребения Южного Алтая // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2007. Т. XIII. С. 293–297.

Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюллетень Общества востоковедов. М.: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2002. 126 с. Прил. 1.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 198 с.

Нестеров С.П. Древнетюркские погребения у с. Батени // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 91–102.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М.: Изд-во ИА РАН, 2004. С. 179-210.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Савинов Д.Г. Древнетюркское время // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994а. С. 146–152.

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994б. С. 104-124.

Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право. Казань: Изд-во «Фэн», 2002. 412 с.

Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 206 с.

Третьякова В.Н. Женщина в древнетюркском обществе // Наследие древних и традиционных культур Северной и центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. Т. II. С. 54-56.

Тутаркова Н.В. Положение хакасской женщины в традиционном и современном обществе (XIX–XXI вв.): Автореф. дис. ... к.и.н. Томск, 2007. 22 с.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 343 с.

Худяков Ю.С., Белинская К.Б. Особенности женской погребальной обрядности древних тюрков на территории Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2006. Т. XII. Ч. 1. С. 497-500.

FEMALE SUBCULTURE IN THE FUNERAL RITE OF EARLY MEDIEVAL TURKS IN THE ALTAI-SAYAN REGION

N.N. Seregin

Altai State University, Barnaul

Leading Researcher, Laboratory of Interdisciplinary Archeology of Western Siberia and Altai

Abstract: The article presents the main aspects of studying the female subculture of the Turks in the Altai-Sayan region. The main source is the women's burial of early medieval nomads, studied in the designated area. Due to the high degree of unification of the burial rite, the clearest indicator distinguishing male and female burials is the composition of the accompanying inventory. The analysis of the available materials allowed us to identify four sets of objects found in women's burials. It has been established that the funerary monuments of the early medieval Turks of the Altai-Sayan region demonstrate the presence of persistent gender stereotypes. The conclusion about the general high status of women in Turkic society, based on the study of archaeological complexes, is confirmed by written sources.

Key words: female subculture, Turks, Altai-Sayan region, early Middle Ages, funerary complexes, written sources

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЛ ОГПУ – Археологическая лаборатория Оренбургского государственного педагогического университета
- АлтГТУ – Алтайский государственный технический университет
- АН РБ – Академия наук Республики Башкортостан
- АН СССР – Академия наук СССР
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитаж
- ВДИ – Вестник древней истории
- ВолГУ – Волгоградский государственный университет
- ГБНУ – Государственное бюджетное научное учреждение
- ГИКМ – Государственный Историко-Краеведческий Музей, Кишинев
- ГМИР – Государственный музей истории религии
- ГЭ – Государственный Эрмитаж
- ВГПИ – Воронежский государственный педагогический институт
- ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
- ИГАИМК – Известия государственной Академии истории материальной культуры
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- ИИЯЛ УФИЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
- ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения севера Сибирского отделения Российской Академии наук
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН, Москва
- МАЕСФ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
- МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук
- МГУ – Московский государственный университет
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- НГУ – Новосибирский государственный университет
- ОГПИ – Оренбургский государственный педагогический институт
- ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
- ПА – Поволжская археология
- ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
- РА – Российская археология
- РГУ – Российский государственный гуманитарный университет
- СА – Советская археология
- САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
- СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
- СамГУ – Самарский государственный университет
- СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской академии наук
- СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
- СЭ – Советская этнография

УАВ – Уфимский археологический вестник, г.Уфа
ФГБОУ ВО ОГПУ – Федеральное государственное образовательное учреждения высшего образования Оренбургский государственный педагогический университет.
ФГБУВПО «СПГУТД» – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна»
ФГБУН ИИЯЛ УНЦ РАН – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, языка и литературы Уфимского исследовательского центра Российской академии наук
ФИЦ УУХ СО РАН – Федеральный исследовательский центр угля и углекислоты Сибирского отделения Российской академии наук, г. Кемерово.
ЦИА ЗКО — Центральный исторический архив Западно-Казахстанской области, г. Уральск
ЧелГКМ — Челябинский государственный краеведческий музей
ЮУрГУ — Южно-Уральский Государственный университет, г. Челябинск
ArhMold – Arheologia Moldovei, Iași
MCA – Materiale și Cercetări Arheologice
MemAntiq – Memoria Antiquitatis, Piatra Neamț
MNIR – Muzeul Național de Istorie a României, București
SCIVA – Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie, București.
Stratum – Stratum Plus, Școala Antropologică Superioară, СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Каменный век

Д.А. Иванова, А.В. Табарев

Погребения в заброшенных жилищах: Специфика ритуальной практики в период среднего дзёмона, Центральная Япония.....3

Вл.А. Семенов

Мужские и женские символы в изобразительном искусстве Евразии9

Бронзовый век

И.П. Алаева

«Правши» и «левши» среди мастеров бронзового века Южного Зауралья.....16

Н.А. Берсенева

Отражение мужской идентичности в погребальных памятниках эпохи бронзы Южного Зауралья.....22

О.А. Кащей

«Солнцеликие» антропоморфные образы в наскальном искусстве Средней Азии: мужское и женское.....27

Е.В. Куприянова

«Мужская» и «женская» модель в погребальной обрядности бронзового века в Южном Зауралье.....33

В.К. Мерц, Э.Р. Усманова

Культ головы как гендерное условие в погребальном ритуале (на примере могильника Каратумсык, Павлодарское Прииртышье).....45

Я.В. Рафикова

Неодновременные парные погребения из алакульских могильников Южного Урала и Западного Казахстана.....51

С.В. Сотникова

Мужские погребения эпохи бронзы с астрагалами: Игра в кости как битва.....64

Э.Р. Усманова

Женщина эпохи бронзы: Мать, жрица, ткачиха (по материалам андроновских погребений памятников Лисаковской округи).....71

А.А. Файзуллин

Роль женщины в скотоводческом обществе населения ямной культуры.....80

А.И. Хаванский

Гендерные оппозиции синташтинского погребального обряда.....87

С.В. Шаранова, М.К. Карапетян, Е.А.Булакова

Биоархеология и возможности изучения гендерных аспектов (по материалам могильника эпохи бронзы Неплюевский).....94

Н.Б. Щербаков, И.А. Шутелева, Т.А. Леонова

Материалы биоархеологического анализа Казбуруновского археологического микрорайона как основа новой гендерной модели позднего бронзового века Южного Приуралья.....102

Ранний железный век

К. Алтынбеков, Э. К. Алтынбекова

Женские головные уборы на территории Казахстана (из опыта реставрации, реконструкции и актуализации).....109

П.В. Герман

Половозрастные индикаторы в раннетагарском обществе (по материалам одиночных погребений).....117

М.Е. Килуновская, П.М. Леус

Новые данные по социальной структуре населения Тувы в конце I тыс. до н.э.....126

М.Е. Килуновская, П.М. Леус, В.С. Бусова

Уникальные наборы предметов из женских погребений эпохи хунну на могильнике Терезин (Центральная Тува).....137

В.А. Кисель

Вещи «царской» четы из кургана Аржан-2 в Туве (стилистика и авторство).....143

Е.А. Купцов, Л.В. Купцова

О двух женских погребениях IV в. до н.э. из Оренбургской области.....150

А.И. Нечвалода, С.Л. Воробьева

Мужские и женские погребения носителей кара-абызской культуры по материалам Охлебининского могильника: Антропологические данные и погребальный костюм.....156

А.С. Проценко, Н.А. Заикина

Погребальный обряд детских погребений Шиповского могильника.....175

К.И. Ташбаева

Гендерные маркеры половых различий в погребениях могильника Баския-2 Внутреннего Тянь-Шаня, как отражение межэтнических контактов в гуннское время.....181

В.К. Фёдоров

Парные погребения у ранних кочевников Южного Урала V IV вв. до н.э.....188

Д.П. Шульга

Женские сопроводительные захоронения восточной и западной окраин скифского мира (на примере могильников Линшоу и Сары-Су-1).....203

С.А. Яценко

Женщины-воины у ранних кочевников: Социальный статус, экипировка и костюм.....207

Средневековье

А.И. Боброва

Отражение гендерных различий в погребальной практике населения Нарымского Приобья в XVII в.218

А.Л. Нестеркина

Проблема определения половой принадлежности захоронения в северной гробнице кургана *Хваннам дэчхон* (Корейский полуостров)225

Т.Б. Никитина

Захоронения женщин-«литейщиц» Выжумского могильника XI-XIII вв.231

С.С. Рябцева

К вопросу о выделении двух традиций в оформлении позднесредневековых женских головных венцов (на основе материалов погребальных памятников Крапато-Балканского региона)239

П.О. Сенотрусова

Детские захоронения могильника Проспихинская Шивера-IV: Возможности анализа и интерпретации249

Н.Н. Серегин

Женская субкультура в погребальной обрядности раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона254

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ261